

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

08

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2008 — 3(11)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА	3
К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО	
От главного редактора	4
Из переписки А. А. Фета с Л. Н. и С. А. Толстыми	5
Современники о Льве Николаевиче Толстом:	
Биография из словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона	14
Виктория Ткач. Встреча в Ясной Поляне (В. В. Вересаев о Л. Н. Толстом)	15
Виктор Пахомов. Толстой	19
Николай Минаков. Толстой и Пушкин	20
Геннадий Маркин. Встреча. Не стать хуже	27
Елена Яценко. Толстой хлопнул дверью так, что услышал весь мир	36
Лев Толстой в образах современной поэзии:	
Михаил Поликарпов, Николай Дружков, Вера Свиридова, Леонид Адрианов, Владимир Сапожников, Людмила Стаханова, Сергей Галкин	39
ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА	
Наталья Парьгина. Дружинин	44
Ольга Бугримова. Кожеуров. Тельняшка. Вареный сахар. Сюняга	54
Александр Евсюков. На мосту. Огонь. О людях-пластинках	62
Алексей Яшин. Новые рассказы Николая Андреевича:	
Моцарт и Сальери. Русише спирт ист зер гут! Получи, фашист, гранату	67
Рудольф Артамонов. Скрипка Зунделя	91
ПОЭЗИЯ	
Владимир Сапожников. <i>Personalia</i>	96
Ирина Пархоменко. <i>Personalia</i>	102
Александр Хадарцев	107
Алексей Скарёдов	110
<u>Юрий Коняхин</u>	114
Евгений Трещев	118
Елена Березова	122
Олег Сенин	127
Галина Винокурова	130
Валерий Демидов	133

Валентина Никитина	136
Олег Емельянов	140
Владимир Кидалов	143
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ	
Тульское областное литобъединение «Пегас»:	
Ольга Нацаренус, Анатолий Новиков, Елена Серегина, Эдуард Георгиевский	146
ОХОТА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	
Борис Голев. Вальдшнеп в Тульской области. Августовские зори	157
ПУБЛИЦИСТИКА. МЕМУАРЫ	
Ида Соболева. Девочка и война. Второе рождение Тульской областной больницы	172
Николай Макаров. Записки батальонного врача	184
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Алексей Логунов. Святые и праведники Тульского края	194
Владимир Суворов. Стихи	205
МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	
Виктор Греков. На рубеже столетий (Белевский художественно-краеведческий музей) ИЗ ИСТОРИИ ТУЛЬСКИХ ЗАВОДОВ И ФАБРИК	214
Евгений Воропаев. ТОЗ в эвакуации	218
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Ирина Кедрова. О душе, литературе и критике	233
Владимир Сапожников. Судьба русского писателя в его книгах	243
Николай Боев. Плач по Высоцкому (с предисловием ведущего рубрики)	244
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА	
Алексей Третьяков. Периодизация творчества Льва Толстого с позиций гуманистической психологии	280
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	288

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Внимание читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
 Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину; e-mail: niinmt@mednet.com; тел.: (4872)33-22-09

Главный редактор Алексей ЯШИН

Первый зам. главного редактора Виктор Пахомов

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
 Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
 Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ
 (Сокольники — Новомосковск)
 Валерий МАСЛОВ — председатель
 Межрегионального союза писателей
 Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора
 Олег ПАНТЮХИН
 Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
 Наталия ПАРЫГИНА
 Владимир САПОЖНИКОВ
 Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
 Александр ХАДАРЦЕВ
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
 Академии российской литературы
 Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
 Тульская писательская организация Союза
 писателей России
 Тульский государственный университет
 (ректор М. В. Грязев)

*Полный текст журнала публикуется
 в электронном виде на сайте интер-
 нета: www.medtsu.tula.ru*

© «Приокские зори», 2008

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Идет четвертый год планомерно-периодического издания нашего журнала. За прошедшее время издание стало подлинно межрегиональным, получило всероссийскую известность, тираж увеличился в пять раз, непрерывно возрастает качество публикуемых произведений. Через библиотечную сеть и сайт www.medsu.tula.ru журнал стал доступен как любому читателю в России, так и всем читающим по-русски в мире.

Редколлегия постоянно работает над улучшением качества публикаций и совершенствует структуру журнала. Как отметила в своей публикации «Литературная газета», у «Приокских зорь» уже имеется «свое лицо», только ему и присущее... Спасибо на добром слове!

В части совершенствования структуры наиглавнейшими нововведениями конца 2007 — начала 2008-го гг. полагаем практику издания тематических номеров (№ 4, 2007 и №№ 1, 3, 2008) и введение, начиная с предыдущего выпуска, рубрики «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников». Обоснование последнего см. в предисловии к данной рубрике.

Литераторам из числа наших авторов пришла по душе идея издания своих книг под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори». Спасибо им. Надеемся на приумножение «Библиотеки» количеством и качеством.

...Сейчас время осеннее: отпуска, отдых, располагающая к душевной расслабленности жара — на фоне не очень комфортного климата наших среднерусских мест, закончились. Что ж, хорошо отдохнув, можно и нужно поработать. А что пожелать нашим читателям и авторам? Первым — прочитать (или перечитать) вышедшие номера «Приокских зорь», а вторым — поделиться своей личной «болдинской осенью», ибо основная цель писателя: самовыражение во благо всеобщей духовности.

И еще одна убедительная просьба к авторам журнала: пожалуйста, отсылая материал в редакцию, ознакомьтесь с правилами подготовки рукописей (см. 4-ю стр. обложки): обязательно предоставляйте файл на дискете (CD) и 2 экз. распечатки; фото и автобиографическая справка — обязательны!

«И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (От Марка; 16, 15).

Настоящий номер журнала относится к числу тематических, посвящен 180-летию со дня рождения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Планируются и другие тематические номера, посвященные заметным датам и событиям. В частности, № 1, 2009 будет посвящен 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. ...И уповаем на помощь Тульского госуниверситета — единственного, кто нас поддерживает материально.

Редколлегия журнала «Приокские зори»

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

О Льве Николаевиче Толстом написано много и обстоятельно. И в нашем журнале этот номер — тематический, посвященный очередной юбилейной дате великого русского писателя. В подборке помещены материалы о нашем земляке, а в рубрике «Литературная учеба» — на ту же тему литературоведческое исследование. Надеемся, что читатели «Приокских зорь» со вниманием прочтут «толстовские материалы», а кто-то узнает новое для него из фактов и событий долгой творческой жизни Толстого. Ведь писатель и общественно-литературный деятель масштаба великого яснополянского мудреца никого не может оставить равнодушным.

По принятой у нас традиции (см. «Приокские зори», № 1, 2008) тематический номер открывается одним из произведений юбиляра. У Горького — это, несомненно, «Песня о Буревестнике».

Сложнее выбрать наиболее характерное из наследия Л. Н. Толстого, даже по формально-печатным характеристикам занимающего под сотню томов большого формата (Юбилейное полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 тт., М., 1928—1961 гг.). Именно поэтому редколлегия решила открыть юбилейный раздел перепиской А. А. Фета с Л. Н. и С. А. Толстыми. Ведь духовно ближе Толстому человека, чем Афанасий Афанасьевич Фет, не было. Важно здесь и мнение Софьи Андреевны, ибо в переписке речь идет исключительно о ее гениальном муже.

Заканчивая это краткое предуведомление, укажем, что предисловие к переписке и ее составление мы взяли из книги Н. П. Пузина и Т. Н. Архангельской «Вокруг Толстого» (Тула, Приокское книжное изд-во, 1982, С. 18—41).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. А. ФЕТА С Л. Н. И С. А. ТОЛСТЫМИ

На вопрос биографа Льва Толстого — П. И. Бирюкова, чем была вызвана его близость к А. А. Фету, Толстой ответил, что, «кроме истинного поэтического дарования», его привлекла к Фету «искренность его характера. Он никогда не притворялся и не лицемерил, что у него было на душе, то и выходило наружу».

Через всю свою жизнь Толстой пронес любовь к поэзии Фета, помнил и ценил его как «настоящего поэта». В яснополянской библиотеке книг Фета сохранилось больше, чем других изданий писателей современников. На многих из них оригинальные дарственные надписи Толстому и его звене. Вот некоторые:

Фет А. Вечерние огни. М., 1883 /переплетены вместе три выпуска/.

Вып. I. На обложке надпись: «Неувядаемой Графине Софье Андреевне Толстой. Автор».

Вып. II. На обложке надпись: «Графине Софье Андреевне Толстой старый ее почитатель». На обороте второго листа рукою Фета написано:

*«Когда стоюй слегка усталой
Зайдете в брошенный цветник,
Где под травой одичалой
Цветок подавленный притник,
Скажите: «Давнею порою
Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».*

Вып. III. На обложке надпись: «Графине Софье Андреевне Толстой на память от старейшего и преданного ее почитателя».

Катгул. Стихотворения. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. На обложке надпись: «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик».

Тибулл. Элегии. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. На обложке надпись: «Пастырю Графу Льву Николаевичу Толстому, дар вечного ребенка Купидона».

Шопенгауэр Артур. О четверном корне закона достаточного основания... Перевод А. Фета, М., 1886. На обложке надписи: «Графу Льву Николаевичу Толстому от старинного его почитателя»; «Как бы далеко не расходились оконечности змеи истины, если она живая, то непременно укусит свой хвост. Переводчик».

Фет. А. Вечерние огни. Вып. IV. М., 1891. На обложке надпись: «Своему идеалу Графине Софье Андреевне Толстой — старый ее певец».

Толстой в разные годы читал и перечитывал стихотворения и переводы Фета, делая отметки на полях и в тексте.

Начиная с 1858 г. между Л. Н. Толстым и А. А. Фетом идет оживленная переписка. Их знакомство перерастает в дружбу, которая продолжается без малого четверть века, достигая в 1860—70-х годах наибольшего расцвета. В своих письмах и при личных встречах они затрагивают важнейшие вопросы современной жизни, искусства, литературы, философия, делятся душевными настроениями, сообщают друг другу домашние новости. В их письмах зачастую звучат каламбуры, шутки. Они беседуют о хозяйстве и коннозаводстве.

Почти ежегодно направляясь из своего имения в Москву, Фет с женой стремятся заглянуть в «очарованный замок Ясной Поляны». В свою очередь Толстой бывает у Фета в его имениях: Новоселках, Степановке, Воробьевке, встречается с ним часто в Москве.

В течение всей своей жизни Фет был горячим поклонником художественного гения Толстого, с восторгом отзывался о его произведениях. Толстой также очень до-

рожит мнением Фета: «...Вы по душе мне один из самых близких»,— пишет он Фету и мае 1860 г. В другом письме того же года мы читаем: «Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, т.е. моем писании,— дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас у меня никого нет... Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых, и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого*, будет сыт человек».

Лирика Фета приводила Толстого в восхищение. И для Фета мнение Толстого о его поэзии было важно,— он постоянно посылает ему на суд вновь написанные стихотворения, с нетерпением ждет отзывов о них. 31 января 1878 г. он пишет Толстому и его жене: «... Вы — оба — моя критика и публика, и не ведаю другой».

Отвечая на присланное Фетом письмо от 3 февраля 1879 г. со стихотворением «А. Л. Брежской» /«Далекий друг; пойми мои рыдания»/, Толстой пишет: «Это вполне прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек... то и этот кусочек доставят в музей и по нем будут учиться».

Ниже впервые публикуются письма А.А.Фета к Толстому от 21 ноября 1877 г. и к С. А. Толстой — от 11 августа 1886 г., 11 августа 1888 г. и 14 сентября 1891 г. Они еще раз напоминают нам о той большой, долголетней дружбе, которая, несмотря на идейные расхождения и различия в мировоззрении, соединяла обоих писателей. Письма Фета сохраняют живые черты его характера, его острые, а подчас и парадоксальные мысли, в них всегда чувствуется глубина и оригинальность суждения.

Нельзя также не сказать и о том уважении, которое Фет питал к С. А. Толстой. Их переписка и публикуемые здесь письма проливают дополнительный свет на взаимоотношения Толстого с поэтом-современником.

Все публикуемые письма хранятся
в отделе рукописей Государственного
музея Л. Н. Толстого в Москве.

А. А. ФЕТ — Л. Н. ТОЛСТОМУ

Моск.-Курск. ж. д.
Полустанок Еропкино.
21 ноября (1877)

Дорогой, потому что единственный, и единственный, потому что дорогой, друг Лев Николаевич!

Если эти строки раздражают Вас как присутствие постороннего, когда ни до кого нет дела, бросьте их прямо в огонь.

Мне кажется, что я Вас знаю лучше, чем себя и лучше других. Что вы не боитесь пушек и медведей, это мы все знаем. Еще вчера, ходя по комнате и думая о Вас, я говорил себе: если бы мне пришлось писать эпитафию этому человеку, я бы написал как древний египтянин: «Я всегда любил одно хорошее, я никогда даже не помышлял ничего злого. Я чист, я чист, я чист».

Знаю, что чем тоньше дух человека, тем обнаженнее он всяким душевным дуновением. Из всех моих стихов я чуть не ежедневно повторяю один:

«Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет».

Но ведь есть на вес мера. Надо себя брать в руки. Еще несколько дней терпения — и Бог даст все обойдется благополучно.

В такое время мы с женой и не помышляем заезжать к Вам. Не знаю Вы или я виновны в ошибке. Я говорил со слов графини Софьи Андреевны, которая просила

меня привезти жену к 20 декабря, прибавив «к тому времени, я Бог даст, буду молодцом». А у Вас в письмах декабрь превратился в ноябрь, а мы едем в Москву только к 20 декабря.

Крепитесь — и когда сами успокоитесь окончательно, успокойте и меня хоть строчкой.

Ваш Фет.

А. А. ФЕТ — С. А. ТОЛСТОЙ

11 августа 1886 г.
Моск.-Курск. ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

Дорогая Графиня Софья Андреевна,
Слова Пушкина:

*«Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно: чтоб ты мною
Окружена была...»*

я мысленно влагаю в уста Льва Николаевича с обращением ко мне. Действительно, продолжая медленно читать ежедневно его сочинения, мы с женой окружены постоянно его заслуженною славой. Невозможно его избежать. Сколько раз, ложась вечером в постель, я, при заметно увеличивающемся упадке сил, сижу, спустя ноги с кровати и под влиянием Ивана Ильича думаю: вот, если кто теперь увидит меня, то подумает, что старик задумался над каким-то важным вопросом, тогда как, в сущности, я выбираю более «подходящий момент собраться с силами и взбросить свои ноги на тюфяк. Страхов весьма подробно описал свое пребывание у Вас и все Ваши полевые затеи, но, к сожалению, окончил известием, что Вы себя не совсем хорошо чувствовали. Надеюсь, что в Ваши годы нездоровье не то, что в мои.

Еще сегодня в Карениной меня поразила верная мысль, что у мужчины есть моменты в жизни, к которым вся предшествующая жизнь есть как бы приготовление /Лев Николаевич под медведем/. Я готов расширить эту мысль, сказавши, что наша будничная жизнь есть приготовление к высоким моментам; но там же прекрасно сказано, что кататься в лодке приятно и красиво, но направлять ее на веслах заботливо и трудно. Показывать Вам свои мозоли от весел я не имею никакого права, а хвастать веселой улыбкой, производимой катанием по реке жизни, не могу, так как никакой улыбки нет, и приходится молчать, потому что «одежды не имам, да вниду вонь».

Художественное наслаждение, доставляемое произведениями Л. Н., состоит в том, что читатель видит, как в запутанном вязании жизни он ловко и верно подымает на спицы одну петлю за другою. Не беда, если петля иногда расколота спицей или надета навыворот, но оне все тут рядком, как бисер, и этим кончается художественная задача. Читателю представляется самому довязать чулок по собственной ноге, и вот я, лишенный слабостию зрения возможности работать самобытно, вместо того, чтобы диктовать свои мемуары, думаю надвизывать художественный чулок Льва Николаевича, хотя бы синими витками. Потрудиться есть над чем; там художественно подняты все петли, из которых слагается человеческая жизнь. Я бы желал слышать совершенно откровенное мнение Ваше насчет подобной мысли.

Дожди совершенно нас залили и едва не лишили окончательно того скудного урожая, о котором и говорить неприлично, зато нас завалили рыбой, раками и чирятами.

Если мне не удастся отыскать для себя интересную умственную работу, для которой глаза не нужны, то положение мое будет в высшей степени плачевно. Нельзя

век слушать чтение. Нельзя произвольно сделаться девятистолетним отцом нашего кучера Афанасия, который исправно ест, пьет и спит и ежедневно с огромнейшей удочкой проходит к реке, но никогда не поймал ни одного пескаря.

По своему обычаю, мы 1-го октября думаем уже быть на Плющихе, где я тотчас же примусь печатать, сегодня оконченные, Превращения Овидия, но когда Вы приметесь за 8-ми рублевое издание Л. Н., мне неизвестно.

Примите и передайте Льву Николаевичу и всем милым Вашим наши общие с женой усердные приветствия.

Искренне преданный Вам
А. Шеншин.

Если Татьяна Андреевна еще у Вас, то передайте и ей наши глубокие поклоны и скажите, что в начале ноября я собираюсь в Питер и к ним.

Тургенев как-то сказал мне истину, которую я часто вспоминаю: что в нашей реальной жизни нигде нет ни черного, ни белого, а всегда бело-черное. Это по отношению к миру духовному или отвлеченному готов добавить так: разум каждого человека имеет способность делать несомненно белый и несомненно черный ящик, как в баллотировочном, но воля человека кладет один и тот же шар направо и налево, отчего шар кладущего становится, несомненно белым или черным, хотя точно такой же шар положен следом идущим в противоположный ящик с одинаковым убеждением касательно его цвета.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ

15-го августа 1886 г.

Передо мной Ваше письмо, многоуважаемый и милый Афанасий Афанасьевич, и в нем столько мыслей, столько всякого умственного блеска, что я не знаю, на что и отвечать; — особенно теперь, усталая, огорченная и полубольная, весь свет *моей* мысли потух.

Проболела сама 8 недель, из которых 4 я лежала, сижу теперь 11-й день у постели Льва Николаевича. Он нас ужасно напугал; началось с жара в 40°, и рвоты и боли в ноге. Жар все время не проходит; на ноге язва, нарыв и рожа. Он страшно страдал, исхудал и ослаб. Видя, что дело плохо, я собрала свои последние физические и нравственные силы и поехала в Москву за своим доктором, которого и привезла. В течение одних суток он сделал большую пользу: совсем другие приемы, чем у тульских докторов. Какая точность, ясность и несомненность во всех действиях! Теперь дело пошло, кажется, на поправку, но пролежит еще недели две.

Он с большим удовольствием прочел письмо Ваше и просил даже местами перечитать. Не всем нам не ясна, в чем ваша задуманная мысль: *надвязывать синими нитками начатый Львом Николаевичем чулок*. Во всяком случае если один умный человек дополняет своими мыслями, в каких бы то ни было формах, или поясняет другого, то ничего, кроме хорошего, из этого выйти не может. Лев Николаевич в постели читал эти дни Шиллера в русских, разных переводах. Он говорил, что только Ваша хороши и Жуковского, некоторые, и что если Вы ищете и желаете умственной работы, то вот лучшее, что Вы можете и должны сделать (так как *Вы один* это можете) — перевести все, что перевели не Вы, и издать исключительно Ваш перевод.

Улыбка жизни и нам изменила; очень грустно и уныло в Ясной Поляне. Но я уже ищу не там эту улыбку, где искала ее прежде.

Теперь когда все здорово и спокойно, тогда я радуюсь. Радуюсь общению с теми

немногими людьми, которых люблю; радуюсь письму Вашему, радую я. Природе и миру в своей душе, когда редко, редко нахожу его. Мозоли те же, кого люблю, мне не скучно смотреть и только жаль, что не могу их полечить.

Я тоже перечитываю сочинения Льва Николаевича, в корректуре для нового издания. Оно уже печатается в 3-х типографиях и в количестве 10000 экземпляров. Предыдущее издание почти все продано: осталось около 400.

Дожди и нас залили; была одна ужасная ночь. Лило безнадежно, мрак, слякоть. А дети мои — Таня и Сережа ожидали в эту ночь от Олсуфьевых, из Москвы. Делаем запрос в поезд, едут ли они, нам отвечают, что едут. Послали мы катки и трех мальчиков и два фонаря и двух мужиков их встречать в Козловку. Поезд должен быть в 10½ часов, а мы ждем всю ночь — до 5-ти часов и никого. Все посланные пропали. Оказалось, что поезд вернули, что мальчики увязли, лошадь упала под мост, пришлось мужиков кликнуть, насилу спасли лошадь.

В эту же ночь провалился железный мост в Лопасне, и тот поезд, который прошел последний, и был тот самый, в котором ехали Сережа и Таня.

Долго не забуду я эту ночь! Чуть не повторилась Кукуевская история.

Как жаль, что Вы ничего не написали о Марье Петровне. Передайте ей мое сердечное приветствие. Мы опять будем жить в Москве, но я думаю переехать не раньше 1-го ноября, чтобы не слишком огорчать своего старика. Он очень Вам нежно кланяется, велел сказать, что часто и хорошо о Вас думает, и что Вы ему еще ближе стали.

Если б Вы видели, какой он теперь жалкий!

Простите меня за мое нескладное письмо; я очень устаю, ночи провожу плохие, Лев Николаевич от боли совсем не спит, а у меня душа болит. Дети мои все здоровы, уехали старшие в Пирогово, мальчики на переэкзаменовке в Москве. Кузьминские очень благодарят за память. У нас гостит старик Ге.

Вот и все наши новости.

Прощайте, многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич, не хворайте, мы еще проведем в Москве много хороших минут в беседе и общении мысли.

Преданная вам
гр. С. Толстая.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ

20 сентября 1886 г.

Многоуважаемый и милый Афанасий Афанасьевич!

Сейчас я получила Ваше длинное, чудесное письмо, а сегодня только что послала письмо Марье Петровне, умоляя ее и Вас захватить к нам в Ясную Поляну. Неужели Вы не внемлете моей и Льва Николаевича просьбе? Подумайте, он лежит больной уже 7 недель, слаб, худ и грустен. Я ни на шаг не отхожу от него, и Ваш приезд был бы какой для нас праздник! Бог знает будем ли мы в Москве нынешний год и увидимся ли? А мне теперь так грустно думать, что мы не будем видеться и что я буду лишена того сердечного тепла, которым окружает меня всегда Ваша дружба и внимание.

Что да прелестные стихи вы написали! Мы оба с мужем в один голос ахнули от восхищения, когда прочли:

«Дыханьем ночи обожгло».

Да и все прекрасно, поэтично, цельно, красиво.

Как мы будем хорошо беседовать, если Вы приедете в Ясную Поляну, сберегу Вам вальдшнепов, которых у нас так много. Письмо мое очень спешное — это не письмо, а призыв...

Теперь уже ночь, я пишу и беспрестанно вскакиваю мешать кашку, которую варю на спиртовке для своего больного мужа. Но мне хочется, чтобы письмо это Вас застало еще и чтоб Вы решили приехать к нам. Телеграфируйте: Московско-Курская дор. Ст. Козловка-Засека Графине Толстой. Телеграфируйте, чтобы и Вам выслала лошадей, и чтоб от этой телеграммы мне прыгнуть от радости.

Сегодня не могу больше писать, прощайте, до свиданья, наверное, не правда ли? Будьте добры, Афанасий Афанасьевич, не огорчите искренно любящей и уважающей Вас

гр. С. Толстая.

Лев Николаевич Вам шлет сердечный поклон и ждет Вас тоже с нетерпением.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ

7 октября 1886 г.

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич!

Вчера получила прекрасное письмо Ваше и хотела тотчас же отвечать, но страшная зубная боль и бесчисленные корректуры довели меня до идиотизма, и я не могла ничего написать Вам. Сегодня сносна боль и потому спешу Вам выразить те чувства, которые возбудило Ваше посещение и потом Ваши прекрасные стихи.

Когда мы проводили Вас и Марью Петровну, мы все точно осиротели. То, чего я так долго и нетерпеливо ждала — Вашего посещения — осталось позади, и теперь ждать больше нечего. Уехавшие мои девочки тоже увезли за собой оживление и радость. Лев Николаевич стал очень кашлять и по вечерам у него маленький жар. Нога лучше, и он уже одни переступает при помощи палки.

Вчера девочки мои уже были дома и отправились с двумя малышами под дождь, все) в красных шапках, на самых разнообразных лошадях, верхом. Веселье и оживление были большие. Таня мне рассказывала, как приятно они провели на станции с Вами последние минуты. Как Вы хорошо говорили стихи и как добро и ласково отнеслись к моей молодежи.

Стихи Ваши доставили нам огромное эстетическое наслаждение. Мы оба с Львом Николаевичем особенно восхищались *Горной высью*. Эти стихи суть сами по себе та *Горная высь* поэзии, недостижимая нам, простым смертным, тающим перед ней, как облака. Как хорошо! Вот высшего полета поэзия! Где и когда Вы это напечатаете? *Опасение* тоже прелестно и ответ Хомутовой необыкновенно грациозен.

Простите, что так смело болтаю о своих впечатлениях, но я перечитываю стихи, и одна все восхищаюсь а вслух говорю, что чувствую.

Милой, доброй Марье Петровне вся наша семья шлет сердечные приветы. Искреннее, горячее спасибо ей и Вам, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, за ту радость, которую доставили всем нам своим посещением. Лев Николаевич тоже велел очень Вас благодарить и кланяться.

Искренно преданная гр. С. Толстая.

Что Ваши заботы об овсе и документах, кончились ли?

А. А. ФЕТ — С. Л. ТОЛСТОЙ

Ст. Коренная Пустынь.
19 августа 1988 г.

Дорогая Графиня!

Сердечно благодарим оба за полученную вчера весточку, что грозы Ваша прошли благополучно. Дай Бог, чтобы их совсем не было! На этот раз я уверен, что Вы с таким же восторгом прочтете эти строки, с каким я их пишу, так как речь в них идет не обо мне, а преимущественно о Льве Николаевиче. Дошедши в моих воспоминаниях до своих появлений в Ясной Поляне, Никольском и Спасском, я, по милости Марьи Петровны, попал в целое море самых задушевных и разнообразных писем Боткина, Тургенева и, в особенности, Льва Николаевича. Боже мой, как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво! Это точно вырвавшийся с варка чистокровный годовик, который я косится на Вас своим агатовым глазом, и скачет, молниеносно лягаясь, и становится на дыбы, и вот-вот готов, как птица, перенестись через двухаршинной забор.

По поводу этих бесценных писем я пишу Страхову: «Помните ли Ваши слова о светляках русской мысли, разбросанных по нашим деревням? Вот они, эти светочи, в самом наивном проявлении, без всякого козыряния перед публикой. Самый тупой человек увидит в этих письмах не сдачу экзамена по заграничному тексту, а действительные родники всех самобытных мыслей, какими питается до сих пор наша русская умственная жизнь во всех своих проявлениях».

Кроме того, это — ярославская шерсть того полущубка, которого выдубленная мездра снаружи расшита цветными узорами, и по отношению к задушевной жизни художника что то же, что «Война и мир» по отношению к войне с Наполеоном. Излишне говорить, до какой степени я жажду прочесть все это вам, чтобы услышать от Вас, насколько это, согласно данному Львом Николаевичем, допустимо в печати, ежели сам Лев Николаевич соскучится меня прослушать. Я наверное знаю, что Ивану Ильичу истопник держанием ноги не поможет, но и не осуждаю Ивана Ильича, который от этого держания чувствует облегчение.

Если бы Вы обладали только свойством привлекать к себе людей, то бесполезно было бы обращаться к Вам, как к величайшей умнице, с весьма деликатный вопросом. Дело, во-первых, в том, что на Отраде где мы будем у Галаховых, теперь скорый поезд в 9 час. утра не останавливается, а другие поезда приходят в Ясенки в час ночи и в шесть часов утра, что для Вас весьма неудобно. Но, помимо внешних затруднений, вопрос сводится к тому, кстати ли мы попадем в Ясную Поляну. Как ни мало созданы мы для обременения любезных хозяев наших требованиями, но соринка еще меньше нас, однако, если она попадет в глаз, да еще наболевший, то приятности доставит мало. Конечно, окончательным судьей можете быть только Вы. Мне лично предстоит еще распутать столько узлов, что о блаженной минуте бегства из Воробьевки не смею еще мечтать, хотя умственно не отодвигаю ее за 15-е сентября.

Целую Вашу руку, и вместе с женой приношу Вам всем, начиная с Кузминских, наши искренние приветствия. Поверит ли Александр Михайлович, что у меня есть стихи его, с которыми он ко мне обращается.

Ваш А. Шенин.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ

25 мая 1891 г.

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич!

Ваши письма отвечать всегда страшно, потому что перед такой блестящим крас-

норечием, полным ума, живости и поэзии, нам, простым смертным, надо молчать и любоваться. Но я должна отозваться на те чувства, которые Вы так любезно и снисходительно выражаете, и должна сказать вам, что если, несмотря на усталость, посещение Ваше Ясной Поляны доставило Марье Петровне и Вам, хоть маленькое удовольствие, то нам всем это был такой праздник, что когда наступило неизбежное расставание, то я не могла сразу на него решиться, и доставила вам неприятность доехать с Вами на скамеечке, до Ясенков. Мне же это было только весело и совсем не трудно.

После Вашего отъезда, на другой же день стало холодно, очень быстро облетела вся роскошная сирень, соловьи замолкли, и воспоминанья о прочтенных ваших чудесных стихотворениях, о Вашем посещении остались только поэтическими воспоминаниями в тесной связи с исчезнувшей душистой, белой сиренью, с теплыми весенними днями и со всей поэзией весны и вашей лиры.

Мы с сестрой очень жалели, что не попросили позволения переписать некоторые из прочтенных Вами стихотворений, чтобы вспомнить их и поделиться на досуге с теми, кто полюбил бы их так же, как мы.

Мы обе с сестрой очень тронуты, *что* Вы нам приписываете поэтические сердца, я думаю, что мы только отзывчивы на поэзию. Сестра, та еще сама трогает людей своим пением и музыкальной способностью, а я могу только жалеть, что всегда все лучшее получала от людей и наслаждалась дарами, посланными им Богом, а сама ничего никому не могла дать!

Мне очень жаль, что у Вас в имении такая грустная хозяйственная картина. Не весело жить в деревне, когда все плачутся кругом, и когда вместо роскошного цветения, везде сушь и смерть. И отовсюду плохие вести об урожае.

Надеюсь, что Марья Петровна и Вы отдохнули теперь, и проведете здорово и приятно все лето. Я не перестану мечтать о том, чтоб побывать в Воробьевке, это составляет мою давнишнюю мечту. Марья Петровна всегда так сердечно участлива и добра, что с ней видаться для меня большое наслаждение.

Отнимаю ее от всей души и благодарю ее и Вас, Афанасий Афанасьевич, за Ваше дружеское посещение.

Всей душой преданная и уважающая Вас
С. Толстая.

Екатерине Владимировне кланяюсь.

А. А. ФЕТ — С. А. ТОЛСТОЙ

Ст. Коренная Пустынь.
Моск.-Курск, ж. д.
14 сентября 1891 г.

Дорогая графиня!

Только тот естественно и непринужденно входит в комнату, который не думает о том, какое положение придать своим рукам.

Входя в настоящую минуту с сердечными поздравлениями за себя и за жену к Вам в гостиную, я боюсь не за свои руки, а (что гораздо хуже) за свое косноязычно и заикание, которое почему-то так нравилось Тургеневу. Дело в том, что я так боюсь Вашей пронизательности и тонкого вкуса, что опасуюсь явиться с рутинным и пошлым поздравлением с одной стороны, или с риторическим семинарским, — с другой.

Страхов так живо обрисовал мне все семейные торжества в Ясной Поляне, что, мне кажется, будто я сам пировал на месте крокета.

И мы вот-вот после 15-го оба по болезненности собираемся проехать в Москву, не заезжая даже к Галаховым. Если мы еще сами ничего определенного не знаем о себе, то еще менее знаем что-либо о Ваших зимних планах.

Я писал Страхову, что никто так ясно не понимает стремлений Льва Николаевича, как я. Это нисколько не хвастовство; ибо я ощущаю себя с ним единым двухглавым орлом, у которого на сердце эмблема борьбы со злом в виде Георгия с драконом, с тою разницей, что головы, смотрящие врозь, противоположно понимают служение этой идее: голова Льва Николаевича держит в своей лапе флягу с елеем, а моя лапа держит жезл Ааронов, — нашу родную палку.

Мы оба просим принять и передать Льву Николаевичу и всем Вам паши поздравления с дорогой именинницей и чтобы не стоять перед Вами с пустыми руками, держаю поднести последний осенний цветок.

Целую Вашу руку. Неизменно преданный
А. Шенин.

*Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаяй за теплом.
И болью сладостно суровой
Так радо сердце вновь зануть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Чтоб жизнь любя, не в силах жить.*

А. Фет.

Если милые Кузминские здесь, передайте наши поклоны.
Екатерина Владимировна просит передать усердные Вам приветствия.

Опубл.: «Яснополянский сборник»,
Тула, Приок. кн. Изд-во, 1970, с. 183—197.

СОВРЕМЕННОКИ О ЛЬВЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ТОЛСТОМ: БИОГРАФИЯ ИЗ СЛОВАРЯ Ф. А. БРОКГАУЗА И И. А. ЕФРОНА

От редакции: К оценке личности и творчества Л. Н. Толстого за прошедшие почти сто пятьдесят лет с начала его творческого пути мы достаточно привыкли. Здесь даже смена общественно-экономической формации в России мало что изменила. Тем интереснее знать, что писали о Льве Толстом, его жизни и творчестве дореволюционные издания. Поэтому редакция сочла необходимым поместить в юбилейной подборке материалов творческую биографию писателя из наиболее авторитетного дореволюционного (сейчас он переиздается в различных вариантах) «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона». Кстати, следует иметь в виду высокий статус этого издания: он признан, наряду с английской «Британикой» и французским «Лярусом», лучшей энциклопедией мира.

Толстой Лев Николаевич, род. 1928, граф, «вел. писатель земли русской». Рано осиротев, воспитывался дома под руководством родственниц Ергольской и Юшковой, описал в «Детстве», «Отрочестве» и «Юности». Пробыв 3 года в Казанском унив., Т. поселился в Ясной Поляне, затем поступил на воен. службу на Кавказе (позже нашла отражение в «Казаках» и д.), участвовал в Крымской кампании и перенес севастопольскую осаду. К этому времени относятся его «Севастопольские рассказы». В 1861 был мировым посредником, устроил в своем имении Ясная Поляна (Тульской губ.) образцовую школу для крестьян. Сгруппировав вокруг себя молодых людей, желавших служить делу просв. народа, основал ряд школ в окрестных деревнях. Для той же цели осн. журн. «Ясная Поляна» (1862), в кот. печатал свои педагогические статьи. Деятельность школ и журнала Т. прекратилась под давлением местных властей. После кратковременной общ. деятельности Т. надолго ушел в обл. худ. творчества и создал свои лучшие произв.: «Войну и мир» (1869) и «Анну Каренину» (1873—76). В романе «Война и мир», одном из крупнейших созданий мировой лит., Т. первый обрисовал войну реально, с худ. правдою, при этом стараясь уловить стихийные, бессознательные начала человеческой жизни. В «Анне Карениной» наряду с замеч. по глубине и силе худ. изображения анализом женского сердца сказывается искание смысла жизни. На мучившие его вопросы и сомнения Т. искал ответа в богословии, философии, в точных науках. Он делал попытки все большего и большего опрощения, стремясь жить жизнью, близкой к природе и земледельческому быту. Это настроение выразилось в целом ряде разл. по форме и содержанию произв.: «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Власть тьмы», «Хозяин и работник», «Исповедь», «В чем моя вера», «В чем счастье», «Воскресение». В мн. богословских, этических, эстетических и полит. трудах, изд. за границей на русск. и англ. яз., Т. проводит свое новое религ. миросозерцание. Осн. его — в учении о непротивлении насилию злу, в спасении мира добром и любовью, в спасении человека личным свободным самоусовершенствованием, в отрицании всех принудительных форм, действующих внешней силой (гос-во, церк. иерархия, воен. организация, война и пр.). Т. привлек огромное число последователей в России («Толстовцы») и во мн. странах мира. Св. Синод в февр. 1901 постановил об отлучении Т. от правосл. церкви. Сущ. Мн. перев. произв. Т. на иностр. яз., необъятное количество критических соч. и статей о Т.

Примечание ред.: сохранены сокращения первоисточника.

Виктория Ткач

**ВСТРЕЧА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ
(В. В. Вересаев о Л. Н. Толстом)**

«Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Достоевский. Все — огромные, как снеговые горы, и как горы эти, такие же далекие и недоступные, такие же неподвижные, окутанные дымкою сверхчеловеческого величия. Среди них — такой же, как они, Лев Толстой. И странно было подумать, что он еще жив, что где-то тут, на земле, за столько-то верст, он, как и все мы, ходит, движется, дышит, меняется, говорит еще не записанные слова, продолжает незаконченную свою биографию, что его еще можно увидеть, говорить с ним.» Так начинает свои воспоминания о Толстом наш земляк, писатель-прозаик, пушкинист, переводчик с древнегреческого языка, литературный критик Викентий Викентьевич Вересаев.

Личность Л. Н. Толстого, его литературный талант, глубина философских и этических мировоззрений всегда привлекала В. В. Вересаева. Впоследствии эти жизненные и литературные наблюдения станут основой книги «Живая жизнь» (О Достоевском, Толстом, Ницше) — одного из самых дорогих для писателя произведений, которое выйдет в свет в 1910 году. Именно в «Живой жизни», написанной в жанре литературной критики, В. В. Вересаев даст художественно яркий, по-медицински подробный анализ произведений Толстого — художника и писателя, его моральных и нравственных принципов, особенности восприятия окружающего мира, проводя параллели со своим внутренним миром и жизненным кредо. Но это все будет потом, а пока — первая встреча писателей и первые впечатления...

Конечно, В. В. Вересаеву «ужасно хотелось — увидеть его, говорить с ним. Но явиться к нему, как тысячи назойливых, ненужных ему посетителей, пройти перед ним серым пятнышком в веренице серых безличностей — ни за что! С молодым самолюбием думалось: поехал бы я к нему только в том случае, если бы он сам захотел со мною познакомиться» И такой случай не замедлил представиться. Из «Воспоминаний» В. В. Вересаева: «В 1902 году, высланный из Петербурга, я жил в родной Туле. С год назад вышли в свет мои «Записки врача» и шумели на всю Россию и за границу. Весною я собрался ехать за границу, уже выправил заграничный паспорт. Вдруг получаю письмо.

*Адрес: Татьяне Львовной Сухотиной.
Имение «Гаспра», гр. Паниной. Почт.
ст. Кореиз, Таврич. губ.*

Милостивый государь, мне пришло в голову обратиться к Вам с просьбой, которую Вы, может быть, будете в состоянии и пожелаете исполнить.

Вы, вероятно, знаете, как долго и тяжело болен мой отец. До сих пор он совершенно беспомощен и без посторонней помощи не может повернуться на кровати. Сердце его в таком плохом состоянии, что оставляют его без врачебной помощи и надзора — невозможно. Поэтому мы ищем к нему постоянного врача, который бы наблюдал за ним и оказывал бы медицинскую помощь если нужна.

Не знаете ли кого-нибудь, кто бы взял на себя эту обязанность? Мы предлагаем 100 р. в месяц, полное содержание и дорогу в Крым. Если нам посчастливится свезти отца в Ясную Поляну (на что мы имеем теперь полную надежду), то врач должен будет ехать с ним и жить при нем в Ясной Поляне. Конечно, все путешествие на наш счет.

Не говорю о том, как важно для нас, чтобы врач был симпатичным, хорошим человеком. Моему отцу так трудно принимать чьи бы то ни было услуги и так тяжело ему будет то, что для него будет жить врач, что если этот врач не будет тактичным человеком, эта тяжесть для отца увеличится.

Простите, что, не зная Вашего имени и отчества, не пишу его на адресе и в обращении к Вам. Если кто-нибудь попадется Вам, будьте добры ответить мне по здешнему адресу.

Если Вам это интересно, то могу вам сказать, что отец очень восхищался Вашими писаниями и находит в Вас много таланта.

Т. Сухотина, урожд. Толстая

Радость, гордость и ужас охватили меня, когда я прочел это письмо. Нетрудно было понять, что тут в деликатной форме приглашали меня самого: при огромном круге знакомств Толстых странно им было обращаться за рекомендациями ко мне, совершенно незнакомому человеку; очевидно, я, как автор «Записок врача», казался им почему-то наиболее подходящим для ухода за больным отцом.

Целую неделю я провел в жесточайших колебаниях. Жить бок о бок с Толстым, постоянно видеть его в интимной, домашней обстановке — не показным, а настоящим, увидеть то, что так редко удается видеть людям, — что такое великий человек в подлинной своей жизни. Но была другая сторона. Врач я был молодой, всего несколько лет со студенческой скамьи, неуверенный в себе, без достаточной опытности. Как при этих условиях взять на себя ответственность за такую драгоценную жизнь! Не досмотришь, не учуешь значения того или иного симптома, — и смерть Льва Толстого ляжет на твою совесть!...»

В конце концов, В. В. Вересаев оборвал свои колебания и уехал за границу, предварительно написав из Милана Т. Л. Сухотиной, что «не решается взять на себя ответственность за такую дорогую для всех жизнь, как жизнь Льва Николаевича». Но судьбой писателям все-таки была уготована встреча. В августе 1903 года В. В. Вересаев, тульский либеральный земец Г. и знакомый земский врач отправились в Ясную Поляну. И вновь воспоминания Вересаева: «Выехали из Тулы на ямской тройке, часов в 11 утра. На лицах моих спутников я читал то же чувство, какое было у меня в душе, — какое-то почти религиозное смятение, ужас и радость. Чем ближе к Ясной Поляне, тем бледнее и взволнованнее становились наши лица, тем оживленнее мы сами. ...Тарантас свернул с Киевского шоссе и покотился по проселку. Вдалеке по полям быстро шел какой-то человек с двумя детьми. Вот — известные по снимкам две башенки при въезде в яснополянскую усадьбу. Мы покотились по длинной березовой аллее. Среди деревьев мелькнул дом, тарантас подкатил к крыльцу. Вышла Софья Андреевна, радушная и любезная, со следами большой былой красоты. Мы прошли на нижнюю террасу, где в это время пили кофе. Были тут дочь Льва Николаевича, Александра Львовна, сын Лев Львович, домашний доктор, — кажется Никитин, — еще несколько человек взрослых и детей. Софья Андреевна спросила:

— А вы не встретили по дороге Льва Николаевича? Он пошел гулять как раз в ту сторону.

— Мы видели, кто-то шел по полям с двумя детьми.

— Ну, да, это он с внуками шел.

Напились кофе, воротились на террасу. Кто-то сообщил:

— Лев Николаевич пришел с прогулки.

Сердце екнуло. Вскоре другое сообщение:

— Пошел отдыхать.

Через час с небольшим:

— Встал. Сейчас придет сюда.

Сердце забилося сильнее, чем в ученические годы перед самым страшным экзаменом, тяжело стало дышать. Послышались быстрые легкие шаги. На террасу из внутренних дверей вошел Лев Николаевич. Первое, что меня поразило, — что он такой маленький. Мне он представлялся высоким и широкоплечим. Невысокий, очень сухонький старичок, с подавшимися вперед плечами, с быстрыми молодыми движениями. Он поздоровался с нами и сел. Мне еще бросились в глаза его поразительной красоты старческие руки. И вот, как будто в эти руки он уверенно взял вожжи — привычным жестом опытного ездока — и повел разговор, — легко, просто, незаметно втягивая всех в беседу. Не было ничего похожего на прием посетителей. Как будто все мы были его добрыми знакомыми. Спросил каждого, как его зовут, и потом все время называл по имени-отчеству и ни разу не сбился. Слушал их внимательно и с интересом, и у каждого из нас было впечатление, что мы ему интересны сами по себе. Очаровывающее соединение светской воспитанности с сознательным отношением к каждому человеку, как к брату.

Позвали обедать. Мы поднялись во второй этаж. На лестнице, когда подымались, Толстой спросил меня:

— Вы женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Нет.

Толстой потемнел.

— А давно женаты?

— Шесть лет.

Он замолчал, но глаза его взглянули сурово, и я почувствовал, — он сразу, резко, переменял свое отношение ко мне. По-прежнему был вежлив и мягок, но то теплое, что до того было в глазах, исчезло.»

Далее повествование в «Воспоминаниях» В. В. Вересаева переносится в Большую залу. «...Блестящий портрет, старинные портреты по стенам, в углу мраморный бюст Толстого. Во главе его, на узкой стороне, села Софья Андреевна, справа от нее, у длинной стороны, Лев Николаевич. Прислуживали лакеи в перчатках. Льву Николаевичу подавались отдельно вегетарианские кушанья.

Он спросил меня, почему я живу в Туле. Я ответил, что выслан министром внутренних дел из Петербурга. Толстой вздохнул и с завистью сказал:

— Меня ни разу не выслали, я ни разу не сидел в тюрьме, — я не имел этого счастья.

После обеда Лев Николаевич предложил нам пройтись. Было ясно и солнечно, в колеях дороги кое-где блестела вода от вчерашнего дождя.

Лев Николаевич шел своей легкой походкой, ветерок шевелил его длинную серебристую бороду. Он говорил о необходимости нравственного усовершенствования, о высшем счастье, которое дает человеку любовь.

Я сказал:

— Но если нет у человека в душе этой любви? Он может сознавать умом, что в такой любви — высшее счастье, но нет у него ее, нет непосредственного, живого ее ощущения. Это величайший трагизм, какой может знать человек.

Толстой недоуменно пожал плечами.

— Не понимаю вас. Если человек понял, что счастье — в любви, то он и будет жить в любви. Если я стою в темной комнате и вижу в соседней комнате свет и мне нужен свет, — то как же я не пойду туда, где свет?

— Лев Николаевич, на ваших же всех героях видно, что это не так просто. Оленин, Левин, Нехлюдов очень ясно видят, где свет, однако не в силах пойти к нему.

Но Толстой только разводил руками. Видно было, что он искренне хочет понять этот самый «трагизм», выпрашивал, слушал внимательно и серьезно. Само же слово «трагизм», видимо, резало ему ухо, как визг стекла под железом. По губам пронеслась едкая насмешка.

— Трагизм... Бывало, Тургенев придет и тоже все: «траги-изм, траги-изм».

И так он это слово сказал, что где-то в душе стало совестно за себя, и шевельнулся странный, нелепый вопрос: да полно, существует ли вправду какой-нибудь в жизни трагизм? Не «притворство» ли все это?

...О том, о другом поднималась еще беседа,— Толстой упорно сводил всякую необходимость нравственного усовершенствования и любви к людям. Лицо Льва Николаевича побледнело, рот полуоткрылся, видно было, что он устал. Мы поднялись и стали прощаться. На душе было смутно: отдельные впечатления от Толстого не складывались в определенное целое. Вспоминался все знаменитый репинский портрет Толстого, где он стоит босой, засунув руки за пояс, с таким кротким, «непротивленческим» лицом. Чувствовалось мне, как этот портрет фальшив и тенденциозен. Ничего в Толстом не было от Христа, от Франциска Ассизского, от князя Мышкина, от репинского портрета. Эта походка, эти быстрые, легкие движения, маленькие глаза под густыми бровями, вспыхивающие таким молодым задором и такой едкой насмешкою...»

Одной из характерных черт вересаевского характера и самобытности его творчества является особенность гармонично и по-стихотворному лирично переносить жизненные события на окружающую нас природу. И в этом случае писатель тоже не изменил своим традициям: «Проходило время, вновь и вновь перечитывал я произведения Толстого, вновь и вновь припоминался он мне таким, каким я его видел,— и совсем по-иному, не по-прежнему, начинал я воспринимать его творчество; кое-нибудь мелкое, как будто совсем незначущее личное впечатление вдруг ярким и неожиданным светом освещало целую сторону его творчества. Случилось то же, что, бывает, случается в очень тихую и сильную морозную погоду. Вечер, мутная, морозная мгла, в которой ничего не разберешь. Пройдет ночь, утром выйдешь — и в ясном, солнечном воздухе стоит голый вчера сад, одетый алмазным инеем, в новой, особенной, цельной красоте. И эта красота есть тихо осевшая вчерашняя мгла...»

Как образно В. В. Вересаев описал суть восприятия личности Льва Николаевича, ведь Толстой-художник, рисующий в каждом своем произведении картину яркой, солнечной, животворящей живой жизни, всегда вызывал у него искреннее уважение. Потому и была близка писателю «душевная сущность Толстого — его непоколебимая вера в то, что жизнь по существу своему светла и радостна, что она твердою рукою ведет человека к счастью и гармонии.» Оттого и принятие Вересаевым мудрой детскости Льва Николаевича, которой он посвятит одну из глав своего литературно-критического эссе «Живая жизнь». «...Глубоко серьезными глазами ребенка смотрит Толстой на жизнь. Рисуемое им часто убийственно смешно, но чувство смешного достигается своеобразным приемом: как будто внимательный, все подмечающий ребенок смотрит на явление, описывает его, не ведаясь с условностями, *просто так, как оно есть*, — и с явления сваливаются эти привычные, гипнотизировавшие нас условности. И постепенно все больше раскрываются детски-серьезные, вглядывающиеся глаза художника. Жизнь может быть безмерно прекрасна, люди могут быть захватывающе счастливы, — это он знает и чувствует крепко, всем существом своим, жизнью!»

Этой «живой жизнью» продолжают жить не только произведения Л. Н. Толстого, но и образ самого писателя — по-отечески строго и мудро всматривающийся в нас, людей XXI века, со страниц «Воспоминаний» нашего талантливый земляк, прозаик В. В. Вересаева.

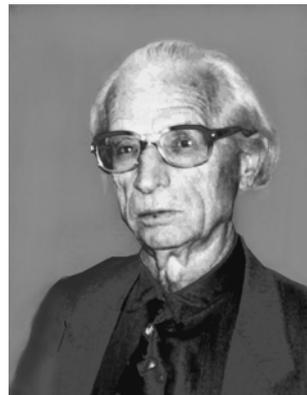
Виктор Пахомов

ТОЛСТОЙ

Что мы знаем о жизни Толстого?
Был ответчик он или истец?
В срезях сложного, в срезях простого
Что искал, что нашел, наконец?
Горечь истины, боли и муки —
Достояние каждой строки!
Нет, не графа, а пахаря руки
Опускались на черновики.
И писал, как пахал, до упаду,
Сеял правды своей семена.
Только с сердцем все не было сладу,
Отнималась, немела спина.
Вознесенный, проклятый, отшельник,
Проповедник, мессия, пророк
Забредал в березняк или ельник
Подышать чистым воздухом впрок.
И подолгу стоял одиноко,
Будто в землю родимую врос.
Слушал, как за Воронкой далеко
Все призывней гудел паровоз,
Торопя его время отъезда,
Его бегство от всех и себя.
Жизнь никчемна, жалка, бесполезна,
Если сердце стучит не любя!
Но когда отступали тревоги,
Обессилен в душевной борьбе,
Торопливо шагал по дороге
К своей Ясной Поляне... К себе!

Николай Минаков

ТОЛСТОЙ И ПУШКИН

*(К вопросу об отношении великого
яснополянского вольнодумца к поэзии
гения России)*

1

В мае 1880 года Толстого, «уединенного писателя», как он сам себя называл, в Ясной Поляне посетил Тургенев. Целью его приезда было передать Толстому приглашение принять участие в торжествах по случаю открытия в Москве памятника Пушкину. Толстой ответил отказом. Тургенев этого не ожидал и уехал разочарованный.

Открытие памятника Пушкину, состоявшееся в июне, вылилось в широкое общественно-литературное событие. Кульминацией праздника стали речи Тургенева и Достоевского, произнесенные соответственно 7 и 8 июня в зале Благородного собрания (теперь — Дом союзов). Неприезд Толстого многими литераторами того времени был воспринят как пренебрежение к памяти гения России.

В чем же была причина отказа Толстого приехать в Москву на открытие памятника Пушкину? Она заключалась в одном — в неприятии Толстым всяческих торжеств, юбилеев и им подобных праздников, хотя бы и в честь Пушкина. Подтверждением тому служит письмо Толстого «В редакции газет» от 25 марта 1908 г., в котором он выразил свое отрицательное отношение к готовящемуся чествованию его по поводу 80-летия. «Вспоминаю, как давно уже, лет около тридцати тому назад, — писал Толстой, — во время чествования Пушкина и поставления ему памятника, милый Тургенев заехал ко мне, прося меня ехать с ним на этот праздник. Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался, знал, что огорчал Тургенева, но не мог сделать иначе, потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и, не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям. Теперь же, когда это касается лично меня, я чувствую это еще в гораздо большей степени». Обращение Толстого не было фальшивым кокетством. Толстой опасался, что при чествовании его будет много ненужного льстивого чада-дыма. Комитет по организации чествования писателя из уважения к его просьбе прекратил свою деятельность.

Любопытно отметить и такой факт в записях домашнего врача Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого от 14 марта 1906 г., когда Ясную Поляну посетил скульптор И. М. Гинцбург. Толстой спросил Маковицкого, зачем приехал Гинцбург. И, не дожидаясь ответа, тут же произнес: «Не хочет ли меня лепить? Я напишу завещание, чтобы мне памятник не ставили. Зачем Пушкину, Гоголю ляжки смотреть?»

Как тут не вспомнить споры вокруг подготовки поставления памятника Толстому в Туле, когда решали, в каком виде представить изваяние яснополянского мудреца: в

сапогах или босиком, как он любил хаживать по летним тропкам. Спорили долго, позабыв об одном — об отрицательном отношении писателя к подобным скульптурным затеям вообще. Думая о той славе, которую приобретут его сочинения, он говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире — ну что ж!..»

Отказ Толстого участвовать в пушкинском празднике отнюдь не означает его пренебрежения к поэзии Пушкина. На протяжении всей жизни он восхищался гением поэта, проявлял живой интерес к его творчеству. Положительные оценки Пушкина как поэта и прозаика рассеяны во многих статьях, письмах и дневниках Толстого.

Толстому не было еще восьми лет, когда отец его однажды застал за чтением стихов Пушкина «Наполеон» и «К морю». Отца поразили тот пафос, с каким маленький Лев произносил полюбоившиеся ему и выученные наизусть эти стихи, и он попросил его продекламировать их еще раз. «Я понял, что он что-то хорошее видит в этом», — говорит Толстой в своих «Воспоминаниях».

Чем старше становится Толстой, тем выше он ставит Пушкина, дает ему глубокие оценки, убеждается, что Пушкин останется, это вечно. В 28 лет он заносит в дневник: «Прочел «Дон-Жуана» Пушкина. Восхитительно. Правда и сила, мною никогда не предвиденная, в Пушкине». Среди поэм особо выделяет «Цыганы». Прекрасными называет стихотворения «Буря мглою небо кроет», «Вновь я посетил тот уголок земли», «Осень», «Туча», «Анчар» и другие.

Сергей Толстой в «Очерках былого» пишет об отце: «В своих «Воспоминаниях» и в «Круге чтения» он поместил стихотворение Пушкина «Когда для смертного умолкнет шумный день»... Он сознает, что с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в этом стихотворении. Только в последней строке: «Но строк печальных не смываю» — он заменил бы слово «печальных» словом «постыдных».

Толстой не раз перечитывал «Евгения Онегина», высоко ценил этот роман в стихах. Некоторыми местами романа, например, началом седьмой главы «Гонимы вешними лучами», он всегда особенно восхищался. «Здесь каждый стих — верная картина природы, — отмечал он, — а какое прекрасное сравнение:

*Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют».*

По мнению ряда мемуаристов, Толстой к стихотворной речи относился отрицательно. Свои умозаключения они строят, прежде всего, на собственных признаниях в этом самим Толстым. Характерен в этом отношении ответ Толстого на письмо Е. Озеровой из Казани, приславшей ему свои стихотворения на рецензию и просившей дать совет, стоит ли ей «продолжать начатый путь». В письме от 19 марта 1910 г. Толстой пишет: «Боюсь, что огорчу вас, и очень сожалею об этом. Я не люблю стихов вообще. Трогают меня, думаю, преимущественно как воспоминания молодых впечатлений, некоторые, и только самые совершенные стихотворения Пушкина и Тютчева. Ваши же стихи слабы, и не советовал бы вам этим заниматься. Говорю то, что думаю. Пожалуйста, не имейте за это недоброго чувства».

В самом ли деле Толстой не любил стихов? Можно ли об этом судить на основании отдельных эмоциональных высказываний Толстого? Конечно, он не раз подчеркивал, что есть высшие темы, которые не подлежат поэтам. Он считал, что поэты связаны размером и рифмой и нередко подгоняют под них свои образы и выражения, они не свободны в выражении своих мыслей. Однако это отнюдь не означает, что Толстой полностью отрицал стихотворную речь.

Любимыми поэтами его были Пушкин, Тютчев, Фет. Он говорил, что Пушкин мыслил стихами.

Фет в письмах Толстому часто посылал ему стихи, просил дать им оценки. Так в

письме от 19 января 1878 года Фет пишет: «Между прочим, по обычаю, посылаю стихотворение, не знаю, как написавшееся, но которое прошу прочесть графине Софье Андреевне, так как, по моему, из живущих оно будет подходить к ней.

Вы знаете, что я в Вашей критике ищу правду и не только Вашим, но и ни чьим мнениям не обижался».

В письме от 27 января 1878 года Толстой благодарит Фета за присланное стихотворение: «Спасибо Вам, что не наказываете меня за молчание; а еще награждаете, дав нам первым прочесть Ваше стихотворение. Оно прекрасно! На нем есть тот особенный характер, который есть в ваших последних — столь редких стихотворениях. Очень они компактны, и сияние от них очень далеко. Видно, на них тратится ужасно много поэтического запаса. Долго накапливается, пока кристаллизуется... Прочтя его, я сказал жене: «Стихотворение Фета прелестное, но одно слово нехорошо». Она кормила и суежилась, но за чаем, успокоившись, взяла читать и тот час же указала на то слово, которое я считал нехорошим: «как боги».

И как было не раз, когда Толстой давал блестящую оценку фетовским стихам, но и вносил существенные замечания, с которыми Фет соглашался. Предложив поэту в одном из стихотворений переменить слова «властительному маю», Фет изменил эту строку на «всевидающему маю».

О том, что Толстой не был безразличен к поэзии интересный факт приводит в своих «Яснополянских записках» личный врач его Д. П. Маковицкий. Он пишет, что однажды за вечерним чаем Лев Николаевич прочел из «Нового времени» вслух «Стансы» Фофанова:

*О замолчи, воспоминанье,—
К себе былое не зови!
Печально вспомнить дни страданья,
Еще печальней дни любви!
Накинь, душа, покров забвенья
На все, на все! Я жить устал;
Мне даже скучно вдохновенье,—
Мой лучший жизни идеал!
Темней мой день! Гасись, лампада!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай!*

Отложив газету, Лев Николаевич повторил:

«Печально вспомнить дни страданья, еще печальней дни любви!» И потом: «Мне даже скучно вдохновенье...» У Льва Николаевича голос дрожал, читал с большим чувством и волнением.

— Лучше поэта нынче нет,— сказал он.— Пьет запоем, а когда трезв, заставляют его написать, и напишет такое за 25 рублей. Никто не обращает на него внимания. Кроме него и нет никого. Бельмонт дрянь, декадент...

Толстой ценил стихи Беранже. Некоторые из них знал наизусть.

— Хорошо пишут стихи французы и русские,— произнес он за шахматной игрой с М. С. Сухотиным.

Нет, поэзия для Толстого была просто необходимостью.

В июне 1891 г. книгоиздатель Ледерле просил Толстого прислать список книг, произведших на него в разные периоды жизни наибольшее впечатление, и произведе-

дений, с которыми «необходимо познакомить молодежь и читающую публику». Выполняя просьбу, Толстой составил такой список из 50 различных сочинений. Наряду с другими произведениями в список были включены стихотворение Пушкина «Наполеон», роман «Евгений Онегин», а также стихи Тютчева, Кольцова, Фета, драма Шиллера «Братья-разбойники».

И. И. Горбунову-Посадову, редактору и издателю «Посредника», выпускавшего небольшого формата и объема «книжечки для народа», Толстой рекомендует вместе с публикацией в них простых, веселых, без всякого замысла рассказов, даже смешных, невинных анекдотов, практических руководств по земледелию, садоводству, огородничеству, помещать самые лучшие стихотворения Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина.

Многие из стихов Пушкина Толстой знал наизусть и при случае цитировал их.

Бывали и курьезные случаи. Однажды при разговоре о волоките властей кто-то иронически заметил, что слово «заседать» — хорошее слово. Толстой тут же вспомнил и продекламировал:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь,
Почему ж он заседает?
Потому что (ж...) есть.*

Присутствующие все дружно рассмеялись. Об этом рассказывает в своем дневнике Д. П. Маковицкий. Правда, Толстой, спустя некоторое время, посочувствует Дондукову-Корсакову, на которого была написана эпиграмма: «Напрасно Пушкин его так осудил. Он был самый обыкновенный старого века человек».

Толстой неоднократно подчеркивал, что Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин и Гоголь учились языку у народа, что язык, которым говорит народ, есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт. «Наш литературный язык без костей,— говорил он,— так набалован, что хочешь мели — все похоже на литературу». Советует молодым, которые порой «швыряют словами как попало», в писании учиться у народа, у Пушкина и Гоголя. «Какой молодец Пушкин! Он говорит, как мы все говорим, только лучше и красивее... В нем можно найти отзвуки на все, что мы чувствуем»,— восхищается Толстой в одной из бесед с единомышленниками.

Большое влияние на Толстого оказала проза Пушкина, ее гуманный пафос, глубокое нравственное содержание. «Проза лучше его стихов», — не раз заявлял он своим собеседникам. Он называет Пушкина удивительным мастером красоты. Высоко ценил язык, слог и форму изложения «Повестей Белкина», образцовым произведением считал «Пиковую даму». По прочтении «Пиковой дамы» заметил: «Так умеренно, верно, скромными средствами, ничего лишнего. Удивительно! Чудесно! И как странно: были Пушкин, Лермонтов, Достоевский. А теперь что? Еще милый, но бессодержательный, хотя настоящий художник Чехов. А потом пошла эта самоуверенная, декадентская чепуха».

О Чехове он еще позднее скажет: «Чехов — это Пушкин в прозе». Поистине гениальная оценка писателю.

«Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас — «Повести Белкина», в 7-й раз в моей жизни. Писателю надо не переставать изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие», — пишет Толстой в письме от 30 марта 1873 г. писателю и историку П. Д. Голохвастову.

Следует сказать, что к пониманию прозы Пушкина Толстой пришел не сразу, а в результате, как он сам отмечает, «нового изучения».

«Я читал «Капитанскую дочку», и, увы, должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара — не слогом, но манерой изложения... Повести Пушкина голы как-то», — заносит он запись в дневник 31 октября 1853 г.

И вот крутой поворот весной 1873 г. — Толстой признается, что «божественный Пушкин», как называет он его в письме Н. Н. Страхову, оказывает благотворное влияние на него, что он с новым восторгом перечел всего и что чтение его возбуждает к работе.

Примечательно в этом отношении начало работы Толстого над романом «Анна Каренина». Впервые мысль о сюжете романа возникла у Толстого еще в 1870 году. Но потом до весны 1873 г. Толстой больше о нем не упоминает. Он изучал греческий язык, переводил Эзопа и Гомера, ездил в самарские степи, составлял «Азбуку», собирал материал для романа о Петре Первом. Как будто не хватало какого-то толчка, случая, чтобы наконец решиться на новый большой художественный труд. И такой случай вскоре представился. То, что произошло, самому Толстому казалось неожиданным. Об этом он рассказал Н. Н. Страхову в письме от 25 марта 1873 г.: «Все почти рабочее время нынешней зимы (1872 год) я занимался Петром, то есть вызывал духов из того времени, и вдруг — с неделю тому назад... жена принесла снизу «Повести Белкина»... Я как-то после работы взял том Пушкина и, как всегда (кажется, седьмой раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читаю. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным, прежде, но ничем я, кажется, никогда так не восхищался...

Я невольно, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман... роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен».

Роман «Анна Каренина» Толстой начал писать 18 марта и к 25 марта закончил первый черновой вариант. Так благодаря «божественному Пушкину» появилось новое замечательное творение Толстого. Известно, что он в это время однажды посетил старшую дочь Пушкина Марию Александровну Гартунг, проживавшую в Туле. Ее внешний облик так поразил писателя, что ее черты он запечатлел в образе Анны Карениной.

«Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться», — это признание Толстого записала в своем дневнике 19 марта 1873 г. Софья Андреевна Толстая тут же пометила, что после прочтения «Повестей Белкина» Лев Николаевич начал писать роман из частной жизни современной эпохи.

Близкий знакомый Толстого помещик А. В. Олсуфьев в разговоре о литературе как-то заметил, что Пушкин, дескать, подражал Мериме. Толстой сразу отреагировал на это репликой: «Пушкин выше его: у Мериме хорош один рассказ Кармен».

Открытия Толстого в литературе, прозвучавшие как откровения, проложили далеко вперед пути реалистическому искусству, начало которому положил Пушкин. Среди бесценных шедевров, подаренных людям, особняком стоят повести и рассказы, написанные Толстым после перелома, произошедшего в духовной жизни Толстого в конце 70-х и начале 80-х годов. Аскетически строгая стилистика в рассказах и повестях «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Отец Сергей» и «Хаджи-Мурат» обрела новое качество. В предельно сжатой, краткой, но отчетливо ясной, порою напоминающей пушкинскую, форме Толстому удается передать и сложную повседневную жизнь человека, и дать этому человеку и его жизни четкую оценку, своим вторжением не разрушая индивидуальных черт и особенностей личности. В этом проявился могучий дар художника-жизнелюбца.

В ноябре 1855 года по возвращении из Севастополя в Петербург Толстой, начинающий молодой прозаик, стал членом содружества литераторов, группировавшихся вокруг «Современника». Вскоре оно распалось на два противоборствующих лагеря. Во главе одного из них стоял Н. Г. Чернышевский, ему противостояли либерально настроенные П. В. Анненков, В. П. Боткин, А. В. Дружинин. Расходясь во многих взглядах на искусство, по-разному они видели и творчество Пушкина. Чернышевский оценивал Пушкина очень высоко, но как «поэта-художника», а не как «поэта-мыслителя», не находя в нем всей полноты гражданских мотивов, которыми он восхищался в поэзии Некрасова. Оппоненты критика-демократа были сторонниками традиционной эстетики «чистого искусства», ярким представителем которого они считали Пушкина. Между обоими станами велась бурная журнальная полемика.

Толстой фактически не примкнул ни к одному из них. Пушкин для него был мерилom художественного вкуса. Смысл художественной деятельности виделся ему в воздействии на эмоциональную сферу личности, высвобождении ее из-под «власти жизненной лжи и разврата», в «заражении» чувствами создания поэтических ценностей. «Мне только одного хочется, когда я пишу,— делился он с Боткиным,— чтоб другой человек и близкий мне по сердцу человек порадовался бы тому, чему я радуюсь, позлился бы тому, что меня злит, или заплакал бы теми же слезами, которыми я плачу».

В центре поэтики, считал Толстой, должна быть гармония, составляющая душу стихов, сливающаяся с образом, взятым из мира души или природы. Это он видел в Пушкине, который не только провозгласил, но и осуществил заповедь:

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь.*

Толстой в это время не принял обличительного «гоголевского направления», которое отстаивал Чернышевский. Прочитав его «Заметки о журналах», он в письме к Некрасову от 2 июля 1856 г. заявил: «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть возмущенным, желчным, злым очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина».

В речи в Обществе любителей российской словесности, членом которого Толстой становится в начале 1859 г., он отстаивает свою концепцию изящной словесности, защищает Пушкина от приверженцев политической обличительной литературы, считающих Пушкина певцом «чистого искусства». Тем не менее в заключение речи выскажет мысль о необходимости существования двух течений, двух отдельных родов в российской словесности, а со временем сам выступит страстным обличителем властей предрержащих, станет заступником безгласных и приниженных. Знаменитое толстовское «Не могу молчать» вызовет большой резонанс в российском обществе.

Толстого не раз спрашивали, что было бы с Пушкиным, если бы он дольше пожил? Н. Н. Гусев считал, что у Пушкина последовал бы религиозно-нравственный кризис, он уже наступал. Пушкин пришел бы к тому, к чему пришел в последние годы яснополянский «старый мудрец».

У Толстого мы не находим политических и религиозных оценок Пушкину. Толстовский перелом представлял собой разительный, драматический отход аристократа от своего собственного класса. По отношению к Пушкину нельзя, конечно, говорить о «переломе миросозерцания», он не покинул до конца аристократических позиций. Он занимал колеблющееся положение. На вопрос Гусева, между прочим, Толстой ответил что «Пушкин принадлежал по своему свойству к людям, которые растут, поднимаются и останавливаются, что многое от него бы улетело».

«Было бы хорошо!» — резюмировал Толстой, когда его спрашивали, что было бы с Пушкиным, если бы он дольше пожил.

Канонизируя Пушкина, мы забываем, что и у него были свои слабости, что он подвержен был тоже суете и суетным желаниям, «честолюбивым мечтам». Сын своего века, он вынужден был жить по его законам — как иначе? И жил, служил, писал, гулял, страдал, сам, что греха таить, много «приударял» за чужими женами и язвил, и наживал врагов. Жизнь всегда сильнее литературы, быт нивелирует даже гения. «Моя кухарка не знает, что я великий человек», — говорил Вольтер. Однако «великие слабости» великого человека — не главное в развитии гениального писателя.

Толстой всегда защищал Пушкина, когда кто-то касался его «слабостей», склоняясь к тому, о чем доносил Третьему отделению сыщик о Пушкине во время его путешествия на Кавказ: «Он не опасен, он любитель карт и женщин». «Ему же было тридцать в те времена», — снисходительно говорил Толстой. И добавлял: «А мне восемьдесят».

Когда Татьяна, дочь Толстого, однажды заметила, что Пушкин допустил непростительную грубость в одном из писем по отношению к жене, написав: «Было бы корыто, а свиньи найдутся», Толстой по поводу грубого, выразительного русского присловья сказал, что «он еще застал таких людей, которые французский язык знали лучше всякого француза, а по-русски выражались грубым, народным, сильным языком со всеми его прелестями».

В октябре 1888 г. в письме Кузминским Толстой из «Ясной Поляны» писал: «Девочки ваши, милые друзья Саша и Таня, очень милы — обе, каждая в своем роде, и живут прекрасно, не праздну... По вечерам — чтение вслух, то был Достоевский, то Мериме, то Руссо, то Пушкин, даже («Цыганы»), то Лермонтов, и предстоит многое — одно естественно вызывает другое». Действительно, все повторяется в жизни! Как когда-то отец восхищался восьмилетним сыном Левой, застав его за чтением пушкинских стихов «К морю» и «Наполеон», так теперь яснополянский «мудрый старец» радовался детскому увлечению поэзией двух огромных дарований, Пушкина и Лермонтова.

Время и «старая дорога» распорядились так, что Пушкину приходилось проезжать мимо Ясной Поляны. Об этом упоминает в примечаниях к «Очеркам былого» С. Л. Толстой. Ясная Поляна стояла на большом пути, ведущем с севера России на Украину, в Крым, к берегам Черного моря.

Здесь проходила одна из больших скотопробных дорог, которые были проведены при Екатерине между многими городами Центральной России. Эти дороги были когда-то обсажены ветлами и березами, в настоящее время не сохранившимися. «Старая дорога» проходила мимо яснополянского парка и через деревню Ясную Поляну. До постройки шоссе это был очень оживленный путь: здесь проезжали в дорезах и колясках, в бричках и тарантасах, в санях и возках, в телегах и на дровнях, на почтовых и на долгих. Проезжали Александр I, Николай I, Пушкин, декабристы и другие. М. Н. Толстая, мать отца, из беседки парка видела, как по этой дороге провозили тело Александра I из Таганрога», — пишет С. Л. Толстой.

Проезжая по «старой дороге», мимо яснополянских красот, Пушкин не мог предвидеть, что здесь родится и вырастет один из самых страстных почитателей его поэзии.

Геннадий Маркин

ВСТРЕЧА
Рассказ

*Сегодня в блеске солнца золотого,
Здесь под московским небом голубым
Старик-лезгин вдруг вспомнил Льва Толстого:
Когда-то Лев Толстой встречался с ним...*

Алексей Китлов

Бушевавшая всю ночь метель к утру стала стихать, и с рассветом, обессиленная, превратилась в небольшую поземку. Погоняемая ветром, она закружилась в вальсе и напоследок, пройдясь вдоль добротных купеческих домов и небольших крестьянских изб, прижалась к железным воротам городской тюрьмы, превратившись в сверкающий на морозном солнце большой снежный сугроб.

Заключенный Магомед Эфендиев наполнил питьевой водой металлические баки, проверил стоявшую на столе дежурного керосиновую лампу и, взяв лопату, направился во двор тюрьмы убирать снег.

— Магомед,— окликнул его старший стражник Василий Сомов,— вымой пол в коридоре. Сегодня господин начальник тюрьмы приедет не один, а с его благородием городским главою, надо чтобы порядок был.

Магомед молча кивнул головой и взял швабру с тряпкой.

За шесть лет нахождения его в тюрьме, среди русских заключенных и стражников, уроженец дагестанского села Огни, Магомед Эфендиев по-русски разговаривать научился хорошо и особенных проблем в общении с ним никто не испытывал. Хотя иногда, когда от него что-то требовали, он мог изобразить из себя ничего не понимающего по-русски человека, но к таким случаям Магомед обращался крайне редко. Родившись в многодетной и бедной семье, он с детства привык к физическому труду, и к работе всегда относился добросовестно, что и помогло ему завоевать уважение среди заключенных и стражников тюрьмы.

— В углах-то, в углах лучше погляди, да смотри, чтобы там грязи не осталось,— подсказывал Магомеду Сомов.

Когда уборка подходила к своему завершению, с улицы, сквозь тюремные стены, послышался глухой грохот открываемых ворот и стали слышны едва различимые отрывистые фразы ругательства дежурившего у ворот стражника.

— Все! Их благородия приехали! — засуетился Сомов, поправляя ремень с висевшей на нем связкой ключей, и, надев темно-серую шапку с латунной кокардой изображающей из себя двуглавого орла, замахал руками.— Иди быстро в качегарную да смотри не высывайся оттудова пока их благородия не уедут.

Магомед спустился в подвальное помещение, которое служило кочегаркой и, сбросив в прогоревшую печь несколько поленьев, присел на табурет. В печи, потре-

скивая с новой силой, вспыхнуло пламя, а в стоявшей металлической кружке кипятком забурлила вода. Магомед аккуратно взял с печи кружку и, обжигая губы, отпил. По телу приятно расплылось тепло и он, приоткрыв заслонку, стал смотреть на мчущееся красно-желтое пламя.

Точно так же потрескивал огонь в доме его односельчанина Казибек Курбунгалиева шесть лет тому назад. В тот роковой для Магомеда день у Курбунгалиевых был большой праздник. Казибек отдавал замуж за богатого жениха свою тринадцатилетнюю дочь Изумруд. А на окраине села в небольшом доме, уткнув в подушку лицо, лежал пятнадцатилетний Магомед. Он молча плакал. Его душили слезы, обида и злость. Слезы из-за неизбежности происходящего, обида за его униженную любовь и злость на новоявленного богатого жениха из соседнего села по возрасту подходящего для Изумруд разве что в отцы.

Не убивайся так, сынок. Ничего мы не изменим в этой жизни. Изумруд выходит замуж за богатого человека и, наверное, она будет счастлива,— успокаивала Магомеда мать.— Этим жестоким миром правит богатство, а мы люди бедные. Наверное, отец Изумруд поступает правильно, отдавая свою дочь за богатого жениха. Ведь каждый родитель хочет видеть своих детей счастливыми. А ты, сынок, еще молод, найдешь себе другую невесту, и тоже будешь счастлив,— говорила она, поглаживая голову сына.

Но Магомед не хотел соглашаться со словами матери. Он был уверен в том, что Изумруд любит только его и больше никого на свете. «Нет, не будет Изумруд счастлива с тем богачем. И я без нее тоже никогда не буду счастлив,— думал Магомед,— а поэтому я сегодня же выкраду ее. И мы сбежим высоко в горы, где нас никто и никогда не найдет. Только так должны поступать любящие своих невест женихи, только так поступают настоящие мужчины, только так поступают джигиты,— решил он».

Помочь Магомеду украсть невесту согласились двое его друзей и родной брат Шамиль. Был уже поздний вечер, когда они незаметно подошли к дому Курбунгалиевых. Во дворе дома стоял накрытый белой скатертью большой стол, на котором были выставлены лучшие вина и закуски. За столом сидели многочисленные гости. Они произносили тосты за здоровье жениха и невесты. Преодолев каменную стену, Магомед оказался во дворе Курбунгалиевых и, спрятавшись за кустарником, стал ждать удобный для похищения невесты случай. Но время шло, гости веселились, а удобного случая для похищения не наступало. Магомед уже стал отчаиваться, когда увидел, что Изумруд направилась в дом. Стараясь быть незамеченным, Магомед вдоль стены дома пробрался к окну спальни Изумруд и, распахнув его, быстро забрался в комнату. Изумруд сидела на кровати и молча плакала. Увидев, что кто-то влез в окно, она вскрикнула.

— Изумруд, любовь моя, не бойся — это я,— тихо прошептал Магомед.

— Зачем ты пришел? Уходи. Отец убьет тебя, если увидит здесь,— тихо проговорила Изумруд.

— Бежим со мной! Здесь недалеко стоит конь, и мы умчимся с тобой в горы, где нас никто не найдет! — горячо заговорил Магомед, взяв Изумруд за руку.

— Нет, я не могу,— ответила она ему.— Отец все-равно найдет нас, и тогда он убьет и тебя и меня! Уходи! — в темноте Магомед увидел, как по щекам Изумруд потекли слезы.

— Он нас не найдет. Мы уйдем отсюда очень далеко, в дальние села и будем жить вместе. Бежим же скорее, время не ждет! — взволнованно проговорил Магомед и потянул Изумруд за собой к раскрытому окну.

Они уже преодолели каменную стену, когда кто-то из гостей закричал: «Невесту украли! Держи вора!» Их догнали несколько человек, среди которых был отец Изумруд и ее жених.

— Негодная, ты опозорила весь наш род! — прокричал отец и ударил Изумруд рукой по щеке. Вскрикнув, она упала. Магомед бросился к ней на помощь, но его сбили с ног и начали избивать. Друзья Магомеда и его брат пришли ему на помощь, и началась драка. Во время драки при лунном свете блеснул острый клинок кинжала. Убитым оказался новоявленный жених, и всех четверых похитителей невесты приговорили к различным срокам заключения. Магомеда осудили на десять лет каторжных работ, но затем каторжные работы были заменены тюремным заключением, и он был этапирован в крапивенскую уездную тюрьму.

Дверь со скрипом отворилась, и в кочегарку вошли начальник тюрьмы и небольшого роста полноватый господин.

— А это и есть тот самый лезгин, о котором вы, Иван Григорьевич, меня спрашивали,— проговорил начальник тюрьмы.

— Скажи-ка мне, милейший, как тебе удастся всегда быть чистым и аккуратным, работая в кочегарне, где много угля? — спросил Иван Григорьевич у Магомеда.

Магомед не знал, что именно нужно отвечать, а поэтому молчал, переводя взгляд с Ивана Григорьевича на начальника тюрьмы и обратно. Иван Григорьевич вновь повторил свой вопрос, и Магомед решил изобразить из себя не понимающего порусски человека. Он стал бормотать различные слова на своем родном языке, мотать из стороны в сторону головой, разводил в разные стороны руки и мычать.

— Не бойся этого господина, Магомед. Это глава города Крапивны Иван Григорьевич Юдин,— проговорил начальник тюрьмы.— С сегодняшнего дня ты переходишь в его распоряжение. Будешь работать истопником в городском правлении, и жить будешь в городе под надзором полиции.

До окончания зимы, Магомед, работал, как и говорил начальник тюрьмы, истопником, а с наступлением весны, стал выполнять и другие работы. Вспахивал огороды, окучивал сады в усадьбах чиновников, косил траву, заготавливал на зиму дрова, охранял от расхитителей пашенные и лесные угодья. Но больше всех ему нравилась курьерская работа, когда он ходил на почту за корреспонденцией. Бывая в городе, Магомед, знакомился со многими крапивенцами. В разговоре с ними рассказывал о себе, о своих родных местах, узнавал для себя много нового, привыкая постепенно к русской жизни и приобщаясь к русской культуре. Жил Магомед в доме крестьянина-собственника Андрея Пашкова, оплачивая ему жилище помощью в ведении его хозяйства. Несколько раз его проверяли полицейский надзиратель с урядником, интересовались о его поведении, но ничего незаконного с его стороны не выявили.

В начале лета, когда отцветший своими семенами тополь сбросил с себя мягкий шелковистый пух, а на вишневых деревьях стали появляться маленькие зеленые бусянки, Магомеда вызвал к себе Юдин.

— Магомед, я хочу назначить тебя своим помощником по хозяйственным делам,— проговорил он.

— А что мне нужно будет делать? — спросил Магомед.

— Будешь заниматься тем, чем занимаешься сейчас, но только за свою работу будешь получать жалование.

Магомед сразу же согласился. Он давно хотел иметь свои деньги. «Когда заработаю деньги, то куплю себе новую одежду,— мечтал Магомед. Ему было стыдно донашивать одежду крестьянина Пашкова — свою арестантскую одежду он, с разрешения городского главы, не носил,— но другой одежды у него не было.— Затем в магазине у купца Пряничникова куплю конфеток и угощу ими детей Пашкова,— мысленно рассуждал Магомед. Он видел, как однажды младшие дети Пашкова просили мать Анну купить им конфеты, а затем хныкали, когда она отказала им в покупке.— И, наконец, я сам смогу оплачивать Пашковым за жительство,— продолжал мечтать Магомед».

В один из жарких летних дней, глава города Крапивны Юдин и его помощник по хозяйственным делам Эфендиев выехали из Крапивны на железнодорожную станцию Щекино.

— Сегодня, Магомед, я на станцию за почтой еду с тобой вместе, а ты внимательно смотри и все запоминай. В дальнейшем на станцию будешь ездить один, мне с тобой ездить некогда, я занят другими делами,— трясаясь в коляске и под топот конских копыт, говорил Магомеду Юдин.— Паровоз с почтой из Тулы на станцию приходит один раз в неделю по четвергам утром. Ты будешь выезжать по полудни, чтобы всю почту уже успели разложить адресату.

Магомед молча кивал головой, давая понять, что он все понял, не переставая вожами подстегивать лошадь.

Получив на станции почтовую корреспонденцию, Магомед, подошел к Юдину, чтобы помочь ему сесть в коляску, но тот не спешил этого делать. Иван Григорьевич долго и внимательно смотрел куда-то вдаль, где по дороге, подняв пыль, к станции, мчались два всадника. Вскоре они прискакали к станции, при этом вначале один, с большой седой бородой, а чуть позже и другой всадник, с небольшой аккуратной бородкой.

— Лев Николаевич, ну нельзя же так, в галоп-то?! — тяжело дыша, словно это он сам, а не лошадь, скакал галопом, проговорил второй всадник. Спрыгнув с лошади, он подбежал к первому всаднику, которого назвал Львом Николаевичем, и помог ему слезть с лошади.

— Ну, как тебе мой Делир? — весело спросил у второго всадника Лев Николаевич и ласково потрепал Делира по щеке. Конь замотал головой и фыркнул.

— Лев Николаевич, вам же нельзя... дайте, я проверю ваш пульс,— при этих словах второй всадник взял Льва Николаевича за руку и стал смотреть на свои часы.

— Полноте, Душан Петрович, полноте! — проговорил Лев Николаевич, освобождая свою руку.— Все это пустое. Я хорошо себя чувствую. А как тебе мой Делир? — улыбаясь, вновь спросил он.

Душан Петрович посмотрел на лошадь Льва Николаевича и молча развел руками.

— Имею честь приветствовать вас, Лев Николаевич, и рад видеть вас во здравии,— проговорил Юдин и, сняв кепку, слегка склонил голову.

— Ах, это вы, уважаемый Иван Григорьевич, и я рад встречи с вами,— ответил Лев Николаевич и, сняв белый картуз, также склонил голову.

— Давненько, Лев Николаевич, у нас не бывали-с,— произнес Юдин.

— В скорости, Иван Григорьевич, собираюсь посетить Крапивну. В аккурат после Петровского поста приеду по делам службы.

— Окажите милость, Лев Николаевич, личным посещением вашим ко мне. Супруга моя Лизавета будет очень рада встречи с вами.

— Непременно, Иван Григорьевич, непременно. А кто этот юноша, что стоит подле вас? — спросил у Юдина Лев Николаевич, указывая на Магомеда.

— Этот юноша лезгин из далекого горного Дагестанского села,— ответил Юдин.

— А как же он попал сюда?

— Сейчас он мой помощник по хозяйственным делам, а до того как, находился в городской тюрьме.

Лев Николаевич с интересом посмотрел на Магомеда, а затем вновь повернулся к Юдину.

— А по какому же делу находился под стражею? — спросил он.

— По делу об убийстве своего земляка,— ответил Юдин.

— Вот как! — неопределенно произнес Лев Николаевич.— А сможет ли он общаться на русском языке, если я поговорю с ним?

Юдин кивнул головой и повернулся к Магомеду.

— Магомед, с тобой хочет поговорить великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Он известен всему миру,— обращаясь к Эфендиеву, проговорил Юдин.

Магомед стоял молча. Он слышал о Льве Николаевиче Толстом. О нем много раз говорили арестанты, с которыми Магомед находился в тюрьме. Они рассказывали друг другу о том, что есть такой писатель граф Толстой, который часто помогает арестантам, защищает их права, выступает защитником на суде. Знал Магомед и о том, что Толстой помогает простым людям, таким же бедным, каким был и он сам. От тюремных стражников Магомед знал о том, что писатель Толстой написал такие книги, которые читают люди во всем мире. И вот теперь увидев лично писателя Толстого, Магомед растерялся и стоял молча.

— Знаешь ли ты грамоту? — спросил у него Толстой.

— Нет,— ответил Магомед.

— А хотел бы научиться грамоте? Хочешь ли ты научиться читать?

— Да, очень хочу,— ответил Магомед, хотя раньше об этом не задумывался.

Из здания вокзала вышел Душан Петрович, неся в руках сумку с письмами.

— Можно и в обратный путь, Лев Николаевич,— проговорил он, закрепляя сумку к лошадиному седлу.— Только умоляю, Лев Николаевич, не гоните в галоп.

Толстой повернулся к Юдину.

— Поклонитесь, Иван Григорьевич, от меня Елизавете Петровне и передайте детям вашим от меня пожелание доброго здравия,— проговорил он.

— Благодарствую вам, Лев Николаевич, будем счастливы, ожидать вас в гости,— ответил Юдин и вновь снял кепку.

Прощавшись с Толстым и его доктором Маковицким, Юдин и Магомед выехали в Крапивну.

Прошел месяц. На барских угодьях и крестьянских полях созревали хлеба и люди готовились к уборочной поре, когда Юдин вызвал к себе Магомеда. В кабинете, кроме главы города находился начальник тюрьмы Воронцов, уездный исправник Галунский, полицейский надзиратель Воскресенский и к своему удивлению, Магомед увидел Льва Толстого.

— Магомед, Лев Николаевич просит нас отпустить тебя с ним в Ясную Поляну обучаться грамоте,— проговорил Юдин, когда Магомед вошел в помещение.

— Я очень хочу научиться грамоте,— проговорил Магомед.

— А не сбежишь ли ты, любезнейший, из Ясной Поляны к себе на родину, в горы? — спросил у Эфендиева исправник.

— Нет не сбегу,— твердо проговорил Магомед.— Мне нельзя домой, меня там ждут мои кровники, они убьют меня за смерть своего брата.

— Вот! Это то, о чем я вам говорил,— глядя на всех, произнес Лев Толстой.— Я служил на Кавказе и хорошо изучил черкесов. Магомеду нельзя возвращаться еще лет десять, да и потом не все ясно, что там может с ним произойти. Уверю вас, господа, этот юноша из Ясной никуда не сбежит.

Полуденный зной усилился. Над скошенными хлебами, греясь под теплыми солнечными лучами, громко щебетали птицы. От легкого дуновения ветра благодарно кивали своими темно-лиловыми головками красавицы фиалки. Шелестя листвой с деревьев падали спелые наливные яблоки и ударившись о земную твердь, лопались, разнося по округе свои душистые ароматы. Из-за речки, со стороны Калинового луга, к старому заказу медленно плыли воздушные паутинки, но, заблудившись в Абрамовской посадке, находили себе пристанище на пожелтевших от ранней осени деревьях.

Возле скотного двора пахло лошадьми, от свежего навоза поднимался пар. Магомед убирался в конюшню, когда туда вошел Лев Толстой. Он прошел в денник к Делиру и дал кусок сахара. Стоявшая в стойле лошадь, вытянув губы, аккуратно взяла протянутый сахар и, завертев мордой, начала его с хрустом жевать.

— Когда идешь к животным, нужно всегда захватывать с собой хлеб или сахар. Животные, как и все живые существа, любят ласку, а за вкусный кусочек всегда оплачивают добром,— проговорил Лев Николаевич, поглаживая лошадь по загривку.— А что, Магомед, нравится тебе у нас в Ясной?

— Да, Лев Николаевич, нравится,— ответил Магомед.

— Ну, тогда готовь лошадей для прогулки,— приказал Толстой.

Прошло уже больше месяца с тех пор, как Магомеду разрешили проживать в Ясной Поляне. Жил он вместе с дворовыми людьми и выполнял работу по хозяйству, но в основном работал на конюшне с лошадьми. Общение с этими умными животными, уход за ними, их запах, все это напоминало Магомеду его родной дом, где он, настоящий джигит, участвовал в лошадиных скачках, устраивавших одним богатым его односельчанином. Свои навыки джигита, Магомед, хорошо показал и в Ясной Поляне, когда ему доводилось охранять помещичьи угодья. «Теперь караул строгий, так что не только лесом или хлебом, но и за орехи и грибы мужиков ловят. А прежде за водку любых дров нарубить можно было,— говорил однажды Лев Николаевич жене Софье Андреевне, отзываясь о работе Магомеда». Старшие сыновья Льва Николаевича, всегда брали Магомеда с собой на охоту, да и сам Лев Николаевич часто брал Магомеда с собой на конную прогулку.

Проскакав галопом вдоль леса, Лев Николаевич и Магомед, осадил лошадей, и перешли на шаг, вскоре, поднявшись на пригорок, остановились. Лев Николаевич долго смотрел куда-то вдаль в поля, а затем повернулся к Магомеду.

— А как, Магомед, идет твое обучение грамоте?

Магомед вспомнил, как он долго не мог запомнить в азбуке буквы и вместо ответа густо покраснел.

— Надо стараться учиться,— как-то задумчиво проговорил Лев Николаевич.— Если обучишься грамоте сам, то это есть только ступень, на которую должно становиться для того, чтобы идти дальше. Если взялся за дело образования, то осуществить его нужно не меньше, чем в масштабе всей России. Ведь народ безграмотен, живет в темноте.

— А если я не смогу в этой темноте светить так, как это должен делать настоящий учитель? — глядя на Льва Николаевича, спросил Магомед.

Толстой повернулся к Магомеду и внимательно взглянул на него своим пронзительным взглядом.

— Каждый человек — алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очистить себя,— проговорил он и, прищипнув коня, поскакал в сторону усадьбы. Время прогулки заканчивалось, наступало время работы.

Четыре года прожил в Ясной Поляне Магомед Эфендиев и все эти четыре года он помнил сказанные Толстым слова о ступенях, достигнув которых, человеку необходимо идти дальше. Помнил о вечном свете, который может светить только тогда, когда человек очистит себя. Эти слова он шептал в 1910 году, когда со слезами на глазах шел со станции «Козлова Засека» за гробом своего великого учителя. Они гулким эхом отзывались в горах Дагестана, куда после революции вернулся Магомед обучать грамоте детей, вернулся, чтобы светить. Потому, что так завещал ему его великий учитель Лев Толстой, с которым он, простой неграмотный лезгин Магомед Эфендиев, однажды случайно встретился на проезжей дороге у станции Щекино.

НЕ СТАТЬ ХУЖЕ

9 сентября 2006 года в музее-усадьбе Ясная Поляна прошли традиционные одиннадцатые по счету толстовские чтения, посвященные 178-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого. В этот день в Жемчужину России съехались отечественные и зарубежные почитатели таланта великого русского мыслителя. Жюри литературной премии «Ясная Поляна» огласило список литературных произведений, претендующих на получение премии; 3 октября в Москве определится лауреат. Претендентов трое: пермский писатель Алексей Иванов и его роман «Золото бунта, или вниз по реке Теснин», писатель из Новосибирска Виорэль Ломов с романом «Архив» и писательница из Иерусалима Дина Рубина, роман «На солнечной стороне улицы». Среди гостей находился ежегодный участник толстовских встреч, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», один из лучших российских литературоведов, литературный критик, киновед, культуролог, публицист, член редколлегии журналов «Литературная учеба», «Роман-газета», «Москва», член правления Союза писателей России Валентин Курбатов.

— Валентин Яковлевич, в 1900 году Лев Николаевич Толстой говорил: «Литературу поглотили газеты. Но и газеты и журналы перестали быть литературным делом, а сделались азартною игрою. Вопрос уже не в том: как издавать? Чему служить? Что проповедовать? А в том, как выиграть приз, обогатиться».

Сегодня, спустя столетие, мы вновь наблюдаем, как настоящую литературу вытесняют на обочину жизни безнравственные газеты и телевидение. Как вы считаете, что сегодня необходимо предпринять нашему обществу, школе, чтобы родное, доброе литературное слово вновь стало укрепляющим средством духовного здоровья нации?

— Литературу вытесняют не только газеты и телевидение, но и, к сожалению, сама же литература. Сегодня стало очень много безответственной литературы, безответственных авторов, произведения которых ниже и гаже самого безнравственного телевидения. Сегодня, из-за многих безнравственных газет, журналов и в первую очередь из-за нашего телевидения, ученики, учителя и сама школа оказались нравственно незащищены. Учителя сегодня находятся в очень сложных условиях, страшных условиях, особенно преподаватели истории и литературы. Остается только призвать и просить наших учителей из всех сил держать высокое звание русского учителя, нести ученикам чистоту русского слова, не сдаваться всему этому пагубному, что сегодня происходит в нашей стране. Сегодня на наших учителях, как никогда раньше в России, лежит очень большая ответственность — спасти наших детей.

Правительство собирается будущий год объявить годом чтения, при этом пытаются пользоваться почти комическими способами. Собираются дать поручение телевизионщикам снимать телевизионные фильмы и сериалы, в которых герои будут чаще читать книги, и что бы было видно по сюжету фильмов, как они на ниве своего чтения духовно возрастают. Это от бессилия, от незнания, как устоять перед сегодняшней обвальная лавиной безнравственности. Загляните сегодня в любой газетный киоск и увидите, как каждый журнал буквально кричит: я... я... и меня! И походят своими обложками чаще всего на, простите, женскую баню, а не на настоящие, несущие в себе благородные течения, журналы.

— *Может быть, для спасения наших учеников и чистоты русского слова, настало время школе призвать на помощь настоящего писателя?*

— Такое время настало уже давно. К сожалению с настоящими писателями трудно встречаться, потому, что их остается все меньше и меньше. Сегодня очень много вот тех, растлевающих и разоряющих наше сознание. Здесь, главное не ошибиться в том, кого хотелось бы призвать в помощь кто бы мог ученику вместе с учителем, дать почувствовать, что еще не все потеряно, что еще не все у нас плохо, что еще не все закончено.

— *В этом важном вопросе большую роль сыграло бы телевидение, предоставив трибуну настоящим писателям, литературоведам. Но их, к сожалению, сегодня не слышно, они молчат.*

— Телевидение сегодня частное и находится в руках тех людей, которые знают, что нужно показывать, выполняя правительственную политику. Они на своих частных телеканалах пытаются изобразить стабилизацию в стране и говорят нам об этом изо дня в день. Это они сами себя заговаривают и нас пытаются убедить в том, что в стране все благополучно, что жить стало лучше, жить стало веселее. Но мы то сами видим, что не веселее. Мы просто привыкли, втянулись и поняли, что деться некуда, мы обречены, жить в этом мире, другого государства не будет. Телевидение сегодня «освистывает» все старое, советское. А там мы нажили много положительных традиций, много достойного, чего надо было бы удерживать, а не разваливать. «Освистывающая» сегодня все прошлое, телевидение, тем самым, хочет обеспечить себе право быть бесстыдным. Оно хочет оставаться бессовестным, но, как бы, с чувством правоты. Представьте себе, если на экраны телевизоров выйдет такой писатель, как Валентин Распутин? Он же не будет молчать о том, что большая часть нашего народа страдает. Поэтому настоящий писатель сегодня молчит, но это молчание — громовое! Если у нас в стране сегодня такие писатели, как Валентин Распутин или Василий Белов молчат, не несут в души и умы народа, молодежи в первую очередь, доброго и порядочного, значит, что-то не ладно в такой стране, значит она, безнадежно больна. Великие совестливые русские художники, великая совесть русского народа сегодня умолкает, видя, что не перекричать того врага, который сегодня на Руси со всех сторон. Сегодня трибуна в первую очередь предоставляется другому писателю, не обремененному чувством нравственности или культуры.

— *К сожалению, сегодня часто сталкиваешься с литературным бескультурьем. Как бы вы, как литературовед и культуролог, охарактеризовали таких писателей?*

— Сегодня многие наши писатели перестали быть плотью земли русской, перестали быть небом, перестали быть русскими в высочайшем значении этого слова. Сегодня многие писатели оказались разорены. Тем же телевидением, тем же рыночно-продажным существованием. Государственных издательств сегодня практически нет, только частные и писателя подталкивают к тому, чтобы он продавался, чтобы писал такую литературу, которая покупается, на которую сегодня имеется спрос. Вот он и пишет разного рода чернуху. Это не его вина, а его беда, ведь ему, писателю, тоже нужно на что-то жить. Как бы ни были сегодня малы тиражи в распоряжении писателя, ему необходимо быть по-прежнему мужественным, твердым, переживать вместе со своим народом, со всей ответственностью и прямотой рассказывать о его проблемах и страданиях. Это на сегодня самая главная и важная задача писателя.

— *Чтобы избавиться себя от нравственных страданий, Лев Толстой советовал переменить взгляд на жизнь и видеть только хорошее, а не дурное. А как избавиться себя от нравственных страданий сегодня, когда видишь рядом с дорогими иностранными автомобилями, например, просящую милостыню старушку, живущую на пенсию в две тысячи рублей? Не замечать нищенку, а любоваться только красивыми машинами?*

— Как бы ни были мы милосердны к старушкам, они по-прежнему будут стоять на наших улицах и просить подаяния. Потому, что они следствие того, что сегодня, к сожалению, совершается государством. В том, что совершается в правительственной, политической, идеологической жизни. Само правительство сегодня выбирает олигархическую политику, политику толстого кошелька. Члены правительства разъезжают на шикарных автомобилях, из газет мы знаем, что сумма их дохода превышает все возможные человеческие разумения. Такое правительство не будет заботиться о

старушках, им не до того. Оно будет развивать что-то свое, не старушечье. Видя такое, хочешь или не хочешь, а вспомнишь «освистанного» сегодня Иосифа Виссарионовича, который сам одевался в одно и тоже простенькое пальтишко, как и многие его сограждане. Да при Сталине тоже были нищие и голодные, но человек, руководящий страной, прекрасно понимал о том, что он сам должен быть таким же, как и его народ, как и его страна. Мне кажется, у нас в стране не будет нищих, если заседания Государственной Думы будут проводиться не за высокими стенами в залах с микрофонами, а в русских селах, на фоне разрушенных коровников. И тогда члены Государственной Думы, вместе с правительством, наконец-то поймут, что у нас за страна, чем и кем они руководят сидя в высоких московских кабинетах. Может быть, у них тогда и возникнет чувство стыда за разоренные заводы, пустующие деревни и заросшие травой некогда мелиорированные колхозные земли. Земля дичает, народ в селах спивается, а до правительства не докричишься. Они словно не слышат наших воплей. Но кричать все равно надо.

— *Как не озлобиться от всего этого? Как сохранить человечность?*

— Другого института кроме церкви у нас нет. Церковь — это сдерживающий фактор, сдерживающий центр. Сегодня у нас, к счастью, восстанавливаются и строятся новые храмы, а вот кто будет ходить в эти храмы? Какая будет у людей сила? Твердость духа? Какая будет вера?

Не озлобиться можно, только надеясь на слово Господнее, на состояние своей души и сердца. Других вариантов, к сожалению, нет. Народ впервые оказался наедине с самим собой. У него отобрали идеологию, он еще не совсем пришел к церкви.

Валентин Яковлевич, сегодня, в день рождения Льва Николаевича Толстого, чтобы вы пожелали всем почитателям его творческого таланта?

— На наших ежегодных писательских встречах, мы говорим о работах писателя и видим в них, что мы повторяем тот же катящийся к обрыву общественный жизненный путь, о котором он предупреждал нас, наставлял нас, требовал от нас. Лев Николаевич, в своих произведениях учил нас самосовершенствоваться, говорил о спасении самих себя. Призывал устоять, если не сделаться лучше, то хотя бы не стать хуже.

Сегодня, спустя столетие, я хочу пожелать всем нам не забывать эти бессмертные толстовские слова: «Не стать хуже!»

Елена Яценко

ТОЛСТОЙ ХЛОПНУЛ ДВЕРЬЮ ТАК, ЧТО УСЛЫШАЛ ВЕСЬ МИР

7 ноября 1910 года на станции Астапово в доме начальника станции умер Лев Николаевич Толстой. Известие о его смерти пришло в Тулу днем позже. Газета «Тульская молва» на первой полосе поместила статьи с трагическими заголовками: «Умер Лев Бессмертный», «Национальное горе». Газеты раскупались мгновенно. В эти дни в сторону Ясной поляны спешили сотни машин и экипажей.

Сестры Берс

А как все красиво начиналось. В семействе Берс Льва Николаевича привечали очень активно. Он был потенциальным женихом, а в семье подрастали сразу три девицы. Сначала граф не выделял никого из сестер Берс. Со старшей Лизой он говорил о литературе, со средней — Соней — играл в шахматы. Татьяну самую младшую катал на спине по всем комнатам. Родители в мыслях уже соединили с графом Толстым старшую дочь Лизу. Тем более, разница в возрасте между потенциальными молодоженами была самая маленькая. Но Лев Николаевич не спешил к сближению, холодность Лиза его отпугивала. Однако дело медленно, но верно шло к свадьбе. И стать бы Лизавете графиней, не вмешайся Сонечка, которой исполнилось восемнадцать. Она пустила в ход все женские уловки известные ей: подолгу уединялась с графом, то и дело меняла наряды, «стреляла глазками». И вскоре достигла цели, Лев Николаевич страстно влюбился. Лизе было немедленно сообщено о желании графа вступить в брак с Софьей Андреевной. Лиза билась в истерике. Правда, в последний момент Толстой захотел вырваться, заявив, что недостойн Софьи Андреевны. Но теперь уже Соня закатила истерику, утверждая, что он погубил ее, восемнадцатилетнюю.

Семейная жизнь

Сначала жизнь в Ясной Поляне показалась городской барышне ужасной. Ее поразила простота и бедность обстановки, отсутствие наволочек и нормальной посуды, грязь на кухне и темнота деревенских улиц. С рождением первенца Софья Андреевна переменилась. Она забыла прежние тревоги. Ее больше не смущало деревенское одиночество. Жена рожала и воспитывала детей. Муж творил бессмертные романы. Несколько лет ничто не нарушало мира и согласия в семье гения. Но, со временем, супруги отдаляются друг от друга. Она хлопочет о мебели, скатертях, о поваре, обеде. Она мать многочисленного семейства, он гений, ищущий истину. Он раздает деньги бедным, Софья Андреевна, наоборот, беспокоится о благосостоянии семьи, справедливо полагая, что чем богаче семья, тем лучше. Кроме того, Софья Андреевна патологически ревнива. Впрочем, для ревности причины были. Чего стоит только одно чтение дневника мужа с описанием его интимных переживаний, который Лев Николаевич показал ей в порыве откровенности. Молодая женщина была шокирована и уговаривала себя, что прошлое ей не принадлежит. В последние годы холостяцкой жизни граф имел длительную связь с яснополянской крестьянкой Аксиной Базыкиной. О ней 30-летний

Толстой, охваченный страстью, напишет в дневнике: «Очень хороша. Я влюблен как никогда». Однажды Аксинья была прислана в графский дом для уборки, зачем-то ее показали Софье Андреевне. И хотя связи уже не было, графиня была в бешенстве, а ночью ей приснился сон, что она раздирает ребенка крестьянки на клочки. Спустя три десятилетия Аксинья ожила на страницах повести «Дьявол» Говорят, Толстой прятал эту повесть от жены за обивкой дивана. Очень уж соблазнительной получилась героиня. Но больше всего Софья Андреевна ревновала к своей младше сестре Татьяне. Отношения Льва Николаевича с Таней Берс всегда были очень красивыми. Их связывало полное взаимопонимание. Толстой был для нее другом, отцом, советчиком.

Мечты

Простая, естественная, трудовая жизнь в простых, естественных условиях составляла с молодых лет заветную мечту Толстого. Одна из любимых героинь Толстого, княжна Марья, мечтает о том, как она, подобно страннице Федосеюшке, пойдет странствовать в грубом рубище, с палочкой и котомочкой, «направляя свое странствие без зависти, без любви человеческой, без желаний». И Пьер Безухов, другой любимый герой Толстого, бродя по оставленной и опустошенной Москве, чувствует, что «и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить». После женитьбы мечтания пришлось оставить и высказывать их только в писаниях. Любимыми героями художественных произведений Толстого последнего периода являются странники, оставившие семью и удобства жизни. Таковы: Корней Васильев, Отец Сергей, Александр I («Посмертные записки старца Федора Кузьмича»). Думает об уходе от семьи и герой незаконченной драмы Толстого «И свет во тьме светит» Николай Иванович Сарынцов, в котором Толстой в значительной степени изображал самого себя.

С годами та барская обстановка, в которой застало Толстого его «новое рождение», становилась ему все более и более отвратительной. В семье он первые годы не встречал никакого сочувствия своему новому образу мыслей. И мысль об уходе из Ясной Поляны все чаще и чаще приходила ему в голову. Дневник Толстого 1884 г. содержит большое количество записей, проливающих свет на его тогдашнее душевное состояние и отношение к семье.

В июле 1909 г., когда Софья Андреевна настойчиво требовала от мужа передачи ей прав на его сочинения, перед ним опять встал вопрос об уходе. «Страшно хочется уйти,— записал он в дневнике 21 июля.— Едва ли в моем присутствии здесь есть что-нибудь кому-нибудь нужное. Тяжелая жертва, и во вред всем». И на другой день: «Все больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сделать распоряжение об имуществе».

Или все-таки болезнь?

Родился будущий писатель, как сказали бы теперь в неблагополучной по наследственности семье. Дед по отцу — граф Илья Толстой — страстный картежник, скончался скоропостижно, что породило слухи о самоубийстве. Бабка писателя Пелагея Николаевна по словам современников малообразованная до нельзя избалованная барыня на старости лет стала страдать галлюцинациями. Отец — Илья Николаевич, добрый и мягкий человек, в 16 лет заболел какой то «душевной болезнью». Волконских — предков по линии матери, отличали другие фамильные черты: вспыльчивость и угрюмость. В десятилетнем возрасте Толстой выпрыгнул из окна второго этажа и, сильно ударившись, потерял сознание. Затем бессознательное состояние перешло в сон, в котором будущий классик пребывал 18 часов. Позже у Толстого стали случаться приступы, сопровождавшиеся судорогами. Несколько раз с ним делались необъяснимые обмороки после которых он совершенно терял память. На следующий

день следы болезни исчезали. Говорят, что самого Толстого с детства преследовал безумный страх смерти, уйти от которого не удавалось ни с помощью религии, ни философских размышлений о смысле бытия. В его окружении всегда находились домашние врачи, а когда он болел, то не возражал против консилиумов медицинских светил. Толстой очень серьезно воспринимал рекомендации врачей и регулярно принимал прописанные снадобья.

В двадцатых годах прошлого столетия отечественный психиатр А. Евлахов считал, что уход из дома является проявлением болезни Толстого. Помрачение сознания сочетается с выраженной двигательной активностью. В этом состоянии больные могут долго идти или бежать без определенной цели. Такие эпизоды случались с Толстым в юности, когда он неожиданно вылезал из коляски и молча, до полного изнеможения бежал несколько километров впереди экипажа.

Дорога к смерти

Всемирно известный писатель ушел из дома в ночь на 28 октября в сопровождении своего домашнего врача Душана Маковецкого. Ушел навсегда, решив жить по-новому. Оставив записку жене: «Не думай, что я уехал, потому что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею всей душой, но не могу поступить иначе». 82-летний Лев Николаевич Толстой ушел из дома. Как оказалось навстречу смерти.

28-го *октября* утром в 3 часа, Лев Николаевич в халате, в туфлях на босые ноги, со свечой разбудил Маковецкого: «Я решил уехать. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будем брать, самое нужное. Саша (Александра Львовна) дня через три за нами приедет и привезет, что нужно».

Было холодно, сыро, темно, вагон, в котором они ехали был плохой и тесный. Отделения в вагоне узки, между скамейками мало простора, багаж тоже не умещается. Духота; воздух пропитан табаком. Поезд тащился как назло очень медленно. Немудрено, что старый, уставший писатель смертельно заболел в дороге. Толстого мучил сильный жар, озноб, забытие. Ехать дальше было невыносимо. 31 октября станции Астапово Толстой и его спутники сошли с поезда. Местный начальник станции Иван Озолин уступил писателю свою квартиру. В ней он и умер через неделю.

Похороны

Опасаясь беспорядков, власти командировали на станцию Засека из Москвы и Петербурга несколько эшелонов с жандармами. Прибыл начальник Московского жандармского управления генерал Фрейберг. Кроме того, в Ясную Поляну подтянулись все тульские полицейские. До Засеки из Тулы специально провели телефон, и на всякий случай установили три дополнительных телеграфа. Держатели лошадей просили за доставку в Ясную бешеные деньги. Чтобы подъехать к усадьбе на тройке требовалось не меньше 30 рублей. Большинство туляков приехали на извозчике за пятерку.

Утром 9 ноября в Ясной поляне собрались несколько десятков тысяч человек. Проститься с великим писателем приехали студенты и гимназисты, чиновники и столичные актеры. Тульские семинаристы, несмотря на запрет своей администрации, приняли участие в похоронах.

Ранним утром поезд с телом писателя прибыл на станцию. Многотысячная толпа обнажила голову. Траурная процессия шла до Ясной поляны три часа, в четырех подводах везли венки.

Использованы материалы: В. А. Жданова «Любовь в жизни Толстого», С. Л. Толстой «Очерки бывалого», Т. А. Кузьминская «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», А. Толстикович «Эпилепсия — симптом гениальности?», Д. П. Маковецкий «Уход Льва Николаевича», В. Г. Чертков «Уход Толстого».

Вера Свиридова

ВЕЛИКИЙ И ПРОСТОЙ

Лев Николаевич Толстой —
Такой великий и простой!
Со всеобъемлющей душой!
Вся жизнь его была борьбой,
Протестом против лжи и зла,
Стремленьем к торжеству добра.
К вершинам нравственным взывал
О братстве всех людей мечтал.
Учитель наш, наставник, друг,
Впитал земли своей он дух,
В раздумьях истину искал,
О смысле жизни размышлял,
Дал в книгах мудрости завет,
Неугасимой правды свет.
В великих мыслях Льва Толстого —
Источник веры и добра,
Мы их находим снова, снова,
Им не угаснуть никогда!

Леонид Адрианов

* * *

Синенькую ниточку Воронки
На глобальных картах не ищи.
Что она — лишь ручеечек тонкий
Среди рек, серьезных и больших.
Иноземец всяк пожмет плечами,
И не всякий русич объяснит,
Где течет по Тульщине лесами,
Какова на норов и на вид.
Но в одном с ней не сравнится Волга,
Миссисипи, Ганг и Енисей,
Хотя вроде все равны у Бога,
Потому что созданы им все...
Невеличка синяя Воронка
Не за норов славится простой,
А за то, что в возрасте ребенка
На берегах ее гулял Толстой.
Каждый знает Ясную Поляну
От Чукотки до Па-де-Кале.
И речушка эта неустанно
Пусть течет по матушке-Земле.

ТОЛСТОЙ НА ПАШНЕ

Забавляется граф не от скуки,
Пашет землю, не свой огород.
Уж в мозолях холеные руки,
И по телу просоленный пот.
А кобылка шагает упорно,
Ташит плуг и ведет борозду.
Следом — кляча, впряженная в борону,
Мордой машет, идя в поводу.
Солнце клонится медленно за полдень.
Вдовье поле не столь велико.
Он исполнил библейскую заповедь
Моисеевских ветхих веков.
Раскраснелось лицо стариковское —
Кряжист граф, велика борода..
Ой, вы, сила и совесть толстовская!..
Господам бы их в наши года!

НА ТРАССЕ МОСКВА —СИМФЕРОПОЛЬ

(поселок Чернь)

Памятник Толстому и Тургеневу

Здесь, на границе стареньких губерний,
Сошлись они, романтики пера,
Бытописатели помещиков и черни,
Радетели всеобщего добра.
А мимо мчит несытая Россия,
Вперяя в дали болью белый взор.
Когда бы жили, всех бы спросили:
«Куда летите вы во весь опор?»
Таким умам сюжеты для романов
Дала бы явь российская с лихвой —
Трагедии пустых людишек и карманов,
И власти, к оной пустоте глухой.
Суть гении: король и королевич,
Художники житейских драм и скверн,
Лев Николаевич и Иван Сергеич,
Два дворянина, коих помнит Чернь.

* * *

А в Яснополянском парке
Все липы осыпались рано.
Аллеи пестры, но не яркие..
Аллеи прекрасны и странны.
И ты на толстовской скамейке
Ту книгу читаешь — про Анну..
Все Анны немного злодейки..
Все Анны прекрасны и странны.
Окрашены в цвет терракоты

Аллеи всей Ясной Поляны,
Когда я спрошу тебя: «Кто ты?»,
Ответишь прекрасно и странно:
«Анна».

Владимир Сапожников

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ВЕЧЕР

Яснополянский вечер.
Хрустят сухие ветки,
Мы бродим по аллеям
    в предчувствии чудес...
Как прав Лев Николаевич
    и все другие предки,
Которые селились
    не где-то, а вот здесь.
В краю, где все знакомо,
    где встретят нас сердечно
Где не обманет ветер,
    и ближний не солжет...
В краю, где мы родились,
    и ляжем где навечно,
Когда черед настанет,
    и граф нас позовет....

Людмила Стаханова

ДИПТИХ «АННА»

БАЛ

Ах, как ей черное к лицу!...
«Благодарю, но вальс уже обещан...
О, да, я верю — сон бывает вещим...
Наслышана, что скоро вам к венцу?
Нет, нет, не стоит — мы знакомы, граф».
Она мила, хотя полуребенок...
Как все-таки раздел незримо тонок
Меж двух понятий:
«прав» или «не прав»...
«О, да, балы порою так скучны —
Старинная московская забава...
Ах, я ответить затрудняюсь, право...
Вы шутите? О, нет, вы не должны...
Мазурка уже близится к концу
И... Полно, граф, пора прервать беседу.
Да, завтра, в ночь. Решительно, я еду!»...
Ах, как ей было черное к лицу!

ВСТРЕЧА В БОЛОГОМ

Бологое. Перрон простуженный
Да метельная ворожба:
То ли ряженный, то ли суженый.
Чет ли, нечет ли? Не судьба,
Будто в скачке — слепой, неистовой —
Отыграться и наверстать.
Ничего, что поможет выстоять.
Никого, кто поможет встать.
Полно, полно, взглядишь попристальной
В свой смертельно опасный приз!
Поздно, поздно... Шагами быстрыми
По ступеням, ведущим вниз...
Бологое. Перрон простуженный.
Ах, когда б над собою власть!
Нить натянута чуть потуже, но...
Но, пока еще, не порвалась.
Бологое. Перрон простуженный...

Сергей Галкин

У МОГИЛЫ ТОЛСТОГО

Здесь ни креста, ни надгробья...
Лишь суетных чужды страстей
Простые цветы в изголовье
Да птицы в сплетенье ветвей.
И всякий отметил, наверно,
Пускай про себя, а не вслух,
Что очень уж несоразмерны —
Могила и гения дух.
Что рангом куда как пониже,
Притом, не считая ума,
При жизни готовили выше
Надгробия, чем терема.
Да мало ли в людях капризов?
Ты здесь понимаешь не вдруг —
Тот холмик зеленый — он вызов
Тщете человеческих потуг.
А впрочем, тщеславье не ново.
И речь не о том вовсе тут.
К бессмертному духу Толстого
Бессчетные толпы идут.
Идут, у могилы помешкав,
Почти с ощущеньем родства...
И тонкой толстовской усмешкой
Под солнцем играет листва.

ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Наталья Парыгина

ДРУЖИНИН
(Из книги «Семейные повести»)

Нет, это не я вышла замуж. Это сестра умудрилась вступить в брак. А все из-за Клавдии Петровны Ярославцевой. Из-за того, что лучшая подруга нашей маленькой семьи нагадала ей эту перемену в жизни.

— Ты, Томочка, скоро выйдешь замуж,— неторопливо, мягко, доброжелательно сообщила самодеятельная гадалка.

Томуся не приняла всерьез ее предсказание. (А зря!)

— Да ладно вам, Клавдия Петровна...

— Выйдешь, выйдешь,— настойчиво повторила гадалка.

Мы сидим с милой гостьей за столом в проходной комнате нашей новой квартиры. Да, теперь мы живем в двухкомнатной «хрущевке». Мама умерла в декабре 1984 года. Ира уже окончила дошкольное педагогическое училище, начала работать. И, став самостоятельной, стала жить в отдельной квартире, «чтобы устроить свою судьбу». Мы с Томусей попытались, было, объяснить ей, что «судьбу устроить» можно и в нашей трехкомнатной квартире, где в то время жили. «Нет»,— сказала Ира.— Мне нужна отдельная квартира».

— Вот он — твой король,— указывая на жениха среди разложенных на столе карт, продолжает свое предсказание Клавдия Петровна. И даже рассказывает кое-что из его биографии.— Он военный. Нет, сейчас он не военный, но был военным.

Мы с сестрой улыбаемся, не веря в это гаданье. Никакого подходящего на роль жениха знакомого — ни штатского, ни военного вроде бы нет. А если есть, то где он прячется? Но гадалка наша даже и примерный срок объявила:

— Скоро выйдешь. Ну, не завтра, но — скоро.

Мама в этом случае прибавила бы оговорку, которой подстраховывалась еще ее мама: «Карты врут, так и я вру». Но Клавдия Петровна доверяет картам, и они на этот раз не врут.

Строго говоря, живем мы в нашей хрущевочке не вдвоем, а втроем. Вскоре после переезда приобрели мы на «толкучке»(так назывался вещевой рынок, где продавцы и покупатели «толклись», совершая торговые сделки...) приобрели маленького черного щенка с лохматой мордой. Черная шерсть на морде была пробита белыми, как бы седыми шерстинками. Но самое замечательное у этой псины было глаза: такие умные, выразительные, понимающие, что с Норочкой можно было разговаривать, как с человеком, и она все понимала. Хозяйка, продавшая нам щенка, не знала, какой он

породы. Но однажды навестивший нас знакомый, разбиравшийся в породах собак, сказал, что — это карликовый миттель-шнауцер.

Повадки у нашего миттель-шнауцера были весьма своеобразные. Норочка, например, без малейшего лая впускала в дом любого постороннего человека. Но когда гость уходил, она бурно — до собачьей истерики возмущалась, заходясь лаем. При этом, если гость, уходя, забирал с собой даже свою собственную сумку, Норочка считала это незаконным. Однажды к нам пришел мастер по ремонту телевизора, и когда, сделав дело, забрал с собой дипломат, Норочка ухватила его за штанину и так волоклась, пытаясь упереться лапами, до самой двери.

— Что это она? — удивился мастер.

— Считает, что дипломат вы должны оставить нам в подарок, — объяснила Томуся, забирая бдительного сторожа на руки.

Электрический звонок в прихожей время от времени напоминал нам, что мы не совсем одиноки. Приходила Ира (она нас с Томусей в разговоре с посторонними называла: «мои родители», а иногда — «мои мамочки»). Навещали знакомые писатели и соседи. Однажды пришел Николай Константинович Дружинин.

Случилось это в жаркий летний день. Накануне мы с Томусей и нашей давней знакомой Валентиной Терентьевной ездили на кладбище. Втроем мы обихаживали мамину могилу: обкладывали дерном с соседнего пустыря и сажали цветы. А солнце пекло, как на юге. Все мы обгорели, но больше всего досталось Томусе: руки сожгла от плеч до кистей. Я сходила в аптеку и купила ей какой-то бальзам в виде белой пены.

Без дела моя сестра просто не умеет жить. Намазав руки этим пенистым бальзамом, она поднялась на табурет и принялась прибивать в коридорчике декоративную подкову (на счастье!), когда в дверь позвонили. Я открыла дверь и впустила гостя. Мы поздоровались. Тома обернулась и не сразу узнала гостя. А, узнав, удивленно протянула:

— А-а, Дружинин.

Ни чуточки не догадываясь, что — это не просто Дружинин пришел. Что явилась в лице Дружинина ее судьба.

Но, возможно, догадалась об этом Норочка, со всей собачьей эмоциональностью обрадовавшись гостю: она опрокинулась на спину у самых его ног, расставив лапы и ожидая, что добрый человек почешет ей животик. Так как Николай Константинович был любитель и знаток собак, он сразу понял желание четвероногой хозяйки и приласкал ее, с первой встречи установив контакт с псинкой на многие годы.

Дружинин в эту пору был автором двух книг и одной рукописи. Эту рукопись для детей он предложил Приокскому издательству в Туле, но за несколько месяцев в нее даже никто не заглянул. Тогда он забрал свой труд и отправил почтой в московское издательство: «Детгиз» на российский конкурс на лучшую книгу для детей о Великой Отечественной войне. Рукопись будущей книги: «Лицом к огню» получила вторую премию и была принята к изданию. Так что наш гость переживал счастливую пору своей жизни.

Мы с Николаем Константиновичем были знакомы по литературному общению: в пору моей работы ответственным секретарем писательской организации он приносил на рецензии свои рукописи и участвовал в семинарах молодых писателей. Несколько раз по моему приглашению бывал он и у нас дома на старой квартире, один раз — с сыном Виктором. Но большой дружбы у нас не завязалось. Николай Константинович после развода с женой весьма настороженно относился к женщинам, а наша мама без симпатии относилась к нему. Мы долго не встречались. И вот...

— Приехал к сыну, — объяснил Дружинин свой визит, — а он говорит: «Парыгины переехали по соседству». Вот я и решил зайти.

— Проходите, пожалуйста, Николай Константинович.

В общем, попили чаю, посидели, поговорили — дружески, непринужденно. И

Николай Константинович стал к нам заходить. Но по большей части так получалось, что приходил, когда меня не было дома. Томуса, уверенная, что он приходил ко мне, прямо с порога ему объявляла:

— А Наташи нет дома.

— Я знаю,— обычно говорил гость.

Узнать было нетрудно: Дружинин теперь нередко бывал в писательской организации, а там — то бюро, то встречи с читателями, то семинар для начинающих писателей, где я была занята.

Томочка приглашала гостя в уютную кухню и предлагала ему чаю или кофе. Гость предпочитал кофе. А хозяйка занималась своими делами: чистила картошку для ужина или мыла посуду после обеда...

Как-то Николай Константинович сказал ей не совсем обычный комплимент:

— Тамара, мне очень нравится, как вы хозяйничаете.

Тома засмеялась:

— Обыкновенно хозяйничаю.

— Да нет... По-своему!

Раз пришел, второй, третий... Томуса с ним совсем освоилась и в конце концов озаботилась его судьбой. Однажды она даже попыталась наставить его на ум.

— Николай Константинович, что вы один живете? Ведь столько женщин свободных! Во дворце профсоюзов бывают вечера для тех, кому за тридцать. И в других местах. Пойдите, познакомьтесь. Что хорошего — одному жить? Жениться вам надо!

— Вы так считаете?

— Конечно! Одинокому мужчине неуютно живется!

— Да, пожалуй... — улыбаясь, согласился гость. — Но откуда вы знаете, как живет одинокому мужчине?

— Ну... Вижу соседей. И представляю...

Должно быть эти воспитательные разговоры о преимуществах семейной жизни перед холостяцкой зрелому мужчине — дважды женатому и уже девять лет как разведенному явно нравились. Он стал навещать нас регулярно. Иногда приходил при мне, и мы вдвоем пили чай и кофе, но чаще «угадывал», когда Томуса была дома одна. Она ему терпеливо объясняла, где еще можно найти подходящую невесту.

— Такие же вечера, как во дворце профсоюзов, собираются во дворце железнодорожников...

Гость то ли всерьез, то ли притворно вздохнул и продолжил разговор неожиданным вопросом:

— Томочка, за что вы меня так не любите?

— Я? Вас?!

Чашка, которую мыла хозяйка, замерла у нее в руках, вода вхолостую хлестала из-под крана.

— Да. Вы...

Легкая улыбка на губах гостя явно не соответствовала печальному выражению его глаз.

— Да что вы, Николай Константинович! — принялась горячо возражать моя сестра. — Я вас не люблю! Наоборот!!! Я же забочусь о вас. Хочу, чтобы вы нашли хорошую женщину, которая будет вас любить...

— В самом деле?

Гость добродушно посмеивался над самозванной свахой, но она этого не замечала.

— Конечно! Можно по объявлению найти невесту. Многие женщины хотят выйти замуж.

— Томочка, а вы сами... Вы согласитесь выйти за меня замуж?

— Я-а? Нет!

Позже Николушка (так мы стали называть его после свадьбы) признался, что он на это: «нет», мысленно возразил: «Ну, это мы еще посмотрим!»

...А время летит... Чем старше мы становимся, тем быстрее скачут дни и недели, и месяцы... Во уже почти двадцать лет как Николушка стал членом нашей семьи, а кажется — совсем недавно Норочка в день сговора забралась со стула на стол и принялась облизывать бутылку с шампанским...

Николай и я много времени проводим за письменными столами, но когда сходимся все втроем в пору обеда или вечером в свободное время, то всегда находятся поводы для разговора, для шуток, для воспоминаний... Каждый из нас прошел большой жизненный путь. О себе и о Томусе я рассказала в рукописи подробно. О жизни Николушки мы тоже знаем многое по его рассказам.

Рассказчик он великолепный! Емко, живо, с яркими деталями рассказывает и о детстве, и о работе, и о событиях военной поры и о прежней семейной жизни. Слушая его, так и представляешь тропинку — то через лес, то через поле, по которой пятилетним мальчиком с трехлетним братишкой идут они с тормозком для отца. Отец косит сено для коровы, мама послала ему обед... А вот уже школьником идет он под дождем или в метель за шесть километров в школу. Тоже вдвоем — с девочкой по прозвищу Манька-бандитка за бойкий характер. Манька в сорок втором погибла на фронте... Седьмой класс Коля заканчивал в Сухиничах, проживая на квартире у чужих людей.

Не буду продолжать вехи его биографии. Приведу несколько историй из тех, что рассказывал он в минуты семейного общения. Начну с охотничьего рассказа.

ЛОСЬ

Раньше лицензии выдавались на отстрел лосей-самцов. А лось чем более могуч, тем он бесстрашнее. Слабый прячется, а этот идет на людей... Выбивали самых сильных и красивых. И племя лосиное стало хиреть. Тогда стали давать лицензии на отстрел лосих. Но однажды сделали исключение.

В нашем лесу один лось стал гоняться за людьми. Пойдут бабы в лес, а он — за ними! Не так, чтобы догнать, а легкой трусцой, играет или пугает — не поймешь. Бабы с визгом рассыпаются по лесу.

Однажды женщины из села пошли косить сено на неудобьях. Поработали, потом расположились позавтракать. И тут — вот он! Бабы побросали узелки с едой и — деру! Лось сперва бежал за ними, потом вернулся на бивак, принялся обследовать брошенное имущество. Ковырялся-ковырялся ногой и рогами. И подцепил один узелок на рога! Так его потом видели с этим узелком.

Жалоб поступало много. Дали лицензию на отстрел этого озорника. Пошли на эту операцию четверо: ветврач, я и еще двое. Идем по лесу не таясь, зная любопытство обреченного лося. И вскоре — вот он! Стоит невдалеке о нас, вскинув голову, смотрит на нас без всякого страха. Но и сам, видно, не собирается нападать.

Ветврач как глянул...

— Стрелять? В такого красавца? Ну, нет! Да он и не агрессивен...

Так и написали: лось не агрессивен. А стрелять в него не стали.

ТРУБА

Дело было в Ефремове во время войны. Еще в мирное время муж и жена работали на очень сложной работе: выкладывали из кирпича трубы для котельной и других объектов. Когда началась война, муж ушел на фронт, а женщина создала и возглавила бригаду, которая продолжила эту работу. Город некоторое время был в оккупации, а когда его освободили, в нем оказалось немала разрушенных труб. Надо котельную

пускать, а труба разрушена... Вот тут бабы и взялись за дело.

Бабы работают наверху, а мужики внизу здание котельной восстанавливают. На высоте — оплата выше. И — престиж... Мужикам обидно! Вроде хуже баб... Стали требовать, чтобы им отдали это дело.

— Ладно,— соглашается бригадирша.— Попробуйте.

— Когда?

— Я скажу — когда.

День проходит, два — она молчит.

— Да когда же?

— На той неделе.

Дождались-таки! Полезли мужики по скобам внутри трубы наверх. Добрались до места кладки. Выбрались наружу — на леса. А труба качается! Туда-сюда, туда-сюда... Мужики постояли на лесах — да назад! Ну ее, эту трубу...

Так и остались бабы кладчицами.

МОСТ

Когда мы стояли на берегу реки Жиздры, нашу часть водили на реку показывать мост. То есть не мост, а то, что осталось от моста.

Речка тут была шириной метров двадцать. Саперы построили через нее хороший деревянный мост. Даже теперь — по остаткам этого моста было видно, что строили на совесть. Ни вражеский снаряд, ни бомба этого моста не коснулись. Разрушил его наш русский батальон, точнее — командир батальона, неумеренно любивший твердый строевой шаг. Через мост полагается идти свободно, не в ногу, это записано в уставе, всякий грамотный командир и даже солдат обязан знать устав. Знал ли это батальонный? Забыл? Пренебрег? Неизвестно...

Батальон топал по мосту, а командир вдохновенно командовал:

— Ать-два, ать-два, ать...

Лихо отбивали солдаты шаг. Деревянный настил отзывался четким звуком на слаженный топот солдатских сапогов. Батальонный радовался: Строй-то, строй как-ков! Шаг-то, шаг...

И вдруг мост начал едва заметно крениться. Или это только показалось? Нет! Не показалось... Начал крениться в сторону течения. Секунда, другая — едва заметно, а потом все быстрее и неотвратимей. Батальонный, должно быть, вспомнил в этот миг, как должна переходить мост воинская часть. Наверняка вспомнил и побледнел. Но — поздно! Строй уже сломался, никто не чеканил шаг. Солдаты пытались удержаться на деревянном настиле. Тщетно! Мост жил и умирал по своим строительным законам. Он кренился все больше, все больше... И вот уже несколько солдат соскользнули с наклонной плоскости и с плеском жмякнулись в воду.

— А-а...

Солдаты уже катились с моста, как горох с наклоненного листа. Матерились, цеплялись за настил, катились и сыпались в воду. Вместе с солдатами мост сбросил с себя и батальонного командира.

— Никто не утонул,— говорил капитан, который привел сюда очередную «экскурсию» — Но могли и утонуть...

Я смотрел на торчащие из воды части моста и представлял, как плюхаются в воду солдаты с винтовками, вещмешками и скатками. И думал: «Не позавидуешь этому парню, который командовал батальоном...»

— Если вам придется идти через мост строем,— завершая наглядный урок, сказал капитан,— вы идите не в ногу. Пусть даже будет команда идти в ногу — не слушайте! Лучше нарушить команду, чем сгубить мост.

ТРОФЕЙНАЯ МИНА

Однажды на лесном участке нашу роту решили ознакомить с минометом. У нас были разведчики, пулеметчики, а минометчиков в роте не было. Ну и выстроили на поляне всю роту в виде буквы «П», а на свободном пространстве внутри строя был установлен миномет. Минометчик подошел к этому миномету и стал объяснять как он действует.

— Вот сейчас я беру мину... У нас сейчас отечественных мин нет — только трофейные, но это не имеет значения. Вот беру мину, сейчас я опущу ее в ствол, и она вылетит обратно по кривой траектории и разорвется... ну, где-нибудь вон за тем овражком.

Вокруг той площадки за овражком, где полагалось разорваться мине, было выстроено оцепление, чтобы кто-нибудь — солдат или местный житель, не оказался случайно в зоне разрыва. Тем же, кто стоял вокруг миномета, ничего не грозило, поскольку траектория мины пролегла вдаль.

— Итак — смотрите!

Минометчик всунул мину в ствол миномета и отступил на шаг в сторону.

В стволе что-то шелкнуло, и мина тут же вылетела обратно и с воем в небо, не слишком однако высоко. Я в детстве, играя в лапту, не раз и видел и сам запускал в небо здоровенные «свечки» мячом и, как-то автоматически сопоставив полет мины с такой «свечкой», сообразил, что мина не только не улетит за овражек, а жмякнется сейчас совсем недалеко от нашей живой — из шестисот человек — буквы «П» на зеленом лугу.

— Ложись! — панически закричал командир роты. — Ложись!!!

Солдаты не легли, а попадали, как придется, словно кто-то прошелся по всем ногам невидимой подножкой. Не знаю, на кого я повалился, но не на землю — на кого-то из соседей, место выбирать было некогда, мина (сволочь фашистская!) будет сейчас выбирать кому какой подарить осколок. Только я успел вжаться — не в землю, а должно быть, в своего соседа по построению — как ахнул взрыв, земля вздрогнула, и меня сильно ударило за ухом. «Все! Ранило...» — сообразил я, ожидая, что из-за уха сейчас потечет кровь, а может, и мозги потекут.

Нет... Ничего не текло. Я потянулся рукой к месту ранения и наткнулся пальцами как раз там, за ухом на чей-то каблук. Крови не было, но в башке гудело. Солдатский каблук — это, конечно, не минный осколок, но тоже — ничего себе. Я, схватив за этот проклятый каблук, отшвырнул чужую ногу, и в это время тот, на ком я лежал, переживая опасность, дернулся и свалил меня на траву. Солдаты поднимались и сами, без команды, опять выстраивались в виде буквы «П» для продолжения обучения.

Но учеба после этого происшествия как-то не пошла. Минометчик объяснил, что у мины сработал, видно, только один — центральный заряд, а еще один, расположенный по периметру, не сработал. Но демонстрировать, как летит мина, когда срабатывают все заряды, как положено, не стал. И правильно! Ну их, эти трофейные мины! Лучше с ними не связываться. До меня вон: ни одного осколка не долетело, а шишка за ухом взбухла с куриное яйцо.

РАНЕННЫЙ

Когда солдаты идут в атаку, дивизионные разведчики стараются быть в первых рядах. И даже по возможности не среди первых рядов наступающих, а — впереди их, чтобы раньше всех оказаться в населенном пункте. Не ради славы: «Молодцы, парни! Первыми...», а для того, чтобы захватить поскорее документы — в штабе ли, или у убитых офицеров, или в машинах. А будешь плестись сзади — штаб может в это время сгореть, из машин и из карманов убитых что-то исчезнет... Так что у нас в го-

рячке боя — своя задача. Конечно, идем с оружием и врагов убиваем, но главное для нас не сами фашисты, а бумаги.

И вот так 3 марта 1943 года пошли мы в наступление на немцев. Солдаты идут цепью, мы — пятеро разведчиков немного оторвались от наступающих. Продвигаемся вперед перебежками: рывок — и падаешь, опять — рывок — и падаешь на снег. В маскхалатах все — солдаты опытные, немцы бьют по основной цепи, а мы вроде — в мертвом пространстве.

Я уже представляю себе, как первым вместе с товарищами врываюсь в населенный пункт — вот они и дома видны... И тут вдруг немец как даст заградительный огонь! Сыпанули щедро — и артиллерия, и минометы сработали разом. Железо воеет в небе — особенно когда снаряд или мина приближается к земле. Как раз оказались мы в этот момент в небольшой ложбинке. Слышу: мина воеет совсем близко, надо бы лечь, а мина — вот она — уже над самой головой. Лечь я не успел, резко присел на корточки, пригнулся головой к самым коленям, вдвое сложился, чтобы от этой проклятой мины спрятаться, от осколков ее смертоносных. И вдруг — в спину словно бы камнями шандарахнуло, целой грудой камней, кинутых с огромной силой. И по спине потекло что-то горячее. Я сначала не понял и удивился: что? Почему — горячее? Потом сообразил: ранен. Горячее — это моя кровь.

Не помню — как я оказался на спине: то ли волной меня швырнуло, то ли сам опрокинулся. Мины и снаряды все еще с воем летели на искореженную землю, где снег перемешался с теплой, развороченной воронками землей. Сильной боли я не чувствовал, но ни встать, ни даже пошевелиться не мог.

— Ребята, я ранен...

Один разведчик склонился надо мной.

— Ране? Ладно, лежи... Санинструктора пришлем.

Артиллерийский огонь поутих. Разведчики кинулись вперед. И тот, который склонился надо мной, тоже рванул. А как же? У нас своя... У них — своя задача. Я-то уже никуда не гожусь.

Разведчики исчезли, но скоро мимо меня ринулась основная масса наступающих. Солдаты бежали совсем близко, да что там — близко, совсем рядом, огибая меня, как помеху на их пути.

Опять кто-то наклонился надо мной.

— Ранен я.

— Ранен? Ползти можешь?

— Не-ет...

— Ладно. Полежи...

Полежи! Это я и без него знал, что ничего другого не остается, как лежать на холодной мартовской земле, на снегу, чувствуя, как холодеет на спине мокрая от крови одежда. А может, я все-таки могу повернуться на живот и ползти? Пытаюсь шевельнуться. А-а... Боль пронзает все тело, в глазах темнеет, а сил совсем нет. Куда девались силы? Ушли с кровью? Но не вся же вытекла из меня кровь.

Немецкая артиллерия умолкла. Автоматные очереди стрекочут где-то далеко впереди. Бой ушел, а я остался...

Смирившись с тем, что мне надо лежать, пока не кончится бой, я смотрю в небо. Белесое мартовское небо — пустое и скучное: ни сини, ни облаков. Не в последний ли раз в жизни я смотрю в небо? Как это хорошо: видеть небо. Видишь небо — значит: живой.

— Живой?

— Жи-вой...

— Куда тебя?

— В спину.

— Сейчас перевяжу.

Это не санинструктор. Это разведчик из нашей группы — тот самый, который обещал прислать санинструктора. Вот — сам вернулся. Не забыл. Маскхалат на нем уже не белый, а почти весь черный с белыми прогалинами.

Он переворачивает меня на живот и задирает полушубок, потом — гимнастерку и нижнюю рубашку.

— Я тебе только самую большую рану перевяжу, остальные — так себе, в медсанбате обработают.

Он начинает наматывать бинт, подсовывая руку мне под живот. Больно... Я лежу стиснув зубы. Еще виток. Еще... Да сколько же!..

— О-о...

— Сейчас, сейчас.

Наконец — все. Он расправляет на мне полушубок и опять кладет меня на спину.

— Теперь жди. Побегу санинструктора искать.

Сколько я жду? Не знаю. Сознание то меркнет, то проявляется. Стынут в мокрых валенках ноги. Впрочем, валенки уже не мокрые, они смерзаются, схватываются ледяной коркой. «Как бы не отморозить ноги» — думаю я.

На это у меня еще осталось немного сил: думать. Совсем недавно, падая на снег после очередной перебежки, я думал о деревне, которую мы отбили у врага, о документах противника... Теперь я забочусь только о себе. Хочу жить. Беспokoюсь, как бы не отморозить ноги.

— Живой, солдат?

— Пока живой.

— Сейчас поедем.

У санинструктора волокуша — что-то вроде носилок, только их не тащат за ручки двое, а волокет по земле один человек. Санинструктор — небольшого роста, узкоплечий, как школьник. Дотащит ли он меня?

— Давай — немножко помогай ногами.

Лицо у него смуглое, говорит с акцентом. Нерусский. Откуда он?

— Откуда ты?

— Киргиз.

Он подтягивает меня, держа подмышки, я помогаю ему, как могу, упираясь ногами. Наконец я на волокуше. Санинструктор берется за ручки, и волокуша рывком трогается с места.

Поле неровное, волокуша трясется, раны при каждом рывке вопят острой болью. От боли меня временами спасает забытье. Словно проваливаюсь в глубокий сон, потом опять открываю глаза. Санинструктор отдыхает. Он отдыхает часто. Может быть, у него не хватает сил — я же тяжелый. А может быть, он просто не торопится.

Ноги у меня уже не чувствуют холода. Наверное, отморозил пальцы. Подо мной все то же развороченное взрывами поле. Надо мной все то же белесое небо, в которое я хотел бы смотреть еще долго-долго.

Я опять впадаю в забытье. И опять прихожу в себя. Мне кажется, что все это — навечно: волокуша, мое беспомощное тело, боль в спине, пустое небо... Может быть, санинструктор намеревается так волочить меня до самой Москвы?

Нет. Оказывается — не до Москвы. Мы все-таки добираемся до медсанчасти. Меня затаскивают в какую-то избу. Разувают. Раздевают. Укладывают на койку. В избе тепло. Чем-то растирают ноги — пальцы начинают гореть. Я радуюсь: пальцы горят — значит: живые, не отмерзли за этот бесконечный путь на волокуше. Раны перевязаны. Хочу есть. Нет, есть не дают. Хочу спать. Спать можно...

Утром меня везут в полевой госпиталь. Везут на санях. По-весеннему светит солнце. И небо совсем другое, чем вчера: голубое-голубое... Аж глаза слепит от его голубизны. Дорога раскисла. Сани то и дело въезжают в лужу. Сперва лошадь попа-

дает в воду, и вода хлюпает под копытами. Потом полозья саней въезжают в лужу, и раздается как бы шипенье и посвистыванье. Потом шипенье идет на убыль, и я радуюсь, что сани выбираются на сухой пригорок, и мне удалось избежать купания.

Медсанбат — это уже настоящая больница. Меня на носилках затаскивают в здание и укладывают на пол среди других раненых. Мы лежим впритык один к одному, оставляя узкий проход для белых халатов. Мы ждем очереди на стол хирурга. Наверное моя очередь не скоро... Через несколько часов? Или через несколько дней? Доживу ли... Но теперь мне почти все равно. Время течет с утомительным однообразием. Нет, кажется оно не течет, а стоит. Иногда надо мной склоняется молоденькая медсестра с черной прядкой волос, выпущенных из-под косынки.

— Миленький, потерпи! — вполголоса умоляет она.— Миленький, подожди, не умирай...

Не умирай... Подожди... Это не меня, это Смерть надо просить, чтобы она подождала. Или хирургов, чтобы они поторопились. Не хотят же они моей смерти...

Наконец наступает этот час — час операции... Маска с хлороформом отключает мое сознание. После операции я узнаю, что осколок, который врезался в мою спину, задел позвоночник и пробил желудок.

Через несколько дней меня в числе других раненых грузят в товарный вагон с обыкновенными нарами. Снова дорога. Трясет куда сильнее, чем трясло на санях. Хочу есть. Не дают! Пить понемногу дают, а есть не дают. В нашем вагоне нет ни врача, ни медсестры. Обслуживают тяжело раненых ходячие раненые. Да какое обслуживание... Подадут котелок вместо судна... Попить. Поесть — тем, кто не ранен в живот. Про меня говорят:

— Этому не давай. У него ранение в желудок.

Кто-то ест селедку. Как вкусно пахнет селедкой! Я хочу селедки...

— Дайте мне!

— Пить?

— Селедки. Маленький кусочек.

— Нельзя! И не проси.

Я знаю, что нельзя. Глотаю слюну. Молчу. Вагон грубо вздрагивает на стыках. Едем. В тыл. В госпиталь.

В Москву мы приезжаем вечером. За стенками вагона слышны беспокойные голоса. Кто-то спорит, кто-то выругался матом... Начинается выгрузка. Меня выносят на носилках. Несут по перрону. Носилки несут женщины. Мне совестно, что меня — такого большого и тяжелого, несут женщины. Но что я могу сделать?

В зале, где уже полным-полно носилок с ранеными, меня ставят у стенки. Повезло! У стенки как-то уютнее. Раны после дорожной тряски тоже довольны наступившим покоем. Я закрываю глаза. Задремываю. Или засыпаю.

Не знаю, сколько проходит времени. Когда открываю глаза, носилки стоят на том же месте. Но справа от меня носилок нет. Зал здорово опустел. В зале бродят сонные пассажиры в штатском и военном. Ждут своих поездов. А я один лежу на носилках возле стены.

— Вы что здесь делаете?

Дежурная по вокзалу с красной повязкой на рукаве останавливается возле носилок и глядит на меня с высоты своего роста.

— Лежу... — объясняю я.

— Один?

— Не знаю... Поищите еще.

Вокруг носилок моментально собирается толпа. То ходили мимо — не замечали, а теперь окружили так плотно, что задним любопытным не протиснуться.

Дежурная куда-то бежит. Наверное, звонить в госпиталь. Я догадываюсь, что меня просто забыли на вокзале. Всех погрузили и куда-то увезли, а меня забыли.

За мной присылают машину. Меня везут по Москве. Но я не вижу Москву. Я опять вижу только небо. На синем бархате — серебряные звезды. Красиво...

И опять — поезд. Но это уже настоящий санитарный поезд. Белые простыни. Матрасы. Для тех, кто ранен не в позвоночник... Моя постель — без матраса. Суконное одеяло вместо матраса, простыня и два резиновых круга. На кругах — хорошо, тряски почти не чувствуется. Конечно, и пассажирский вагон катится мягче товарного.

Нас привозят в Бугульму. На грузовых машинах везут в госпиталь. И тут мне не повезло... Снимая носилки с машины, тот, кто их выволакивал... Нет! Та, которая их выволакивала с грузовика, не удержала ручки. Носилки тюкнулись о землю, я скатился с них, перевернулся... Вокруг заохали, заохали, кто-то ругал недотепу. Но меня тут же опять положили на носилки и потащили в палату.

Наконец-то не надо было никуда больше ехать! Я лежал на белой постели, но опять — без матраса — на резиновых кругах. Но постель не качалась, не дергалась, не тряслась. Я лежал в обыкновенной палате с койками и тумбочками, с белой занавеской на окне и белым потолком над головой. Я лежал в госпитале.

Щуплая девчужка (сколько ей? Семнадцать? Восемнадцать?) стоит у постели и виновато смотрит мне в лицо.

— Простите меня, пожалуйста!

— За что?

— Это я... — она вот-вот заплачет. Да какое там: «вот-вот»... Уже всхлипывает! — Это я вас уронила...

— Не плачь. Живой ведь я...

— У вас же — позвоночник!

— Не плачь...

На другой день она приходит снова. Снова просит прощения. Я уверяю ее, что все хорошо. Но вскоре после того, как она уходит, мне становится совсем плохо. Меня рвет сгустками крови. Темные сгустки расплываются по подушке вишневыми пятнами. В палате кричат раненые. Еще кому-то плохо? А, нет — это они из-за меня кричат: зовут сестру или врача.

Первой прибегает сестра. Она вытирает полотенцем мои губы и щеки, подкладывает полотенце под голову, чтобы кровь не пачкала подушку. Подушка ведь все равно испачкана, — думаю я. Мне жалко чистую наволочку — попробуй ее теперь отстирай! Сперва я жалею наволочку, а уж потом — себя.

— Сестра, мне — конец?

Отвечает мне не сестра, а женщина-доктор, которая только что вошла.

— Конец? Нет, голубчик, не выйдет! Мы тебя вылечим. Будешь жить. Долго будешь жить!

Мне поменяли на чистую подушку и сделали какой-то укол. Я поверил доктору, что буду жить!

Ж и в у...

* * *

Вот такие истории и много других — из военной и мирной жизни рассказывал нам Николушка. Мы с сестрой в один голос твердили ему:

— Напиши! Напиши книгу о своей жизни!

— Пока не могу, — возражал он. — у меня другие замыслы.

Но прошло еще несколько лет, и он все-таки взялся за автобиографический роман. Написал. Назвал его: «Страницы бытия». Станет ли эта рукопись книгой, увидит ли свет — Бог весть...

Ольга Бугримова

КОЖЕУРОВ

В послевоенное время в районное отделение милиции пришел работать бывший фронтовик Павел Кожеуров. Человеком он был смелым, судя по орденским планкам на кителе. Участок ему из-за разбросанности населенных пунктов достался большой. Туда же входила и наша деревня.

Молодой и рьяный парень лихо взялся за наведение порядка в отведенной ему территории. Через некоторое время его имя стало наводить страх на тунеядцев, хулиганов и особенно на самогонщиков. Надо сказать, что самогонованием занимались все поголовно и всегда. Не изжит этот порок на Руси и сейчас, а даже, кажется, получил широчайшее распространение.

Кожеуров лично на своем грохочущем и чихающем «козле» приезжал в деревню внезапно, заходил в первый попавший дом и грозно спрашивал:

— Самогонка есть?

— Что ты, Пал Петрович! На кой ляд она сдалась нам? — дрожащими голосами отвечали хозяева.

Но участковый точно знал, что они давно занимаются столь незаконным делом. Не глядя на хозяев, без всякого ордера на обыск, милиционер начинал шарить по избе. Нюх на брагу у него был получше, чем у собаки-ищейки. Где-нибудь в углу, под грудой набросанного хлама, он находил корчагу с брагой и, пыхтя от натуги, молча выносил ее на улицу. Под сокрушенные взгляды обалдевших от стыда хозяев, Кожеуров демонстративно выливал содержимое на землю, победоносно поворачивался и, грозя указательным пальцем перед побелевшими от страха лицами хозяев, садился в свой «козел» и уезжал в другой конец деревни.

Его тактика приносила свои плоды. Никто не мог предугадать ход его мыслей и действий. Но по деревне моментально проносился слух, что приехал «сам Кожеуров!» и уже начал обыски. Самогонщики срочно прекращали свое производство, унося и аппараты, и брагу, и готовую самогонку в кусты — место, заросшее ивняком и высокой травой. А зимой прятали все куда-нибудь в хлев или под насест курам. Но дотошный милиционер и там находил принадлежности самогонования. Спрятать от него практически было ничего нельзя.

В это время папа работал председателем колхоза. Он тоже был фронтовиком, имел несколько контузий и ранений. В биографиях Кожеурова и папы было много общего: крестьянские дети, фронтовики, воевавшие на соседних фронтах, работы, каких поискать. Естественно, они крепко дружили. А дружба началась с одного, довольно неприятного случая...

По русскому обычаю, в деревнях широко, с размахом справляли все праздники: Вербное воскресенье, Пасху, Красную горку, Троицу. К религиозным праздникам прибавлялись еще и советские. Работать было некогда. Праздники переходили в похмелье, и, не успев отойти от одного, люди находили повод веселиться на другом

празднике. Папа понимал, что прозеваешь с посевом день весной, останешься голодным на целый год. Уговорить выйти в поле было невозможно никого. Все словно сошло с ума. И вот в день, когда папа приехал из полей, увидел такую картину: на бугре — месте, где проходило очередное гулянье, звучали песни, танцевали краковьяк, разрывалась гармошка от музыки. На папины уговоры выйти в поле на сев никто не реагировал. Он убеждал, горячился, доказывал, но все тщетно. Говорил, что уполномоченные из района не дают житья, торопя его срочно сеять. Будучи человеком вспыльчивым, папа побежал домой, взял ружье и бегом вернулся на бугор. Бледный и возбужденный, он выстрелил в воздух. Мгновенно наступила тишина, а затем народ начал в страхе разбегаться. Папа кричал, чтобы завтра все были в поле.

Мама в это время занималась нами, детьми. В дом вбежал глухонемой парень, которого в деревне звали Быбыкой и жестами начал показывать ей, что папа с ружьем гоняет народ. При этом Быбыка сгибал большой указательный палец правой руки. Всем было известно, что папа получил ранение на войне в руку и у него не сгибался палец. Мама по жестам поняла, что нужно спасать людей и, бросив нас, помчалась к месту сборища. Чуть раньше, услышав выстрел, туда подъехал Кожеуров и застал папу с ружьем, опущенным дулом вниз. Фронтоник плакал, спрашивая неизвестно кого:

— Что мне с ними делать? Что делать? Ведь земля высыхает.

Подбежала мама и, увидев плачущего мужа, прижала его голову к себе, и, глядя его по волосам, уговорила пойти домой. Папа послушно пошел с ней, как ребенок. Участковый ехал за ними следом, не вмешиваясь и не комментируя происшедшее.

Уже за столом, они долго о чем-то говорили. Не знаю, пожалел ли Кожеуров папу, увидев нас в доме, один другого меньше, или проникся его проблемами, но в рай он ни о чем не доложил. И их дружба продолжалась до папиной смерти. А в тот день милиционер посадил моего трехлетнего брата на колени и спросил:

— Ну что, малец, самогонка в доме есть?

— Есть, дядя Пася. Под кловатью стоит,— ответил трехлетний Коля. Все замерли, не зная, чего ожидать от участкового.

— Неси, пить будем с мужиками,— с усмешкой глянул Кожеуров на всех. И в этот день Кожеуров с папой так надрались самогонки, что дедушка никуда не отпустил милиционера. Для нас каждый приезд «дяди Паси» был праздником. Он заходил в дом в красивой форме, снимал с головы фуражку и торжественно водружал ее на радостного Колю. А нас, девчонок, одаривал конфетами и блестящими, обтянутыми желтой фольгой, шарами на резинке. И мы в диком восторге носились с «золотинками» по комнате, не давая никому покоя. Женщины тут же доставали из печки щи, картошку, жирные томленые блины. А напоследок бабушка вытаскивала сковороду печеных, в коричневых крапинках яиц, издававших аромат на всю избу. Печеные яйца были любимым блюдом «дяди Паси». И в дополнение ко всему, дедушка торжественно доставал четверть с мутноватой жидкостью — самогоном.

При всей строгости, и я бы сказала, удалства, Кожеуров никого не обидел несправедливо. Понимая, что в деревне самогон является жидкой валютой для расчета за услуги: привоз сена или соломы, вспашку земли, колку дров, Павел Петрович снисходительно относился к многодетным семьям и вдовам. Но никогда не щадил заядлых торговцев зельем. Он был лучшим «Анискиным» в нашем районе. Спустя много лет, он стал начальником районного отделения милиции и еще строже следил за законностью и правопорядком. Но высокая должность районного масштаба не испортила его светлую душу и честную репутацию. Прослужив в органах милиции полвека, он ушел на заслуженный отдых. И, как частное лицо, часто приезжал в деревню порыбачить со знакомыми мужиками.

ТЕЛЬНЯШКА

Мое детство проходило в основном среди мальчишек. Старшая сестра, умница и красавица, вышла замуж, средняя училась в областном городе в фармучилище и приезжала только на выходные и праздники. Мама пропадала в школе, работая иногда в две смены, братья делали всю работу во дворе, а я занималась домашними делами: приготовлением пищи, стиркой, уборкой. Жили мы, впрочем, дружно, хотя стычки и несходство характеров иногда приводили к конфронтации мужской и женской половины семьи. Но мама четко регулировала воспитательный процесс, практически не применяя физическое воздействие на наши растущие организмы. Воспитаны мы были в строгости, так как она была уважаемым человеком, неся с нагрузкой директора школы еще и общественную. По тем временам избираться депутатом или председателем общественного суда было почетно и значимо. Это доходов не приносило, но вес в обществе прибавлялся. И мама, разрываясь между большой семьей, депутатством и прочим, доверяла нам и представить не могла, что мы можем по дурусти вляпаться в какую-то историю. Но однажды это случилось с нашим младшим братом Женей...

В четвертом классе он сдружился с Санькой Яшкиным (подворная кличка). Отец его, хулиган и вор, отсидел много лет за изнасилование. Вернулся, взял в жены пострадавшую от него девушку, и они благополучно нарожали пятерых сыновей и одну дочку. Вот один из отпрысков этой неблагополучной семьи и стал лучшим другом нашего брата. Дело в том, что и Санек и Женя учились в одном классе. Ходить до школы было далеко, так как в нашей деревне была только начальная школа. По дороге Санек и занимался воспитанием нашего слабохарактерного братца. Мама стала замечать, что изредка стали пропадать из кошелька деньги. Сначала рубль, затем трояк, а потом и десятка. По тем временам на нее можно было прожить неделю. Мы все знали, где у мамы лежит заначка, где кошелек, но никогда не баловали. Что-что, а честность была нашей отличительной чертой. Ни врать, ни воровать, не смел никто. На вопрос, кто взял деньги, Женя, конечно, не сознался. Он ерзал на табуретке, потел, краснел, чесался, не смотрел маме в глаза, но промолчал. Мама, будучи человеком доверчивым, «следствие» до конца не довела, решив, что скорее всего сама замятовала, куда их дела. Но дальше-больше. Аппетиты братца росли в геометрической прогрессии. И вот в один пригожий осенний день, Женька еле дополз до дома, рухнул на диван, закатил глаза, и у него началась рвота черно-коричневой массой. Мы еле отходили мальчишку своими силами. На допросе «с пристрастием», в котором участвовали все члены семьи, Женя признался, что Санек подбивает его на воровство денег, шантажирует и бьет. При этом угрожает, что если он пожалуется маме или старшему брату, ему не сдобровать. Черная рвота оказалась результатом несварения желудком огромной порции шоколада, а бессознательное состояние — отравлением пачкой выкуренного «Беломора». Ходить и жаловаться в бандитскую семью было бесполезно, и мама, сделав внушение и Жене, и Саньке, кстати, бывшему своему ученику, сыну поверила. Затаившись на какое-то время, Санек от брата отстал. Мы начали жить спокойно.

Но как-то, придя с зонального педсовета, мама пришла расстроенная. Оказалось, что Женя с Санькой целую неделю не ходят в школу, хотя из дома уходят регулярно. Для нее это был удар ниже пояса. Она всегда гордилась нами и вдруг такой позор. Мама, не помня себя от гнева, нашла его, но, видя, что он начал дерзить и отговариваться, позвала нас на помощь.

— Коля, неси веревку! — прокричала мама, не найдя ремень, который Женька успел спрятать. Старший брат быстро сбежал во двор и принес мокрую от дождя веревку. По приказу мамы мы держали извивающегося и орущего на кровати Женьку, а

мама охаживала его, куда попало. На белой рубашке четко отпечатывались следы грязной веревки, превратив ее в своеобразную тельняшку. Брат, вопя и плача грозился убежать из дома, не видеть нас — извергов никогда в жизни, но затем утихомирился и уснул, всхлипывая во сне.

Мы сидели возле, в общем-то добрейшего мальчишки, ругая себя за жестокость и сочувствовали ему. Мама, укоряя себя за несдержанность, поцеловала спящего Женю и тихо попросила у него прощения.

Постепенно Санек отстал от нашего брата. Женя, завидев его, обходил десятой дорогой. С тех пор проблем с братом не было никаких. Он успешно окончил школу, отслужил в армии, женился. Добровольцем воевал в Афганистане. Вырос порядочным и душевным человеком, отзывчивым на чужую беду.

После похорон мамы, на поминках, где собрались родные, он сам вспомнил этот случай и убежденно сказал, о том, как важно в воспитании детей не упустить момент падения в бездну. Со слезами на глазах он вспоминал ту злополучную тельняшку, добавив, какое сильное воздействие оказало наказание в детстве на весь его жизненный путь и, как именно случай с тельняшкой стал отправным пунктом в достойную жизнь. А я смотрела на брата и мне пришла на ум педагогическая система американского доктора Спока, который тоже выступает за редкое воздействие ремнем в целях воспитания. Но доктор Спок вряд ли знает о таком методе воспитания, как русская тельняшка.

ВАРЕННЫЙ САХАР

Какое счастье, когда мама еще не пришла с работы, и я предоставлена себе на целых два часа. Старший брат Коля спит и вряд ли проснется до маминого прихода. В доме полно булок, варенья, а на окне стоят горшки со свежим молоком, но хочется чего-то более приятного и сладенького. И, конечно же, главное богатство — это стоящий за дверью на табуретке, целый мешок сахара, который так и манит к себе. Да еще в придачу, стоят две заправленные мамой с утра керосинки: одна стоит на загнетке печки, а вторая — на полу. И я, как главная хозяйка в доме на этих два часа, начинаю распорядиться всем богатством по своему усмотрению. Зажигаю обе, керосинки, ставлю на них глубокие эмалированные (обливные, как называли их в то время) чашки, насыпаю в них сахарного песка, снимаю верхушку, то есть сливки с молока и заливаю ими песок. Начинается священнодействие. Я варю сахар!

Песок начинает медленно растворяться, чуть темнея. Сейчас главное — не упустить момент, когда закипает молоко. Нужно вовремя вернуть фитили и, постепенно помешивая образовавшийся сироп, не дать ему, подобно ртути, выскользнуть из чашек. Все мое внимание сосредоточено на этом. Молоко медленно поднимается к краям чашек почти одновременно. Я лихорадочно слежу за кипением, наклоняясь, то к одной, то к другой керосинке и успеваю ложкой помешивать содержимое. Но боковым зрением вижу, как из чашки, стоящей на керосинке на полу, через край выливается густой желтоватый сироп. Приторный запах горелого сахара заполняет кухню. Струйки сиропа, попав на горячую керосинку, дымя, сразу же превращаются в обугленные дорожки. У меня начинают слезиться глаза.

— Не успела! — пронесется в голове, — Щас Колька проснется. Придется делиться.

И брат, унюхав сладкий запах, а, возможно, из-за чада и дыма, пантерой молниеносно спрыгивает с печки и обалдело смотрит на меня.

— Опять за свое? — почти рычит он и замахивается, стараясь ударить меня по плечу. Надо сказать, что я частенько баловалась варкой сахара, и иногда мне за это попадало от мамы. Но я делаю вид, что и не очень-то остерегаюсь Кольку. Хотя он на

целый год старше меня, но так классно сахар варить не умеет. Знаю, что все равно будет кланчить, но, если будет в плохом настроении, может и отобрать. Я, не отвлекаясь от сложного и почти заканчивающегося процесса, непрестанно помешиваю оставшийся сироп и воплю:

— А ты опять хочешь все даром получить? Никуда от вас не деться, дармоеды! — употребляю я мамино словечко, в сердцах коря его.

— Готовь тарелки с водой, — снисхожу я до нормального разговора. Коля, чувствуя, что я взяла его в союзники, мигом достает такие же эмалированные тарелки и на самое дно наливает немного воды. Весь секрет в том, что если вареный сахар вылить на сухую тарелку, он намертво прилипнет ко дну, и тогда ковыряй — не ковыряй, удовольствия не получишь. Да и ножом испортишь тарелку. Можно дно смазать растительным маслом, но от него сахар будет с запахом. А это уже не дело.

Я, зорко следя за пенящейся массой, осторожно капаю на ноготь большого пальца маленькую каплю. Боюсь обжечься, но каждый раз проделываю это. Если капля не растекается, значит, сахар готов. Здесь важно не переварить его, а то он будет рассыпаться мелкими крошками и придется их есть ложкой. А от этого никакого удовольствия не получишь. И в тот момент, когда варка подходит к концу, вваливается младший брат Женька. Он пришел из школы, что находится в нескольких километрах в другом селе, позже нас голодный и уставший. Его почти черные глаза, жадно уставились на керосинки. Он быстро хватает ложку и пытается зачерпнуть почти готовую продукцию из чашки. Но мы с Колей строго стоим на страже.

— Куда лезешь, сопляк? Сваришь себе после нас! Тебя тут не ждали! Ешь щи! — в оба голоса отбиваемся мы от Женьки. Братишка обиженно сопит, глаза его наливаются слезами от такой несправедливости, и он кричит со злостью:

— Все расскажу маме! Пусть она вам всыплет! Я есть хочу, а вам жалко, да? И еще расскажу, как ты курил вчера! — последняя фраза явно предназначена Коле.

Мы начинаем трусить. А вдруг и правда заложит? Грешки-то за нами имеются. И я, как хозяйка положения, обещаю выделить младшенькому долю тоже. За разборками и спорами не замечаем, как с пригорка, со стопкой тетрадей, спускается мама, почему-то раньше предполагаемого мной времени. Женя, первым увидевший ее, истошно вопит:

— Мама идет!

Увидев, что ей осталось дойти до дома метров сто, мы забываем о своих разногласиях и вмиг становимся единой командой. Распахиваем дверь, чтобы вышла оставшаяся гарь. Я поднимаю чашки и передаю их Коле, он тут же переливает массу в тарелки и сует, еще не остывшие и закопченные чашки, Жене. Младшенький опрометью выбегает на улицу и бросает их в крапиву. А я немедленно тушу керосинки и уношу их в чулан. Туда же Коля прячет и тарелки с вареным сахаром.

— Уф, кажется, успели! Мы мысленно ликуем. Напряженно ждем, догадается ли мама о том, что я дома в очередной раз устроила минисахарозаводик.

Мама заходит в комнату и, не понимая, почему распахнута дверь, ворчит, что выстудили весь дом. А мы начинаем задабривать ее: принимаем сумки, расстегиваем боты на ногах, предлагаем покушать. Уставшая, она не замечает следов недавних действий. Успокоенные тем, что гроза миновала, наша троица ждет момента, когда мама выйдет во двор по делам. И мы начинаем делить куски ароматного коричневого вареного сахара. Затем каждый из нас молча откалывает по небольшому кусочку и кладет ее на чистую тарелку. Это — мамина доля.

СЮНЯГА

Сюняга.. Это слово я впервые услышала года в три с половиной. В доме бабушки, где мы жили большой семьей, оно произносилось довольно часто с ненавистью и презрением. Вначале я думала, что оно является бранным и недобрим. А, подрастая, поняла из непроизвольно подслушанных разговоров, что оно означало имя женщины, ставшей причиной и соучастницей жуткой трагедии в нашей семье.

У бабушки и бабушки в живых после войны осталось только трое детей: старшая дочь Анисья и двое сыновей: Николай и Иван. Николай еще до войны женился на учительнице, приехавшей из города, скромной, доброй и покладистой. В 1942 году у них родилась девочка, моя старшая сестра, и вскоре после рождения его призвали на фронт. Мама дождалась папу, и они продолжали жить в бабушкином доме.

Иван же после войны, вопреки воле родителей, женился на вдове с двумя почти взрослыми детьми. Поведение этой женщины, которую звали Аксиной, во время вдовства добропорядочностью не отличалось. Но Ивана это не смутило. С приходом в две небольших комнатенки еще трех человек сильно осложнило жизнь всей семьи.

Аксинья была женщиной много повидавшей и дерзкой. Она сразу же стала заявлять о своих особых правах, не считаясь ни со свекром, ни со свекровью, ни с другими членами семьи. Начались конфликты, явно враждебного характера. Сюнька, как стали звать ее в семье, нахально подкладывала лучшие куски своим великовозрастным деткам, демонстративно не выходила в поле работать и стала откровенно стравливать братьев. Ее губы постоянно были сжаты в тонкую полоску, из груди вырывалось злобное шипение, а недовольная гримаса не сходила с ее потрепанного, несвежего лица.

Братья, всегда не чаявшие друг в друге души, постепенно отдалялись друг от друга, а затем перешли к открытым ссорам. Ночная кукушка Сюнька перекуковывала и бабушку Ульяну, и золовку Анисью, и бабушку. Иван ничего с женой поделывать не мог. Жизнь в семье превратилась в ад. Бабушка принял мудрое решение: купить небольшой домик в поселке, куда к этому времени Иван устроился на завод сельхозмашин. И, собрав все сбережения, какие были в семье, продал всю скотину со двора, дед сам присмотрел домишко и перевез семью сына. Сюнькины интриги стали забываться, братья постепенно возобновили нормальные отношения. К этому времени в семье Ивана родился общий ребенок — сын Сашка.

Папа, работавший председателем колхоза за трудовни, понимал, что растущую семью палочками не прокормить, с боем уволился из колхоза и устроился на тот же завод в литейный цех. Ходил на работу пешком за двенадцать километров в зной, снег и распутицу, но получал стабильную зарплату и имел отпуск. Так прошло несколько лет.

Сюнька же, натура злобная и алчная, свое черное дело не забывала, постоянно нашептывая мужу, что их детей любят не так, и семье мало помогают и прочее, и прочее. Старшая дочь Сюньки выросла и собралась замуж. Бабушка и папа зарезали теленка, помогли Ивану с деньгами, но Сюнька осталась недовольна. Она в очередной раз нашла причину для ссоры братьев. На свадьбу мои родители не были приглашены. Это был, конечно, открытый вызов и оскорбление. Братья в очередной раз общаться перестали. Папу такое положение тяготило: он был человеком отходчивым. Не раз он приходил к брату в соседний цех с надеждой о примирении, но Иван, находясь «под каблуком» у жестокой жены, на уступки не шел.

Хотя я была совсем крохой, но запомнила тот день, когда папа, сидевший на сундуке между голландкой и кроватью, держа нас, троих погодок на коленях, сообщил маме, что после второй смены пойдет к Ивану ночевать.

— Не дело двум братьям таить зло друг на друга,— убеждал он маму, беремен-

ную пятым ребенком. Мама со слезами на глазах просила его переночевать у других родственников, но отец упрямо твердил, что брат есть брат и примет его все равно. Он ласково заверил, что все будет хорошо. К утру, папа с односельчанами с работы не пришел а, поскольку он все же предупредил о визите к брату, особой тревоги его отсутствие в семье не вызвало. Мама, оставив нас на попечении бабушки и золовки, ушла в школу, которая находилась в соседнем селе. Ей уже трудно было ходить, но она мужественно дорабатывала до декретного отпуска. Во время занятий ее вызвали в учительскую. Она, недоумевающая, пришла туда и увидела бледные и заплаканные лица коллег, свободных от уроков. У стены стоял красный, мнувший в руках шапку, двоюродный папин брат Павел, который жил неподалеку от школы и работающий на том же заводе, что и папа. Мама, почуввав неладное, стала тихо оседать на подставленный кем-то стул, прошептав:

— Коля? Он попал в аварию? — Павел молчал, не зная, как сказать.— Он в больнице? Коля жив?— спрашивала она, и не получала ответа.

— Нет. Он убит. Ванька его,— еле выдавил из себя Павел и зарыдал.

— Неправда, неправда. А как же мы? — повторяла мама и забилась в истерику.

Ее отвезли домой. Там уже все знали. В доме стоял плач, суета. Мы, ребяташки, от страха забились на печку и с трудом понимали, что происходит.

В нашей детской памяти навсегда осталась такая картина: папа, большой, бледный, с закрытыми глазами, лежит на полу, прикрытый простыней, а в изголовье сидит мама и гладит его по волосам. На виске, переносице и под носом у него зияют большие кровотокающие раны. Мы ползаем по нему, не понимая, почему он молчит и не шутит с нами. И только подрастая, мы узнали, как произошла трагедия...

Как и планировал, папа после смены, которая заканчивалась в двенадцать часов ночи, пошел к брату для перемирия. Тем более, что на улице стояла непогода. Он постучал в дверь, но никто не ответил. На повторный стук в ответ было такое же молчание. Тогда он подошел к окну, прислонился поближе к раме и увидел неясные тени. Он начал уговаривать Ивана, что пришел с миром, не помнит обид и ничего плохого не сделает. Иван начал колебаться, но подскочила Сюнька и начала кричать, чтобы он дверь не открывал, потому что их Николай убьет. Сама быстро принесла лом и отдала мужу. Ничего не подозревающий папа продолжал стоять, прислонившись к окну, когда через стекло получил мощный удар в висок. Он упал, но какое-то время еще дышал. Сюнька достала молоток и всунула его в руки убийцы, и тот не колеблясь, выбежал на улицу и добил брата, хотя надобности в этом не было: первый удар оказался смертельным. О подробностях наша семья узнала только на суде. Срок Сюнька не получила. Иван взял всю вину на себя. С тех пор Сюнька превратилась в презренную и ненавистную Сюнягу.

Ивана судили, дав за убийство брата десять лет, но, отсидев всего девять месяцев, он заболел туберкулезом и его, как безнадежного отпустили умирать домой. Дни, отпущенные ему, он простоял у того места, где совершил преступление молча, ни с кем не общаясь и не разговаривая с женой. Бабушка на похороны сына-убийцы ездила, а дедушка проклял его и никогда о нем и Сюняге не вспоминал. Средний сын Сюняги — Витька стал вором и сгинул где-то в тюрьме...

Прошло много лет. Жили мы трудно, поэтому в летние месяцы старались подработать на обносы к школе. После девятого класса мама устроила меня работать в пионерский лагерь официанткой в столовую, где директором была ее подруга. Я с радостью согласилась, тем более, что свободного времени было предостаточно. Братья часто приходили ко мне в лагерь. Мы участвовали в различных мероприятиях и однажды воспитательница одного отряда, увидев моего брата Колю и услышав мою фамилию, заинтересовалась, нет ли у нас родственников в заводском поселке. К этому времени мы уже знали о трагедии в нашей семье. Женщина рассказала мне о том,

что она снимает полдома у нашей однофамилице, возможно родственнице. Я вздрогнула. Хозяйкой дома оказалась ненавистная нам всем Сюняга. Воспитательница добавила, что у Сюняги растет хороший мальчик Сашка, на год моложе меня, и что сейчас он находится в соседнем заводском лагере. Как-то в послеобеденное время, я, сгорая от любопытства, пошла в соседний лагерь и нашла Сашку. Теперь я поняла, почему воспитательница, увидев Колю, заинтересовалась о родне. Сашка был как две капли воды похож на моего брата: те же красивые загнутые вверх ресницы, лучистые карие глаза, жесты, голос, фигура. Через несколько дней Сашка пришел ко мне в лагерь и попросил отвести его к дедушке и тете, которых он никогда не видел. Вероятно, Сюняга в тот момент рассказала сыну обо всем, конечно же, выгораживая себя.

Я, не предупредив никого из родных, в первый же выходной день повела Сашку к себе домой. Он очень волновался. Но, познакомившись с братьями Колей и Женей, немного успокоился. Взрослых дома никого не было. Дедушка, которому в это время было 86 лет, рубил ивняк для ремонта забора за огородами. Когда я нашла его и стала говорить, кого привела в гости, он сначала не мог понять, а потом охнул, схватился за сердце и, согнувшись, бросив топор, побежал прямо по картошке к дому. Увидев трех мирно беседующих внуков, сгреб их в кучу и долго не отпускал из своих объятий. По его щекам и бороде непрерывно текли слезы. Мама сначала накричала на меня, поплакала, но, рассудив, что сын за отца не ответчик, хотя и без восторга, но Сашку приняла. Он изредка приходил, ночуя то у нас, то у деда. Приносил дедушке и тете подарки от Сюняги, но те никогда их не принимали. Сашка, закончил десятилетку, затем поступил в Тамбовский институт культуры, а Сюняга, продав дом, уехала за единственным сыном.

Александр Евсюков
(г. Щекино)

НА МОСТУ

Маршрутка замерла в ожидании у бордюра. Силуэт над рулем, никого в салоне.

— А в кабину-то можно?..

Силуэт, не меняя положения, едва заметно кивнул. Леха вытянул ноги, удобно откинулся. Его размаривала приятная усталость удавшегося дня. Он мог бы отсалютовать самому себе: все сегодняшние и часть завтрашних планов были успешно воплощены. И установку они достали, и нашли чувака готового самозабвенно лупить по ней при первой возможности. И потому даже тяжелая ливневая туча, край которой стал заметен между многоэтажек, ничуть его не обеспокоила. Главное — концертная суббота совсем близко:

Суббота. Всего лишь два дня.

Суббота. И целых три ночи.

Суббота. Всем в кайф... от огня.

Ух, ты! Надо бы записать. А, может, и не надо. Он еще не решил.

— Ха-ра-шо! — в тон мыслям проговорил Леха. И, перехватив в зеркале смутно удивленный взгляд водилы, пояснил: — Да просто хорошо.

— Бывает,— устало откликнулся тот и, чиркнув спичкой, закурил.

— План-то делаешь? — глянув на лежащие над приборами купюры и медяки, заинтересовался Леха.

— Стремлюсь,— ответил водитель и, подумав, добавил: — Раз на раз не приходится. Здесь ведь что — за кем едешь. Их же ухарей...

— Клиентуру отбивают?

— Да как. Шустрят все... — и выдохнул струйкой дыма в сторону чего-то, что он видел и понимал, но за чем все как-то не получалось угнаться.

Сзади широко распахнулась и стукнула дверь. Вошли двое. Сначала угловато протиснулся подросток, за ним вступила дородная тетка. Она уселась боком и, расшелкнув сумочку, властным жестом протянула деньги:

— Два.

Водитель оторвал и передал:

— Оба.

Они поехали. По проспекту, с которого изредка подбирали одиноких пассажиров.

Разговорились. Водитель представился Николаем, Колей. По этой самой дороге — почти без выходных — он ездит несколько месяцев, порой ему уже кажется, что — лет. У мужика кроме жены двое детей: дочь и сын. Одна в институт поступает, другому вот операцию делали, но уже ничего — ходит, сэзмэски шлет.

Из магнитолы прорвался бодрый трек.

— А я вот в субботу играю,— сказал Леха.— В смысле, музыку.

Коля вдруг признался, что раньше тоже хотел быть музыкантом. Даже мучил аккордеон.

— Эт тА-А-акой?.. — придуриваясь, Леха развел ладони, насколько позволила кабина.

— Ну да! Он самый,— ответно улыбнулся Николай.

На выезде из города движение особенно плотное. Как всегда по будням в это время. Совсем молодая мама в бейсболке с тенистым козырьком призывно взмахнула рукой. За другую ее руку держался ребенок. Заметив ее, Николай затормозил. Женщина в бейсболке, благодарно кивнув, устремилась к двери.

— Подум...— Коля что-то начал, но так и не договорил. По другой стороне впритирку с маршруткой с визгом вырулила «семерка жигулей».

Разгневанное лицо:

— Че поворот не включаешь, чувырло лупоглазое? Какая скорость, видишь?

Машина остановилась, перекрыв ход.

Николай запоздало сообразил, что действительно не включил поворот.

— Прости, земляк. Изви... — он сидел и бормотал. Из-за руля машины на асфальт выскочил рослый накачанный мужик в запыленных трениках. Он в три прыжка очутился рядом и, сверля провинившегося свирепым взглядом, над опущенным стеклом почти без размаха, как будто стряхивая что-то, ударил. Глухо чвыкнуло.

— Сиди уж... — процедил он, не торопясь, отошел, широко поводя плечами, и снова скрылся в машине. Из другой форточки показалась рука с поднятым над крышей средним пальцем.

— И они правы,— из притихшего салона как-то особенно веско донесся голос упитанной тетки.— А то несутся, сами не знают как.

Никто ей не ответил.

Вдалеке над лесом сверкали молнии, капли забарабанили о крышу. По лобовухе заходили брызговики. Впереди них нарочито медленно катила та же семерка. Николай смотрел в нее — куда-то пониже номера — остановившимся взглядом. Руки мертво сжали руль. Казалось, он перестал дышать. Совсем скоро река, там на мосту. Сбросить скорость, отстать, еще немного, почти скрыться за пеленой дождя. И втопить газ. Удар: точный и сокрушительный. Беспольный визг тормозов. Два уже не гневных и не самоуверенных, а просто перепуганных лица. Протаранив ограждение, машина закрутится в переворотах и, распугав стаю брызг, уйдет под воду...

Маршрутка подскочила на кочке, Коля бросил взгляд в зеркало, в салон. Свет там не включен, разглядеть сложно. Разве только угадать очертания. Сварливой теткой с голосом, так похожим на голос его жены. Пацана с ней, засевшего в самый угол. Еще кого-то. Той самой девчонки в бейсболке после... Из-за. Если бы... Ребенка, ребенка у нее на коленях.

Он мучительно сглотнул, проезжая над рябящей сверху свинцовой толщей воды.

А эти... Они ведь в самом деле правы. Во всем и всегда.

Переехав мост, семерка свернула с трассы в сторону.

Леха молчал. Водитель тоже. Он упорно включал поворот каждый раз, когда кого-нибудь выпускал, даже если нигде позади не светилось ни единой фары.

Когда остановились у вокзала, дождь лил вовсю. Николай хотел прикурить, но спичка погасла. Других в коробке не было. Леха нащупал в кармане и поднес ему зажигалку.

— Ты это... не бери в голову,— сказал Леха. Ему показалось — надо что-то сказать.

Тот, кажется, пошевелил губами, но не ответил, только еще ниже нагнулся к рулю.

Подняв воротник, Алексей выскочил под проливной дождь, обегая лужи и торопясь поскорее добраться до своего убежища.

ОГОНЬ

Однажды Жана Кокто* спросили: «что бы вы вынесли из своего горящего дома, если вдруг случится пожар? Вынесли, но — только одно». И после задумчивой паузы он ответил: «Огонь».

Это было журнальное интервью и, когда оно вышло, все лишний раз подивились блестящему остроумию старого словесного акробата. Как просто: нет огня — нет проблемы.

Я думал и об этом, устроившись под навесом шифера с брезентовыми боками, слушая секущий по ветвям и крыше дождь и глядя на разведенный для просушки костер. Было видно, как от кроссовок и одежды шел пар, и понемногу я согревался. Мысли текли неторопливо, одна за другой и почти все они тоже грели. В нависших каплях и в туманной пелене от реки, даже в сыром усталом брезенте и в том, что я был здесь один — во всем чудилось что-то, что никогда, несмотря ни на какие заботы и ни на какой склероз, не позволит мне этого забыть. А пламя то вздымалось вверх и дышало жаром, то, угаснув, будто хотело спрятаться, то выгибалось, как спина распутницы в страстном порыве, то вновь обретало вид надменной пуританки. В нем было все и, не сдвигаясь с места, стало можно сбросить с себя, как ветошь, несколько десятков тысяч лет и представить:

...Стойбище двуногих предков. Они уже могли быть здесь. Слов у них очень мало. Но повсюду много запахов, следов и звуков. И мог так же идти дождь, и могло не быть поводов для веселья. Возвращались мужчины, с недовольным ворчанием сбрасывали с себя чужие мокрые шкуры: охота сегодня не удалась, и добычи не было. Они подходили к костру, протягивали руки, как для приветствия, поворачивались боками и спинами, потом рассаживались вокруг. И тогда один из них — он вошел предпоследним — снова замечал Ее там, по ту сторону взлетающих искр. Там были и другие, но она была не такой. Как она вскидывала голову и как поводила рукой, когда шивала шкуры! Но ее хотел себе другой — лучший охотник и воин среди них всех.

Он не боялся, но знал — в схватке тот просто разорвет его, как огромный медведь-шатун не свернувшего с тропы волка. И зная, он сидел и смотрел. Потом началась пляска — надо напомнить духам о себе и завтра охота будет лучше. Он тоже плясал, неловко, не в такт, поднимая ноги. Она смеялась часто и весело. А все обходили и обходили пылающий костер, то чуть подступая, то на шаг отдаляясь. Но вдруг он вступает в глубь круга на шаг и еще... Те, кто за ним, спотыкаются и не понимают. Кто-то с размаху хлопает по его плечу, слева раздается смех — точь-в-точь гениый хохот. Он не оборачивается, и пляска кружится вновь. Он садится на корточки и вглядывается в этот потрескивающий источник стольких жизней и смертей. Соленые капли текут по лицу с наморщенного лба, а ладони и колени нестерпимо жжет, но он сидит все там же, уже предчувствуя ее — поэзию — готовую в самый первый раз родиться от человека. Не самого сильного и не самого быстрого, не самого умного и добычливого, но вдруг обретшего эту способность:

...Видеть открытый огонь и хотя бы иногда, сознавая или нет, быть его частью.

О ЛЮДЯХ-ПЛАСТИНКАХ

В середине этой зимы сами ноги понесли меня в редакцию одного здешнего литературного журнала. Участь рассказов (моих рассказов), сданных на прочтение тре-

---

* Был такой (1889—1963) — Многогранная личность: художник, романист, автор пьес, режиссер, поэт и не только.

мя неделями раньше, была еще неизвестна. Ясным морозным днем я — без всякой осторожности — шагал по бесснежным обледенелым тротуарам. Но когда дошел до нужного здания с темными окнами, понял, что войти так, сразу, не смогу. Прогулялся туда — обратно вдоль трамвайного пути. Приценился к семечкам, к несвежим газетам и к относительно живой рыбе. Наконец, купил сока и через трубку вытянул весь до последней свистнувшей капли. Каким он был на вкус — не помню, но после него я решился и вошел.

Охранник на вахте что-то жевал, тщательно и невозмутимо. Я попросил позвать редактора такого-то. «Уг-гу-у». Две недели назад верстался номер, и ему было не до меня, а еще через пять дней его просто не было на месте.

В этот раз узкие деревянные ступени поочередно за скрипели сверху вниз. Сам Редактор не так уж высок, но из-за худобы казался нескончаемым.

— А-а,— он узнал и протянул руку. Я пожал рукав свитера, скрывавший ее всю.

— Прочитал ваши м-м... Пойдемте.

Поднялись вверх по лестнице.

— Налево. Налево. Налево. И еще раз налево,— доносилось сзади.

— Хороший маршрут,— оценил я.

Но в конце маршрута была комната, тихая и сумрачная как пещера. Почти в самом углу, за горкой рукописей, за стопками документов, за тетрадами, карандашами, дыроколом и компьютером сидела девушка. Она неотрывно глядела на монитор и время от времени позевывала в ладошку.

— Приса-а-аживайтесь,— махнул редакторский рукав и принялся раскапывать среди бумаг нужные.

Но это же мои рассказы! Те самые, которые я мог задумать и днем, но писал чаще по ночам, перечеркивал и продолжал в приступе вдохновения, глотал кофе из дымящейся или успевшей остыть кружки и чувствовал, что не могу отложить вот этого, ни на какое "после" и нужно только все успеть. Успеть до того опустошенно счастливого момента, когда уже можно прикрыть глаза и блаженно откинуться на спинку стула. А потом поднимаешься и идешь на работу. Но это было не зря? Конечно, не зря! Вот сейчас мне и скажут, что возможно, мол, опубликовать в настоящем журнале под моим именем и моей же фамилией. И возможно когда-то, за всеми туманами и встречными ветрами, оставшись собой, проснуться знаменитым. Нет, сидеть я не мог.

— Спасибо... Лучше так.

— Н-ну, как угодно...

А рукопись, кажется, нашлась. Но теперь она была как будто и не моя: смятая, пожелтевшая и чужая.

— Ну что ж,— его слова стали особенно скучными и растянутыми,— рассказы никакие. Непонятно, зачем это написано. Что хотели сказать? Ничего, вероятно. Литература — уравнение, где иксы всегда зависят от игреков. Всегда.

Зависла единственная пауза, давшая возможность как следует прочувствовать себя зависимым иксом. И:

— Толстой... а вот Чехов... так Георгий Иванов... гм — Гёте... Тургенев... Поль Валери...

Знакомые фамилии вдруг почему-то зазвучали как состав футбольной команды, выбегающей на поле обыгрывать тебя одного.

— И исполнение тоже не блещет, хотя...

Т-так, значит.

— А кто же блещет в современной литературе?

Редактор тяжело вздохнул и сообщил вполголоса:

— Да никто.

Дальше оказалось, что литература в этой стране приказала долго жить еще до моего рождения, быть может, когда-нибудь она и возродится, но вряд ли... Он отводил за ухо длинную прядь волос цвета прелого сена и говорил, говорил.

Наконец, перевел взгляд с бумажной горки на меня и безнадежно спросил:

— И зачем вы все пишете?..

Вот именно, зачем? Ведь даже в самом-самом лучшем случае тебя, незваного гостя-классика, придется чтить и любыми судьбами провожать и усаживать на почетное место в памяти, которая и так давно битком забита.

По годам Редактор точно был молод, но смотрел на меня глазами старой загнанной лошади.

Не ответив, я повернулся к двери.

— Вас проводить?

— Не стоит. Дорогу я помню.

Я вышел со скатанной рукописью наперевес и облегченно выдохнул. Облако пара поднялось и рассеялось в морозном воздухе.

Алексей Яшин

НОВЫЕ РАССКАЗЫ НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА*

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

*Двух станом не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь:
Союза полного не будет между нами —
Некупленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!..*

А. К. Толстой

Весь прошедший год — календарный и астрономический, заодно учебный и финансовый — народ Среднерусской равнины (или возвышенности? — кому как нравится) воспринял как первичное явление Антихриста, покровителя набирающего силу глобализма. Ну-у, про связь погоды с глобализмом, а последнего с Антихристом — это народ узнавал из вечерних телепередач, где дородный и моложавый ведущий программы сталкивал нос-к-носу функционеров правых и левых партий и движений. Женщины при этом ворчали: опять у сериалов время крадут!

А насчет погоды в уходящем году все верно: зима без снега, с плюсовой температурой, с многочисленными низко нависшими отвратительно-серыми тучами... Потом же сводящее с ума тридцатиградусное лето без единого почти дождика: горячая пыль в городах, перемешанная с вирусами ОРВИ и ОРЗ.

Сейчас же то ли глобалисты с Антихристом что-то в гешефте не поделили, а может и не научились еще полностью природой повелевать? — Кто скажет... Н вот ведь через месяц уже и выборы в Госдуму, похоже и погода к ним готовится. Как по графику избиркома на Покров выпал пробный снежок. А сегодня, второго ноября, в самое положенное время прокапал дождик, к вечеру слегка подсохло, завтра-послезавтра снег выпадет и сляжется на всю зиму.

...Так размышлял доцент Николай Андреевич, прогуливаясь перед домашним ужином по ближнему к нему, то есть своему дому, скверу с памятником гиганту русской мысли. Он еще не привык к недавнему переходу на зимнее время: что темнеет не в семь, а в шесть вечера, поэтому пока не перестроился в своих прогулках после лекций и догуливал в абсолютно пустом сквере — кроме бронзового гиганта — уже затемно.

---

* Из новой книги рассказов Николая Андреевича: «2007 — Штиль», М.: «Московский Парнас», 2007 (Первые две книги: «Тяжело дышит синий норд», Тула, 2003; «Живые шахматы», Тула, 2006).

«А где же народ? — В центре города, в прекрасный вечер со свежайшим предзимним воздухом... — размышлял наш доцент, — наверное, зарядившись на три выходных дня, все от мала до велика уже водочкой разминаются», — пришел к выводу знаток престоной жизни Николай Андреевич.

«Может и Игоря Моисеева поминают, сегодня помершего на сто втором году жизни?» — это он услышал в утренних новостях по кухонному репродуктору. И поморщился, слушая краткое жизнеописание выдающегося организатора народного танца; словно выполняя уже давно докучившуюся инструкцию, дикторша по обязанности вспомнила и тридцать седьмой год, дескать, может потому Моисеева и обошли «сталинские репрессии» что «кровавому диктатору очень нравились постановки Моисеевым больших физкультурных парадов на Красной площади».

В тысячный раз Николай Андреевич, условно ставя себя в позицию глубоко политически нейтрального человека (это как в математике: условно выбирая удаленную бесконечно точку), вопрошал: послушай наше ТВ и радио, почитай прессу за последние почти двадцать лет, так получается, что в тридцать седьмом году в «Ежовы рукавицы» перестаравшегося наркома Николая Ивановича попали не единицы процентов, а скорее всего доли процента, населения СССР, а наоборот, эти-то единицы с Игорем Моисеевым и уцелели... Абсурд, конечно, но нынешние мировые СМИ стократ превзошли своего учителя доктора Геббельса...

* * *

Николай Андреевич уже в пятый раз огибал по аллеям сквера монумент гиганта мысли и русской совести, пристально смотрящего уже под сорок лет на красивое, дореволюционное здание красного кирпича с филёнками и фасадными украшениями. Со дня основания в самом начале века минувшего в нем размещался водочный завод, наглухо обанкроченный несколько лет назад усилиями московской спиртовой мафии. С тех недавних пор вымороженное, опустевшее и опечатанное здание в темную пору укоризненно смотрело черными провалами окон на памятник вегетарианцу и борцу с пьянством на Руси, словно виня его за случившееся. Увы, здесь совесть гения русской литературы была чиста...

Доцент забеспокоился: предзимний воздух, конечно, изумительно свеж и слегка заборист, но он попал в любимую стезю исторических аналогий, из которой — по опыту знал — выбирался с трудом. А уже совсем стемнело, снежная туча наглухо прикрыла позавчерашнего полнолуния ночное светило. Помнил: при тоталитарном советском режиме памятник подсвечивался наземной установки прожекторами, а сам писатель вроде как скользил в направленном свете по гладкому постаменту, выложенному полированной гранитной плиткой. Но в начальные годы демократии добрые люди явочным порядком вырвали и унесли прожектора — на металлолом, и плитку — наверное, кто-то выстелил ею дорожку к дачному сортиру. С тех пор руки у городских властей до памятника не доходили, и теперь сквер вечером выглядел мрачновато.

Пора домой! К горячим шам и воркованию ненавистного телевизора — хотя бы как фону. Человек в быту поневоле становится чистюлей или грязнулей — в зависимости от довлеющего характера этого самого быта.

И все же за время трехминутной решительной ходьбы до дома Николай Андреевич успел-таки еще одну параллель в истории обосновать, а именно: сопоставил Тильзитский мир 1807-го года Александра I и Наполеона (также первого) и пакт Молотова — Риббентропа. Ведь все историки и даже демократы-политики спокойно, а наши вроде и с гордостью признают: да, двести лет назад Александр Павлович и Наполеон Буонапартович поделили на плоту-павильоне на реке Неман у города Тильзита, нынешнего Советска Калининградской области, Европу пополам по сферам влияния. И это было хорошо для России, Франции и Европы в целом.

Но попробуй заикнись где угодно — от простонародной забегаловки-рюмочной в Косолучье или Поречье до официальных присутственных мест самого высокого пошиба — о пользе для СССР, то есть и его официального правопреемника во внешнем политическом раскладе — России, Договора с Германией 1939-го года? И что тут начнется? — Хорошо, если тебя локтем в рюмочной не заденут ненароком, а в официальном собрании остракизму не подвергнут! Как?! Два кровавых диктатора поделили несчастную демЕвропу пополам! Да ты, брат, прямо ретроград какой-то; еще до того договоришься, что Америка — страна зла и международного террора, а однополая «любовь» — это разновидность шизофрении? И так далее. Господи, будем терпимы и снисходительны к массовым жертвам психологического СМИ — террора и глобализма...

* * *

Но куда уйти от ближней и дальней истории задумчивому доценту? — Правильно, некуда. О ближней, через пару дней, талдычат дикторы во всех новостях по телевизору. Об относительно дальней прямо-таки вызывающе вопиет только вчера купленная в «народном магазине» новая книга из серии «Белогвардейский роман», которую в этом году начало выпускать одно из московских издательств. Серию печатают в Т-ой типографии, гигантском полиграфическом предприятии, доставшемся в приданое от советской власти. А при типографии ушлое руководство ее открыло небольшой магазинчик, где продают сверхплановые допечатки тиражей, заказываемых исключительно московскими издательствами, почти по их себестоимости, то есть в три-четыре раза дешевле, чем в обычных, коммерческих магазинах. Поэтому магазинчик тотчас прозвали «народным» или «магазином для интеллигенции». С двойным смыслом нарекли: во-первых, намек на нищенские зарплаты этой самой интеллигенции; во-вторых, типография печатает в основном не бульварное чтиво, а серьезную публицистику, художественную классику и словарно-справочную литературу. Видно, какая-то традиция от прежних времен еще витает над поместительным зданием-заводом.

...О празднике 4-го ноября, учитывая его двусмысленность и что еще далеко не весь народ заучил его название, дикторы говорят хотя и часто, но вскользь, апеллируя в основном к «трем выходным дням».

Двусмысленность же идет от формальной замены на него традиционного праздника 7 Ноября — годовщины (а сегодня и Юбилея) Великой Октябрьской Социалистической революции, но более всего — от сразу приходящей в голову всякому мало-мальски грамотному в отечественной истории человеку антипольской направленности. Оно, конечно, Польша есть вечный враг России («Извечный спор славян меж собою»). Опять же, судя по сообщениям прессы, сейчас темпы развития Речи Посполитой в четыре раза выше, чем у Украины. То есть, если у последней они равны нулю, то у Польши $0 \times 4 = 0$. И так долго можно рассуждать.

Но так и мерещится дремотному ввечеру Николаю Андреяновичу: струится во весь широкий проспект поутру нового праздника народ с транспарантами: «Долой Сигизмунда-короля!» и «Да здравствует королевич Владислав!» А красно-коричневая и разная там бело-голубая оппозиция несет хоругви с поясными портретами обоих Лжедмитриев. В почетном каре идут местные татары, убеждая всех: Минин с Пожарским только деньги собрали, а освободить Москву от поляков наняли наших казанских и сибирских татар...

Словом, всяк при своем мнении и разумении. Новый еще праздник, народ дичится его, только молодые националисты решили, что он для них сотворен: еще с позавчерашнего дня листовки на столбах фонарных порасклеены.

* * *

А сколько же в этой самой истории тенденциозности? Такое впечатление, что каждые пятьдесят-сто лет ее пересматривает некая тайная комиссия и все переутверждает. Но и как в истории все связано: далекое и близкое, правое-левое и так далее. Вот как, например, связать белогвардейский роман, намеренно купленный Николаем Андреевичем за сорок рублей в «народном магазине», события 1612-го года и приуроченный к ним новый праздник, и город *Т.*, который вроде как далек был в истории и от белогвардейцев (до *Т.* они не дошли), и от польской шляхты? А наш доцент мигом связал в тесный узел. Во-первых, белогвардейский роман куплен в магазинчике при здании типографии, на крыше которой с 60-х годов аршинными буквами красовались слова Ленина о важности города *Т.* для советской республики. И только год назад новая губернско-городская власть их снесла. Заодно рядом, на площади, где расположены в ряд гранитные постаменты с названиями городов-героев, только-только замененные предыдущей властью с Волгограда на Сталинград наименование города на Волге вновь вернулось к Волгограду...

Итак, первая связь в истории установлена.

Во-вторых, связь города *Т.* с 1612-м годом и праздника 4-го ноября. Здесь Николай Андреевич вспомнил некогда им читанное, но в школьной истории почему-то опущенное. Оказывается, когда Лжедмитрий узурпировал престол в Кремле, то подмосковные бояре и наущаемые ими крестьяне к самозванцу отнеслись крайне неодобрительно. Зато народ, живущий подальше, возлюбил польского ставленника, особенно же — мелкое дворянства и хлеборобы в верховьях Оки — от Белева до Калуги и далее до Серпухова; так называемая «странах князей». Почти триста лет эта обширная область являлась границей с Литвой, а местные князьки присягали то одной, то другой стороне. Поэтому местное население, входящее ныне в *т*-ую область, узнав о занятии Москвы польско-литовским войском и постановлении Лжедмитрия на царский престол, решили: пришли прежние веселые времена и дружно присягнули Гришке Отрепьеву.

Разобравшись наскоро с неотложными делами, Лжедмитрий чутко уловил ситуацию (наверняка без догадливого бабьего ума Марины Мнишек здесь не обошлось) и объявил, что столица переносится в маленький городок *Т.*, что в центре верховенских земель, где он и его двор будут окружены верноподданным населением. Так *Т.*, которая даже не имела своего князя, в одночасье стала столицей России, а ее население в считанные дни возросло с четырех тысяч до более чем сотни! Здесь, конечно, Гришка-самозванец скопировал с лжебатьки Ивана Грозного.

Однако столицей *Т.* пробыла всего две недели. Двору не понравились здешние дикие места, а местный кремль, кстати говоря, самый маленький из всех русских крепостей, с низкими стенками, да еще и расположенный в самой затопляемой низине (про Ивана Болотникова хорошо помнили), не пришелся по нраву Григорию, уже попривыкшему к московскому великолепию со Спасской башней. Словом, указ о переносе столицы похерили, а Самозванцев двор воротился в Белокаменную.

«Хорошо-то как! — восхитится читатель, — а ты кажи нам третью логическую связь: Николая Андреевича то есть с белогвардейцами, а?»

И сам наш герой призадумался: вот ведь повезло с родственниками — ни один даже обозным второго разряда у беляков не служил! Ан, нет, вспомнил. И самая прямая связь!

* * *

*Движенья нет,— сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал, но стал пред ним ходить.
Сильнее бы не смог он возразить.
Хвалили все ответ замысловатый.*

*Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами Солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.*

Эти строки великого нашего поэта Николай Андреевич, хотя и не был в литературных пристрастиях заядлым пушкинистом, всегда цитировал в ситуациях двусмысленности. А двусмысленность — это та же физико-математическая, астрономическая тож, относительность.

Хорошо было изучать историю в советское время; в царское также наверное: все расставлено по надлежащим местам, никакой относительности-двусмысленности, а сомневающимся: «Завтра с родителями к директору на беседу и допуск к следующему уроку истории!»

Хорошо же человеку всегда, когда думать не надо. Есть такая всеобщая атавистическая лень. Нам же выпало почти два десятка лет жить в эпоху первичного и вторичного переосмысления истории. К радости следующего поколения школяров этого им уже испытывать не придется; все опять установится по нужному ранжиру в соответствии с генеральной линией. Какой? — Осмотритесь вокруг.

...Так и новоприобретенный роман белогвардейской серии Николай Андреевич читал с двойственным чувством. И книга-то, литературно оформленные воспоминания некоего поручика, очевидца событий, случайно уцелевшего, об опять же замалчиваемых почти девяносто лет событиях начала Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Еще в школьные годы Николку занимало: почему в известной героической песне о тех событиях поется: «Партизанские отряды занимали города», — а в учебниках истории все упирают на действия регулярной Красной армии под управлением Блюхера?

С годами он только и смог разобраться, что песня эта — с трансформированным текстом — суть *украденная музыка*; первоначально на ее музыку, принадлежащую неведомому поручику-музыканту из Белого движения, исполнялся чуть ли не «Дроздовский марш». А вот о паритете партизан и армии Блюхера и неоднозначном освещении их роли в канонической советской истории только сейчас, читая роман, начал догадываться наш неутомимый с годами историк-любитель.

Книга же повествовала почти документально о самом зловещем эпизоде Гражданской войны в Приамурье: зверском уничтожении *всех* жителей города Николаевска-на-Амуре и разрушении самого города многотысячным отрядом партизан-анархистов. Причем «товарищи» под черно-красным знаменем отрубали мирным жителям руки и головы, истязали всех подряд, а потом вереницей, зимой, раздев до гола, партизаны из китайских взводов вели людей к Амуру, добивали кувалдами и топили.

А ведь Николаевск в то время был дальневосточным центром с электричеством в домах, с телефонами, с иностранным консульствами. В чем-то даже важнее и обширнее Владивостока.

Отчего такая жестокость? Анархисты того же Махно по сравнению с ними прямо-таки воспитатели из института благородных девиц... Конечно, Николай Андреев-

нович понимал: народ на тогдашнем Дальнем Востоке, разбавленный бывшими и освобожденными революцией сахалинскими каторжниками, потомками сибирских варнаков, собрался аховый. Потому и естественная классовая ненависть очень легко перерастала в человеконенавистничество. Потому в «приглаженной» советской истории неудобных для прочтения партизан оставили только в песне на *украденную музыку*, а все подлинные действия по освобождению края от японских и прочих интервентов отнесли к регулярной армии Блюхера, воевавшей на заключительных этапах Гражданской войны в Приамурье и Приморье.

Да дело-то и в не в этом — для размышляющего Николая Андреяновича. Он никак не мог отделаться от двойственности-относительности самого факта уничтожения города и всех его жителей.

С одной стороны, в крае была объявлена советская власть, а Николаевск, как и многие другие места Приморья, был захвачен японцами, а городом де-факто управлял консул Страны восходящего солнца. И жители, особенно купеческая, чиновничья, интеллигентская его часть, в целом японцев поддерживали.

То есть задачей жителей в общем-то благополучного города было отсидеться, переждать под защитой японских штыков бури революционной неразберихи. А задачей партизан, хотя и варнаков-анархистов, все же подчинявшихся революционному руководству, было уничтожить японский гарнизон Николаевска и разрушить город, как наиболее вероятную базу сильного японского подкрепления, ожидавшегося к прибытию по ранней весне.

Получался невообразимый расклад: жители стояли, хотя бы вынужденно, на стороне интервентов, уже в 1905-м году урезавших дальневосточные земли России. А бандиты-партизаны выполняли стратегическую, даже патриотическую задачу. Другое дело — как выполнили ее...

И здесь Николай Андреянович вспомнил... почти что очевидца тех невообразимо далеких по времени и расстоянию событий. Ведь не только один поручик, автор книги, сумел избежать удара кувалдой от рук китайского красного партизана.

* * *

Как он мог забыть? С его-то всегдашним, с ранней юности интересом к отечественной истории, и по сей час гордящимся своей памятью... Любил Николай Андреянович, когда кто-то, обычно от природы бестактные женщины, упрекал его в мелкой забывчивости, стандартно отбояриваться в том смысле, что вот у скрипачей абсолютный слух, а у него абсолютная память, то есть помнит любое слово, интонацию, зрительный образ с пятилетнего возраста. Однако, если упрекал начальник, то он дипломатично молчал.

И вот надо же? Но тут же и оправданье нашел: интересный рассказ слушал светлой полярной ночью. Разговор шел на кухне, а одиннадцатилетний Николка в искусственно затемненной спальне то впадал в легкий сон, то вновь возвращался в полуявь. Оттого-то слышанное, минуя активную память, сразу осело в тайных хранилищах подсознания. Такая вот есть специфика человеческого мышления. А сосед-психиатр как-то во время пятничной, «уикэндной», как сейчас молодежь говорит, беседы в приличной «Рюмочной», апеллируя к инженерному образованию и роду занятий Николая Андреяновича, доходчиво пояснил: «Это как при записи информации в компьютере. Ты волен оставить ее в оперативной памяти и без труда будешь находить нужное. Но если отправил на хранение в винчестер, в основную память, то можешь и обыскаться». Сосед недавно на дармовщину два месяца провел в Москве на курсах компьютерной нейропсихологии; отдохнул от своих сумасшедших пациентов.

Как бы там не трактовали мудреные науки, изучающие мышление и память, но суть в следующем.

В один из позднейших дней отец пришел часов в одиннадцать вечера из Дома офицеров флота, где работал после переезда семьи с последнего в их жизни маяка Большой Олений старшим электриком, не один, но со спутником в форме капитана второго ранга. В ДОФ'е сегодня проходило большое полугодичное собрание старшего офицерского состава соединения двух эскадр подводных лодок дальнего плавания. Это Николке еще в школе днем сообщил одноклассник, сын адмирала и командира одной из этих эскадр.

Моложавый кавторанг представился хозяйке дома и детям Павлом Сергеевичем, но с отцом они уже перешли на имена. Как пояснил жене Андреян, Павел Сергеевич отъезжает в пять утра на катере на свою базу — Четвертую точку*. Смысла поселяться в офицерскую гостиницу нет никакого, поэтому капитан принял его приглашение на домашний ужин. Позже Андреян рассказал жене, что познакомились они с Павлом в буфете ДОФ'а, где по случаю столь важного собрания начальник этого учреждения, подполковник Зинченко, по рекомендации вице-адмирала, зам. командующего Северным флотом нарушил строжайший — от Североморска и далее до Северного полюса — «сухой» закон и распорядился буфетчице выдавать кофе с коньяком. Этим во время перерывов дружно воспользовались старшие офицеры с кортиками и мужская часть obsługi ДОФ'а.

Каждый заказал официантке по пять чашек (больше в одни руки буфетчица Таисия не выдавала) и смаковал редкостный в этих местах напиток. Андреян и Павел Сергеевич оказались соседями по столику; здесь и познакомились.

К разогретому матерью ужину Андреян выставил к восторгу кавторанга бутылку «столичной». Как всякая гражданская (да и военная, впрочем) семья, и Николкина имела в «НЗ» несколько бутылок-белоголовок, привезенных из Мурманска, — самая конвертируемая валюта в «сухом» городе.

Под выпивку и сытный ужин пошли разговоры. Ребят отправили спать; мать тоже удалилась, чтобы не мешать мужикам.

* * *

Поначалу сон и близко не подступал к Николке, поэтому первый час разговоров на кухне он слышал явно и осознанно. Все больше капитан расспрашивал Андреяна, как «полного» участника сразу двух войн: Финской и Отечественной. Андреян же вопросов собеседнику почти не задавал: и так все прекрасно знал о состоянии дел в нынешнем флоте, работая в ДОФ'е, где и проводились все важнейшие собрания-совещания флотского состава. Как и все сотрудники учреждения флотской культуры, давал он серьезную личную подписку о неразглашении.

А воспоминания отца Николка давно знал назубок: хотя и редко приходилось Андреяну баловаться «злодейкой с зеленой наклейкой», но после третьей стопки его, обычно по-староверчески неразговорчивого, так и тянуло на монологи перед благодарными слушателями — своими детьми.

По этой причине Николку начало понемногу смаривать в сон, а маленькие Славка с Сережкой уже смотрели если не третьи, то наверняка вторые сны.

И вот что в этой полуяви-полусне его память, или подсознание — по уверению нынешнего соседа-психиатра, сохранила от той короткой, светлой заполярной ночи.

Но и гость в третьем часу ночи разговорился.

Дед Павла Сергеевича был в царском Балтийском флоте капитан-лейтенантом по минно-торпедной части, подводником. Оттого и внук избрал эту нелегкую стезю. За полтора месяца до свержения Николая Второго его в составе группы технических

---

* В 70-ые годы ее переименовали в Гаджиево; сейчас (видно по причине чеченских войн) это ЗАТО «Скалистый».

специалистов Балтфлота отправили в неблизкую командировку-службу в Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Семья, включая и отца Павла Сергеевича — тогда гимназиста, осталась, понятно, в Петрограде. Срок командировки начальство определило в два года.

Там его застала Октябрьская революция и Гражданская война. Попытки вернуться в Петроград успеха не имели: сначала военнопленные чехи перекрыли Транссибирскую магистраль, а потом и вовсе все на Дальнем Востоке погрузилось в хаос: интервенты, партизаны и прочее. Волею судеб он попал в Николаевск, где поселился — переждать тревожные времена — у знакомого еще по Петрограду начальника таможи, но затишье в его жизни длилось недолго. Партизаны-анархисты отряда Тряпицына захватили город и устроили массовую резню и расстрелы жителей.

Деду в числе немногих удалось уцелеть, уйти в тайгу вместе с таможенником и его женой на дальнюю заимку, где тот в мирное время баловался охотой. А заимку по питерскому обыкновению называл дачей.

Словом, через Владивосток, на торговом судне под английским флагом, далее через Средиземное море, Ирак и Персию*, через всю полыхающую Гражданской войной Европейскую Россию удачливый дед-моряк добрался-таки до Петрограда и вновь стал служить на Балтфлоте, теперь уже красным флотским командиром.

Далее в услышанном полусонным Николкой разговоре был перерыв в памяти. А через полчаса, когда он вновь проснулся, кавтаранг рассказывал уже о своей бабке, что волею судеб к концу двадцатых годов осталась жить — тогда уже в переименованном Ленинграде — одна в уплотненной посторонними жильцами квартире. Супруг ее, флотский командир, рано умер, оба сына и дочь получили высшее образование и разъехались по всей стране-новостройке.

* * *

Так выходило из рассказа Павла Сергеевича, что его флотский дед, впрочем как и многие из потомственных царских военных, имел и сильное увлечение в жизни, а именно — сочинял музыку. Это как Цезарь Кюи и Римский-Корсаков. Но только дед все не торопился сочиненное им представлять на суд публике. Все думал: вот выслужу офицерский пенсион, тогда серьезно и займусь. И супруга его, тоже недурственная пианистка-любительница, поддерживала.

Но, увы, человек предполагает, а бог располагает. Не дождался офицер, а потом и командир-подводник пенсионат: заболел тяжело и скончался. Даже профессора Военно-медицинской академии не смогли помочь. Не зря судьба так удачливо спасала его поначалу, зная коротко отмеченный предел жизни моряка и композитора.

Оставшаяся же одной в крохотной квартирке вдова Вера Игнатьевна днем прирабатывала концертмейстером в заводском клубе Металлического завода, а в выходные дни, когда соседи за фанерными стенками квартиры расходились кто куда — в гости или где отдохнуть,— она, не опасаясь гневных окриков (Опять забарабанила, контра недобитая!)), но все же по привычке тихо музицировала на сохраненном при переделе жилплощади фортепиано: проигрывала мелодии покойного супруга. Рукописными нотными тетрадами была плотно уставлена высокая пятиполочная этажерка. Почти все она уже знала не память.

Жила Вера Игнатьевна замкнуто: многие из давних семейных знакомых пропали в небытие в суровые годы безвременья: кто умер от тифа, кто погиб на поле брани, с погонами на плечах или в шлемах-буденовках. Иногда из Парижа, Берлина или Белграда приходили рождественские открытки... Соседи-рабочие косились.

---

* Во время Первой мировой войны Ирак и Персия были оккупированы, соответственно, британскими и русскими войсками, державшими здесь фронт против Турции.

Дети, устроившись в жизни более или менее удачливо, приезжали редко, в основном по причине командировок. Раза два-три в год появлялся старший Сергей. Один раз привозил ей внука Пашу. Гостей не звала, стыдясь хотя и опрятной, но очень уж крохотной квартирке с разнокалиберной мебелью — что досталось при переезде во время подселений. Но однажды ее зазвала к себе на 60-летний юбилей коллега по работе, заведующая музыкально-педагогической частью клуба Металлзавода. В числе других гостей ее познакомили и с известным уже музыкантом, профессором Ленинградской консерватории. Имя его Вера Игнатьевна в последние годы часто слышала по радио, видела на уличных афишах. Он же шутливо представился скромной гостье пианистом-исполнителем, пробуящим себя в искусстве композиторства.

И Вере Игнатьевна понравился совсем не гордый, хотя и известный, профессор-музыкант, рассказавший за столом несколько веселых анекдотов из жизни своих друзей — известных всему миру композиторов, исполнителей, артистов. Выбрав минутку, Вера Игнатьевна рассказала мэтру о своем покойном муже, оставшихся после него нотных записях пьес, концертов и даже целой камерной симфонии. Просила, чтобы скоро выдана минутка-другая, что-то из нот посмотреть...

— А как же, голубушка, с удовольствием! Ничего втуне не должно пропадать. Обязательно ознакомлюсь; еще услышите имя своего супруга на всесоюзном радио! Я подошлю к вам своего аспиранта, ему и передадите для меня. Сохранность рукописей гарантирую всенепременно. Черканите, уважаемая, ваш адресок.

* * *

Действительно, через пару дней, под вечер пришел прилично одетый молодой человек, представился Женей, в принесенные с собою свернутыми две большие брезентовые сумки из-под музыкальных инструментов аккуратно уложил все нотные тетради с этажерки. Поблагодарив за предложение попить чаю с печеньем и сославшись на занятость в консерватории, аспирант удалился.

Прошла неделя, вторая, месяц. Понимая занятость всесоюзно известного профессора, Вера Игнатьевна все же набралась смелости и позвонила. Номер телефона нашла в справочнике «Музыкальный Ленинград», что имелся в клубе Металлзавода. Дозвониться удалось только с третьего раза, когда профессор вернулся с постановочной репетиции из концертного зала филармонии.

— Слушаю вас? — раздался в трубке знакомый, приятно-общительный голос.

Вера Игнатьевна, торопясь и несколько от этого путаясь, объяснила: кто она и по какому поводу беспокоит столь занятого человека.

— Да-а? Извините, не припоминаю, — голос в трубке приобрел какой-то металлический оттенок, — знаете, мне много приходится где бывать. Может и был какой-то необязательный разговор, может и пообещал из вежливости, бывает такое. Но ведь вы, дражайшая, сами должны понимать: я и в своих-то нотах закопался, вот сразу два концерта для фортепиано и оркестра готовлю, на симфонию договор с Росконцертом подписал! Где уж мне с черновиками неведомого любителя заниматься?.. Нет, никакого аспиранта Жени у меня нет и не было. Вы, очевидно, стали жертвой какого-то розыгрыша, мистификации что ли... Извините, но мне на прием творческой интеллигенции в Смольный срочно надо выезжать. В следующий раз, уважаемая, не пускайте к себе в квартиру незнакомых людей. Всего доброго!

Поплакала, но уже дома вечером, Вера Игнатьевна. Ненароком вспомнила, что беседовали они с профессором наедине, в уголке гостиной, куда тот предупредительно ее отвел, как только она начала говорить о покойном муже: «Отойдемте, голубушка, вон к тому уголкового диванчику. Там потише, а то гости уже готовы, ха-ха, к хоровому пению».

Поплакала... даже детям в письмах ни полслова: стыдно и обидно. А по воскре-

сеньям уже на память проигрывала мелодии незабвенного своего, но столь далекого от нее супруга.

* * *

Прошел год. Из сообщений по радио знала: профессор перебрался в столицу, в тамошнюю консерваторию, активно обратился к композиторской работе. Начали передавать в музыкальных программах новые произведения мэтра. Как отмечали ведущие музыкальные критики, «второе рождение переживает сейчас наш выдающийся музыкант; от преимущественно исполнительства он перешел к сочинению малых, средних и крупных музыкальных форм; такое впечатление, что всю предыдущую жизнь он был полностью погружен в творчество и, достигнув выдающихся вершин в этом деле, решил представить все сразу на суд публике».

...Только старшему Сергею во время его очередной командировки-приезда в Ленинград рассказала Вера Игнатъевна о случившемся. Тот возмутился, но понимал: уже ничего не поделаешь.

А Вера Игнатъевна, которой на 60-летие подарили от руководства клуба Металлзавода недорогой радиоприемник, изготовленный на ленинградском заводе «Светлана», каждый вечер крутила его ручку настройки и, услышав фамилию известного композитора и исполнителя, профессора консерватории, лауреата многих всесоюзных и зарубежных музыкальных конкурсов, дожидалась далее начала музыкальной части — исполнения произведений мэтра и с тихой, счастливой улыбкой, устроившись в кресле, слушала прекрасно инструментированную и аранжированную музыку, ведущие мелодии которой она так хорошо знала. Непременно при этом на ее коленях лежал староизданный том Пушкина, открытый на странице с гравюрой, изображающей встречу в венском кабачке Моцарта и Сальери.

* * *

Прав оказался Николай Андреевич в своих предчувствиях погоды: зима началась классической, то есть на Покров по расписанию небесной канцелярии выпал пробный снежок, а в ночь на Казанскую уже пошел серьезно. Проснувшись поутру, засветло уже, увидел он из окна забеленный двор и крыши, опушенные снежинками деревья, также в срок сбросившие листву, исключая упрямые дубы и росшие в ближнем парке канадские клены. Ну, это понятно: для дубового листопада нужны ветра, а «канадцы» в первом поколении еще не акклиматизировались...

То-то и спалось легко и уютно, что природа все сообразно графику делает. Николай Андреевич поспешил на улицу. Народ по всей видимости уже усердно отмечал совмещенный церковно-политический праздник, потому даже на тротуарах центрального проспекта, несмотря на первый снег и замечательно свежую погоду без намека на ветер, только редкие прохожие встречались доценту.

Некоторое оживление он усмотрел только в районе автовокзала, но там всегдалюдно по понятной причине. Но совсем любопытную картину он увидел в месте обычных посадок на автобусы, следующие до столицы. Сейчас же здесь стоял явно заказной, поместительный, полуторазтажный «Мерседес» — из числа списанных в самой Германии или Франции. Николай Андреевич свернул к киоску купить сигарет, поэтому саму остановку перед автобусом не видел, но зато услышал такой военной мощи голос, что невольно вспомнил из далекого детства слова песни:

*Разведка наша — весь народ,
Враг не пройдет границы.
А коль пройдет ее, то он —
Пройдет в ежовых рукавицах!*

Пассажирский народ заулыбался, а Николай Андреевич, получив патриотическую «Яву», изготовленную московским филиалом компании *British American Tobacco*, и сдачу у киоскерши, поспешил из-за угла привокзальной гостиницы посмотреть на обладателя командного голоса и причину самого его проявления.

Перед импортным подержанным автобусом на тротуаре в две шеренги небрежно стояли три-четыре десятка старших школьников, преимущественно размалеванных девиц, визгливо похохатывающих и жующих жвачку. Как понял Николай Андреевич — из числа поверстанных в молодежные антифашисты.

А перед ними во фронт стоял молодежавый мужик лет под пятьдесят в гражданском, но сидевшем на ладной фигуре как влитая подполковничья форма (полковники уже пузо отпускают и держат руки в карманѧх).

— ...Итак, повторяю. После митинга в надлежащем месте совершаем короткий переход на означенную площадь. После назначенных мероприятий дислоцируемся возле нашего автобуса для приема пищи. Каждый получает один пакет с сухпайком, пакет сока и бутылку воды...

— А водяры флакон? — перебил лжегражданского лохматый веселый парень из зрителей.

Оратор невозмутимо продолжал, а к парню подошли тотчас два дежурящих у автовокзала милицейских сержанта, отвели в сторону, проверили документы и еще некоторое время увещевали без рукоприкладства о соблюдении порядка во время массовых мероприятий.

— ...Культурна программа начнется в двадцать ноль-ноль. Выступление группы «Любѧ». Оратор разрешается, разбежаться по площади запрещается. По всем местам дислокаций будет присутствовать передвижные сортиры. Бесплатные.

Все ясно? Взводные? — Ко мне для уточнений.

Повеселевший доцент, осколок минувшей (как он наивно полагал) тоталитарной эпохи, свернул на боковую улицу и еще раз свернул направо — в сторону парка. А в ушах — и опять из детства — могуче рокотал марш «Советской страны физкультурники»:

*Под небом ясным страны прекрасной
Сегодня мы гимнасты и пловцы,
А гром ли грянет...*

РУССИШЕ ШПИРТ ИСТ ЗЕР ГУТ!

После наделавшей шума в КБ истории с осьмиконечным крестом, просиявшем на схеме с перспективами развития микроэлектроники в отрасли агрегатостроения, начальник и главный конструктор организации Трибелин стал при редких и случайных встречах по работе звать молодого специалиста полным титулом: Николаем Андреевичем. А это значило, что никаких поблажек тому от руководства не ждать до самой победы коммунизма в отдельно взятой стране. Вынужденные же скудные прибавки к жалованью и премиям объяснялись безвыходностью (для Владислава Сергеевича) ситуации: на текущий момент и в ближайшей перспективе строптивый инженер являлся в молодой, только образовавшейся «конторе» единственным специалистом по микроэлектронике. Николай же не переставал удивляться своей прозорливости, а именно: на последних двух курсах института согласился вместе с двумя другими одноклассниками обучаться по индивидуальной программе специализации. Эксперимент такой Минвуз ставил. Хотя и хлопотно, но он почему-то согласился; видно, предчувствовал, что это ему в жизни поможет...

Кстати говоря, с легкой руки и недобрых серо-стальных глаз Владислава Сергее-

вича к Николаю тотчас и на всю жизнь (даже когда перешел работать в НПО «Меткость») прилипло прозвище-кликуха, погоняло по-новодемократически: *Андреяныч*. Тем более что в свои двадцать пять лет отроду он носил бороду «лопатой» замечательного огненного (не рыжего!) цвета. Это от давних предков-шотландцев по материнской линии. Сам он не возражал за исключением, если Андреянычем его пробо-вали называть молоденькие девушки-техники. Еще он морщился, когда мало знающие его сослуживцы именовали Варфоломеичем; очевидно, начитавшись только вошедшего тогда в моду у технической интеллигенции Ильфа и Петрова.

...А жизнь в середине семидесятых годов была прекрасна и удивительна. Это признают сейчас, стиснув гниловатые зубы, испорченные «сникерсами» и химической колбасой, даже отъявленные демократы. Они же эти славные времена обозвали периодом застоя, а знающие грамоте по-импортному: *стагнацией*. Почему застоя? Только сейчас, став уже Николаем Андреяновичем и пережив все стадии «катастроф-ки» (термин философа А. А. Зиновьева), он додумался до истины: под застоём 70—80-х годов демократы первого призыва понимали отнюдь не бурно развивающуюся экономику, внешнюю политику, культуру и благосостояния людей СССР этих годов, а определенную безысходность уже подспудно морально созревшего класса будущих барыг-спекулянтов, прихвизаторов, авторитетов бандитизма, чиновников-взяточников и прочих честных бизнесменеров.

Но для молодого Николая эти вольнолюбивые времена маячили еще в дальнем далеке. Судьба отпустила ему и его сверстникам первых послевоенных поколений счастье вволю пожить в душевном спокойствии и неприхотливом достатке, словно компенсируя трудности страны первой половины века и предчувствуя времена, «подлее которых еще не было», как скажет в начале 90-х годов один известный патриот.

Главное, в те годы нужно было только придерживаться некоторых формальных табу: не смеяться публично при словах «Экономика должна быть экономной», а также аккуратно платить комсомольские и партийные взносы.

* * *

Зима наступившего семьдесят шестого выдалась, как и все это время, замечательной: в меру морозной, обильно-снежной, с незлыми утренними и вечерними метелями, а уже с третьей декады января днем великолепно сверкало хотя и низкое, но согревающее душу доброе Солнце-Ярило. Как любил повторять Николкин дружок Витька Смышляев: «В такую погоду так и хочется посидеть на застекленной веранде кабачка за стопкой-другой перцовки!». Кому какое сравнение нравится, а вот их общий с Витькой начальник отдела Михаил Иванович Дорофеев убеждал молодых инженеров, что-де в такую прекрасную погоду и домой грех уходить, не «прихватив» после звонка часок-другой. Сам он как раз задерживался на такое время: играл в шахматы-пятиминутки.

Вот в такое, слегка метельное — после ночного снегопада — утро Николай выскочил на нужной остановке из трамвая знаменитого в городе девятого маршрута («Шел трамвай девятый номер...») и зашагал мимо корпусов завода точного приборостроения к своим проходным; их КБ пока не обзавелось собственным зданием по причине молодости, а потому квартировало в самом дальнем от трамвайной остановки здании «Точприбора». — Со своей проходной.

Утренние трамваи сразу пяти маршрутов все подвозили и подвозили со всего города к остановке «трех заводов» — это как «три вокзала» в столице — тысячные толпы трудящегося народа. Нетрудящихся тогда не наблюдалось. Поэтому Николай сначала шел, оберегаясь от толчков соседей, в общей колонне с шеренгами во всю ширину трехметрового тротуара. Затем бо́льшая часть ударников, новаторов и ра-

ционализаторов отвернула в сторону Механического завода, где трудилась четверть населения областного центра. Шеренги поредели, но держались до центральных проходных «Точприбора», куда почти все и устремились. Дальше топали только коллеги Николая по начерно проторенной узкой тропе: дворник прошелся со своей снеговой лопатой, чтобы до генеральной расчистки не притоптали ночной снег.

Здесь Николай заметил, что на правой ноге расшнуровался ботинок; явно кто-то в трамвайной толпе наступил и прижал к полу кончик. А он и не заметил, додумывая ответ на очередную загадку, которые он сам себе загадывал по ассоциации со слышанным или виденным. А вчера вечером смотрел по второй программе фильм о Емельяне Пугачеве.

Вот что интересно? — Если о Стеньке Разине, всего лишь разбойнике, создано столько народных и авторских песен, что и по сию пору ни одна свадьба (это про княжну утопленную...) и вообще застолье не обходится без них, то про Пугачева, поднявшего настоящую крестьянскую войну, которую только будущий генералиссимус Суворов и смог остановить, ни словца, ни нотки, как говорится. Что за историческая несправедливость в памяти народной? И короткой ее не назовешь, ибо Разин бунтовал за сто лет до Емельяна.

Разгадка где-то вертела хвостиком в подсознании, но только завязывая шнурок, от которого умудрились-таки в трамвае оторвать металлическую оконцовку, Николай пришел к разгадке. Все дело в национальном русском характере. Именно в русском; вот ведь башкиры установили у себя здоровенный памятник Салавату Юлаеву, сподвижнику Пугачева, сочинили о герое прорву песен, кантат и сказаний. А русаки о «Петре Федоровиче» молчок. В литературе же доброе слово о бунтовщике, как ни странно, сказал только дворянин Александр Сергеевич в известной повести. Не зря же эфиопы его считают соотечественником... Это наше-то, русское солнце поэзии!

Однако — к Стеньке и Емельяне, преданных православной церковью анафеме*. Разин являл собою тип классического казака XVI—XVII веков. Как тот же Ермак Тимофеевич, Хабаров и многие другие. То есть завоевывали они чужеземные, плохо лежащие земли, в меру грабили инородцев, но в общем-то приносили пользу государству.

Но вот у Стеньки интерес как-то сместился к вольной гульбе, грабежу на Волге и в Дербенте. Словом, красиво мужик зажил, но в пролитии кровушки, особенно своих сородичей, меру знал. А вот Емельян Пугачев объявил себя законным царем, создал армию с палочной дисциплиной, без счета повесил, порубил и пострелял своего народу, причем не только дворян и попов.

Русскому же человеку по душе кураж и вольница, особенно когда их следствия его прямо не касаются — по прошедшему времени или географической отдаленности. Потому ему и люб Стенька; даже княжон топят инородческих! А вот вешатель Пугачев с его дисциплиной в войске, даже при всей марксистско-диалектической справедливости затеянного дела, как-то чужд, словно родственник Батыя или Мамаю. Тохтамыш и Ахмет-хана тож. Поэтому не пройдут по его местам пионеры, не споют они песню герою...

...Мысль выкристаллизовалась, попорченный шнурок завязан, надо вставать в хлипкую колонну «по-одному» сослуживцев и идти развивать отечественное агрегатостроение, но в утренней зимней чистоте воздуха уши Николая уловили нечто инородное. Эффект был таков, как будто потопленная Стенькой Разиным княжна персидская явилась на снегу в легкой метели у центральной проходной завода «Точприбор».

---

* Не путать с Львом Толстым; его анафеме никто не предавал (это Куприн придумал), просто объявили «отпавшим от церкви».

* * *

Действительно, Николай меньше бы удивился, войдя в проходные КБ и обнаружив, что за вертушками и будкой с охранницей в черной шинели с петлицами ВОХР'ы, с револьверной кобурой на ремне в просторном холле с наглядной агитацией профкома на стенах пляшут его коллеги по отделу: Сергунчиков с Алдошиным делают коленца с выходом; Дубовой, Мишин и Афремов вытанцовывают перед кокетливо машущей платочком Давыдовой с ее замечательным бюстом; Ассатурьян козликочком мечется в лезгинке; Петрищев, Серебренников, пожилой и слегка пьяный Лохматых с примкнувшим Курбаченкой и Мирошниковым изображают вокальную труппу Тамбовского академического народного хора. Отдельной группкой скачут в польке-кокетке начальники: Дорофеев, Розалина Тимофеевна с Верой Григорьевной, Гриневицкий в лапсердаке и сухощавый верста Кладунов в полном мундире штурмбанфюрера «СС» с железным крестом в петлице и медалью «За зимнюю кампанию в России» под нагрудным карманом.

...Именно Кладунов в гитлеровском мундире с медалью «За зимнюю кампанию...» наиболее ясно представился изумленному Николаю. И было отчего: в двух шагах от него у только что навороченного ими сугроба передыхали, дымя моршанской, судя по ядерному запаху, «примой», два заводских дворника: в замызганных казенных тулупчиках, валенках с галошами, надетых на синие вохровские полугалифе, в матерчатых шапчонках на ватине. Словом, чем богат могучий ВПК* страны.

Неспешный разговор отдыхающих дворников велся... на немецком языке. Сначала Николай подумал: это легкая утренняя метель искажает слова; знал он с северного своего детства и юности такой эффект пурги. Но нет, как лучший ученик немецкого в школе, ошибиться он не мог. И вчера «на грудь» ни капли не принимал; вообще третью неделю трезвенником ходил. А доносилось от говорящих совсем уж не гармонирующее с мирным утром в СССР середины семидесятых годов: «...*Ja, ja, Heinrich, sehr halt heute... Als unter Stalingrad im Dezember von zwei-und-vierzig... — Otto! Ferflüchtische Wetter heute, darum in Mittagessen zweihundert grammuns...*»**.

Налетевший порыв ветра не донес до ушей изумленного инженера и без того понятное слово. До изумления дело бы не дошло, говори дворники на языке, характерном для немцев Поволжья. Таких в городе, а еще больше в некоторых районах области имелось много: в сорок втором — сорок третьем годах, когда гитлеровцев отогнали на запад от области, на восстановление и работу в многочисленных шахтах Мосбаса, кормивших топливным бурым угольком всю европейскую часть страны, направили несколько десятков тысяч поволжских немцев, в начале войны переселенных в Казахстан и Южную Сибирь.

Кстати, уже взрослый Николай Андреевич, слушая поневоле (кухонный репродуктор за завтраком) в 90-ые годы демвопли о безвинных немцах Поволжья, жертвах сталинского геноцида и переселения народов, прекрасно понимал: это было спасение для сарептских немцев, ибо останься они на берегах Волги, запросто могли во время Сталинградского наступления гитлеровцев попасть в ситуацию: либо вступить в ряды вермахта, либо же, в случае отказа, быть уничтоженными своими соплеменниками-фольксдойчами.

...Не зря Николай в школе считался лучшим учеником немецкого, даже вместе с аттестатом после одиннадцатого класса получил и соответствующую грамоту. Дело в том, что уроки немецкого вела Алла Григорьевна, кандидат филологических наук из Ленинграда, последовавшая за своим мужем, переведенным с Балтфлота на Север-

* Военно-промышленный комплекс (старорежимн.).

** «Да-да, Генрих, сегодня холодновато... Как под Сталинградом в декабре сорок второго... — Отто! Погода сегодня противная, поэтому в обед нам по двести грамм...» (нем., диалект.).

ный же флот командиром атомной подводной лодки с соответствующим повышением в чине. Такова участь жен морских офицеров.

Явно скучая однообразием школьных уроков, молодая и энергичная Алла Григорьевна организовала кружок по углубленному изучению немецкого языка. От нее-то юный и любознательный Николка-школьник научился не то что свободно говорить на чужеземном языке, но и различать его диалекты. Так что отличал берлинский говор от средневерхненемецкого. Что уж тут говорить о немцах Поволжья, которые, будучи оторванными от фатерлянда уже двести лет, говорили на языке времен Гёте. Этот язык современные западные немцы с трудом понимают.

...Так вот, дворники говорили на каком-то (каком? До этого познания Николая не доходили) диалекте коренного, средневерхненемецкого говора. Причем даже те два-три слова, что Генрих произнес на чистейшем русском языке, сопровождалось типичной для немца «охлопкой», говорением слегка в нос, как будто больной синуситом.

* * *

Едва дождавшись, пока Вера Григорьевна по телефону вызвала отдельское начальство на разгонную «пятиминутку» к Кладунову — начальнику их отделения, Николай помчался в курилку своего этажа. Кивнул уже рассевшимся по лавкам Дубовому, Мишину и Ассатурьяну, за руку поздоровался со старшими, Лохматых (слегка под хмельком) и Зеленским, раскурил недавно заведенную трубку, за что уже имел вездливое замечание от Дорофеева: «Чтобы ни делать, лишь бы ничего не делать! Другие вот выкурят за пару минут свою сигарету или папиросу «беломор», как Лохматых, — хотя от курения один вред,— и идут на свои рабочие места. А ты пока кiset свой достанешь, табак набьешь, раскочегаришь, куришь долго, с чувством, а потом чистишь... Я вот как-то засек: под четверть часа у тебя уходит!».

Сделав две первые, самые вкусные затяжки ароматного «золотого руна», Николай рассказал про странных дворников.

— А-а, это Генка с Потапом,— почему-то рассмеялся доселе молчавший Зеленский,— вернее, по паспорту они Генрих Федорович и Отто Иванович, а еще точнее — по родителям: Францевич и Иоганнович. Действительно, они из коренных фольксдойчей, в сорок третьем в плен к нашим попали. После войны по три года отработали, прижились и на родину не поехали: Потап вовсе сирота, а у Генки родители и сестра под американскую бомбу угодили в сорок пятом. Вот и остались, семьями обзавелись, работали на Механическом слесарями, недавно вышли на пенсию и подрабатывают дворниками. Извиняюсь, ребята, меня сейчас начальник с собаками, наверное, разыскивает, а как-нибудь расскажу про них подробнее. Бросив окуроч в урну, Василий Артемович выскочил из курилки.

Здесь уместно несколько слов сказать о Зеленском, как понимал его Николай.

Еще не пенсионного возраста, невысокого роста, но предельно энергичный, ловкий в движениях, с аккуратно зачесанными на затылок темными волосами без единой сединки, Василий Артемович, в отличие от белохалатных инженеров, был неизменно одет в производственный синий халат, что носят в цехах мастера и работяги. Но под халатом надета свежесглаженная супругой рубашка неяркой расцветки и в тон ей одноцветный галстук. Это выдавало в нем рабочую аристократию. Еще знал о нем Николай с чьих-то слов, что Зеленский окончил войну, которую прошел от звонка до звонка, в невысоком офицерском чине от авиации.

В каждой конструкторской организации ВПК обязательно наличествует два-три таких Василия Артемовича: в синем халате, но при галстучке, незвонкой должности типа заместителя начальника вспомогательного технического отдела или лаборатории и так далее. Но что удивительно: не только руководители КБ или НИИ, даже такой непрístupный, как Трибелин, а иные инспекторы-генералы и маршалы на поли-

гонах при испытании «изделий» обращаются к ним по имени-отчеству, а к мнению их очень даже прислушиваются.

Словом — это мастера-самоделкины, в институтах штаны не просиживавшие, но с природной сметкой и огромным жизненным опытом в части как бытовой, так и особенно технической.

Таким был и Василий Артемович Зеленский, числившийся по отделу техдокументации, а конкретно ответственный за многосложную множительную технику, доставшуюся — по принципу: на тебе, убоже, что нам негоже — от материнского завода «Точприбор», от которого Трибелин, используя свое административное обаяние и министерские связи, совсем недавно «оторвал» КБ.

Держались в рабочем состоянии все эти громоздкие, чуть ли не довоенного производства «Эры» и «Рэмы»* исключительно заботами и мастерством Зеленского. Любимой его присказкой была: «Легче было в войну завод Круппа разбомбить, чем эту рухлядь запустить».

Как-то удалось Василию Артемовичу отладить всю свою технику, стал заглядывать в курилку уже не на пару скорых затяжек, а расслабиться на четверть часа. Так Николай и узнал историю дворников заводоуправления с средневерхненемецким акцентом, оказавшуюся в сопричастности с житейскими делами самого рассказчика.

* * *

Лейтенанта Зеленского демобилизовали в ноябре сорок пятого. Другой бы на его месте негодовал: как так? Всю войну провоевал, даром что не кадровый**, а призвали через неделю после нападения Германии! Некадровый, мол, а при реформировании их полка дальней бомбардировочной авиации и переучивании на новые самолеты с меньшими экипажами оказался избыток бортмехаников. Что-то в годы войны всегда их нехватка случалась...

Но нет, Василий проку для себя в дальнейшей службе не видел. Во-первых, переформируемый полк новым местом базирования имел Дальний Восток — у черта на куличках. Во-вторых, с его скоротечным, хлипким военным образованием — какие-то курсы авиамехаников в сорок втором году — без училища он так и застрянет до сорока лет лейтенантом, даже не старшим. А главное — в родной *T.* его ждала жена с малолетним сыном, квартировавшая по-родственному у старшей сестры, тоже с мужем-инвалидом и двумя деться. Дело в том, что еще в ноябре первого года войны при обороне *T.* родительский домик Василия, что стоял возле кирпичного завода, в самом горячем месте боев оказался, и был раскатан ополченцами на окопные нужды.

Потому-то лейтенант Зеленский не отирался при штабе, как некоторые другие «некадровые», кого страшила мирная жизнь в разрушенных городах и весях (кстати, *T.* под немцем не побывала, почти целой осталась), а демобилизовался спокойно и в первый срок.

Когда вернулся домой, то вопрос о жилье стал остро: у родственников далеко не хоромы; опять же, в войну объединенные семьи пользовались офицерским аттестатом Василия, а в последний год и вовсе большими деньгами — это когда лейтенант Зеленский летал на бомбардировщике-«челноке» до Британии; за это родная финчасть полка и англичане хорошо платили. Теперь все резко поменялось: зарплата устроившегося на мехзавод мастером Василия на базарные цены явно не тянула...

Как человек дела, Зеленский договорился со свояченицей (муж ее пил и в дела не

---

* Сокращенные названия аппаратов множительной техники — это еще до появления ксероксов.

** После окончания войны кадровыми считали тех военнослужащих, кто уже служил в армии до 22 июня 1941 года; они пользовались существенной тогда льготой: остаться на службе.

вникал): живут у них еще пару-тройку месяцев, а за это время он все решит. В компенсацию отдал почти половину загашных — с войны и демобилизации — денег.

Сам же отправился прямо к директору завода, объяснил ситуацию. Тот согласился: он должен обеспечить своего работника жильем, да и Зеленский, как боевой офицер-летчик, имеет льготы по линии военкомата. Короче говоря, уже через неделю ему отвели под застройку участок в шесть соток на улице-новостройке в дальнем Поречье. Отдел кадров по звонку директора оформил служебный отпуск на месяц, а военкомат выделил на этот же срок четырех военнопленных немцев со строительными специальностями. Все материалы — от бревен до шифера — с лесоторговой базы по отношению военкомата.

Соседние дома строили тоже эрзац-воины бывшего вермахта, поэтому всю толпу в потрепанных мышинных шинелях или в русских ватниках приводил из лагерного барака седоусый конвоир из нестроевой комендантской команды, а вечером уводил их.

В четверке Зеленского оказались Генрих, Клаус, Отто и «гефрайтер Ругисвальде», как он именовал себя, — старший. Генрих и Отто имели честь служить в армии Паулюса, то есть в плену трудились почти три года. Клаус и гефрайтер Ругисвальде попали в плен уже в Польше. Как «старослужащие», Генрих и Отто хорошо говорили по-русски, а главное — отошли от суровой немецкой дисциплины и переняли некоторые повадки русских. Как принято в человеческой психологии, не из числа лучших.

В этом Зеленский убедился через неделю, которую он посвятил хлопотам на лесоторговой базе («не подмажешь, не поедешь»), волоките с транспортом по перевозке материалов; крепеж с завода тоже просто так не заберешь. А приглядевшись к недельным трудам работников, выругался — к восторгу Генриха и Отто — семиэтажным. И было отчего. Фундаментная канавка была вперемешку с бытовым камнем засыпана какой-то дрянью и не нужного уровня: нижние венцы тотчас провиснут. Сами венцы и уложенные на них два ряда бревен сразу напомнили скороспелые блиндажи, сварганенные наспех под обстрелом...

Василий прошелся по соседям: все постройщики тоже жаловались. «Пристрелю собак!» — горячился однорукий сосед-старлей. А когда на следующее утро он учуял от Отто перегар невесты где добытой ханки, то мигом сообразил, помчался на завод, объяснил все начальнику цеха — отдаленному родственнику и вернулся в дом свояченицы на грузовике, с которого деловито, с помощью услужливого по такому делу хозяина скатил сорокалитровый бочонок спирта.

Хозяину он отлил поллитру, сказав, что больше пусть не рассчитывает, спирт для дела — и сдал бочонок под неусыпное бдение супруги. А на другой день объявил ферфлюхтерам, что за аккуратную работу в конце трудодня будет выдавать каждому по сто граммов спирта, куску хлеба с салом и пачке махорки — но только уже на неделю.

Гефрайтер Ругисвальде, плохо понимавший по-русски, выслушал перевод пришедшего в полный восторг Отто, тоже по-ефрейторски скупно улыбнулся и дал команду. Строители вмиг раскатали уже уложенные бревна, вычистили фундаментную траншею и принялись строить как для себя на века.

* * *

Через неполный месяц аккуратный домик, чем-то напоминавший Василию уменьшенные усадьбы бауэров, виденные в Восточной Пруссии, был готов к заселению.

На прощанье домовладелец хорошо накрыл искусно сделанный бывшим столяром Клаусом поместительный стол. Не пожалел для заслуженных строителей нескольких бутылок ядреной перцовки, в которую супруга, готовясь к скорому новоселью, с согласия мужа перевела добрые остатки бочонка.

— Руссише шпирт ист зер гут!» — перешел в тосте на родной язык Отто, измученный в гитлеровском фатерлянде эрзац-шнапсом.

В ответном слове Василий Артемович пожелал военнопленным искупить былые грехи своего отечества «честным трудом на восстановлении разрушенных вами же городов и сел советской страны, а потом продолжить это полезное дело уже на родине — в демократической и миролюбивой Германии».

...Как мы уже знаем из предыдущего, Отто и Генрих решили ограничиться восстановлением СССР.

ПОЛУЧИ, ФАШИСТ, ГРАНАТУ...

Весь интеллектуальный мир признает: телевизор — чума второй половины XX века, не говоря уже о нашем времени. Безобидная и даже полезная поначалу вещь, изобретенная некогда русским инженером-эмигрантом Зворыкиным, очень быстро превратилась в демона, наяву воплотив в реальность слова Наполеона: есть четыре вида власти: законодательная, исполнительная, судебная и власть прессы. Увы, самому *Буонапарте* даже в кошмарных снах после поражений под Лейпцигом и Ватерлоо не могло привидеться: пройдет чуть более полутора лет, и ветхо-бумажная четвертая власть станет основной и доверяющей, не подчиняющейся де-факто правительствам, самодостаточно создающей «общественное мнение» в том направлении, которое ей укажет некто невидимый *Главноуправляющий* все более глобализующимся миром...

Это обычные размышления Николая Андреяновича после выходных и праздничных дней в гнилую очень или в (редкую, правда, сейчас) морозную зиму. То есть в дни, проводимые дома, где супруга не может оторваться от зловредного телеящика. Николай Андреянович понимал и в душе прощал обычное женское любопытство, которое в полной мере удовлетворяет десяток доступных каналов ТВ. Еще он прекрасно осознавал, что во многом именно на слабый пол и рассчитано телевидение; по природе не склонная к самостоятельному осмыслению явлений жизни, особенно политической, женщина и становится добычей зомбирующего видеовещания.

Понимать-то понимал, но приходилось едва не со скрежетом зубным поневоле слышать из телевизора вопли ведущего передачу «Как украсть миллион», сладко-каркающий голос бульварного интерпретатора отечественной истории... Словом, много чего другого. А так как весь день на кухне, распивая чай и читая что-то умное, не высидишь, то и на экран доводится взглянуть. Единственная уступка, на которую шла супруга — это не включать передачи об однополый «любви», выступления-поучения выдающихся экономистов-реформаторов, сводки курсов валют и сериалы из жизни цыган и новых русских. Равно новых армянских, дагестанских, украинских, казахских...

Зато и супруга негодовала, когда Николай Андреянович желал из любознательности посмотреть какую-либо диковинку типа недавно показанного казахского же художественного фильма. Для начала его в восторг привели титры: вся режиссерская часть — американцы, операторская — русская во главе с Бодровым. Каким из них? — В этом Николай Андреянович не разбирался. Все герои — югославы (Это как в американских вестернах 60—70-х годов индейцев играли Гойко Митич с родственниками). Казахи же — только в массовке.

А к концу красиво все же снятого фильма о войне казахов с захватчиками-джунгарами он и вовсе смеялся от души, пугая уже умастившегося на ночной сон кота. И было от чего! Оказывается, в глухие Средние азиатские века казахские кочевники имели огромные города-крепости со стенами высотой под пятьдесят метров, регулярную артиллерию в сотни стволов, залпами громившую джунгарскую конницу.

...Даже такая развесистая клюква выглядела шедевром на серо-холерическом фоне круглосуточного ТВ-вещания.

Итак, Николай Андреевич не любил современное телевидение. И ничего тут не поделаешь. Даже Чубайс, традиционно считающийся виновником всех российских бед (помните слова *Е.Б.Н.*: «Во всем виноват Чубайс!»), здесь ни при чем.

Николай Андреевич в инженерной своей работе в ЦКБ агрегатостроения, а особенно в НПО «Меткость», слыл известным изобретателем, обладателем многочисленных авторских свидетельств СССР, а потом патентов России. Изобретательный же человек в любой ситуации найдет оптимальное решение. Так случилось и с необходимостью поневоле слушать, даже смотреть телепередачи. А выход оказался прост: просмотрит Николай Андреевич начало или окончание какой-нибудь передачи, обычно криминальной, тотчас вспомнит что-то по сюжету схожее в своей жизни — и предается воспоминаниям, сидя в кухонном кресле за чаем и дымящейся сигаретой. Вот на час-другой телевизор как бы не существует.

Например, просмотрел он сюжет, как школьник, явно неудачливый в учебе, принес в школу купленную на рынке гранату и запустил ее в классе в сторону училки. Все отделались испугом — граната оказалась учебной. Заулыбался наш матерый инженер-конструктор, а теперь и вовсе доцент университета, заправил стакан чая лимоном и принялся вспоминать о далеком детстве.

* * *

Николка, средний из пяти сыновей Андреевна Матвеевича, что после демобилизации с флота переменял несколько маяков по берегам Кольского залива, а вот теперь осел на острове Седловатом сам-пять, считая жену и трех младших сыновей. Двое старших на маяке появлялись только летом и на зимние каникулы, поскольку учились в школе в райцентре Полярный, проживая в тамошнем интернате для детей маячников, военных и гражданских из маленьких гарнизонов, где и начальной-то школы не имелось.

Со следующего первого сентября та же участь ждала и Николку, будущего первоклассника, которому неделю назад, в самом начале мая месяца исполнилось семь лет.

Сам же Николка, предчувствуя скорое отбытие на чужбину, вел остатнюю вольную жизнь очень активно. К середине мая уже чувствовалось скорое наступление двухмесячного полярного дня. Солнце только для порядка на час-другой наполовину уходило за горизонт, оставляя северным людям освещенный небосвод. Николка и другая меньшая ребятня забыли про сон, вволю надремавшись в долгую полярную ночь; в любое время суток их можно было встретить (пожелай кто этого) в любой части острова кроме дома. Николка — по возрасту вождь, потому ему совсем зазорно покидать вверенную территорию.

А у того в мыслях одно — как исполнить давнюю мечту: побывать на чердаке большого маячного дома, где проживал начальник Федоров с супругой и детьми, а также еще две семьи; остальные занимали отдельные два домика в нижней части острова.

Все дело в том, что старший брат Анатолий, как-то случайно попавший туда, нашел в хранившейся там рухляди проржавленную ракетницу*. Под большим секретом показал ее Николке, а потом отчистил, отшлифовал и уже в Полярном кому-то обменял на входившую в моду щегольскую кроличью шапку-ушанку и две плитки шоколада.

Но как проникнуть? — Чердачный люк на замке, ключ у Федорова, а запасной, пожарный на застекленном щите в дежурке маяка: двухэтажного здания с дизель-генераторами, прожекторной вышкой и гигантской цилиндрической «сиреной» —

---

* Гладкоствольный пистолет, из которого выстреливаются сигнальные ракеты.

звуковым маяком, что ревущим низким басом в туман служила ориентиром для идущих по Кольскому заливу военных кораблей и гражданских судов: грузовых и рыбо-ловецких. Николка совсем уже было пришел к решению отчаянному и вороватому: в одно из дежурств на маяке отца вроде как зайти посмотреть на новый, недавно установленный дизель, прошмыгнуть в дежурку, снять с гвоздика ключ от чердака, повесив на его место — чтобы не заметил зоркий Федоров — другой, внешне похожий ключ. Затем днем, когда народ занят делами, а большой дом пуст, посетить чердак; ключ же также незаметно вернуть на место.

И только он собрался все это проделать, как Федоров объявил субботник: «Пожарная инспекция из гидроотдела флота по маякам разъезжает, вот только что побывали на Большом Оленьем. Поэтому назавтра всем свободным от вахт, с бабами и пацанами постарше, приводить в порядок чердак, а то там всякой дряни чуть ли не от основания маяка накопилось! Чуть что — несут на чердак совершенно не нужное, дескать, в хозяйстве всегда пригодится...» Федоров умолчал, что чаще всего его прижимистая жена совершенно неприглядный к употреблению хлам сносит на чердак. На то он и начальник маяка!

Николка и обрадовался, но и отчасти огорчился: шансы что-либо стоящее найти уменьшались во много раз, а число этих разов равнялось количеству участвующих в субботнике.

* * *

Мусор с чердака — под вопли Федоровой жены и глухое молчание самого начальника — сносили и сбрасывали с ближней скалы прямо в воду залива полдня. Ничего интересного Николке, исключая вахтенный журнал еще довоенной поры, найти не удалось. Да и журнал Федоров отобрал: вдруг зачем-то для отчетности пригодится.

Зато, разворошив гору совсем уже непонятного мусора, маячники нашли... ящик с гранатами. Федоров ахнул и выматерился: хлопот теперь не оберешься. А подошедший Седалин-старший (младший брательник служил на маяке Большого Оленьего) ухмыльнулся: «Вот они, родимые, где! А мы-то в сорок пятом, «разоружаясь» перед комиссией гидроотдела никак этот ящик найти не могли. Пришлось отдать служивым весь запас спирта для протирки рубинов* прожектора и списать гранаты по акту, сославшись, не в документе, конечно, что боеприпасы использовали для рыбной ловли...»

Ящик спустили с чердака и отнесли на квартиру Федорова. А пришедший вечером с вахты отец за ужином рассказал жене и прислушивавшемуся Николке, что начальник собрал всех мужиков, совещался: что делать с таким подарком? Официально сообщить в гидроотдел — так замотают актами-переактами, пожарники встрянут; десять лет жилой дом под угрозой взрыва и пожара стоял! Особисты и вовсе под статью могут подвести. А кому отвечать? — Понятно, Федорову.

Решили не мудрить, а исполнить то, что было сказано комиссии в сорок пятом: гранаты взорвать в воде, побросав с берега, заодно и трески поглотить вволю, а не торчать с удочками по полусуток. Начальству же гидроотдельскому, коль скоро приедет на остров, — молчок. На этот счет Федоров не сомневался: в маленьком маячном коллективе круговая порука заменяет порой правила внутреннего распорядка и несения вахт.

Здесь же Николка узнал: гранаты решено взрывать в море завтра с утра, если, конечно, поблизости в заливе не будет наблюдаться подводных лодок (по заливу они идут в подвсплытии) и других военных кораблей.

---

* Понятно, не настоящих рубинов, а граненых разноцветных призм, образующих сложную оптику большого прожектора.

— А почему так? — встрял Николка.

— А потому, что их гидролокаторы тотчас засекут разрывы в виде, и мореманы сообщат куда надо.

* * *

Наутро залив сверкал зеркалом под высоко уже подскочившим солнцем. Ящик с гранатами перенесли на узкий мысок, языком выступавшим с острова. Собрались метать боеприпасы Федоров, Андреян, как служившие и воевавшие, и Седалин, по плоскостопию воинского прошлого не имевший и всю войну пробывший маячником на Седловатом — сторожил этих мест. Ему вменили в обязанность отгонять ребяtnю и держать ее на должном расстоянии от берега.

На сухом чердаке, каждая обернутая в вощеную бумага, гранаты смотрелись новенькими, даже зеленая краска на осколочных рубашках-цилиндрах не потемнела. Попутно Федоров дал втык Седалину: «У вас тут в войну видно одни штатские служили? Рубашки положено отдельно от гранат хранить, а надевать на основу только перед боем».

Мужики подымили «беломором», дожидаясь пока скроется за северным горизонтом — выходом из залива — одинокий военный тральщик, а затем принялись за дело. Седалин снимал рубашки и подавал гранаты военспецам, а те метали их с минутными интервалами что было сил, подальше от берега. Ребяtnя с восторгом ожидала очередного подводного взрыва притонувшей гранаты: сначала доносился глухой, как из-под земли, дробящийся грохот, а затем вода на месте падения гранаты взбухала гладким колоколом с метр высотой, который за несколько секунд опадал, выбивая невысокие волны, что кругами разбегались и уже к берегу затихая.

«Вот оно — военное качество!» — сказал раскрасневшийся Федоров, забросив последнюю гранату, — более десяти лет пролежали, а все взорвались».

Он было приказал и рубашки в воду побросать, но его шестилетний сын Сенька выпросил их ребятам на забаву. Потерявший бдительность начальник разрешил. Николка аж три штуки успел ухватить. Мужики отправились к Федорову отметить ста граммами казенного спирта (на маяках строгий сухой закон) боевое действие, но уже через пару часов одумавшийся начальник самолично обежал все дома и вообще остров, отбирая у ребят гранатные рубашки. Сообразил: попадется на глаза какому-нибудь приехавшему с инспекцией чину — и все удачно решенное дело насмарку.

С пристойной в общении с детьми руганью Федоров собрал девятнадцать цацек, которые в присутствии понятых и побросал в море с того же мыска. Куда делась еще одна? — Дело темное, вся ребяtnя клялась: сдали что имели. Родительские дознания тоже толку не дали. Да еще Николкин брат Славка, что двумя годами младше, сказал, что вроде как видел: одна рубашка, брошенная Седалиным при снятии с гранаты в общую кучу, отрикошетила и скатилась в воду. На том и порешили.

* * *

В ту же светлую ночь Славка зазвал старшего брательника в хозяйственный сарай за домом, извлек из темного угла и показал гранатную рубашку. Тут же пришли к соглашению: Николка мастерит деревянную гранату под рубашку, а права пользования изделием принадлежат обоим. Договорились все держать в тайне от ребят, не говоря уже о взрослых, то есть уходить в дальний край острова и там вволю метать боеприпас по воображаемой цели.

Отец ушел на ночную вахту. Мать, умаявшись от чистки дармовой трески, что досталась на долю семьи после взрыва гранат (мужики загодя подогнали к мысу шлюпку, а потом собрали оглоушенную рыбу), заснула, уложив и трехлетнего Сережку. А Николка в присутствии брата обтесал подходящий чурбачок, окультурил

ручку ножом, отшлифовал ее осколком стекла, а под конец, насадив рубашку на болванку, окрасил деревянную часть зеленой масляной краской под колер рубашки. В сарае много чего имелось. Для сушки покраски гранату спрятали на чердаке сарая. Еще через пару дней Николка смастерил из проволоки и гвоздя чеку, очень похожую на те, что Федоров с отцом вырывали при броске гранат. Чека вставлялась в ручку, вынималась и вновь вставлялась.

В последующие две светлые ночи вволю набросались. Увы, делать это тайно, не хватаясь перед ребятами, скоро надоело. Поэтому до лучших времен прибор спрятали в углу сарая под полурассыпавшейся бочкой, к которой явно интереса никто в ближайшие год-два не проявит, дали друг другу и «накрывшему» их сыну Федорова страшную революционную клятву (мать им читала вслух «РВС» Гайдара) и забыли обо всем. По крайней мере Николка, у которого до весьма уже скорого отъезда в школу в Полярном имелось множество неотложных дел.

А через неделю в причальную бухточку острова подкатил щегольски-белый катер. Ждали пожарников, а прибыл со свитой *сам* черномундирный полковник Шулейко, начальник политотдела гидро-же-отдела Северного флота, гроза и молния, царь и господин, рука карающая и милующая многих людей, в первую очередь маячников: от Абрам-мыса под самым Мурманском до норвежской границы — влево по выходу из Кольского залива, и по всему Терскому берегу, Беломорью, до Кандалакши — вправо.

...Еще катер не подманеврировал в бухточке к естественной пристани — плоской, на пару метров выступающей из скалистого берега площадке, — как весь остров знал: *сам Шулейко* нагрянул».

Не было среди маячников Северного флота и Главсевморпути* человека, проработавшего хотя бы пару лет, приехавшего откуда-то из Ташкента или Курска «за длинным рублем»**, не говоря уже о старожилах Федорове, братьях Седалиных, Андряне Матвеевиче, что с середины 30-х годов в этих местах, кто бы невольно не становился в стойку «смирно» при упоминании этой славной фамилии. И ребятня маячная тож.

Сам Андряня по причине сухого закона и староверческого воспитания не любитель был разговоры разговаривать. Зато мать в долгих — от отсутствия другого общения на острове — беседах с женами маячников так красочно обвиняла Шулейко в несправедливом отношении к Андряню только за то, что тот уже почти двадцать лет отказывается вступать в партию, что Николка невольно сжимал кулаки, а подрастающий до осмысленного восприятия жизни Славка вовсе полагал слово «шулейко» ругательным.

* * *

Не зря Федоров, обладавший волчьим чутьем, ждал проверок «сверху». Ни к чему не мог Шулейко придраться по части порядка на маяке, дисциплины и партийно-воспитательной работы. Ободрил и партийцев острова: Федорова и Седалина. Вспомнил благодушно о военных годах с беспартийцем Андряном. Под самый конец короткой речи Шулейко о международном положении и укреплении дисциплины, произнесенной на площадке перед большим маячным домом перед всеми собравшимися маячниками, включая детвору, обогнув маленькую кучку народа, справа выскочил Славка, распахнул старую материну телогрейку — его обычную одежду по весне, вытащил из-за ремня «гранату» и, выдернув чеку, метнул под ноги Шулейко со словами: «Получи, фашист, гранату!»

---

* Многие маяки имели двойное подчинение.

** К должностному окладу добавлялось 100 % «полярных» и 40 % поясного коэффициента — это на «всем готовом», включая бесплатное пищевое довольствие (от пуза!) и двухмесячный отпуск.

После секундного оцепенения — мужики с матом, бабы с визгом — все бросились врассыпную, включая свиту черного полковника, а тот застыл, как будто ухваченный кондрашкой, огромный, осанистый в своей шинели с золотыми пуговицами. И казалось, из раскрытого рта его вытекает беззвучно окончание фразы: «...Даже кончина Великого Вождя советского народа не застала нас врасплох, и Никита Сергеевич Хрущев уверенно ведет нас к намеченным товарищем Сталиным целям!»

Еще остался на месте Федоров. Он даже как-то пригнулся, глядя на гранату, а затем аккуратно, чтобы не испачкать парадного костюма, лег грудью на нее.

...Ввиду курьезности происшедшего шума поднимать не стали. Нервы у полковника отказались железными. Через месяц Федорову привезли от облвоенкомата Почетную грамоту в ознаменование 10-летия Победы со многими льготами к ней. Провоевавший всю Финскую и Отечественную Андреян Матвеевич получил выговор в приказе по гидроотделу. Не привыкать-стать.

Федоров же на обмывке грамоты с хохотом рассказывал: про «гранату» он знал от сына.

* * *

Николай Андреевич, закончив интересное воспоминание детства, вышел из кухни: закончились сигареты, взяв новую пачку. Мельком взглянул на экран телевизора, откуда неслись проклятия Сталину и всему «тоталитарному, кровавому советскому режиму». Супруга подсказала: «Сегодня 30 октября — первый день перевода часов на зимнее время и день памяти жертв сталинских репрессий».

Николай Андреевич промолчал, но про себя спросил: «А где день памяти миллионных жертв Ленина и Троцкого?» Но только взял новую пачку сигарет и ушел на кухню к второй заварке чая. Опять же в контексте с «гранатной» историей подумал, что не все так просто и прямолинейно. Доведись кому из нынешних борзописцев услышать про это приключение полусотлетней давности, так непременно бы сочинил роман-скороспелку «Дети ГУЛАГ'а» про невинно осужденных за шалость Николку и Славку, приговоренных в свои семь и пять лет, соответственно, за терроризм и покушение на видного партийного деятеля по 58-й статье на десять лет без права переписки...

На расстоянии все видится по-иному, в зависимости от того, что хочет видеть. Вот и Николай Андреевич, опорожня второй заварочный чайник, вдруг (почудилось от воспоминаний?) почувствовал запах готовящейся к варке или жарке трески. Осмотрел кухню и обнаружил на полу у плиты кастрюлю с уже почти разморозившейся треской. Все-таки нюх не подвел, вспомнил, что супруга обещала наутро пожарить. И с полудня поставила размораживаться.

Уже скептически ухмыльнулся он, вспомнив сразу два момента: давнишний и позавчерашний.

В давнишнем, семиклассном детстве вспомнилась учительница литературы Мария Ивановна, комментировавшая «Ревизора» Гоголя. Особенно она смеялась над вожделением одного из героев по поводу трески: «Лабардан-с, лабардан-с*!» — в восторге от лакомства. А коренная мурманчанка Мария Ивановна даже сочувствовала: «Надо же? Трещочка у них лакомством считалась!»

Действительно, сколько помнил Николай Андреевич свои восемнадцать лет северной жизни, треска там вроде хлеба считалась. Да и по переезду в Т. она не сходила со стола. А вот теперь — только дороже красной рыбы и перемороженная.

Но только ли на русской равнине, удаленной от рыбопромысловых мест? Вот и позавчерашняя встреча с давним, еще по работе в ЦКБ агрегатостроения, приятелем

---

* Лабардан — треска, посоленная в бочках.

Женькой Сальниковым. Еще при случайной встрече на улице в конце августа Женька заявил на вопрос Николая Андреяновича об отпуске: «Все. Осточертело это лето — три месяца жара за тридцать. Поэтому в сентябре поедem с женой в Мурманск к ее родичам. Какой к черту Крым и Сочи!?»

Супруга Женьки была родом из Мурманска, землячка Николая Андреяновича.

— Приедешь, так расскажешь, как там жизнь,— обрадовался Николай Андреянович, не бывавший в родных местах уже сорок лет, как уехал оттуда с семьей.

...И вот позавчера снова встретились:

— Чем народ живет?

Женька для основательного отчета закурил и выразился в том смысле, что живут как и везде: половина населения бананами торгует, почти столько же пенсионеров. Остальные работоспособные — на чиновничьих должностях, немного на судоремонтном заводе.

— Постой, постой, а рыболовные флота, рыбкомбинаты, порты торговые? — заволновался Николай Андреянович. Прекрасно помнил с давешних лет: два рыбных флота, Траловый и Сельдяной, всю страну обеспечивали треской, камбалой, морским окунем, сайрой, зубаткой, селедкой и всем остальным, водящимся в Баренцевом и Норвежском морях, в Атлантике от банок* Ньюфаундленда до Антарктиды. А в самом Мурманске от сопки Варничной, где располагается телецентр, до пригорода Колы стоял ядреный запах от рыбозаводов, занимавших, исключая торговые порты, все побережье города.

— Нет ни флотов, ни рыбзаводов. Оставшиеся на плаву посудины всю треску сгружают в норвежских портах. А оттуда к нам мороженую везут. Чтобы удобнее было — вот мост через Кольский залив между Мурманском и Абрам-мысом соорудили.

Торговые порты остались. Вывозят все, что можно — от апатита до кузбасского угля...

— Стой, зарпортовался! Это, наверное, со Шпицбергена, из Баренцбурга — нашей концессии уголь привозят?

— Да нет, из Кузбасса через всю страну уголек гонят, а в Мурманске грузят на пароходы и отправляют куда-то в Африку.

— Так это почти земной шар обогнуть?

— Значит, даже так выгода есть.

— Слышал как-то по телеку: прогулочные катера от Мурманска до Рыбачьего теперь ходят...

— А как же, проехали с женой. Военных кораблей не встретили, только у Североморска на приколе «Петр Великий» стоит. Зато нефтяные платформы в заливе стоят — нефть обнаружили, так ее прямо загружают в иностранные танкеры. Все на вывоз! И вообще, все там Москва скупила, а платят копейки. Вот двоюродный брат жены, у которого останавливались, старший мастер на судоремонтном — оклад четыре тысячи!

— Долларов или евро?

— Увы, рублей. Сейчас вот новый атомный ледокол, что недавно на Балтийском заводе доделали-таки, ремонтируют. Сам из Питера не смог до Мурманска дойти — отвалилась лопасть винта. Вот такие, брат, дела. А погода стояла весь сентябрь прекрасная, душой отдохнули.

---

* Мелководное место, где зимой собирается океаническая рыба.

Рудольф Артамонов
(Москва)

СКРИПКА ЗУНДЕЛЯ

Юрий Юрьевич неожиданно получил приглашение приехать в Лондон. Звал его друг, Зиновий Гольдберг, уехавший три года назад на «пмж» в Англию. В электронном письме была указана дата, накануне которой он должен был прибыть, непременно взяв с собой скрипку.

Зиновий, по прозвищу Зундель, был другом детства и юности Юрия Юрьевича. Жили в одном доме. Вместе ходили в музыкальную школу. Вместе поступили в консерваторию по классу скрипки. Окончили в один год. Юрий Юрьевич из-за скудости семейного бюджета со второго курса перевелся на заочное отделение, чтобы давать частные уроки. Зундель же был из обеспеченной семьи и учился очно. По окончании консерватории их пути разошлись. Юрий Юрьевич уехал в один из недалеких областных городов преподавать скрипку в музыкальном училище, Зундель устроился в столичный оркестр.

Первое время переписывались часто. Держали друг друга в курсе своих дел. Так совпало, что женились почти одновременно. Юрий Юрьевич на преподавательнице игры на фортепьяно из музыкального училища, где работал. А Зиновий Гольдберг на второй скрипке из оркестра, где играл. Родились дети.

Письма стали редкими.

Потом жизнь резко изменилась. Зундель бросил музыку. Из писем Юрий Юрьевич не мог понять толком, чем он занялся. Письма стали суше, без милых подробностей и хохм, которыми обычно обмениваются друзья.

Три года назад Зундель позвал Юрия Юрьевича проводить его в Англию. Прощались в аэропорту. Распили бутылку шампанского. Когда объявили регистрацию билетов и багажа, Зундель протянул ему скрипку. Юрий Юрьевич раскрыл лакированный деревянный футляр. В нем лежал инструмент, который всегда, еще со студенческих лет, вызывал у него легкое чувство зависти. Не Страдивари, конечно, и не Амати. Скрипка русского мастера Батева. Тоже высоко ценимый знатоками инструмент.

— Играй, и вспоминай меня,— сказал Зундель.

— А ты? — удивился Юрий Юрьевич.

— Я свое отыграл. Она мне больше не понадобится.

Объяснений не последовало. И поскольку прежние доверительные отношения за давностью лет и пространственного отдаления друг от друга утратили силу, Юрий Юрьевич вдаваться в подробности не стал. Тем более, что хоть Зундель и позвал прощаться, значит, дорожил еще старой дружбой, но выглядел смущенно, как бы стесняясь своего отъезда. А может быть потому, что скрипку оставлять было некому: дети в музыку не пошли.

Обнялись и простились.

И вот спустя три года последовало приглашение приехать и непременно со скрипкой. Последнее несколько озадачило Юрия Юрьевича. В недоумении он оставался до тех пор, пока не приехал в Лондон.

Пришел денежный перевод на билет. Понимая, что едет не надолго, Юрий Юрьевич взял перемену белья, две рубашки, одну белую, на всякий случай, черную бабочку, скрипку под мышку и полетел. Ему приходилось давать концерты вместе со своими учениками, которые по разным поводам проходили в областном центре, где он жил, да и по области тоже. Поэтому сборы были недолгими и делом привычным.

Пройдя все таможенные и пограничные контроли в аэропорту в Лондоне, он вышел в зал и стал искать глазами Зиновия. В толпе встречающих его не было. Юрий Юрьевич растерялся. Языка он не знал и что делать дальше в таких случаях себе не представлял. Проходя по узкому пространству между встречавшими, он увидел пожилую женщину с белой седой головой, в которой узнал маму Зиновия.

— Я Юра Андреев. Из России. Вы меня помните? — спросил он

— Здравствуй, — сказала пожилая женщина, слегка грассируя. — А я мама Зиновия, Софья Ильинична. Не забыл... Очень хорошо, что ты приехал. Мы боялись, что не сможешь.

Не объясняя причины отсутствия Зиновия, Софья Ильинична повела Юрия Юрьевича к выходу из аэровокзала. Они прошли длинными коридорами к автостоянке. Сели в автомобиль и стали медленно спускаться кругами с этажа на этаж, пока не выехали из многоэтажного гаража на дневной свет. На выезде перед шлагбаумом Софья Ильинична остановила автомобиль, через окошко подала в будочку какую-то бумажку, шлагбаум поднялся и они выехали на дорогу.

— Ты, наверно, теряешься в догадках, зачем мы позвали тебя сюда? — не оборачиваясь к нему, спросила Софья Ильинична.

— По правде сказать, да, — ответил Юрий Юрьевич.

— Очень скучает Зиновий. А чего скучает!?! Дела у него идут хорошо... У него завтра день рождения. Мы хотим сделать ему сюрприз. Завтра утром, когда он будет еще в постели, ты придешь и будешь играть ему на скрипке.

— Не удивляйся и не возмущайся, — продолжала Софья Ильинична, заметив какое энергичное телодвижение сделал Юрий Юрьевич, выразившее удивление и, да, она совершенно правильно оценила это движение, — и одновременно возмущение. — Он тоскует. Он сказал, мама, я хочу, чтобы утром в день моего рождения, когда я еще буду в постели, мне кто-нибудь играл на скрипке нашу музыку. Не сердись. Для Зиновия это будет счастье. А потом, мы же заплатим тебе! Эта я от имени Зиновия отправила «мэйл».

Они ехали долго.

В окно Юрий Юрьевич рассматривал город. Непривычно было ехать по левой стороне. На перекрестках он боялся, что они едут неправильно и сейчас столкнутся с встречными машинами. Софья Ильинична уверенно, на большой скорости вела автомобиль. Необычные, иностранные дома летели Юрию Юрьевичу навстречу, расступаясь по обе стороны дороги по мере стремительного приближения к ним. Ему в тот момент все казалось нереальным и... смешным: он за тридевять земель от дома, в чужом, не просто чужом, а удивительном английском городе, мчит по левой стороне улицы, и все это ради того, чтобы сыграть чудаку-другу на скрипке в день его рождения.

Софья Ильинична привезла его в небольшой уютный ресторанчик с дороги поесть. Подошедшему официанту Софья Ильинична подала пластиковую карточку и спросила, что Юрий Юрьевич хотел бы покушать. Юрий Юрьевич из скромности заказал омлет и черный кофе. Каково было его удивление, когда ему подали на

большой плоской тарелке большой толстый омлет, в котором он нашел грибы, бекон, зелень и кусочки белого хлеба. Сытость несколько ослабила его напряжение, которое он испытывал с тех пор, как вышел из самолета в аэровокзал и в течение всей поездки с Софьей Ильиничной.

После ресторана она отвезла его в небольшую квартиру в красном двухэтажном доме где-то на окраине города.

— Здесь мы поселяем своих гостей из России. В холодильнике напитки и закуска. Будь готов завтра к семи утра. Отдохни. Порепетируй,— сказала, грассируя, Софья Ильинична,— вспомни любимые вещи Зиновия. Вы ведь были очень дружны, я помню. В семь за тобой придет машина.

Когда дверь за пожилой женщиной с седой головой закрылась, Юрий Юрьевич опустил в кресло напротив холодного камина. Вытянул ноги, потянулся и почувствовал озноб. Подвинулся к камину и вблизи понял, что он электрический. Нашел розетку и включил его. Темное чрево камина осветилось, имитируя пламя, пластмассовые поленья стали мерцать, как угли, и на Юрия Юрьевича пахнуло теплом.

«Да. Дела,— подумал он.— Играть за деньги для клиента. Для Зиновия, Зунделя. Еще не приходилось. Сорок лет. Отец двух детей. Позвали обслужить. Даже не встретил. Впрочем, надо привыкать. Такие времена».

Юрий Юрьевич встал. Огляделся. Комната небольшая. Белые шершавые стены. Два эстампика. Блеклые, невыразительные. Вдоль стены жесткий диван. Непокрытый стол. В углу маленький телевизор на тумбочке.

«Комната для гостей из России? Скорее, дешовенький гостиничный номер»,— подумал Юрий Юрьевич.

«Пойду пройду, до ночи еще далеко. Надо хоть на город взглянуть, а то своим рассказывать нечего будет» — решил он.

Эту прогулку он долго потом вспоминал. Совершенно одинаковые красного кирпича двухэтажные дома по обеим сторонам улицы. Перед каждым малюсенький палисадничек с цветами. Белые двери и ступеньки, ведущие к ним. Нескончаемая вереница машин вдоль тротуара нескончаемой улицы. Юрий Юрьевич беспечно шел, разглядывая дома и прохожих, которых, впрочем, было мало. Только те, что выходили из подъезжавших машин, поднимались по ступенькам и исчезали за белыми дверями. Когда повернул назад, он сразу понял, что не сможет найти дом, в котором его оставила Софья Ильинична. Все дома похожи один на другой как близнецы, перед каждым одинаковые палисадники, в каждом палисаднике одинаковые цветы. Тихая паника охватила Юрия Юрьевича. Мысль его быстро промчалась по возможным ситуациям и последствиям и остановилась на том, что завтра рано утром ему играть для Зунделя, а скрипка в запертом доме. Из всех промелькнувших в голове ситуаций эта по своей неразрешимости и последствиям казалась ему самой ужасной. Потом, в России, ему часто снились одинаковые красного цвета дома, палисадники, цветы. В этих снах его поиски оставались безуспешными, и он просыпался в холодном поту с болезненно бьющимся сердцем.

В тот вечер он все-таки его нашел. Прикинув в уме время, которое он шел от дома, он рассчитал, когда ему надо остановиться, идя обратно, чтобы оказаться в нужном месте. Чувство длительности времени, присущее музыкантам, его не подвело.

Продолжать прогулку он не стал.

Придя в себя, уняв волнение, вызванное чувством потерянности в чужом городе, он достал из деревянного лакированного футляра скрипку Зунделя, провел несколько раз канифолью по смычку, привычным движением вскинул его и опустил на струны.

«Что же поиграть Зунделю?» — спросил себя Юрий Юрьевич.

В молодости они много музицировали вместе. Играли в студенческом ансамбле, друзьям на вечеринках. На выпуске играли концерт Вивальди для двух скрипок с

оркестром. Это явно не пойдет. Ностальгирует Зундель, ясно. Стало быть, что-нибудь русское и национальное.

Юрий Юрьевич увлекся. Играл и играл, да так, что стал забывать, что ему предстоит и где он находится.

В дверь постучали.

На пороге стоял пожилой господин в халате и шлепанцах.

Он что-то сказал, но когда Юрий Юрьевич недоуменно пожал плечами, показал на скрипку и на часы на своей руке. Юрий Юрьевич понял, что в этой стране не принято вечерами беспокоить соседей какими-либо звуками.

Остаток вечер Юрий Юрьевич провел в поисках места для сна. Спать на жестком диване без простыни и одеяла ему показалось недостойным хорошего музыканта, хоть и нанятого. Поиски привели его к лестнице наверх. Поднявшись на второй этаж он обнаружил спальню и рядом санузел.

Утром он проснулся за час до назначенного Софьей Ильиничной времени. В холодильнике были только бутерброды с ветчиной и листочком зелени на ней, завернутые в прозрачную пленку, и две бутылки пепси. Надел белую рубашку и черную бачку, пригладил волосы.

Ровно в семь в дверь позвонили. На пороге стоял молодой человек, очень похожий на Зиновия в молодости.

— Я за вами,— сказал он.

— Я готов,— сказал Юрий Юрьевич.

— Как машина называется? — спросил Юрий Юрьевич молодого джентльмена, после того как поместился слева от него на переднем сиденье.

— А-а, форд-фиеста. Ничего особенного,— последовал ответ.

За окнами автомобиля замелькал город, красные двухэтажные дома понеслись навстречу.

— Куда мы едем?

— В Бромли. Юг-восток Лондона. Не Кенсингтон, конечно, но жить пока можно.

Все манеры юного Гольдберга говорили о том, что он знает, что будет жить еще лучше, а сейчас — это только начало.

Остановились у красного трехэтажного дома, похожего на уже виденные вчера вечером красные дома.

В самолете, летевшем домой, он со смешанным чувством вспоминал произошедшее с ним в Лондоне. Больше всего его поразило поведение Софьи Ильиничны и плата за игру...

В доме, куда его привез сын Зунделя, его встретило все семейство, по беглому взгляду человек десять. Кроме Софьи Ильиничны в просторном цветастом халате и уже знакомого юноши, так и не представившегося, была женщина, его, Юрия Юрьевича, примерно, лет, видимо, жена друга, девочка лет десяти, похожая на нее, и еще человек пять или шесть разного возраста и пола, но все одной масти с Зунделем, разной степени похожести на него. Все были одеты по-домашнему, со сна.

— Берите скрипку и пошли,— сказала Софья Ильинична.

Юрий Юрьевич вынул скрипку, подергал пальцем струны, настраивая инструмент.

Софья Ильинична стала подниматься по лестнице. За ней последовал Юрий Юрьевич, за ними и все семейство.

— Тише. Тише, пожалуйста! — шепотом говорила Софья Ильинична, когда они поднимались. На третьем этаже все остановились перед дверью.

Она приоткрыла ее, заглянула в комнату и знаком показала, что можно входить.

В спальне на широкой кровати спал Зундель. Юрий Юрьевич сразу определил, что он раздобрел, щеки, в молодости запавшие, округлились, в волосах на висках белела седина. Когда он выдыхал, губы его размыкались и легкий храп вылетал наружу.

Старательно ступая на цыпочках, вошедшие окружили ложе, на котором возлежал Зундель.

Софья Ильинична молча кивнула Юрию Юрьевичу.

Юрий Юрьевич поднял к плечу скрипку и нежная мелодия «Умиряющего лебедя» Сен Санса стала заполнять пространство. Пьеса уже заканчивалась, когда спящий выказал первые признаки начинающегося пробуждения. Он заворочался, губы его сомкнулись и храп прекратился, но глаза еще были закрыты.

Раздосадованный Юрий Юрьевич заиграл — «Ехали на тройке с бубенцами». Она начиналась медленно, протяжно — *largo*, но к припеву темп ускорялся до *presto* и скрипка зазвенела, как бубенцы, способные разбудить едва ли не мертвого.

Зундель, не раскрывая глаз, слегка улыбнулся и повернулся на другой бок.

И тогда Юрий Юрьевич грянул «Румэниш булгариш», буйная мелодия которой на их студенческих вечерниках заставляла вскакивать на ноги даже самых флегматичных и ленивых из компании. Он вошел в азарт. Играл страстно, широко и озорно, как в дни молодости на этих самых вечерниках, бросая смычок на струны и вскидывая его как саблю.

Музыка подействовала. Зундель открыл глаза, привстал, обвел окружающих еще замутненными сном глазами и снова упал на спину.

— Пойдемте. Хватит,— шепотом сказала Софья Ильинична и потянула Юрия Юрьевича за рукав.

А дальше... Дальше Софья Ильинична отвезла сама его в аэропорт, потому что обратный билет был куплен именно на этот день.

По дороге, правда, он завезла его на полчаса в ресторан.

— Этот ресторан Зиновия,— сказала она доверительно.— Уже пять лет. Вполне приличный, как видишь.

Ресторан в этот ранний час был пуст и прохладен. На столах белели скатерти. Льдистые фужеры стояли ножками кверху.

Официант по знаку Софьи Ильиничны приблизился к ним. Юрий Юрьевич спросил омлет и чашечку кофе. Быстро управился, и они поехали в аэропорт.

Перед выходом на таможенный контроль Софья Ильинична вручила Юрию Юрьевичу конверт. Он сунул его в карман.

— Спасибо, что приехал. Зиновий будет очень рад,— сказала она и протянула ему сухощавую маленькую руку.

В самолет Юрий Юрьевич вспомнил про конверт. В нем оказались пять купюр по десять фунтов каждая. Деньги были старые, слегка помятые.

ПОЭЗИЯ

Владимир Сапожников

(PERSONALIA)

Сапожников Владимир Григорьевич родился в 1955 году на Смоленщине в семье сельских учителей. После окончания средней школы поступил на педиатрический факультет Смоленского мединститута, который закончил с дипломом с отличием в 1979 году. В 1980 году по материалам научных исследований, проведенных в студенческие годы, успешно защитил кандидатскую диссертацию. Работал врачом в тульских больницах. Затем работал преподавателем Читинского, Витебского, Архангельского медицинских вузов. В 1993 году защитил докторскую диссертацию по педиатрии. В разное время в составе бригад медиков оказывал медпомощь строителям БАМа (Новая Чара), в 1988 году возглавлял бригаду белорусских медиков в составе Десанта Детского фонда им. В.И.Ленина в г. Ош (Киргизия), за что был награжден Почетной грамотой Киргизского республиканского отделения Фонда. В настоящее время заведует кафедрой педиатрии Тульского государственного университета, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 380 печатных работ, 4 авторских свидетельств на изобретения в области медицины, подготовил 11 кандидатов наук. Женат, имеет двоих сыновей.

Первые публикации стихов и прозы появились, когда учился в школе. В студенческие годы становился лауреатом Смоленского областного литературного конкурса «Пою мое Отечество». Лауреат литературной премии им. Л.Н.Толстого. Два года посещал студию смоленского поэта В.П.Смирнова. В настоящее время — член Союза писателей РФ, автор 16 поэтических и прозаических книг, публиковался в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Приокские зори», газете «Российский писатель», «Медицинской газете», во многих периодических изданиях России, Белоруссии, Киргизии.

* * *

Моя малая родина...
И пока что живой,
По ухабам по уличным
Проезжаю тобой...

Здесь, где солнышко ясное
Зажигало зарю,
Ранним утром ненастным
У реки постою.

Где-то плещутся рыбки
У осоки в вирах...
Гладь речная так зыбка,
Словно память и страх...

Мне привиделось детство
В переливах листвы...
Где мое малолетство?
Земляки! Где же вы?!

Никого не осталось...
Спит холмистый погост...
У могилы отцовской
Промолчу тихий тост...

Русь уходит куда-то,
Растворяясь в земле...
Без вины виноватый...
Но так тягостно мне!..

* * *

Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни не случилось,
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...

Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком...
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!

ПАМЯТИ ОТЦА-ФРОНТОВИКА

С войны проскрипел на протезе,
Вернувшись безногим домой.
Сбивалась культя от железа
До крови, до раны порой...
Отец все терпел, зубы стиснув...
Лишь ночью от боли стонал...
Уйдя раньше срока из жизни —
В гробу без протеза лежал...
Хоть здесь полегчало немного...
Нет сил больше тяжесть таскать...
В последнюю эту дорогу
Не надо терпеть и стонать.

БЕЗДОМНЫЕ СОБАКИ

Бездомные собаки
                                бомжуют поневоле,
Гуляют по помойкам,
                                не лают, не скулят,
Живут в подвалах грязных,
                                а может, в чистом поле,
Ничуть не агрессивны,
                                с характером ягнят;
К прохожим безразличны
                                и смотрят виновато,
Потеряны, как люди,
                                попавшие в беду,
Оставленные кем-то,
                                забытые когда-то,
Невидимые всеми,
                                хоть бродят на виду.

* * *

Как мы низко упали...
                                Докатились-то как?
В этой жизни дурацкой
                                каждый умный — дурак.
Каждый грешник — безгрешен,
                                каждый падший — герой...
Что же мы сотворили
                                со страной и с собой?

В УТРЕННЕЙ ОКЕ

Отлетает в рай моя душа —
Я плыву по утренней Оке...
Так вода быстра и так свежа
В этой богом созданной реке.

Виснут облака над головой,
Хочется, как в детстве, в небо плыть,
Тело растворяется водой,
Будем же нырять, любить и жить...

Слышен щебет птичьих голосов,
Зыбка гладь бегущей вдаль воды.
И река проснулась ото снов,
Чтобы защитить нас от беды.

Нежной дымкой ласковый туман
Подзастрял в прибрежной тишине...
Жизнь, как этот тающий обман,
Как купанье в утренней Оке.

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Одинокая изба на краю деревни —
Невысокое крыльцо, скользкие ступени;
Одинокий старичок — лет не знаю, сколько;
Небольшой половичок, печка, стол — и только...
Порыжевший самовар, крепкий чай в стаканах.
Что-то ветер напевал за окном отчаянно...
И иконы на стене — впалые глазницы,
От которых снова мне до утра не спится.

О ДРОВАХ

Горят по-разному дрова:
Сухие полыхают ярко,
Сырые — нехотя и парко,
Зато кружится голова.
Да только толку нет от них,
Нет душу греющего жара,
А много копоти, угара,
И валит дым из труб печных.
Такие в топку не клади,
От них тепла и света мало,
Они не вспыхнут смело, ало,
От них погаснут все огни.
И не завоет дымоход!
Они — сухие лишь снаружи,
Ну, а внутри — такая стужа,
Такой бездушный гололед,
Что станет страшно, если вдруг
Вот с ними попадешь в охапку
И задымишься едко, сладко,
Как будто испуская дух.

* * *

Здесь пили и рыгали,
Бранились и кляли,
Кого-то убивали
За прошлые долги.
Здесь все вокруг продажны,
На всех всем наплевать!
И на шаг на каждом
Привыкли торговать
Отчизной и любовью,
И заданной судьбой,
Забрезжившею новью,
Собою и тобой...

Все начисто продали,
Разворовали Русь...
А что нам обещали?!
Припомнить не берусь...

ДЯДЕ МИШЕ

Хорошо зимою
                                узкою тропою
Прошагать к колодцу,
                                улыбаясь солнцу.
Тишина застыла
                                инеем пушистым,
И мороз клубится
                                в хороводе быстром.
И вдыхаешь жадно
                                воздух тот колючий,
Для меня не свете
                                воздуха нет лучше!
Сердце вдруг защежит,
                                голова кружится...
Не могу я русским
                                воздухом напиться!

РУССКИЙ ДУХ

В заснеженных садах, лесах, долинах
Живет тревожный, древний русский дух.
Он — в небесах загадочных и синих,
И в кротком взгляде плачущих старух.

Он — в куполах, вознесшихся высоко,
Он — в матерщине пьяных передряг,
В надгробьях русских мальчиков, до срока
Отдавших жизнь за Родину в боях.

Он — на полях, заросших сорняками,
В молитвах побирушек и бродяг.
Он — в стоне сосен с вечными корнями,
И в кронах их, застрявших в облаках.

Он — в наших душах, что не очерствели,
В народной песне, вольной, словно Русь,
Когда бегут мурашками на теле
Ее слова про радость и про грусть.

Он — в наших чувствах, что всегда без края:
Так любим женщин и не чтим врагов!
Живи, наш дух, прощая и карая,
Несись рекой меж вечных берегов...

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.
И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить, и к утру лишь устанет,
Обессилен совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладать с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли,
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
А поэтому мне вот сейчас не до сна.

Ирина Пархоменко
(ст. Горбачево)

(PERSONALIA)

Ирина Васильевна Пархоменко — учитель математики МОУ «Горбачевская СОШ» Плавского района Тульской области. Первые стихотворения напечатаны в 1997 году в районной газете «Плавская новь». С тех пор — многочисленные публикации стихов и прозы в областной газете «Тульский литератор», журнале «Приокские зори», областных и районных газетах. Ее стихи вошли в несколько ежегодных альманахов Тульской литстудии «Вега», книгу сонетов «Календарь», альманахи «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Свет любви», «Здравствуй, Тула», «Отчий край». Она — автор трех сборников стихов: «Янтарная свеча» (2001), «Цветущие звезды» (2002), «Лунная дорожка» (2004). Также является членом редколлегии журнала «Приокские зори» и дипломантом областного конкурса «Женщина года-2002» в номинации «Культура и духовность».

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ

Ох, круты у судьбы виражи!
Потягаться с ней надо суметь!
А иначе — не стоит и жить,
А иначе — не стоит терпеть.

Как на ринге — держу удар:
Я надежнее всех машин.
Ведь недаром я — суперстар
В деревенской своей глуши.

Мне сдаваться — резон какой?
И пощады просить нельзя!
А иначе — это другой,
А иначе — это не я.

Пусть все туже петля судьбы
С каждым днем мое горло жмет.
Я не сдамся ей без борьбы,
И, глядишь, беду пронесет.

СЕДИНА

Говорят, что нам старость дана
Подытоживать наши дела.

И казалось: моя седина —
Как свидетель, что мудрость пришла.

Что за возраст — всего сорок пять!
И опять же: мне бес — под ребро.
Жизнь сумею с начала начать,
Мне поможет волос серебро.

И душа расцветает опять,
Седина — словно вишенный цвет!
Осень жизни легко так встречать,
Если в сердце — весенний рассвет.

Знаю точно: мне все — по плечу,
Силы есть и желание жить!
Буду счастлива, как захочу:
Петь, смеяться, творить и любить!

Я — ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ТВОРИТ

Я — женщина. Пусть ноша не в подъем,
Но мне ее нести не надоело,
Мне до всего на свете будет дело.
Сквозь бури я иду своим путем.

Я — женщина, которая творит.
И что же в том, что все стихи печальны?
Ведь рождены не прихотью случайной,
А когда сердце с сердцем говорит.

Я — женщина, воспевшая Любовь,
Разлуки горечь и печаль обмана,
И, пусть кажусь немного странной,
Свободна от условностей оков.

Цепей судьбы пускай не разорву,
Но плеч, поверь, своя не тянет ноша.
На свете больше ведь людей хороших,
И потому: творю, люблю, живу!

Встречать с улыбкой буду я шторма,
Держа отважно сердце на ладони,
И даже дней своих пускай на склоне
Красой души сводить мужчин с ума.

Я — женщина, и тайн во мне не счесть.
Не разгадать науке моей сути.
Да, я горда, уж вы не обессудьте,
Я — женщина такая, как я есть!

ВРЕМЕН НЕЗЫБЛЕМАЯ СВЯЗЬ

Настанет день. Что он еще сулит?
Хоть сроки устанавливать опасно,
Нам еще рано об уходе говорить.
Но только мы над временем не властны.

Что дальше ждет? Когда за Грань шагнем?
Неведомо. И стоит ли итожить?
А предсказанья, как игра с огнем.
Способны только скорби приумножить.

Живи сейчас, не думай о былом,
Не самоедствуй, ведь безгрешных нету.
Пусть прошлое останется лишь сном —
Одно грядущее завещано поэтам.

Лишь к ним слетает птица Алконост,
И Сирин с Гамаюном не бросают.
Как девушки плетут венки из роз,
Они слова заветные сплетают.

Пусть этих строк невиданная вязь
Людские души снова растревожит.
Тогда времен незыблемая связь
Их имена откроет. Если сможет.

СЫН ГАРМОНИИ

Ты сын Гармонии, поэт.
Из всеначальности стихии
Стихов ты звуки золотые
Извлечь сумей на белый свет.

Дай им гармонии настрой,
И в форму отливай искусно,
И неземные свои чувства
Ты людям бережно открой...

Точи, поэт, свой карандаш!..
Но, не имея, что отдашь?

ВЛАСТЬ

Да, власть меняется, и власть людей меняет.
Добравшись до верху, глупец все забывает:
Как жил, кем был, кого любил,
Как ненавидел, как грешил.

И лишь подлец захватит власть,
Уж разгуляется он всласть:

Вершит над всеми приговор —
Вот вам веревка, вот — топор.

Он и судья, он и палач:
Одним лишь кнут, другим — калач.
Власть развратит и мудреца,
И маски вмиг сорвет с лица.

ВПЕРВЫЕ

Все в мире сказано до нас,
Все в мире сказано за нас.
Но мы ведь в первый раз живем
И пыль столетнюю сотрем,
Чтоб засияли вновь слова
И стала Истина нова.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Еще нас не раз распнут.

И. Бродский

Распнут нас не раз и не два еще
С улыбками злыми, гримасами.
Кому же потом предъявлять свой счет? —
Мучители точно не названы.

Мир переполнен Пилатами,
«Я не виновен!» кричащими.
Они убивают нас взглядами
Жгучими, говорящими.

Зависть пронзает насквозь и сильней,
И ядовитей ее острие,
Чем жала простых железных гвоздей
Иль чем под ребро уязвит копье.

Мир поглощается завистью,
И нет от нее спасения...
Но каждый ведь раз за казнь
Следует ВОСКРЕСЕНИЕ!..

БОЙЦЫ

Нас порою хлестали чужие дожди,
Выносили из боя все кони чужие.
Другом враг становился. Хоть сто лет прожди,
Но упрямее, нас не родится в России.
Знаешь, мы не умеем сдаваться иль ждать,
Мы надеемся все же, что вынесут кони.
Мы не то, что привыкли всегда побеждать:
Нам бы только сейчас, но — уйти от погони.

ЧЕТКИ

Четки жизни моей разорвались,
Когда родилась я:
Медленно сыплются бусинки-дни...
Не собрать, не надеть на шнурок,
Не связать его новым узлом...
Тихо сыплются звезды с небес —
Даже Вечности четки непрочны...

* * *

по мотивам Йогешевары

Вновь кастрюля ночных небес
Переполнена звездными сливками.
И пушистым своим языком
Подбирает сбежавшее молоко
Туча-кошка с восторгом искренним.

* * *

Пленительны сумерки осени,
Последние блики заката,
И вереница диких гусей
На пламенном атласе неба,
Как след отгоревшей любви.

* * *

Ты ушел сквозь летевший снег,
На плечи взвалив печаль
Нашей горькой разлуки.
И не понять никому —
Слезы текут по щекам
Или же тающий снег?

* * *

В море горя я — слеза,
Пена, что поймать нельзя.
Нгуен Зиа Тхиеу
Я пена морская, меня не поймаешь,
Не выловишь слезы из бурного моря.
И, словно дым звездный, я тихо растаю,
Буйным ветром промчусь на пьянящем просторе.
Но место мое — в твоём сердце.
Об этом ты знаешь.

* * *

Летят лепестки хризантем,
Что оборваны нежной рукою,
Как хлопья белейшего снега...
Нет сил больше ждать —
Зимой обещал ты вернуться...

Александр Хадарцев

ВОСЬМОЕ МАРТА И НЕМНОГО КРИТИКИ

Восьмое марта — просто день весны!
Но вот мужчинам хочется чего-то:
быть может, чтоб другие снились сны,
а, может, женщин критикнуть охота?!

Не бойтесь, наши женщины, мышей!
Коты для вас — опасней всех созданий!
Но их никак нельзя прогнать в вашей —
коты нужны для мартовских свиданий!

Своих мужчин найдете без проблем
и тут же создадите им проблемы!
В тенетах хитроумных женских схем
запутать можно ясность главной темы!

Мужская, даже кровная, вражда
приятней самой нежной женской дружбы!
Счет не ведите прожитым годам —
«подруги» подсчитают время службы!

Не становитесь мумиями вмиг,
чтоб выяснить, кто лучше сохранился!
Для вас любовь мужчин и легкий стих,
в удачу, несомненно, воплотился!

Хвалить не надо женщину за ум!
Ведь у нее достоинств есть — громада!
Пусть пухнет голова мужчин от дум,
а женщинам быть рядом с ними надо!

Попав в объятия женщины хоть раз —
мы у нее в руках уже навечно!
Так пусть настанет долгожданный час,
и наша общность будет безупречна!

Всегда прощают женщины мужчин,
и ни о чем, увы, не забывают!
Но веских для обиды нет причин,
а недомолвки пусть в ручьяхрастают!

Мужчины пусть пеняют на себя,
а женщин воспевают и лелеют!
Прощая им, ревнуя и любя,
пока плоды любви на солнце зреют!

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Иду подвысь «Березовым прешпектом» —
туда, где нет кола и нет двора.
Где вдоль аллеи жимолостным спектром
расцветена толстовская игра.

Толстой продул свой отчий дом в картишки.
Но это — не упрек, а просто — факт.
Где молодость — азарта есть излишки,
и есть понятие чести! Только так!

Светило солнце, воздух прогревая,
пахнуло сеном прошлогодних дней.
Навозным духом ноздри обдувая,
дул ветерок от пасшихся коней.

Но у могилы на краю оврага,
там, где «зеленой палочки» мотив,
где землю напитала жизни влага,
вдруг дождик хлынул, небо затемнив.

Как будто слезы вылились на пашни,
которые писатель воспевал...
День завтрашний струился в день вчерашний
и плакал, и томился, и страдал.

Как указатель места заземленья,
где льет толстовский негасимый свет,
как знак его идеи всепрощенья,
не понятой людьми сквозь толщу лет.

В зените солнце снова полыхнуло
на землю ободряющим теплом,
«Березовым прешпектом» подмигнуло
и высветило виртуальный дом.

Стирает время города и страны,
сдавая их, как карты на столе...
Но память сохраняет, как ни странно,
реальность их на праведной земле.

ДЕНЬ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Когда от детской боли
рыдает чья-то мать,
и кажется здоровье невозможным,

то врач с железной волей,
уменьем сострадать,—
становится спасением надежным.

Коль вестник тьмы дозреет
и сядет на кровать,
крылами навевая неизбежность,
то медсестра сумеет
прийти, понять, обнять,
больному подарив любовь и нежность.

Да здравствует наука
прощать и понимать,
и сострадать непознанным недугам!
Ведь жизнь — чудная штука,
где медицина — мать
и недругам, и братьям, и подругам.

НА СМЕРТЬ С. Т. ЛАШНЕВА

Он ушел туда, где поспокойней,
но покоя в жизни — не искал!
В пятьдесят — он выглядел достойней,
чем седобородый аксакал!

Накануне дождь хлестнул по крышам,
воскресенье вербное умыв.
Может, кто рыдания в нем услышал,
может, просто, траурный мотив?

В небесах эфир молчаньем дышит,
нет бумаг, приказов и звонков...
Там никто «служебные» не пишет,
разбираться в письмах не готов...

За очками глаз никто не прячет!
Нет вопросов! Ни к чему ответ!
Нет проблем семейных! Нет удачи!
Да и жизни, в общем, тоже — нет!

Он сроднился с нашим факультетом!
Как ребенка пестовал его!
Сутками работал и при этом
не просил у неба ничего!

Как мечтал он с нами научиться
уравнений каверзность решать,
чтобы долголетия добиться!
Даже научиться воскрешать!

Тщетно все! Свихнулась асимптота!
Хаосом фракталится года!
Он ушел. Захлопнулись ворота.
Мы осиротели навсегда!

Алексей Скаредов

РЕКОНКИСТАДОР

Дай обниму, Гранада!
Помни меня, Кастилья!
Солнце — исчадь ада —
бурой покрылось пылью.

Липкие реки крови
в желтых песках вскипели.
Ворон щипал мне брови,
мухи паваны пели.

Я истлевал свечою
на мавританском камне,
тешась пустой мечтою
о погребеньи. Странно...

Где-то на небе мгlistом
отзвуки звездопада
чертят: не «реконкиста»...
Дай обниму, Гранада!
Помни ме...
Мама!
Чисто!

* * *

Бросить все, уйти в монахи!
Держит лишь любовь земная.
В церкви, в тишине у раки
не слышны мои стенанья.
Изредка крещусь во Славу
Бога, Сына и Святаго
Духа, повторяю плавно
лишь одну молитву. Благо
быть сейчас и здесь — живущим
не для славы, а во имя
той, чье имя знает Сущий!
Он мою молитву примет.

* * *

Вновь поют «Осанну в вышних»!
Я же куколкою замер
в ожиданье крыльев пышных,
но, похоже, сломан таймер
у природы! Не дождусь я!
Точно знаю. Так и буду
неподвижен. Но сержусь я
на себя лишь, не на Вуду —
он живьем меня хоронит
в этой скорлупе ледащей
тела. Зомби не проронит
Слова, что таится в Чаше.

* * *

В минуты горьких размышлений,
когда не удержишь дрожь в руках,
когда лежишь, как в Мавзолее
и остаешься в дураках,
я вспоминаю голос вешний,
вещавший мне о пустяках
простых и истинных, безгрешных
настолько, что бежит их страх.

И поворачиваюсь на бок,
и засыпаю, как дитя...
Приобретаю жесткий навык
борьбы с врагами Бытия.

ИОАНН

Все равно они сделают, что захотят...
Иоанну теперь не сносить головы.
В Махеронском застенке не рай и не ад —
не спасет ни Господь, ни всеилье молвы!

Ирод держит обет свой, что девочке дал —
слово чести дороже, чем праведник злой!
И на блюде кровавом, где смерти оскал,
не заметил никто свет предвечный над тьмой...

* * *

Отраженья ночи
в голубых глазах
пляшут огоньками
от беды к беде.
Тьма висит веками
в мерзлых небесах

со следами порчи
на худой звезде...

Ворон кроет матом
свадебный погост,
белые деревья
в землю бьют поклон...
«Коли ты за свата,
то придумай тост —
нынче выпить время!»
завывает клен.

Призраки лампадок
бродят по крестам,
ангелам скорбящим
в руки валит снег...
Словно настоящим
мраморным крылам
зябко «Горько!» — сладко
шепчет свежий след...

Я ИДУ

В редкие минуты просветлений,
когда нет уж силы врать себе,
в небеса смотрю, как в омут синий
и не размышляю о судьбе.
Ни о чем вообще не размышляю,
радуюсь весеннему лучу.
Я иду, куда иду — не знаю,
да и знать, признаться, не хочу.
И, забыв про день, который будет,
день, когда меня не станет вдруг —
я иду туда, где нету судей,
нет врагов, друзей и нет подруг.
Я бреду болотами прозрений,
по неровным, черным кочкам строк...
Я иду туда, где нет презренья,
к тем, кто и один — не одинок.
Я не одинок в огне страданий,
и во льдах любви не одинок,
нету у меня других желаний,
как смотреть на запад и восток,
как бродить от севера да к югу,
а потом, поднявшись к облакам,
целовать невидимую руку,
лбом прижавшись к видимым губам.
Вылезу из этой толстой кожи —
шкура эта мне не по-нутру,
чтобы ощущать весь мир до дрожи,
всякий раз проснувшись по утру,

И, не зная горечи сомнений,
все идти, идти, идти к Тебе
в редкие минуты просветлений,
когда нет уж силы врать себе.

ТЕРМИДОР

Я хочу слышать музыку — слышу музон...
Я пытаюсь сказать — плюют мне в лицо...
Я ищу человека — нахожу подлецов...
Моя карта побита бубновым тузом...
Когда все началось — я вышел во двор.
Я хотел революции — вышло не то:
мне из окон на голову лили дерьмо
и щеколда двери превратилась в затвор,
передернулась, щелкнула, похолодела —
ей все одно: что душа и что тело —
она объявляет: «Настал термидор!»

Чем возня на конвейере у гильотин,
быстрее и легче — в туз как в копейку!
Это только подмена идеи идейкой.
Эй, Робеспьер, ты остался один!
Я ночами наощупь иду в коридор
и пытаюсь увидеть какой-то просвет.
Лишь на кухне смердит электрический свет,
да за окнами правит бесцветный террор.
Не трехцветный, не красный, не белый — без цвета...
У всех революций есть это лето,
когда им на горло встает термидор.

Юрий Коняхин

ТУЛЬСКАЯ ГАРМОНЬ

Слышишь? Музыка — огонь!
Не пройдет с годами мода
На певучую гармонию.
Молодец Белобородов!

Переливами мелодий
Рвется звук под небеса
И такой простор находит —
В сердце радость, с глаз слеза.

Звук лихой, аккорд речистый,
Как-то запросто и вдруг
Красота у гармониста
Птицей вырвалась из рук.

Вся звенит и льется песня
Под узорчатый мотив.
И скажу я Вам по чести:
Этой песней русский жив.

У певца и у народа
Расправляется душа.
Мастер — наш Белобородов,
Он гармонных дел Левша!

ЗУША

Если город травит душу,
Приезжайте в те места,
Где воркует речка Зуша.
Там такая красота!

Мать-природа сказку пишет
В небе кончиком сосны.
Каждый шорох чутко слышен
Всплеском робкой тишины.

В ярком ладном сарафане,
Сбросив прежние обноски,

Мое сердце нежно ранит
Белоногая березка.

Все же есть еще местечки —
Свято русские, как встарь,
За которые по свечке
Надо ставить на алтарь.

ЗИМА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Когда над Ясною Поляной
Зима расправила крыло,
С друзьями я туда нагрязнул —
Собрался или повезло.

По колее плелась кобылка,
Носы пощипывал мороз,
А за санями, лая пылко,
Бежал толстовский старый пес.

Казалось, что вот-вот Великий
И скромный русский человек
Войдет сквозь солнечные блики
На так любимый им Прешпект.

Я надвигал на уши шапку
И подобрать хотелось слово
О том, как нам светло и зябко
Гостить зимой у Льва Толстого.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Все как прежде: дремлет кошка
В самом солнечном окне,
Бросил яблочко на дорожку
Сад в счастливой тишине,

Бой часов гостей встречает,
Дремлет кожаный диван,
И вот-вот отведают чаю,
Все придут, кто в гости зван.

На конюшне тихий гомон —
Знать, седлают рысака.
В мезонине, возле дома
Те, кто шел издалека.

Все как прежде. Слава богу!
Храм Толстого. Прежний храм.
Показалось, у порога,
Лев Толстой вернулся к нам.

ПОЛЕТ НАД «ЯСНОЮ ПОЛЯНОЙ»

Осенний лист с оттенком меди
И бабье лето жжет огнем.
По «Ясной» мы сквозь время едем,
Великого покинув дом.

Угрюмый кучер неторопко
Нас под колесный перестук
Везет нехоженою тропкой
Туда, где жив Калинов луг.

Ужель тебя зовут не Софья?
Эй, кучер, слышишь? Погоняй!
Графиня нам крутою бровью
Велела. Так, что ты взлетай.

Пускай над «Ясною Поляной»
Увидят тройку лошадей
И скажут: «Кучер, видно, пьяный».
Но ты гони, гони резвей!

ЛЕСНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ

Как гвардейцы елки
Сторожат Калинов луг,
Взяв лучей осколки
В сумеречный круг.

Стройными рядами
Все во фронт стоят
И глядят на знамя,
Что взметнул закат.

«Ну, ребята, здарсьте!
Наступать пора!»
Жду, что небо застит
Громкое: «Ура!»

ДЕРЕВО ЛЮБВИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Нас двое. Мы сплелись корнями.
Мы рядом, вместе на всю жизнь.
Ко мне цветущими ветвями
Весною нежно прикоснись.

Зимой друг друга мы согреем
Теплом, что нам оставил зной.
Мешать расти тебе не смею
И к небесам расту с тобой.

Мир на двоих — не для прохожих,
Но люди, может быть поймут:

Они на нас с тобой похожи,
Когда друг друга берегут.

ТУЛЬСКИЕ ОРЛЯТА

Не забыть, не забыть комиссарского лета,
Вместе взлет и прощанье навзрыд.
Там костром, там костром и любовью согрета
Наша песня над лесом летит.

Помнишь, в небе кружил лист кленовый
И упал к нам под ноги звездой.
Знаешь, в лагерь мне хочется, хочется снова,
Это с виду я не молодой.

Будем вновь, будем вновь зачарованно слушать,
Как поют на заре соловьи.
Пусть опять, пусть опять открываются души
Всем ветрам и вселенской любви.

Прожитое не станем итожить,
Жили мы не для пресных наград.
Нам, как прежде, как прежде приятно в прохожих
Узнавать своих тульских орлят.

Пусть кленовая звездочка кружит,
Ты ее прежний свет улови,
И тогда и тогда вновь откроются души
Всем ветрам и вселенской любви.

ОЗОРНОЕ МАСТЕРСТВО

Ночь тихонько в небе тает,
В переулках никого,
Но трудом рассвет встречает
Озорное мастерство.

Мало только рук умелых,
Ведь характер озорной
Это тоже помощь делу,
Если ты мастеровой.

Мастерство не любит шума,
Хочет, чтоб без суеты,
В тишине задумать думу
О секретах красоты.

Чудеса творят годами
Молоточки и резцы,
Мы гордимся в Туле Вами,
Наши златокузнецы.

Евгений Трещев

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В четвертый «А» ты к нам пришла
И гордо села у окна.
Я на тебя смотрел всегда —
Ты первая любовь моя!

Никто тоски моей не знал,
А я любил, а я страдал.
Стихи тебе одной писал,
Но никогда не отдавал.

Стоял в сторонке тихо я,
А ты взрослела и цвела.
И в нашем классе, вот беда,
Скромнее не было меня.

Потом свой страх преодолев,
Тебе в любви признался я.
Ты вышла замуж за меня.
Вчера мечта. Теперь жена!

Невзгоды тихо обойдя,
Сложилась крепкая семья.
И все прожитые года
Мы были вместе: ты и я.

И знай, родная, Навсегда,
Распорядилась так судьба:
Ты счастье и любовь моя.

МЫ — СЕМЬЯ

Жизнь идет и мы с тобой стареем:
Сеть морщинок на лицо легла.
Пубавилось энергии в движениях.
На висках струится седина.

Стали мы спокойнее, мудрее.
Годы пролетают, как стрела.
И жалеем больше мы друг друга.
Поселилась рядом доброта.

Мы с утра в заботах и работе.
Вечером приходит тишина.
В комнату зашла ты, в кресло села,
Смотришь, улыбаясь на меня.

И в глазах твоих таится ласка,
А в словах любовь и теплота.
Годы жизни не прошли бесследно:
Мы давно с тобой одна семья.

МОЛОДОСТЬ МОЯ

По улице идет девчонка.
Навстречу мне идет она.
А на лице ее весеннем
Сияют милые глаза.

Ее походка грациозна.
Как лань изящна и быстра.
И сердце глухо застучало,
Я в ней узнал сейчас тебя.

Я сразу вспомнил вечер тихий,
Скамейку, сквер и робкий взгляд.
И вот идешь ты по аллее,
Как тридцать лет тому назад.

Прохожий вдруг остановился,
От восхищенья не дыша.
Куда ты смотришь, парень глупый,
Ведь это молодость моя!

ЛЮБОВЬ С НАМИ

Жизнь — дорога вперед.
Нас несет в неизвестность.
И не видно черты,
Где царит бесконечность.

В этой жизни земной
Мы с тобой пассажиры.
Еще хочется жить,
Но меняют квартиры.

Нет возврата назад.
Только всплески эфира.
Тело здесь на земле,
А душа воспарила.

Не свернуть, не сбежать,
Так намечено было.
И влечет за собой
Нас другое светило.

Излучений игра.
Нет ни слез, ни улыбок.
Лишь висит на душе
Груз прошедших ошибок.

И уносит меня
В бесконечные дали.
Вот, уже позади
Чувства боли, печали.

Но любовь не ушла.
Она вновь между нами.
Лучом светлым скольжу
Над твоими руками.

Годы жизни земной —
Один миг для вселенной.
Мы сольемся с тобой
В яркой вспышке волшебной.

ПЕСНЯ

Ночь. Поляна. Дымок костра...
Песня нежная к небу льется.
Вместе с нею поют сердца
И любовь на свободу рвется.

В сером небе горит звезда.
Между тучек блестит, мигает.
Вьется легкий дымок костра,
К звездам тянется, улетает.

Слышишь, тихо журчит река.
Дунул ветер. Опять стихает.
Как звенит серебром струна!
Тронет душу и замолкает.

На палатках игра теней.
Лес тихонько нам подпевает.
Песня льется сильней, мощней,
К сердцу тянется, зажигает.

Ночь. Поляна. Дымок костра.
Песня нежная к звездам вьется.
В одном ритме стучат сердца
И любовь на свободу рвется.

КЛЕВЕР И РОМАШКА

Душистый клевер и ромашка,
Обнявшись на лугу растут.
Кругом сплошные одуванчики,
Интриги против них плетут.

Ромашка к клеверу склонилась.
Ну, нет стыда совсем у ней.
Как одуванчики волнуются!
Как возмущается репей!

На желтом фоне, выделяясь,
Ромашка белая стоит.
Опять над клевером склонилась,
Репей, как старый дед, ворчит.

Но облетели одуванчики,
Засох, как водится, репей,
А двое: клевер и ромашка
Стоят обнявшись по сей день.

Елена Березова

* * *

Ждем светлое завтра. Ты счастлив и горд.
Ночь отменили, а днем не раздеться.
Начинаем праздновать круглый год
День памяти незачатых младенцев.
Аэрозоли змеиный шип
Сладким дурманом ноздрю щекочет.
Брызнул под мышку — и поспеши
В сад имени нераскрывшихся почек.
Кислотным дождем затоптали паркет.
Подошвы липкие вытереть где?
Подайте сирому лотерейный билет
В склеп имени невостребованных людей.
Гроздь пальцев в перчатке. Сбрось ее, друг
Себя на поруки возьми скорей,
Пока не подкупен еще и упруг
Свет памяти непогашенных фонарей.
Мне ранит дыхание стук топора.
Разгаданы им лабиринты аллей.
Разрежем ленточку, открывать пора
Двор памяти вырубленных тополей.
Дорога к Храму толпой поросла.
Ни праведница, ни блудница
С проворством плута и упрямством осла
Туда моя осень стремится.
Но, покуда я здесь и пока мне вмочь,
Шлагбаумом руку держу над обрывом...
Из раны города сочится ночь —
Ночь имени тротилового взрыва.

* * *

*Paris vaut la messe
Henry IV, 1593*

Здесь нет соперничеству места,
Веками факт неоспорим:

Париж, конечно, стоит мессы,
Равно обедни стоит Рим.

Но сыновьям другой Отчизны
Постигнуть не дано судьбой,
Что лишь Россия стоит жизни,
Как это знаем мы с тобой.

* * *

Соберу медяки и целковые,
Не в коллекцию соберу,
Не наряды скупать пустяковые
И не бражничать на пиру.
Я отправлюсь в края прекрасные,
Хоть одета ни в джине, ни в парчу,
Стану в море монеты забрасывать
Не затем, что вернуться хочу.

Там их будет без счета брошено,
Лишь добраться б мне до воды:
Я тебя выкупаю из прошлого
У твоей неумной беды.
Ты мне мнишься в весенней замяти.
В летнем сне и в осенней дали.
Ты моею щемящей памятью
Все печали свои утоли!

Этот миг мой надеждой выстрадан.
Там, где белые корабли,
В глубину побросаю с пристани
Заработанные рубли.
То поселками, то столицами,
Обходя с четырех сторон,
Где в фонтаны, а где в криницы я
Побросаю свое добро.

Год за годом по жизни странствуя,
Потеряла от счастья ключи.
Ни молитвами, ни лекарствами
Рану в сердце не залечить.
Верой, нежностью, а не тыщею —
Лишь тебе бы впору пришлось,
Я все та же — нагая и нищая
(нищ не только, кто гол и бос).

Как дитя беззаботного племени,
Изголодавшееся по любви,
Я тебя выкупаю у времени
За скупые копейки свои.
Ворочусь и движеньями меткими...

Мне тогда будет все с руки —
Я расстанусь с последней монеткою
В тихом омуте у реки.

День за днем вымирали мамонты,
Янтарем застывала смола...
Я тебя выкупала у памяти,
А вот выкупить не смогла.

* * *

Распахнулись дверцы, как объятия...
Память, оглянись! Мгновенье, стоп!
Как и прежде, мамиными платьями
Пахнет старомодный гардероб.

Где под нафталиновой порошею
Спят себе на плечиках года,
И сомкнулась, не пуская в прошлое,
Неживая зеркала вода.

Полиняло ситцевое марево.
И как будто скошена трава
Вкруг цветов, что на подолох маминых
Не успела в детстве оборвать

* * *

Букет цветов живых
Всем сердцем не приемлю.
В лугах, в садах своих
Они пусть красят землю.

Уловка языка —
Смерть прячется за слово:
Нет в сорванных цветах
Ни одного живого.

* * *

Вариации на тему писем
А. С. Пушкина к жене

Шампанское, лафит, зажженный пунш
И ананасы за твое здоровье.
Канун пути, и омовенье душ,
Чтоб не сомлеть от скуки по дороге.

Дела зовут в Москву, в деревню, в Псков.
Господь велит мне жизнь вести такую,
Но не ослабит Гименей оков —
Я по тебе решительно тоскую.

Какая же ты дура, ангел мой!
Что смеешь ревновать к башкиркам и калмычкам.
Хорош я не был, был я молодой,
Но резвой юности оставлены привычки.

Биографы обскажут все как есть,
Не будет дон-жуанский список кратким,
А будет жизнь моя, грехи мои и честь
Там выставлены в азбучном порядке.

Твоя любовь — со мной, твоя краса.
Хоть я и не какой-нибудь бездельник
Для денег, видит Бог, я не могу писать,
Но, чтобы жить достойно, надо денег.

Воображаю первое число:
Извозчики, портнихи, куаферы —
Кого там только в дом ни принесло!
Что можешь ты ответить кредиторам?

У Машки — зубки, Сашка приболел,
Гляди, еще напасть какая грянет.
Потомок мой, не принимай удел
Писать стихи и ссориться с царями.

Пора назад. Друзья замкнули круг
Опять шампанским, рябчиками, жженкой.
Вдали сверкает хладный Петербург
Улыбкою моей прелестной женки.

Там вдохновенья чистоту хранит
Между доносом, пасквилем и прочим
Невы и Мойки вековой гранит
И Летний сад в объятых белой ночи!

Там музы верные амурились со мной.
Их светлая приверженность все та же.
Встречай, жена. Я тороплюсь домой
К тебе, моя любимая Наташа.

* * *

В городе моем знойный дым и смрад,
В городе моем тополя болят.
Лето на дворе. Всякий солнцу рад.
Мне трава — сестра, каждый кустик — брат.

На земле без них не прожить и дня,
То-то хороша у меня родня!
Да и я для них, видно, неплоха —
Мне сережки даст поносить ольха.

Если до бела полдень раскален,
Под свою ладонь принимает клен.
Слышен мне в ветвях поминальный всхлип:
Ель под Рождество, цвет от чахлых лип,

Вербы по весне, сок из ран берез —
За людскую блажь ежегодный взнос.
И не знаю, как мне родне помочь,..
Что за шум стоял во дворе всю ночь?

Тополь на ветру там, где чад густой,
Скрежетал во сне ржавою листвою.
Атом в блоках спит, дождь кислотный стих.
Завтра мы куда спрячемся от них?

Как в пиру чумном, скачет в кроне моль,
Топчет изнутри листья злая боль.
Не раскрыть окна. Из-за стекол взгляд.
В городе моем тополя болят.

Олег Сенин

ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Последние листья, познавши одиночество
На утонченной нагоде ветвей,
Взирают грустно на упадок зодчества,—
Удел безрадостный всех поздних октябрей.

Земля соцветий, уступив из робости
Канунам и итогам плодородия,
Имеет вид торжественной суровости,
Столь неразлучный с моей скорбной Родиной.

И только солнце, вечно осиянное,
В своем порыве всех дарить надеждой,
Пророчит ей обнови сребротканые
И белизну, невиданную прежде.

* * *

За снежной белесью вагонного окна
Смиренница зима пощады ожидает,
Но буйством белых вьюг следов не замечает,
Хоть чаша чар ее испита не до дна.
Мы скажем ей «спасибо», что она
Тишайшим февралем нас тайно сочетала
И муку белую разлук нам завещала.
Ты, нитку памяти в иголку продевая,
Вдруг вспомнишь, под осеннее ненастье,
Что век твой женский ночь та открывает,
Где встретились две жизни в одночасье
И, приняв яд сладчайшего причастья,
Как створки врат, в пространстве разошлись,
Но сводом ласк и мук навеки обнялись.

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ

Я жду тебя и наскучивших стенах.
А где-то там, в пространстве октября,
Как птица райская, преодолевая страх,
Взлетаешь ты на зов государя.

В холодном небе, просекая дымку,
Грустящую над Суздальской землей,
Ты грезишь комнатой, где под пластинку
Я обмирал, склоняясь над тобой.

В твоём лице, потерянном от счастья,
В славянских льнах разбросанных волос
Губами жаркими я познавал согласие
Бессмертья и конца, шипов и роз.

И уступала ночь круговращенью
Объятий, шепота, изнеможенных поз...
А за окном по злему наущенью
Бледнел разлукою предутренный мороз.

ГОРЫ

Извечная неподвижность, чистота
Вершины убеляющих снегов,
А в гиацинтах неба излита
К свободе духа тяга и любовь.

Тян-Шанских елей стройные заставы
Красуются на крутизне отвалов,
Как чудом к нам дошедшие октавы
Небесных незапамятных хоралов.

Безумных речек пенная вода
Змеится по низам ущелий,
Здесь первозданно хороша звезда
И темен смысл бессмертных суеверий.

* * *

Прикажи умереть —
И я вскину в готовности голову,
Дай лишь мне досмотреть,
Как судьбина поделит нам поровну

Тот найденный клад
Непридуманной сказочной жизни,
Где, не мят и не клят,
Я живу в возрожденной Отчизне.

Там синеют снега,
Хорошеют резьбою деревни,
Там, блажен, наугад
Я бреду по прекрасной и древней

Среднерусской равнине,
Что в окладе мещерских лесов
Испокон и доньне
Почтена как основа основ.

Пусть узорные церкви
Собирают воскресший народ.
Да вовек не померкнет
Над тобой голубой небосвод!

И тогда, не простясь,
Просиявши счастливым лицом,
Я верну свою часть
Ради сказки с хорошим концом.

* * *

Недолго мне уже осталось,—
Не веря собственным глазам,—
Читать влюбленно, по слогам,
Про губ твоих родную алость,
Про снегопады и улыбки
Под звуки плачущие скрипки.

И скоро нам с тобой придется,
Пригубив горечей бокал,
Признать, что каждый потерял
То, что однажды лишь дается —
Часов свиданий нежный бой,
Даривших счастьем и судьбой.

РАЗРЫВ

Снежинки марта запоздало
Темнеющий крахмалят снег,—
Прощальный жест зимы усталой,
Без всяких видов на успех.

Азарт летящей электрички,
Сквозной унылый березняк;
Уже всерьез, не из приличия
Носить мне траур по ушедшим дням.

Что так легко произносилось,
Что влагой застилало взгляд,
Влекло, пленяло, возносило,—
Все обратилось в плен, в распад.

И слабых рук твоих сплетенья,
И губ целуемых дурман,
Моих восторгов песнопенья,—
Все скрыл невидящий туман.

Но в мглистой дали отчужденья
Мерцает кованой звездой
Превозмогающий забвенья
Иконописный образ твой.

Где нет места дружбе мнимой,
Чуют смерть издалека...

* * *

Где иудин лик известен,
Маски сорваны со всех,
Где цинизм сплошь неуместен,
А уместен добрый смех...

Я иду своей дорогой
С теми, с кем мне по пути...
В обстановке нервной, строгой,
Надо Храм души спасти.

* * *

Каменное слово придавило грудь,
Эрос расквитался, указав на суть.
Было так угодно Богу, но не мне...
Каменное слово... и душа на дне...

Озеро глубоко... холодна вода...
Истина жестока... Ты пришла, беда...
Сумрачны рассветы... как холоден свет...
Сердце равнодушно. И любви в нем нет.

НОЧЬ

Ночь. Соловьиные трели.
Звезды на небе горят.
Счастье — со мною ты рядом,
Губы твои и глаза.

Нет между нами сомнений,
Нет ни обмолвок, тревог;
Души созвучны, как трели,
Души поют в унисон.

Счастья минуты, продлитесь,
Мы не нарушим ваш бег.
Ночь, не спеши уходить ты,
Нам хорошо здесь, с тобой.

Нам хорошо здесь с тобою
Звезды считать при Луне
И целоваться до боли,
До восходящей зари.

Ночь — это время влюбленных;
Ночь — это страсти любви;
Ночь — созиданье, творенье
Нового чуда Земли.

О, СЕРДЦУ ДОРОГАЯ РУСЬ...

О, сердцу дорогая Русь,
Душою светлою прижмусь...
Родная я тебе по крови,
Хранишь в заплатах и в обнове,
Хранишь, святая Русь!

В твои озера ручейком вольюсь,
Пресветлая, святая Русь,
Когда устану, отживу свое,
И эхо — зов вдруг уловлю твое.

Пока живу одной с тобой судьбой,
Свободна я и счастлива с тобой.

Родимая, святая Русь,
Я от тебя вовек не отвернусь,
Любовь к тебе в душе не загубить
И не устать мне век тебя любить.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

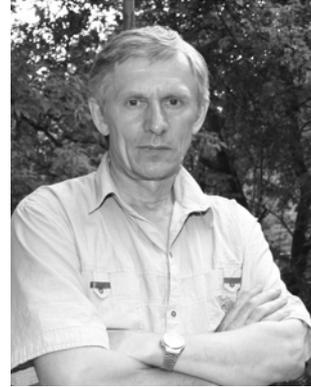
На ратном поле торжества.
Святая Русь, твои колокола,
Отлитые по громкому заказу,
Напоминают, как сынов звала...

По твоему суровому наказу
Победу в день священный принесли,
Не ощутив сомнения ни разу,
Когда судьбу и жизнь
все на алтарь несли.

Великий князь Московский на коне
Неудержимо вел полки к победе
Сквозь бреши в злобной
вражеской стене,
Сквозь смерть и кровь людскую
в конском следе...

Святая Русь, твои колокола
Звучат как гимн на Куликовом поле...
На Красный холм ты нынче созвала
Всех помнящих о горько — славной доле,
О Родине державной, что вокруг,
И вызывает чистых чувств смятенье,
И хочется сомкнуть теснее круг,
Отбросив прочь бесовское сомненье.

Валерий Демидов

МЫСЛИ В ПУТИ

Когда качивает поезд
В мельканье звездной синевы,
Мечтаю о траве по пояс
В местах, далеких от Москвы.

Дела нас в вихре закружили,
Но это далеко не вальс...
Совсем не так мы прежде жили,
Хотя и ждали свой аванс.

Иными были магазины,
И одевались мы не так,
А «продуктовые корзины»
Ценили трудовой пятак.

Мы в романтических походах
Не ели смачно шашлыки,
А любовались все природой
И пели песни у реки.

Леса не наполнялись роком
И гарью выхлопов машин...
И вот цветы, что я не трогал,
Прогресс убил накатом шин.

«Мы стали жить намного лучше».
Но только сколько вас? И кто?
И сколько бродит «невезучих»
В одном изношенном пальто?

Стоят некошеные травы,
На полустанках — детвора...
Мы, кажется, убили правду,
Нам всем покаяться пора.

Всю доброту мы растеряли,
И, душу в клетку усадив,
Твердим, что мир материален
И не зависим от седин.

В себя уверовали люди,
Не видя близкого конца.
А Небо смотрит, ждет и судит
По воле Вечного Творца.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Я зарююсь в осенние листья,
Задохнусь прелым запахом трав,
И оставлю тревожные мысли
О суровости жизненных драм.

Залюбуюсь березовым небом,
Полной грудью вдохну тишину...
Я давно таким радостным не был,
Встретив осень, как будто весну.

Разноцветье осеннего леса
Так сродни разноцветью в душе:
То грущу, то заплачу, то весел,
То валюсь на крутом вираже.

Листья падают — годы уходят,
Но из них соберу я букет,
И покажется, будто я, вроде,
Еще молод на старости лет.

СЕНОКОС

И вот уж время. Сенокос.
У мужиков и баб — заботы.
Трава звенит от тонких кос
И спины мокнут от работы.

Я бросил город. Тоже здесь.
Кряхтя, с крепчайшего похмелья
Чуть свет, с росой, встает мой тесть,
Впитавший старое поверье.

С календаря все десять дней
Не отрываются листочки.
«Страда для нас всего важней», —
Глаголит дед на теплой кочке.

На небе — тучи. Мы спешим
Все травы уложить в стожки.
А завтра снова ворошить
Слегка подмокшие валки.

Пьянит в сарае санный дух,
И я, упав на стог спиною,
Лежу, и слышу, как петух
Кричит о чем-то за стеною.

Мычит корова — сена просит.
Встаю с охапкой, к ней бегу...
И снова город, смог и осень...
Я тем живу, что берегу.

Я ПАС КОРОВ

Мне часто снится по ночам,
Как росным тихим утром ранним
С кнутом и торбой на плечах
Я сонным шел к села окраине.

А здесь — мычание коров,
Кнутов стрельба для своенравных,
И, не ища культурных слов,
Мы гоним их пастись на травы.

Коровы нехотя бредут
И вяло рвут соцветья мая,
Губами теплыми жуют,
Хвостами наглых мух гоняя.

А в полдень возле старых лип
Хозяйки чисто вымя моют,
Чтоб молоко в ведро сцедить
Почти кипящее, парное.

Мы сладко дремлем в этот час —
Сон пастухам всегда награда.
И, словно бы жалея нас,
Лежит вокруг коровье стадо.

На водопое у реки
Боками молча трутся в ветлы.
То тут, то там слышны шлепки
Лепешек травного помета.

Вот солнца красочный закат
На лес набросил свои тени —
И мы уже спешим назад,
Мечтая только о постели...

За тридцать лет я много раз
С кнутом бродил в полях, лугами,
И понял только лишь сейчас,
Зачем хранит все это память.

Я пас коров. И в тех трудах
Любил и познавал природу.
А кнут мне Бог затем лишь дал,
Чтоб с ним почувствовать свободу.

Валентина Никитина

* * *

Вестники пернатые
С миром прилетели,
Маленького друга
Поддержать хотели.

Серенькие птички
Сели у окошка,
Шепчут, как сестрички:
«Не грусти, Алешка!

Не печалься, мальчик
И не бойся крови,
Заживет твой пальчик,
И не хмурь, брат, брови!

Солнышко и ветер
Шлют тебе приветы,
О твоём здоровье
Ждут твои ответы!»

Воробьи озябшие
Рядышком сидели,
Помощь и поддержку
Предложить хотели.

* * *

Душа летела кувырком,
Как будто провинилась,
Светилась чистым озерком,
Застенчиво искрилась...

Под белым парусом плыла,
Купалась в россыпях тумана
Принцессой сказочной слыла,
И героинею романа

Лазурным облаком неслась,
Светя другим — сгорала.
Не ко двору она пришлась,
И за доверие — страдала.

Она поступками сильна,
И благородны те порывы.
Простить вольна за все она,
Чисты, светлы ее мотивы...

О, господи, прости меня,
Прости и излечи мне душу,
Дай шанс, надеждой осеня.
Поверь, я клятвы не нарушу!

* * *

А душа моя рвется на родину
В домик наш, что у края села,
Где березку сажала, смородину,
И черемуха буйно цвела.

Через речку — мосток, что на пасеку,
Запах яблонь цветущих разлит,
Наш колодец, дорога на засеку,
Память предков достойно хранит.

А та круча, у самого леса,
Где поляна свиданий была,
Где гадали, смеялись повесы,
«Колдовскою» в народе слыла.

В небо синее песня летела,
И звенела родная земля,
А душа-то, взрослеть не хотела-
Будоражила юность моя!

Там в плену моя память осталась,
Под залог, что приеду туда,
И я с прошлым своим не прощалась,
Путь открыт, он свободен всегда!

* * *

Ах, судьба моя раскосая,
Ей под стать — душа косая,
За тобой лечу с откоса я,
И теперь тобой больна я!

Пролечу с тобой над речкою,
Обнимусь с плакучей ивою,

Заискрю над кроной свечкою,
Поднимусь волной игривою.

Заплету венок ромашковый,
Брошу в речку на удачу.
Доплыви, родной фисташковый!
А потонешь, не заплачу.

Жизнь богата предрассудками,
А душа на волю просится
И, чеканя прибаутками,
Разноцветьем в омут бросится!

Ах, судьба моя сударушка,
Непутевая, строптивая,
Как трава чиста, муравушка,
Как лесная лань — пугливая!

От черемухи ты пьяная,
Ветром диким зацелована.
Что ж молчишь, ты окаянная?
В цепи страсти замурована.

В небе песня журавлиная
Бередит и ранит душу,
А лазурь, как птица синяя,
Опускается на сушу!

Жизнь моя, особа дивная,
Непростая и объемная,
У нее дорога длинная,
Бьет по нервам, неумная!

* * *

Вновь позвала поляна родины,
Где воздух чистый и хмельной
Ласкает нежно куст смородины
И дух черемухи шальной.

Береза белая, пушистая
Спросила строго: «где была?»
Малины запах гроздь душистая,
Лиловым облачком плыла.

Тропа и сад давно заброшены,
Не слышен маленький ручей,
Стучится грустью боль непрошено,
И я ничья, и он ничей!

Когда-то тут с друзьями бегала,
Читала вслух я наизусть,
Осталась детства дымка пегая.
О нет, моя печаль и грусть!

Душа кричала одинокая
У дома деда моего,
Шептала звездочка далекая:
«Ведь ты добилась своего.»

* * *

Зима расстроена в печали,
Стоит загадочно грустна,
Навстречу ей, в роскошной шали
Летит красавица весна!

Недолго холодом терзала,
Была побита ее рать,
Страшней позора ты не знала-
Пора и честь, подруга, знать!

Цветами устлана дорога,
Звучанье лиры — перебор!
Весна танцует у порога,
Победных глаз — зеленый взор.

И флейта радужно играет,
Хмельной готовя чая сбор.
Весна вихрит, и обжигает
Причудливой красы обзор.

Укрыла негою поляны —
Черемухи шальной рассвет,
Простив грехи им и изъяны.
Ах, как прекрасен белый свет!

Подснежникам открыла дверцу,
В их честь устроив карнавал...
Мое звенит любовью сердце,
В нем памяти моей причал!

Свободной птицей я парила,
Крылом пробила синеву,
Просторы неба покорила,
Смеясь и плача наяву!

Олег Емельянов
(г. Фрязино)

СТАРАЯ ЦЫГАНКА

Старую цыганку я встретил на углу;
Карт разброс небрежный прямо на полу,
Яркий полушалок на худых плечах,
Красота былая в выцветших губах...
Сколько с родным табором сел ты обошла?
Сколько рук мозолистых как книгу ты прочла?
Сына потеряла ты на той войне
И седая стала как иней при луне...
Сколько утешала ты? »Ведь они придут,
Жены же и матери их в России ждут!..»
За надежду эту, за святую ложь
Отдавали, кланяясь, последней мерой рожь:
«На, возьми, ведь малые тоже у тебя,
Спаси Христос! Утешила родная ты меня!..»
И у колыбели ты стояла у моей,
И сказала матери: «Ты старой мне поверь-
Будет парень счастлив и красив собой!
Спи, моя малютка, спи, мой золотой!»

* * *

В смятении чувств, в душевном гневе,
Не чару в руки я беру.
Как к благодати, исцеленью
Почти в бреду тянусь к перу...
И пусть мне лира не подвластна —
Ее упрямство укрошу!
Зато перо свое макаю
Не в воду я, в печаль мою...
«О, баловень судьбы беспечной!
Что в жизни брал? Удачу лишь!?
Страдал ли ты? Любил ли ты?
Молчишь!?!..
Как мотылек с ветром играя,
Летал лишь ты к цветкам удач,

Не ведая, совсем не зная,
Что есть другой нектар в цветах...
И вот однажды к дикой розе
Твой ветерок принес тебя.
И сладок был, и очень горек
Сок у нее, и он сразил тебя!
А ветер стал уже нелегким,
И гонит прочь от розы той.
Как слабы крылья! Где же силы?
Чтобы навеки быть с тобой!
Мой мотылек! Дитя успеха!
Не знал ты истины простой —
Чтоб лепестки любимой нежить
Удачи мало лишь одной!
Ты слаб пока, не знал страданий
И должен стать совсем иным,
Чтоб розы дикой, своенравной
Любовь в награду заслужить!
Но в крыльях силу ты накопишь!
Вернешься снова к розе той,
Нектар которой очень горек
И слаще сладости любой!..»

ВЫСОКОЙ БЛОНДИНКЕ

Капризные кудряшки,
Задорная улыбка,
В танцполе «Гипротранса»
Горянка ты в лезгинке.

Кокетлива немного
И тут же твердость стали,
Конечно, недотрога,
Мне повезет едва ли...

Амур колчан достал свой,
Стрела меня сразила,
Звенит капель весною,
И стала кровь игрива.

Протягиваю руку,
На танец приглашаю,
Оставим мы подругу,
Я в марте все решаю!

Глаза в глаза, рука в руке...
То грезы, иль мечтаю...
Глаза в глаза, рука в руке...
Стихи тебе читаю.

Моложе ты, я — старше,
Имеет ли значенье?
Ведь страсть, как бунтовщик,
Всегда против течения!

ЭРОТИКА В ВОЗДУХЕ

Единица на номере «Волги»,
Адыгеи столица — Майкоп,
Первое августа — я в «Джубге»,
Пансионате с лейблом КООП.
Пропитан воздух желанием плотским,
Гремит под окном дискотека «Нон-стоп»,
Живите ребята днем нынешним,
Хай после нас хоть потоп!
Даже ночью море не черное,
Плещется лунных лучей сноп,
С грудью красивой, однако,
Опасно загорать лес топ.
...Кольцо на правой, а взгляд — вольный,
Ждешь кто скажет тебе «Алле оп!»
Парень тот не из полиции нравов,
Он скорей сексуальный РУОП...
Пару создать и слиться,
Инстинктам здесь разум — холоп.
В этом вся она жизнь южная,
А не нечто с приставкой «доп».

Владимир Кидалов
(г. Санкт-Петербург)

ИЗ ЖИЗНИ СЛУЧАЙ...

Он жене говорил,
    что опять допускает промашку.
Он ее попросил:
    «Не жалея, в лапу сунь докторам!
А друзьям передай,
    я сейчас напишу им бумажку,
что за дешево жизнь
    этой клинике я не отдам!
Передай им еще —
    за устройство большое спасибо,
если нужно им что от меня,
    все, что можешь, устрой!
А приедет Егор — друг семьи,
    лучший лекарь Турксиба —
передай, что держусь,
    и, вообще, до сих пор я герой!»
Вот подходит сестра
    — тут укол, что-то вроде кураре...
Говорят, хорошо
    под уколом качает насос,
«А теперь, уходи! И не мучайся,
    милая, даром,
мой мотор еще крепок
    и вряд ли закрутит вразнос!»
Но она не ушла.
    В серебристом мерцаньи софитов —
все смотрела на окна
    сквозь чахленький сквер от угла...
И пока бредил он
    всей натурой своей недобитой,
с воем «скорая помощь»
    куда-то ее увезла...

АНАТОМИЧКА

Пропах формалином до мозга
сводчатый белый зал...
На улице ветер промозглый
космы деревьев трепал...
В зале на мраморном ложе,
в позе морского царя,
как-будто шепча: «Тепло же,
вы мерзнете, братцы, зря!
А мне непогода — дымом,
я прахом — быть не устал...» —
голым и невредимым
коричневый труп лежал.
Но в корне с ним не согласен,
дискуссию как бы завел:
«Не слушайте, братцы, басен!» —
включился соседний стол:
«Я влажных салфеток грудю
на «Тришкин кафтан» собрал,
и то, заливать не буду,
зубами всю ночь стучал!
Вот скинуть бы смерти путы,
бараний надеть тулуп...»
Погреться мечтал хоть минуту
в салфетки завернутый труп.
Шаги! Задрожали шторы,
и челюсти спорщик сжал.
Решительно, с юным задором
студенты входили в зал.

ПОДРУГАМ ЖИЗНИ

Извечных истин водопад
рождает женские проблемы:
муж, сын, отец, внучок и брат —
у женщин входят в сны и схемы...

Наш пол (до свадьбы) — шустрячок:
Красавиц ценит, воспевает...
А, как поженится,— молчок!
Ведь телевизор иль «толчок»
его все больше увлекают.

Коль муженька «труба зовет»,
жена, готовь ему портянки!
А если март и воет кот,
чтоб вышло все наоборот,—
налей супругу валерьянки...

А как мужчин «не критикнуть»
за неактивность в главной теме,
не указать им верный путь,
напомнив: «Милый, не забудь
про частоту, и ритм, и время!»

Не каждый верит в женский ум
и чует милые повадки!
Отсюда наш «шурум-бурум»
с недооценкой женской хватки.

И мы пеняем на себя,
но от красавиц просто млеем.
И восхищаясь, и любя —
Рождаемся, растем и зреем...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ПЕГАС»

Областное литературное объединение берет свое начало где-то далеко: далее 60-летней отметки, хотя документальных подтверждений начала его существования и не сохранились.

Однако в нынешнее время оно функционирует довольно активно, проводя свою работу с сентября по май включительно. Семинарские занятия проводятся каждое второе воскресенье месяца, начало — в 11 часов, место: улица Каминского, 51 (Дом творчества). На занятия может прийти каждый желающий, если он, конечно, занимается литературным творчеством; он получит возможность познакомиться присутствующих со своими творениями, услышит мнение о своем произведении, получит дельный совет. Литературная учеба на занятиях дает многое начинающим авторам. Достаточно сказать, что за последние годы многие достигли такого уровня, что выпустили свои сборники, а несколько наиболее одаренных даже были приняты в Союз писателей России, стали профессиональными писателями. Этому способствует и периодическая публикация в прессе, а один раз в год выходит коллективный сборник «На крыльях Пегаса»; в этом году это будет в третий раз.

Нынешняя публикация на страницах межрегионального журнала «Приокские зори» дает возможность членам литобъединения показать себя, а читателям познакомиться с новым отрядом литераторов, оценить их способность доносить свое слово до читателя.

Руководитель литобъединения Марк Дубинский

ОЛЬГА НАЦАРЕНУС

Ее биография проста: школа, Тульский педагогический институт имени Л. Н. Толстого, преподавательская работа в лицее, в которую вкладывает всю душу.

Пишет стихи и прозу. Автор нескольких песен, публиковалась в ряде альманахов и сборников. Издала сборник «Совсем негромко о любви». Неоднократный лауреат областных конкурсов чтецов. Живет и работает в Туле.

ГУЛЯНКА (рассказ)

Когда Дашенька проснулась, дома уже никого не было. Девочка сладко потянулась и посмотрела в окно: было еще утро, а солнце уже вовсю припекало, на небе — ни облачка, день обещал быть по-летнему чудесным... Она быстро сползла с кровати

и пошлепала босыми ногами на кухню. Ее взгляд упал на трехлитровую банку, которая стояла на подоконнике.

— Кто додумался налить воду в банку? — подумала Даша и по-хозяйски вылила содержимое банки в неполное ведро с водой, съела оставленный матерью завтрак и быстро выбежала на улицу, вспомнив, что еще вчера обещала ей подмести двор. Дарья схватила метлу и принялась за дело.

Как раз в это время мимо дома шел Кум, в деревне его так звали за веселый сговорчивый нрав. Это был низкорослый, всегда улыбающийся, черноволосый, с пышной шевелюрой мужичок лет сорока.

— Дарьюшка, не дашь водички? — попросил он. Девочка зачерпнула воду из того самого ведра, подала мужику и продолжала мести двор. Тот выпил, довольно крякнул и неожиданно произнес:

— Ну и вкусная твоя водичка, налей-ка еще!

— Вода как вода, — подумала Даша, она была уже на другом конце двора и ловко орудовала метлой, которая была на голову выше ее роста. Пыль стояла столбом.

— А вы сами зачерпните, дядя, некогда мне!

Кум воровато огляделся: за забором в грядках копошился дед Василий.

— Михалыч! — уважительно позвал Кум бывшего фронтовика. — Иди водички со мной выпей.

— А у меня чо ли своей воды нет? С утра натаскал. Ты б чаво другого предложил, а этого добра... — не договорил дед и, недовольный, что его отвлекают, продолжал копать в грядках.

С тех пор, как умерла его бабка, все женские заботы легли на его плечи. Дети звали его к себе в город, но он отказался, решив доживать свой век в деревне. Здесь родился, здесь женился, отсюда уходил на фронт, «нарожал» детей, здесь работал председателем колхоза и здесь решил умереть. Вот уже скоро как год жил Василий Михайлович один.

— Слышь, а Дарьяна вода поинтересней твоей будет, — Кум хитровато подмигнул, зачерпнул кружку и протянул соседу через забор. Дед нехотя пригубил воду и, залпом выпив, недоуменно посмотрел на Кума.

— В каком же колодце такую воду-то черпают? — и, не дожидаясь ответа, быстро переместился на соседскую половину, положив на скамью рядом с ведром пару огурцов. Выпили еще по кружечке и, хрустя огурцами, разговорились.

— А что, Куманек, цела еще твоя гармонь? Давно ты ее в руки не брал. Знатным ты был гармонистом. Настенька моя, бывальча, любила, когда ты играл. А какая плясунья была! Помнишь? — прослезился Василий Михайлович. — Шутка ли, шестерых детей поставили на ноги, душа в душу прожили полвека. Кум сочувственно кивал головой.

— Какая женщина была! — продолжал сосед. — Цепню собачью сейчас бы сгрыз, коль можно было б вернуть покойницу.

— Да, никто еще не вернулся с того света... — подтвердил Кум.

— Давай помянем мою Анастасию Петровну. Царство ей небесное, рай пресветлый, — утирая глаза мятым непростиренным платком, закончил Василий Михайлович. Выпили молча. Кум вздохнул.

— Тяжело тебе одному-то, Василь Михалыч. Можь, бабу тебе какую сосватаем? Да хоть бабку Таню. А что? Хорошая баба, шустрая.

Дед Василий засмутился.

— Думаешь, пойдет она за меня?

— А то! Ты жених завидный. Опять же — фронтовик, пенсия большая, дом вон еще крепкий какой, да и мужик ты еще о-го-го... Куда она денется, пойдет, — продолжал Кум. — Сейчас же и сосватаем.

— Можь, погодим, — засомневался дед.

— Чего годить-то? Куй железо, пока горячо!

Кум зачерпнул еще по кружечке за успех намеченной операции. «Живительная» водица из Дарьюшкинова ведра взяла свое. Дед Василий гордо распрямил плечи, поправил картуз и, отбросив все сомнения, которые его мучили до сих пор, уверенно сказал:

— Так я пойду рубаху новую надену? Ребята понавозили из города. Петька, младшенький, надысь пять рубах привез. Колька еще раньше — цельный узел. Рубахи-то все почти новые, а куды мне их носить? — сдался Василий Михайлович, не упустив случая похвалиться своими детьми. Он ловко нырнул в проделанную в плетне дыру, только его и видели. Дома, осознавая всю ответственность предстоящего мероприятия, дед достал из сундука пиджак с фронтовыми орденами и, несмотря на летнюю жару, надел его. При полном обмундировании подошел к зеркалу.

— А мужик-то я и впрямь еще о-го-го! — подумал он и, довольный собой, тем же путем вернулся к Куму.

Пока дед наряжался, Кум, не тратя времени даром, быстро сбегал за гармонью.

— Гулять, так гулять, — решил он.

Гармонь вздрогнула и, собравшись с духом, радостно заиграла плясовую. Скоро и другие мужики, как мухи на мед, слетелись к ведру.

Вертелась возле ведра и Норка (бабку Нюру так прозвали за то, что быстро прибирает к рукам все, что плохо лежит). Она такие мероприятия за версту носом чужая.

Василий Михайлович в «новой» рубахе, при орденах, с искрящимся взглядом, чем не жених, «лихо» отплясывал. Пошатываясь, он остановил взгляд на бабке Нюре:

— Норка! Беги в магазин, закусь неси, денег не жалеи; да быстро: шоп одна нога здесь, другая — там. Гуляю я сегодня!

Кликнули бабку Таню. Та, ничего не понимая, побросав все дела, прибежала узнать, что случилось.

— А вот и невеста! — обрадовался Кум.

— Какая я тебе невеста, охальник?! Я тебе в матери гожусь! Постыдился бы!

Михалыч расхрабрился, раскрасневшись от пляски.

— Татьяна Егорна! Выходи за меня замуж! Баба ты ладная, самостоятельная. Давно я к тебе присматриваюсь. При всем честном народе предлагаю тебе руку и сердце.

Бабка Таня растерялась от неожиданности. Румянец появился на щеках, ей и в молодости так предложение не делали. А гармонь играла, созывала к застолью новых гостей. Новоиспеченный жених запел:

*Я, бывало, запою —
Рябина закачается,
А теперь запою —
Никак не получается.*

Во дворе было весело и многолюдно. Только десятилетняя девочка не могла понять, почему дед Василий у них во дворе справлял свою свадьбу? Она прекрасно понимала, что мать не одобрит это событие, но ей было тоже весело, и вместе с другими ребятами, без которых не обходилось ни одно мероприятие в деревне, она с интересом наблюдала за всем, что происходило вокруг.

В самый разгар гулянки вернулась с работы Мария Михайловна. Она растерянным взглядом окинула непрошенных гостей и, ничего не понимая, вошла в избу. Дарья побежала следом. Мать спросила ее:

— Доченька, а где же банка? Она была вот здесь, на подоконнике. Утром второпях я забыла ее убрать. В ней же спирт был...

Долго потом односельчане с благодарностью подшучивали над Дарьюшкой за то, что она устроила гулянку для всей деревни. А дед Василий и бабка Таня в согласии прожили оставшуюся жизнь.

В ДЕРЕВНЕ

Вот струится лентой тонкой
Дым смолистый от костра...
Слышу голос мамин звонкий:
— Дочка, ужинать пора.

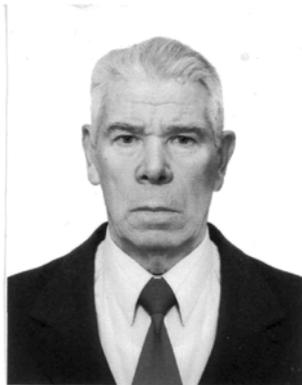
Стоя в речке по колено,
Рыбу ловит ребятня.
На лугу сгребают сено,
Спит собака у плетня.

Ставит мать на стол окрошку
И душистый каравай.
Под скамьей скребется кошка:
Угощение подавай.

В жизни этой немудреной
Доброта и красота...
Васильков венок сплетенный,
Помню, бросила с моста.

Унесло венок волною
Вдаль от милого двора.
Но звучит во мне родное:
— Дочка, ужинать пора.

АНАТОЛИЙ НОВИКОВ

Новиков Анатолий Дмитриевич родился в 1931 году в деревне Михино Дубенского района Тульской области, член Новосибирского литературного объединения «Молодость» и литературного объединения «Пегас» при Тульском областном отделении Союза писателей России. Закончил машиностроительный факультет Тульского механического института в 1962 году. Автор поэтических сборников «Печаль», «Любовь моя Россия — Русь» и «Память сердца».

РУКИ МАТЕРИ

Их время сильно изменило
И красоты былой лишило —
И нежная когда-то кожа
Теперь с листом увядшим схожа.

И пальцы непослушны стали
Они, наверно, так устали!
А, было время, руки эти
Умели делать все на свете —

Стирать и шить, вязать узоры
И все легко, красиво, споро.
А как детей они ласкали! —
Забудешь ласки те едва ли...

О, женщин руки золотые,
На вид вы хрупкие такие,
Но сколько силы в вас и ласки,
Вы чудо из далекой сказки!

ЖЕНЩИНЕ

О женщина, прими земной поклон
Как знак любви и уваженья.
Кто не был красотой твоей сражен,
Тот лишь достоин сожаленья.

Поклон за все, что миру ты дала,
Согрев его своим дыханьем,
За то, что ты Великих родила,
За все, за все твои страданья.

Так будь счастливой, горяшка не знай
И Богом, коль он есть, хранимой.
Пусть для тебя при жизни будет рай,
Вполне реальный, осязаемый.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой, песня, песня русская!
Ну как тебя не петь
Веселую и грустную,
Раздольную, как степь?
С тобою дело спорится,
И на душе светло,
Растают в сердце горести
И мелочное зло.
Нет праздника без пения,
Как счастья без любви.
И ты как исцеление
Для страждущей души.
Ты расплескаешь душеньку,
Освободишь от мук.
Ты лучшая подруженька,

Ты — самый лучший друг.
Так лейся же, прекрасная,
С тобою легче жить.
В дни горькие, ненастные
Дай сердцу не остыть.

ОСЕННЯЯ БЛАГОДАТЬ

Осенний лес... Он — сказка дивная,
Что рассказала в детстве мать.
Спешу сюда в руках с корзиною —
Грибков в надежде подсобрать.
И не беда, что их не встречу я —
«Пустым» отсюда не уйду,
Не ляжет тяжесть мне на плечи,
Но впечатлений принесу.
...Стоят березки золотистые,
В рубинах весь калины куст,
И воздух ведь какой душистый!..
А под ногами легкий хруст.
Идешь неспешно, глаз любит,ся,
Он хочет все в себя вобрать.
И сердце радостно волнуется,
Как будто снова встретил мать.

ЕЛЕНА СЕРЕГИНА (г. Узловая)

Родилась 1-го мая 1963 года в г. Узловая Тульской области. В 1980 году окончила школу № 1. Имеет высшее образование, в настоящее время трудится на коммунальной службе. Ведет активный образ жизни. Стихи пишет с 1999 года, рассказы с 2006 года. Печаталась в газетах «Металлист», «Знамя», литературно-музыкальном альманахе НЛЮ. Является членом литературного объединения городов Узловая и Новомосковск. Была участницей областного семинара, проводимого в 2003 году в канун 130-летия г. Узловая.

АЛЛЕЯ

Шквалистый ветер сбивал с ног. Дождь бил по лицу. «Тебе только на расчет», — стучало в Лизиной голове. Она дала волю слезам, которые душили ее весь рабочий день. Она шла потерянной походкой, кусала в кровь губы, рыдала. Теперь можно — не видят, а что машины снуют по окружной трассе, так их много — это все равно что никого. Сколько времени это длится? Не важно. Только не стоять. Лиза подставляла свое тело разбушевавшейся стихии. «Боль, хочу боли. Хоть бы напал кто-нибудь,

ударил кулаком со всего размаха, чтоб разлетелась на мелкие кусочки, только бы избавил от крепко схватившей за сердце обиды», — молила Лиза.

Отчаявшаяся женщина судорожно искала в своем воспаленном мозге причину полосы неудач. Беда, как известно, одна не приходит. Попытки анализировать — срывались. Ум работать отказывался — забивали эмоции. Накопилось... На службе давно царил напряженная обстановка. Лиза это чувствовала и готовилась к серьезному разговору. Она мысленно составляла план действий, старалась учесть все «за» и все «против». Лиза по натуре своей была рассудительная, в меру мягкая. Умела найти общий язык с людьми. Эти качества она умело применяла в жизни, но с некоторых пор стала замечать, что топчется на месте. Личная жизнь не сложилась, хотя обижаться на судьбу Лиза не могла. Были времена, когда она была очень счастлива, а теперешнее одиночество плохой спутник. Частые огорчения толкали ее на размышление. Она раскладывала ситуации по полочкам, успокаивалась и находила выход. С годами она превратилась в мудрую женщину, но утратила былую веселость, открытость. Возможно, это и мешало. Лиза в виде компенсации старалась добиться успеха на работе. Как раз сегодня она собралась подойти к начальнику с предложением, но тот опередил ее. Николай Иванович вызвал Лизу в кабинет и объявил, что, несмотря на заслуги, ей придется рассчитаться. И это в тот самый момент, когда Лиза была беззащитна. Ком подкатил к горлу и не отпускал до конца рабочего дня. Проливной дождь на улице был очень кстати: слез не видно, да и людей мало.

Вдруг рядом завизжали тормоза легкой машины. Веером обдало грязной вонючей жижей до самых колен ноги молодой женщины в белых сапожках и белой модельной юбке. Лиза, не останавливаясь, продолжала самообичевание.

Михаил, так звали владельца джипа, с кислой физиономией возвращался с несостоявшегося свидания. «Что удивляться, — грустил он, — разрыв был неизбежен. Давно я заметил за Иринкой холодность, а последнее свидание несколько раз откладывала. Сегодня оделся с иголочки, при параде, а она мне: «Извини, Миша, давай останемся друзьями». Уехать бы, куда глаза глядят. Вот еще какая-то страдалица идет, такая отрешенная, видно ей еще хуже, чем мне».

Водитель выскочил из джипа, догнал горемычную путешественницу и раскрыл над ней свой черный зонтик.

— Девушка, вам плохо? Может вас подвезти куда-нибудь? — участливо спросил он.

— Пошел вон, идиот! — выругалась Лиза.

— Ну, хотя бы до аптеки. Таблетки примите: «антистресс» и от простуды. Вы же совсем промокли.

— Да катись ты со своей заботой, пугало! — рявкнула она на нарядного мужчину.

Изумленный водитель остолбенел: «Вроде приличная девушка, и такие слова. Черт, перестал нравиться женщинам, старею», — понуро отметил Михаил.

Лиза чуть не уткнулась носом в маленький магазинчик с сувенирами. Когда он здесь вырос, вдали от города? Впрочем, она давно нигде не бывала, все работа, работа. Ветер неожиданно стих. Витрина еще плакала. Промозглая осень вступала в свои права. С прилипшей одежды часто капало. Ноги сковало холодом. Женщина устала на желтое пятно за стеклом.

Люди советуют для улучшения настроения поставить в комнате что-то яркое, как солнышко, тогда и на душе будет тепло. Например, цветы, картину. Смотрю я на очерченное пространство и мне представляется, что огромное светило небрежно разбросало, просто усеяло, весь мир своими радужными бликами, которые можно потрогать руками и ощущать их, даже ходить по ним.

Если мысленно поставить себя в центре аллеи, расставить ноги на ширину плеч и по такому же подобию поднять руки вверх, немного выше уровня плеча, окажешься в

широком лиственном кольце. Главное достоинство кольца — его бесконечность. Это дает ощущение чего-то непреходящего, даже я бы сказала, вечной заботы природы о человеке, конкретно о тебе. Тревоги уходят на задний план. Они кажутся такими мелкими, по сравнению с той опекой, которую к тебе проявляют. Не смотря на расстояние влажность листьев, перетекает через твои конечности как по связующим капиллярчикам внутрь сердца. Оно наполняется до самых краев живительной водой и как через пороги устремляется обратно. Создается впечатление, что ты светишься изнутри. Омытое новым потоком сердце бьется ровно, сладко щемит, механизм работает четко. Кругом никого, только ты и солнечные лучики. Наступает полное слияние со светом, ощущение единения со всем окружением и ты чувствуешь своей кожей тепло. На душе умиротворение, разливающееся в каждую клеточку твоего тела. Образуется необычайная легкость. Хоть пари таким же листочком в воздушных струях.

Деревья склонили свои ветки дугами, их прозрачная тень на оранжевой асфальте, стволы навстречу друг другу, создают обруч для прочной хрупкой конструкции. Листочки тончайшей тканью образовали стенки. Солнышко своими блестящими иголочками сшивает материал в ажурный тоннель. Вот так нырнула сюда однажды и оцепенела. До чего же здесь хорошо, как у Христа за пазухой. С радостью так не хочется прощаться. Хочется идти вперед по этому греющему тоннелю до той ослепительной точки, где сходится весь круг аллеи.

Лиза очнулась от толчка в плечо. Оказалось, это тот же молодой человек. «Не такой уж он и противный, а даже наоборот», — сменила мнение девушка. От его лучистых глаз шло тепло, как от картины.

— Вы извините за настойчивость, мы с вами друзья по несчастью, у меня тоже неприятности. Разрешите сделать вам маленький подарок.

— Разрешаю.

Лиза с Михаилом ехала к дому. На ее коленях лежали белые розы. Это к свиданию.

ГЕРОЙ

Сентябрьское солнце клонило к закату. Ребятя весело бегала по скошенному полю, простиравшемуся на окраине крупного поселка, буквально в пятидесяти метрах от пятиэтажных домов, и улицу подстать назвали — Полевая. Колхозники подождли стожки. Вот раздолье для местных мальчишек. Они играли, представляя себя героями мультфильмов. Дым и огонь будоражил воображение детей. То им представлялся змей-Горыныч, размахивающий гигантскими крыльями, то невиданное доисторическое животное, метящее из своих огромных лап железные когти и горящие стрелы. Фантазиям не было предела. Смелчаки оборонялись «мечами»-палками. Гурьбой носились от одного «чудовища» и натыкались на другое, которые их настигали, хотели поймать, пока с визгом и криками, в конце концов, потерялись из вида. Только издалека был слышен шум и видно мерцание тлеющей соломы. Выжженная стерня действительно походила на место битвы или стихийного бедствия. Начинало быстро темнеть. Некоторые отцы не выдержали и пошли на розыск резвившихся чад.

Одна молодая мама наблюдала всю эту процедуру из окна своей квартиры на верхнем этаже. Обзор открывался восхитительный. Вся панорама как на ладони. Только уже не разберешь, где чей ребенок. После развода они остались с сыном вдвоем. Мальчуган — второклассник радовал ее отличной учебой в лице, своей неуемной энергией и веселым добрым характером. «Весь в меня», — не раз говорила Лариса. Но в положительных чертах были свои минусы. Одежда на нем просто «го-

рела». Макс, так его звали, обязательно надо быть в гуще событий, а это значит, что домой придет чернее ночи. Хоть целиком, не раздевая, сажай в стиральную машину и крути там пока не ототрется.

Максим, в свою очередь, очень гордился мамой. Считал ее самой красивой. Когда на уроках иностранного языка давали задание рассказать о семье, он так описывал ее внешность и достоинства, что всем хотелось с ней познакомиться поближе, особенно учителю. Дотошно расспрашивал, как правильно перевести глаза чайного цвета, лебединая шея, осиная талия, а не просто стройная, отзывчивый, понимающий человек. Преподаватель всегда удивлялся, как он любит маму, значит она действительно того стоит и тоже любит сына.

Лариса приготовила ужин, убралась и ждала. Тяжело все-таки без мужа растить маленького мужчину. Тут одной лаской не возьмешь. Нужно выработать дисциплину. Они договорились, что с прогулок он будет возвращаться в 21-00, не позднее. Надо, чтобы он точно выполнял это условие. Лара глянула на часы — сын на 15 минут опаздывал, и заволновалась. Ей очень не хотелось ссориться с Максимкой, наказывать, а придется. Сначала Лариса очень злилась: «Видит ведь, что за другими ребятами родители пришли, и знает, что поздно, все равно гоняет». Потом она вспомнила свое детство, как также разыгравшись не хотелось домой. Никто не расхотелся, пока предки не растащат, хотя прекрасно знали, что за это попадет. По телевизору шла кинокомедия, но мамаше было теперь не до развлечений. Будильник показывал 23—20. Лариса все-таки забеспокоилась. Терпение было на исходе. Еще чуть-чуть и она бросится на улицу за Максом. «Господи! — просила Лара, — сделай, чтобы он сам пришел домой, иначе все мое воспитание напрасно» она металась из угла в угол по комнате и приговаривала: «Господи, помоги мне. Господи, помоги мне». Тяжести на сердце нет, значит с ребенком все в порядке, — пыталась сама себя успокоить, — Ну только вернись, не знаю, что с тобой сделаю, — и снова, — Господи, помоги ...».

Как гром среди ясного неба раздался звонок в дверь. Лариса аж подпрыгнула. Наконец-то наступила развязка. Из-за переживаний она не успела придумать как себя вести. «Так. Главное — спокойствие. Как же разговор начать?» — перемешивались ее мысли. Звонок повторился. Лариса сделала три глубоких вдоха-выдоха и повернула замок.

Мама не сразу узнала сына. Это было зрелище. Отправляла гулять в ярко оранжевой футболке, белых новых кроссовках и серых спортивных штанах. Кого же она увидела на пороге. Максим был похож на негртенка. Он уверенно зашел в коридор и стал как вкопанный, понимая свою виновность. Лариса выдерживала паузу. Светло-русые волосы Макса были закопчены, кое-где застряла солома, в общем-то, они напоминали разбросанную копну. Лицо в саже, только белки сверкали, когда тот исподлобья иногда хлопал глазами. Подошва на кроссовках оплавилась. Все, что было светлым, стало темным. С одежды медленно слетал пепел. Комната наполнилась запахом гари. Обстановка накалилась до предела. Макс в очередной раз взглянул в строгое лицо матери, шмыгнул носом и рискнул:

— Мама, знаешь, где я долго был?

— Где?

— Я Дубовку спасал от пожара.

— Удачно?

— Все затушили.

Ларису от серьезного ответа разобрал смех, и губы ее задергались. Разразился дружный хохот. Они тряслись, изгибались от смеха. Все были довольны. Мама тем, что ситуация разрешилась без конфликта. Максим, как ловко обхитрил. У всех словно ком с души свалился. Лариса обняла за плечи сынулю: «Ну ладно, герой, марш сначала в ванную, а затем на кухню».

ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ

Заслуженный врач России, более тридцати лет проработавший в Тульской областной больнице. Автор нескольких книг стихотворений и прозы: «Мне по душе невиданный простор», «Сосновый бор», «Акулина», «Страна Солотча», «Аргонавты». Печатался в сборниках «Литературная тусовка», «Великий Май», «Свет Любви», «Отчий край», «Здравствуй, Тула», «Приокские зори». Член Союза писателей России.

МИГ

Конечно, думал я порою:
«В чем жизни смысл и как прожить?»
И мучился всегда, не скрою:
«Так что же в жизни мне любить?»

Как по накатанному ехать,
Другого вовсе бы не знать,
Казалось, вот она — утеха,
Казалось, это — благодать.

И вовсе это не упрямство,
Когда звучит не в такт мой стих.
Долой и к черту постоянство!
Мы любим жизнь за светлый миг!

За миг любви, за миг удачи,
За озаренья яркий миг.
Пусть будет так, а не иначе,
И эту мудрость я постиг,

Когда (и это — наслажденье)
Душа поет, и в тот же миг
Волной нахлынет вдохновенье,
И вдруг родится новый стих!

ТРОПИНКА ЛЕСНАЯ

От шума вдали городского
В обитель природы иду,—
Уходишь от чада мирского,
С которым всегда не в ладу.

Погрызть мне в привычку травинку,
В волнистой траве полежать.
Люблю я бродить по тропинкам
И тут же стихи сочинять.

Что б мне ни сказали, я знаю,
Гонимый душевной тоской.—
Мне ближе тропинка лесная.
Чем серый асфальт городской.

НЕ КАЖДЫЙ СМОЖЕТ ЖИТЬ В ДЕРЕВНЕ

Не каждый сможет жить в деревне,
Где друг у друга на виду.
Где свято чтут обычай древний —
Всем миром отвести беду.

Где все наивно изначально,
Но ни слукавить, ни соврать.
Где все простое — гениально,
Где юмора не занимать.

Где души вроде нараспашку,
Но в голове «один в уме».
Где отдадут свою рубашку,
Где нужно,— могут все суметь.

Где каждый день всегда с природой.
В обычай — ягоды, грибы.
Рыбалка, сев, косьба — не мода —
Для жизни нужные труды.

В деревне все друг друга знают
И соблюдают нужный пост.
Деревня наша вымирает,—
Останется один погост.

ОХОТА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Борис Голев

ВАЛЬДШНЕП В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

(Вчера, сегодня, завтра)

Охота для большинства российских охотников неразрывно связана с Тулой. Долгие годы отечественный рынок охотничьего оружия держался на «тулках» — курковых ружьях модели Б. В послереволюционные годы в руки охотников попали дорогие ружья английских и бельгийских фирм, принадлежавших прежде состоятельным владельцам. В послевоенное время из Германии было завезено значительное количество немецких ружей, довоенных и репарационных: зауэры, зимсоны, меркели и другие. Пожалуй, это было время, когда многие охотники приобрели вкус к хорошему оружию. И не только охотники, но и отечественные оружейные заводы. Появились бескурковки, которые пользуются спросом и в настоящее время, выпускаются все новые и новые модели вертикалок и полуавтоматов. Не знаю, как в Ижевске, но в самой Туле охота всегда была очень популярна, в Туле редко встретишь дом, в котором не было бы ружья. Охотой увлекаются многие, хотя изобилием дичи область не страдает. Высокая плотность населения, широкая сеть дорог, крупные металлообрабатывающие, химические, энергетические предприятия отнюдь не способствуют сохранению природной среды.

Лесистость области в среднем составляет 14 %, немного водохранилищ, озер природного происхождения, болота и луговые угодья занимают весьма незначительную площадь. Основу лесных ресурсов области составляют Тульские Засаки — преимущественно дубравный массив, благоприятный по кормовому составу для лося, кабана, косули. Характер охот определяется нахождением области на стыке двух природных зон — лесной на севере области, и лесостепной.

Всегда были популярны охоты с гончими, многие из нынешних охотников еще помнят, как на областную выставку выводили волкогонную стаю русских пегих гончих областного общества охотников. Да и Великий Князь Николай Николаевич Романов с 1876 до 1917 года держал комплексную псовую охоту в с. Першино Тульской губернии.

Кровь этих собак сохранилась и поныне. Держали и легавых собак, большей частью английских сеттеров и курцхааров. Приехав с пойнтером на охоту в Арсеньевский район, у местных узнаю — многие охоты Тургенева, описанные в знаменитой книге, проходили здесь, в пойме реки Иста, чай я пил у знаменитого родника «Малиновая вода». В разные годы охоту по тетереву часто закрывали, под запретом была и

серая куропатка. Из-за незначительного количества болотных и луговых угодий мало охотились на дупеля и бекаса. Для легашатников оставался вальдшнеп, которого очень любили. Были даже такие, которые охотились только на вальдшнепа. Для основной массы охотников, которые не столь уж часто выезжают на охоту, вальдшнепиная тяга была и остается самой популярной и самой доступной. Благо полоса сохранившихся лесов, Тульские Засеки, тянется с юго-запада на северо-восток от Калужской, доходит почти до Рязанской и проходит через саму Тулу. В недавние времена можно было прямо с работы, захватив дома ружье, отправиться на тягу на трамвае в Щегловскую засеку или на другом трамвае доехать до Косой Горы и уйти в Яснополянскую засеку и после тяги к полуночи вернуться домой на том же трамвае. В самые интересные места добирались по узкоколейной дороге, по Лихвинке. Договаривались с машинистом, чтобы он притормозил в нужном месте. На время десяти дней весенней охоты часто вводился дополнительный рейс для охотников, чтобы забрать их после тяги. Достаточно было посигналить фонариком и состав останавливался. Ближе к Туле вагончики заполнялись, с разных концов звучало:

— Стоял у пня, где всегда. А они летят коридором над оврагом. Перешел туда, а они полетели у пня.

— А я стрелял по трем. Одно взял, а по двум обнесло.— Хохот.— Обнесло! Это смеркой-то обнесло! Это ты себя перед тягой не обнес. Лучше бы после тяги.

— А я завтра обязательно поеду. Сбил одного. Искал, искал, не нашел. Завтра найду, если лиса не сожрет.

— А я вчера стоял на Крестах, не летит, и все. Ветер какой-то холодный, жесткий. И у других тишина. Дай, думаю, разыграю их. Нашел в патронташе старые патроны, что с прошлого сезона остались. Стрельнул. Пробежался по поляне. Крикнул — есть! Через некоторое время еще стрельнул. Опять кричу — есть! Потом сдуллетил. Слышу, ко мне подбираются сразу с разных сторон. Думают, что тут самый лет. Вот тут-то я и посмеялся.

Напротив меня старый охотник тяжело вздыхает.

— Взял одного. Я теперь далеко не хожу. Стою в мелочах перед оврагом. А двух упустил. Налетали со спины, а ты знаешь, слышу я плохо. Поздно увидел, даже и не стрелял. Ну да на мой век хватит. Сколько их было. Они меня на том свете своими клювами задолбают.

Так было, но времена меняются. Закрыли движение по Лихвинской узкоколейке, а потом и вовсе разобрали пути. Рельсы порезали и увезли, шпалы вырвали, даже ходить по насыпи стало трудно. А часть рельсов на узкоколейке была еще с девятнадцатого века, с клеймами Российского металлургического завода, с клеймами Круппа, 1896 — 1899 годов. Служила людям дорога. Дубенский металлургический завод вывозил по ней свою продукцию, деревенские женщины возили в Тулу молоко, а уж для грибников, ягольников, охотников — это был основной транспорт.

Места вальдшнепиных тяг все дальше отступали от Тулы. Охранная зеленая зона вокруг города расширялась все дальше, пригородные земли поглотили дачи, все больше лесных угодий закрывали для проведения элитных охот на копытных.

Но по-прежнему, начиная с первых капелей, с весеннего позванивания синиц, с первых огоньков цветущей мать и мачехи, в коридорах и курилках на работе, при случайных встречах на улице можно услышать: — Откроют? — Не откроют? — Опять опоздают с открытием! — Куда поедем, на чем поедем? И потом десять дней безумия и счастья.

Опять услышать вскрик дрозда и песню зябки, Ручьев в овраге шум и трели жаворонка, От всех забот укрыться без оглядки У родников святых в верховьях Воронки.

Убегая правдами и неправдами пораньше с работы, толкая машины по раскисшим дорогам, торопливо вышагивая по залитому водой лесу, перебираясь по бревнышкам

через бушующие талой водой овраги, спешат к заветной поляне, которая еще вчера была под снегом, сегодня освободилась и сквозь прошлогодние листья черемша уже выметала стрелки, а еще через день-другой засинела и заалела цветами медуница. И птицы, птицы. Их с каждым днем больше и больше. Трезвонят и свищут синицы, Ярят-ся и квохчут дрозды, Вернулись на родину птицы Домой после долгой зимы.

Надвигаются сумерки, птицы стихают, где-то далеко бухнул выстрел, потом еще. Стынет воздух, тише бормочет ручей в овраге, только в палой листве шуршит мышь. И вдруг свист, хрип, приближающееся циканье и хорканье заставляют стиснуть ружье, не поворачиваясь, угадать, откуда налетает вальдшнеп.

Ружье у плеча, толчок, грохот выстрела, падение птицы наотлет и, бегом, не потерять ценный трофей.

Не количеством добытых вальдшнепов определяется эта охота.

Но все же без вальдшнепов весна, этот праздник жизни, не была бы так ярка и памятна. А вальдшнепов что-то стало маловато. В былые годы чуть не в каждый из десяти дней охоты на тяге приходилось стрелять по трем-четырем, да еще несколько стороной пройдут. Бывали вечера, когда на выстрел налетало более десятка. Я спрашивал у старых охотников, сколько вальдшнепов брали за тягу максимально? Стендовик, мастер спорта, Вадим Михайлович Дружинин говорил — одиннадцать-двенадцать штук, Жиляев — до восемнадцати штук. На фотографии Дружинина, где он вместе с Жиляевым у костра, как они называли «на заварке», после дня охоты на высыпках, на костровой перекладине можно было насчитать пятьдесят вальдшнепов. Но это были выдающиеся стрелки, да и курцхаар Рой был незаурядный вальдшнепятик. Называю эти цифры не для того, чтобы молодые охотники стремились превзойти эти результаты. Называю эти цифры, чтобы представили, сколько было вальдшнепа. А ныне со своим курцхааром за день охоты нахожу двух-трех, в нынешнюю осень 7 октября одного взял, одного промазал. 20 октября двух подняли. Больше не было.

Дважды приезжал я на заседание клуба «Вальдшнеп» и от докладчиков слышал: — Вальдшнеп изменил маршруты весеннего и осеннего перелетов. Летит на зимовку по нашим северным, северо-западным областям во Францию, Италию, Испанию.

Я же полагаю, снижение численности вальдшнепа, летящего через Тульскую область, можно объяснить двумя факторами: неблагоприятное состояние популяции вальдшнепа, зимующего на Кавказе, в Турции и Иране, где в это время их бьют сотнями те же французы и итальянцы и засушливые предыдущие годы, когда неведомо по каким признакам вальдшнеп знает, что кормиться ему здесь будет нечем и летит другими маршрутами. Как говорили докладчики там же, на заседании клуба «Вальдшнеп», к сожалению, у них мало учетных данных по Тульской области. Я понимаю, учитывать вальдшнепа во Франции и Испании намного интереснее. Чтобы как-то восполнить пробел данных по численности вальдшнепа в Тульской области, привожу данные своих наблюдений в 2005 году.

Неустойчивая погода начала апреля спутала сроки открытия весенней охоты. Не решилось охотуправление, как сначала планировали, открыть охоту 9 апреля. Открыли с 15 апреля. В этот день в Засеке (в 15-ти километрах к западу от Ясной Поляны) взял двух, еще двух слышал. Примерно такая же картина была у других охотников. Но за три дня до этого, 12 апреля, в тех же местах, но еще без ружья, наблюдал великолепную тягу, может быть, лучшую в своей жизни. В пределах выстрела пролетели 19 вальдшнепов, из них 12 ближе к темноте прошли почти над головой.

В этот вечер летели поодиночке, парами, тройками в пересвист. В один момент три пересекли свои маршруты прямо над моей головой. Видел посад на землю к самочкам. Безусловно, были и повторные налеты, но в большинстве это были разные

вальдшнепы. Следует отметить, что без стрельбы в этот день, без фактора беспокойства, тяга была интенсивнее и продолжительнее.

Ну а после 15-го апреля, когда была открыта охота, вальдшнепа было немного, с каждым днем все меньше и меньше. 19-го апреля взял одного, неподалеку от меня товарищ тоже одного. 23-го апреля одного только слышал. 24-го апреля на закрытие на прекрасной вырубке не видел и не слышал ни одного. Все дни ездил с коллективом охотников ЦКИБа, общая картина та же. Ездил до тридцати охотников, первые дни тяги на машину 5—8 вальдшнепов за зорю, к концу тяги почти ничего. Всего за десять дней 30 вальдшнепов на машину, 5—6 лет назад взяли рекордное количество — 88 вальдшнепов на машину.

Подтвердилась картина многолетних наблюдений — волна весеннего пролета вальдшнепа проходит у нас в течение двух-трех дней следом за фронтом тающего снега. Вот почему я за раннее открытие тяги. В течение десяти дней, начиная от появления первых вальдшнепов, почти всегда есть возможность попасть на пик тяги. Хочешь пить водку в тепле, пережди первые дни дома. А фанатики пусть лезут через напитанные талым снегом леса, заливают сапоги, переходя через овраги и малые речки, но они увидят самый пик тяги. А свою чарку они выпьют на закрытие охоты вместе со всеми на поляне среди цветущей медуницы.

Моральную сторону весенней охоты давайте оставим на совести самих охотников. Однажды со старым охотником, в прошлом стендовиком, стояли на тяге неподалеку. Слышу, летит на него вальдшнеп. Стреляет. Слышу удаляющееся хорканье. Другой на него летит. Стреляет. Слышу удаляющееся хорканье. Так повторилось несколько раз. Думаю, что-то не то, знаю, как он стреляет. Потихоньку подошел сзади. Слышу — летит, вижу летит прямо на него. Он поднимает ружье и стреляет в сторону. Вот и разгадки. Вот и ответ на моральный вопрос — быть весенней охоте или нет.

АВГУСТОВСКИЕ ЗОРИ

Каждый год в начале августа или уже в июле вслед за безмятежной вереницей летних бездумных дней задует вдруг резкий холодный ветер, закружат по мостовым еще зеленые, но уже мертвые шуршащие листья.

Все вокруг начинает меняться и приобретать новые оттенки. Незаметные все лето рябины осветились оранжево-красными гроздьями медово-горьких ягод. В лугах созрели и пожухли травы, в садах и палисадниках подняли лохматые головы георгины, вытянулись и расцвелись мальвы, засияли золотые шары. Наливаются яблоки и, созрев, глухо стучаются о землю. Тяжелеет в земле картофель, туго свивает кочаны капуста.

С грустью провожает человек уход лета, но грусть эта легка, потому что она обильна щедротами осени. Потек в кузова автомашин золотой поток зерна, впрок заготавливают овощи и фрукты, грибы и ягоды. И с каким нетерпением ждут августовских зорь охотники, ждут открытия летней охоты на пернатую дичь, когда, уже предвзяв восход солнца, забухают по озерам хлопки выстрелов, сорвутся и замечутся в высоте утиные стаи. Немного возьмет от природы охотник, но разве одной добычей определяется охота.

Тульская земля, такая прекрасная Окскими плесами, прозрачностью березовых рощ, величавой крепостью дубрав, не слишком богата пернатой дичью. Расположенная на границе лесной и лесостепной зон, на водоразделе рек — Оки и Дона, текущих в высоких берегах — луговых угодий немного, озер и болот и того меньше. Большинство охотников удовлетворяется одним-двумя выездами на утиную охоту и ждет

осенне-зимних охот — по зайцу, лисе и копытным. Ну а самые-самые устремляются в соседние области и дальние северные края. В разговорах у охотничьего костра или за праздничным столом слышатся названия озер Карелии, Вологодской, Архангельской областей.

Как бывает, в первый раз кто-то рассказал, кто-то заманил. Поговорили, решили — на открытие осенней охоты едем в Рязанскую. По рассказам, в тех местах правобережная пойма Оки тянется на многие километры. Большие и малые озера, старицы, болотца и, главное, в те места мало кто добирается. Путевки можно выписать на месте.

* * *

В машине пятеро. Команда сложилась давно. За рулем Александр

Васильевич, самый старший. Раньше охотился, с годами ружье оставил, почему, кто знает. У него своя страсть — рыбалка. О его охотничьем прошлом говорят многочисленные трофеи в его квартире — лосиные рога, кабаньи клыки, охотничьи ножи с рукояткой из косульей ножки, полукресло с ножками из лосиных копыт и спинкой из лосиных рогов. Много птичьих чучел, сделанных своими руками — токующий глухарь, связка вальдшнепов на резном медальоне, кряковой селезень в весеннем наряде, турухтаны в бойцовских позах. Его умение делать чучела и познакомило с ним друзей. Знакомство переросло в совместные поездки в лес, на охоту, на рыбалку, за грибами. В компании Александр Васильевич незаменим, у него хорошее качество — он любит кашеварить и делает это искусно. И еще — с ним в любой компании легко. Любые конфликты сгладит.

Алексей с Володей давно в связке. Володя — сибиряк, значит охотник. Как переехал работать в Тулу, они с Алексеем нашли друг друга. Работают вместе, вместе на охоту ездят. Четвертый в машине — Юра. Спортсмен, балагур, без компании он не может. Работает вместе с Алексеем и Володей.

Пятый — Олег. С Алексеем они — давние друзья. В одном дворе росли, в одну школу ходили. Алешу, пока он подрастал, летом на каникулы отправляли к деду в деревню, целыми днями он пропадал на речке с удочками. Отсюда и зародилась навсегда тяга к природе. Как получилось, что когда он стал взрослым, рыбалку забросил и увлекся охотой? Началось с того, что в вагончике узкоколейной дороги, как ее называли — Лихвинки, он познакомился со старым охотником и интересным собеседником. Напросился на охоту с ним, с этого и пошло. Дмитрий Михайлович показал свои заповедные уголки Засеки. Приучил к отдыху у лесных родничков, где за чаем звучали бесконечные рассказы об охотах, охотах в разных местах, с разными людьми, всякие необычные и смешные случаи. Потом Алексей и Олега в охоту втянул, хотя времени на охоту у того остается немного, кандидатскую защитил, друзья надеются в скором времени поздравить с докторской. Олег обязательно ездит на открытие охоты — на вальдшнепиную тягу, на утиную охоту, на зайцев. Ружье ему сделали хорошее, курковку на заказ, он им очень гордится.

Проехали Михайлов, Рязань, за Шилово повернули на грунтовую дорогу. Дорога привела в старинное село Ерахтур. Ни Оки, ни озер, ни лугов не было. Сразу за селом начинался сосновый бор. Ничего, что обещало бы утиную охоту.

Егеря нашли быстро. Юра, постоянный представитель по установлению связей с охотнадзором и местным населением, уже выходил из дома вместе с егерем. Познакомились, обменялись новостями. Николай, как представился егерь, рассказал, как добираться в луга, где лучше зорьку постоять.

— Советую стоянку устроить ближе к Оке, на берегу затона, там каждый год ставят стога сена, увидите, семь больших стогов стоят. Скоро на дойку наши женщины

поедут на бортовой машине, с ними и доберетесь в луга. А свою машину лучше у меня оставьте, дожди обещают, вам тогда не выбраться.

— Николай, нам бы ведерко картошки. Остальное у нас есть, ты к нам заезжай вечером, посидим у костра.

— Постараюсь. Юра, пойдем со мной, наберешь в погребе. Только картошка прошлогодняя, новую еще не копали.

Алексей с Володей переглянулись. Без слов поняли друг друга.

Куда бы не приезжали на охоту в августе, деревенские молодую картошку копать не хотят. Говорят — не копали еще. Примета что ли какая есть.

Забрали из машины ружья, рюкзаки и пошли к концу села, где виднелась ферма. У видавшего виды газона собрались доярки, они с интересом поглядывали на подходивших охотников. Высокая жилистая женщина, вокруг которой собрались доярки, озорно играя глазами, со смехом обратилась к охотникам:

— Девки, глядите, москвичи к нам приехали, утей наших стрелять будут.

Другая, постарше, невысокая плотно сбитая женщина, сердито заявила:

— Хорошо мужикам. Взял ружье, и целый день свободен.

Молодка, из которой так и выпирало ее женское естество, хохотнула

— Нет, они приехали к нам породу улучшать, а то что-то наши бабы рожать перестали. Нашим-то мужикам некогда, они все в бутылку смотрят.

— Куда им породу улучшать,— не унималась первая.— Они городские, заморенные. Бледненькие какие-то.

Охотники улыбаются, не сразу находя, как отбиваться от языкастых женщин.

— Вообще-то мы туляки, соседи ваши.

— А почему без самовара? Мы чай с баранками любим пить.

— Со своим самоваром в гости не ездят. Ну, что, пассажиров возьмете? В луга с вами доберемся.

— Отчего не взять? Только пассажиров нам не надо. Вон фляги молочные стоят. Грузите, и поедем.

Загрузили бидоны, помогли женщинам забраться. Сами устроились сзади.

Открытая бортовая машина мчит через бор, ее мотает на разбитой песчаной дороге, встряхивает на корневищах сосен. Умолкли шуточки доярок по поводу охоты и охотников, все ухватились за лавки, чтобы не улететь за борт на крутых ухабах. Когда встряхивает посильнее, молодка постоянно вскрикивает — Во бля,.. Во бля... Охотники прячут улыбки.

Но даже в этой тряске ощущалось спокойное величие этого бора, его настоявшийся за лето хвойный дух, его дремотный покой, погруженный в августовский зной.

— Грибы есть? — спрашивают у доярок охотники.

— Какие грибы! Жара уже месяц стоит. Дождя бы!

Бор кончился, машина вырывается на луговой простор. Трава скошена и луга широко распахнуты. Луга до самого горизонта. И стога, стога. Ивняком обозначены озера, большие и малые. У загона для скота доярки спрыгивают с машины, шофер везет до места.

Охотники стоя сгрудились у кабины и пытаются запомнить расположение озер, интересные для охоты места.

— Смотрите, мужики, вон утки на воде качаются.

— А вон то большое озеро, о котором егерь говорил.

Ветер холодит лица, охотники уже во власти этого простора, во власти хмельной свободы охотничьей жизни. Пусть всего на несколько дней, пусть всего только на одну охотничью зорю.

Наконец машина останавливается. Неширокая луговина с одной стороны ограни-

чивалась окским затоном с прогретой стоячей водой. По берегам огромные ветлы, к воде спускаются кусты ивняка, перевитые поспевающей ежевикой. Замыкают луговину семь огромных стогов, делаю луговину защищенной и уютной. За затоном угадывается Ока.

Скоро ночь, сделаны необходимые приготовления — нарублены дрова, благо по берегу затопа много сухих лозин, поставлена палатка. Уже пылают костер, на ужин — домашние заготовки.

Звездная ночь накрывает луговину. Отсветы костра на ветлах, на стогах, на лицах расположившихся вокруг костра охотников. И разговоры, разговоры.

— А помнишь, в прошлом году на открытие охоты погнала нас нелегкая на Жижицкие озера? Места благодатные, но... В районном охотобществе путевки не дают, охотовед уперся,— Сначала местных обеспечим, потом вас. А на открытие вокруг выстрела не было. Правда, рыбы там поели. А как путевки выписали, тут уж и домой надо было ехать.

— Вечно тащит нас в новые места, всю жизнь ищем край непуганых птиц. Добираемся к черту на кулички, а там нет ничего. В лучшем случае, разведаем места, пора уже уезжать.

— Все равно эти поездки в памяти остаются. Один год забрались в дальний район Вологодской области, в верховья реки Унжи. Таежный лес, озер и болот нет, утки нет, охота только по боровой птице. Рябчик был, тетерева почему-то мало. Алексею только с дупелями один раз крупно повезло. Занятно было, Алексей, расскажи:

— Мы на маленькой речке стояли, а рыбки хочется. На Кунож пошли. Елец брал, крупный. У меня черви кончились. Пойду, думаю, на лугу под старыми стогами накопаю. С луговины поднимается дупель, делаю несколько шагов, второй. Володя кричу, ты лови, а я с ружьем пройду, тут дупеля есть. Вернулся за ружьем, пошел лугом. Нет дупелей. Из низинки торчит из травы какая-то коряга. Смотрю, коряга повернулась. Что за черт, не может коряга поворачиваться. Вгляделся, а это глухарь головой вертит. Как была в стволах девятка на дупелей, так и грохнул. Хлопанье крыльев, в траве глухарь бьется. Тут же рядом второй поднимается, и его девяткой. Иду к реке, где вещи оставляли. Володя на перекате ельцов таскает. Кричит: — Нашел дупелей? — Нашел,— кричу,— двух. И потом, сколько ни ходил по лугу, ни один дупель так и не поднялся.

Володя вспоминает охоты под Новосибирском, где он жил и работал после окончания института.

— Охотились на Обском водохранилище. Водохранилище огромное, на многие километры тянется. На базе лодку можно было взять, некоторые даже ночевали в лодке, чтобы зорю не проспать. Охоту открывали в субботу, но по неписаному закону можно было в пятницу стукнуть одну утку, на котел, ни один егерь не придерется.

Разговоры утихают, костер догорает, пространство вокруг охотников сжимается, ярче мерцают звезды над головой, четче обозначается Млечный Путь — небесная дорога из никуда в никуда.

Алексей поднимает кружку:

— По последней, за открытие охоты, за завтрашнюю зорю. И спать. Вставать рано.

* * *

И как будто не было этой ночи.

— Вставайте, охотнички,— слышится голос Алексея.

А как тут вставать, если заснули где-то часа три назад. В палатке еще темно, и так не хочется вылезать из спального мешка. Слышится возня, кряхтение, поиски одежды, потом уже более собранное шелканье собираемых ружей. Только Александр

Васильевич может себе позволить подольше поспать, пока окончательно не рассветет. Рыба подождет.

Полог палатки откинут, охотники натягивают сапоги и по одному выбираются. В предрассветном сумраке и накрывшем луга тумане трудно определить, что-где. Сквозь туман застывшими глыбами проглядывают стога сена. За ними белая стена. Куда идти?

Юра уходит по берегу затона, едва обозначившегося росшими по берегу ветлами. Еще вчера, когда подъезжали, Юра видел, затон заканчивается заросшим кувшинками озером с небольшими зеркальцами открытой воды. Туда и направился.

Олег пошел берегом затона в другую сторону. За туманом ничего не видно, берег затона высокий, трава скошена и идти легко, только вниз, у воды, сплошные заросли ивняка. Олег решил дожидаться рассвета здесь. Он спустился к воде и устроился на поваленном дереве. Старые ветлы наклонились над затоном, опустили свои ветви в воду. Казалось, в этот час все еще спит вокруг. Деревья, заросли ивняка, перевитые ежевикой, высокой травостой — все было покрыто мельчайшими капельками росы. От воды шел пар, выше — сплошное молоко тумана. Но и в этот предрассветный час тишины не было. В камышах булькало, шуршало, слышалась какая-то возня, временами раздавались всплески. Мир вокруг жил. У береговой кромки временами брызгами разлетались мальки, следом горбатил воду окунь. Электрической искрой в прибрежных кустах промелькнула птица и замерла над водой на наклонной ветке. Зимородок. Небольшая птичка, как будто из другого мира. Головка и крылья изумрудно-голубые, грудка оранжевая и непропорционально большой острый клюв. Зимородок как бы одним глазом наблюдал за Олегом, нет ли с той стороны опасности. Мгновение, и птица стремглав бросилась в воду и тут же взмыла, держа в клюве блестящую рыбку. Рыбку унесла, но через некоторое время снова появилась на своем месте. Туман поднимался, уже были видны кусты на противоположном берегу затона. На воде стрелкой расходились волны от деловито плывущей ондатры. Она исчезла в прибрежных камышах, чем-то хрумкала, потом поплыла обратно, держа в зубах какой-то стебель.

Уже слышались хлопки отдаленных выстрелов. Олег будто очнулся, вспомнил, зачем он здесь. Идти на поиски озер было поздно, он поднялся по откосу и замер у ивового куста. Туман все поднимался, редел. Утро разгоралось, солнце пробивалось через прибрежные куста и наконец выкатилось на простор. На траве, на кустах, на листьях деревьев сияли капельки росы. Из-за реки, с той стороны Оки, загремели частые выстрелы. Их было больше и больше. Видимо, подъехала запоздалая компания охотников и теперь они наверстывали упущенное.

С той стороны Оки на Олега налетела стайка чирков. Он даже ружье не успел поднять. Следом еще тройка, уже крякаши. Два выстрела впустую. Обзавидел. Пока перезаряжал, налетела еще пара. И опять промазал. Утки летели с той стороны Оки стайка за стайкой, казалось, такие доступные. Но Олег мазал выстрел за выстрелом.

— Надо успокоиться,— Олег опустил ружье и следующих уток отпустил без выстрела. Когда налетела еще пара, заднюю взял чисто. И потом, уже спокойно, взял еще трех. Из-за реки продолжала слышаться пальба. Утки летели и летели, Олег не стрелял. Вспомнил слова Алексея: — Не жадничайте, много не бейте, погода жаркая, не доведем уток.

* * *

Алексей с Володей уходят вместе, что-то показывают друг другу руками и скоро растворяются в тумане. Они придерживаются следа привезшей их вчера машины, пытаются вспомнить расположение озер. Пространство вокруг накрыл туман, из тумана торчат верхушки стогов. Время уже поджимает. Первым сворачивает Володя и

скоро выходит к озеру. Поднимает голенища сапог, бредет к кустам, мыском вдающимся в озеро, отаптывается, обрезает ножом мешающие ветки. В верхний ствол — пятерку, в нижний — семерку. Теперь можно закурить. Над озером клоками плывет туман, другой берег видится смутно, из дичи пока только комары, пристраивающиеся на открытые руки, шею. Вспомнил Новосибирск, товарищей, с кем охотился. Первое время, как приехал в Тулу, совсем на охоту не ездил. Мест не знал, не с кем было. Хорошо, с Алексеем познакомили.

Первых уток Володя упустил. Налетели со спины, пока вертел головой, утки промчались.

Оказалось, встал неудачно. На него дважды в штык налетали утки, Володя поднимал ружье, но с той стороны гремели выстрелы, битые утки падали, остальные отворачивали. Кто-то стоял напротив. Перекрыли,— подумал Володя. — Теперь поздно место менять. Стреляли уже с разных сторон и напуганные утки летели все выше и выше. Володя тоже стрелял, неудачно. Утки шли высоко. Брал большое упреждение, стрелял крупной дробью. Неудачно. Зарядил *Hubertus*, семерку, патроны, подаренные другом-стендовиком. И сбил пару высоко летящих крякашей. Еще *Hubertus*, и опять утка бита. Опять *Hubertus* — утки биты. Вот что значит хороший патрон.

Становилось жарко и Володя, собрав уток, побрел к палатке. Вышел на Юру, тот, по грудь в воде, собирал битых.

Одни чирки,— крикнул в ответ. Ты подожди, вместе пойдем.

Расставшись с Володей, Алексей еще долго шел, пытался вспомнить, в какой стороне большое озеро, которое вчера видели с машины. Туман уже поднялся, луга раскрылись. И Алексей зашагал к широкой полосе кустарников. Скоро в разрыве кустов ему открылось озеро, широкий плес. Озеро уходило далеко вправо и влево. На противоположном берегу стояли шалаши, дымился костер, там же стоял трактор Беларусь. Наверное косцы, подумал Алексей, наверное, у них и лодка есть, надо будет потом зайти. Берегом он прошел еще немного, здесь озеро вдавалось в луга заливом, встал у кромки тростников. Небо светлело, по мере изменения освещения облака, как в калейдоскопе, представляли быстро меняющиеся картины. В небе разгоралось целое сражение. Перистые облака, подобные легкой кавалерии, развернутой в боевые порядки, стремительно уносились к горизонту и там сшибались с другими. Солнце наконец вырвалось на простор и мир засиял. В лугах стреляли, но выстрелов было немного. Даже на открытие охоты, даже в таких благодатных местах выстрелов было мало. Он пропустил тройку уток, налетевших прямо на него. Справа, низко над водой, налетала пара. Он напустил, стрелял сначала по задней, перегнал стволами переднюю и тоже вдарил. Одна сразу перевернулась брюшком вверх, другая поплыла к камышам. Щелкнули эжектора, загнал два патрона, второй выстрел уже не понадобился. Прямо на него налетела стайка чирков, одного он выбил. Больше лета не было. За утками надо было лезть. Алексей разделся и осторожно пошел, было не очень вязко, но водоросли резали. Обе кряквы были матерые, в голову пришла поговорка — берешь в руки, маешь вещь, чирка нашел не сразу, пришлось ползать. Когда возвращался к палатке, на оросительной канаве стукнул чирка. Потом канава расширилась до небольшого озера, с озера поднялся крякаш, прямо огромный какой-то. На взлете ударил, крякаш рухнул. Пришлось опять снимать штаны. Озерко небольшое, посредине нашел кучу перьев, но утки не было. Все вокруг излазил, ногой пытался дно прощупать, утки не было. Не жаль было потерянной утки, жалко, такая необычная она была. Алексей вспомнил, говорили, иногда дикие утки спариваются с домашними и получают вот такие уникальные экземпляры. Потерять такую утку было обидно. Становилось жарко, Алексей оделся и зашагал к лагерю.

* * *

К палатке вернулись все почти одновременно. Костер горел, в котле что-то булькало, Александр Васильевич раскладывал на полиэтиленовой пленке хлеб, помидоры, огурцы.

— Картошка сейчас будет готова. Идите, искупайтесь. Только отойдите подальше, здесь у меня удочки стоят.

Ружья в палатку, стянули сапоги, мокрую одежду и голым отрядом отправились к затону. От воды слышался гогот, плеск воды, ахи и охи. Наконец таким же голым отрядом вернулись к костру.

Разбирали ложки, миски, рылись в своих рюкзаках.

— А у меня к картошке укропчик!

— У меня петрушечка, вот баночка с разными специями.

— У меня селедка, жди, пока Александр Васильевич наловит.

После выпитого, после насыщения, за чаем шел неторопливый разговор.

— Не зря поехали. Утка есть. Места богатые. И охотников немного.

— А простор-то какой. Сейчас отдохнем, и пойдем побродим, с подхода постреляем, места разведем к вечерней зорьке.

Послышался рокот мотора.

— Наверняка, егеря едет. Я видел, у него во дворе Урал с коляской стоит,— догадался Юра.

Через некоторое время на поляну вкатил мотоцикл, за рулем сидел Николай с ружьем, перевешанным через шею.

— Молодцы, что здесь расположились, как я вам говорил. Никто не мешает. Как заря? Как поохотились?

— Сначала мы в тумане не сориентировались, мест не знаем, зорю отстояли кто где. Стреляли, но лет был слабый. Луга знатные, воды много, а охотников почти нет. Потому и лет слабый, утку пугать некому. Но все равно, стреляли, добыча есть, только как теперь этих уток сберечь. Сегодня, наверное, жарко будет.

— Не мне вас учить. Выпотрошите, выройте под берегом яму, уток укройте крапивой.

— Николай, давай с нами за знакомство, за открытие охоты!

— Нет, мужики, потом, может, к вечеру заеду. День будет жаркий, а мне по лугам надо поездить, посмотреть, кто здесь охотится. Москвичи еще приехали, но они от Касимова заезжали, за путевками одного присылали. А местных охотников немного. Им сейчас охотится некогда, самый сенокос.

Посидели, покурили, Николай поднялся:

— Я сейчас поеду, может, кто со мной хочет? Места посмотрите.

— Я с удовольствием,— Алексей засобирался.

Володя встал

— Я тоже поеду. Утром я неудачно встал. Мест не знаю, хочу посмотреть.

Юра обратился к Олегу:

— Олежек. Ну а мы с тобой уток обработаем, а потом закатимся на Оку. Август кончается, а я еще не накупался. У нас в Туле и искупаться— то негде. А тут Ока.

И я этим летом почти не купался, командировки замотали. Я, когда шел берегом затона, видел, недалеко протока прямо к Оке выходит.

* * *

Алексей с Володей пополнили расстрелянные утром патронташи.

— Девяточку давай возьмем, может, бекасов постреляем. Сапоги давай здесь оставим, в кедах поедим, потом высохнут.

Покатили втроем. Объезжали озера, перебирались по наведенным мостушкам через мелиоративные каналы. Николай пояснил:

— Задумали луга осушить. Хотели хлеб сеять. Луга осушили, а хлеб здесь не растет. Канавы потихоньку зарастают. Зато трава отменная. Луга поделены между близлежащими колхозами. Сена всем хватает. А зимой вывозят. Алексей обратился к Николаю:

— Давай заедем к лагерю, где косцы стоят, на той стороне озера. Я видел, у них там лодка привязана, хотел по озеру поплавать, а вечером на зорьке с лодки пострелять.

— Нет вопросов. У них там бригадир Ваня Мишин, сам охотник, живет километрах в двадцати отсюда, гончих держит.

Подъехали к шалашам, у трактора возился человек.

— Иван,— обратился к нему Николай,— скоро кончаете косить?

— Да уж кончили, женщин уже домой отправили. Завтра заберу барахло и сам уеду.

— Познакомься,— Николай слез с мотоцикла,— тут к нам туляки поохотиться приехали. Говорят, понравилось.

— Иван вытер ветошью руки, поздоровался.

— А мне вот с работой охотиться некогда. Сетка, правда, на озере стоит. На ушлицу хватает.

Николай посмотрел на озеро, кивнул в сторону лодки:

— Туляки хотели вечером с лодки поохотиться, можно взять?

— Пусть берут, сегодня она мне не понадобится.

— Слушай, ты скажи своим ребятам, пусть перегонят к вечеру лодку на ту сторону, а то им далеко озеро обходить, они у затона затаборились.

— Ладно, лодка напротив будет стоять. Пусть там же и оставят после охоты, я ее сам потом заберу.

И пошел разговор за охоту.

— Вы приезжайте к нам зимой. Ко мне приезжайте. У меня гончак. Выжлец, правда, немолодой, менять надо, но пока еще гоняет. Русака немного, а беляк есть. На лису можно поохотиться. Я для гостей приваду делаю. Под зиму какая скотина в колхозе подохнет, я ее в овраг свожу. Зимой снегом занесет, так лисы такие ходы в снегу делают.

— Зимой вряд ли приедем. У нас в Туле неплохая охота зимой, беляка мало, зато русак есть. На зайца в основном по чернотропу охотимся, как говорится, «в узерку». Эта охота даже добычливее, чем по белой тропе. Топчимся вокруг озимых, обходим вершинки оврагов, загончики маленькие делаем, ближе к середине зимы зайцы ближе к домам жмутся. На копытных пару раз за зиму удается съездить.

Покатили дальше. Николай завернул к длинному озеру, заросшему по берегам высоким ивняком.

— Расстанавливайтесь с той стороны, я толкану. Тут кряковые часто набиваются. Встали за кустами лицом к озеру, Николай полез выгонять.

Что тут началось! С шумом, с криканьем поднимались над кустами тяжелые крякаши и попадали под выстрелы. Их тут было десятка два, трех выбили. Хорошо, падали на чистый луг. Мокрый, вспотевший вылез Николай

— Ну как, не мазали?

— Три штуки, один промах.

— Ну что ж, неплохой результат. Теперь я подброшу вас к речке Истичке, она петляет по лугам и порой разливается в небольшие озерца. Там и уток и бекасов найдете.

Они еще с полчаса помотались по лугам, у небольшой речки Николай их оставил. Речка, скорее даже ручей, перетекала из озерка в озерко, порой пропадала в зарослях

ивняка. Поначалу казалось — на речке нет утки. Подошли к одному разливу, сплошь заросшему кувшинками. Ничего. Хлопали о приклад, бросали в воду палки — ничего. Собрались уходить — с озера стали подниматься утки. Как будто кто подбрасывал их вверх. Одну подбили. Такая же картина повторилась и на другом разливе. По мочажинам с писком срывались бекасы, девятка скоро кончилась, потом кончилась семерка, но из сетки ягдташа Алексея торчали пяток бекасиных клювов.

Налетела стайка уток. Прогремели выстрелы, стреляли уже в угон, одна шлепнулась. Искали, искали, так и не нашли.

— Андрей, все-таки собаку надо завести. Сколько дичи теряется.

— Ты же знаешь, я пытался завести. Взял английского сеттера, до года вырастил, он уже работать принимался. Вынужден был отдать. Постоянно в командировках, жена не справлялась. Потом на выставке увидел своего Джоя, чуть не заплакал. Володя ухмыльнулся

— Помнишь старую поговорку — если работа мешает охоте — бросай работу.

— Ты знаешь, я в молодости, когда начинал охотиться, даже думал уйти в промысловики, но это только в молодости.

— Ну, ладно, в промысловики мы не уйдем, а охоту не бросим. Смотри, там впереди охотник. По лугу к ним приближался охотник. Впереди челноком сновал курцхаар. Подождали пока подойдет, познакомились, разговорились. Москвич, добирался сюда через Касимов, приезжает сюда уже много лет. Говорит:

— Здесь такое разнообразие озер, болотинок, луговин, здесь каждая поездка — открытие, все время нахожу новые для себя места.

— А где ваша собака? — Алексей с Володей оглядывались.

Курцхаар стоял у кромки озера у куртинки камышей, уткнув голову к воде. Охотник подошел к нему. Нагнулся и поднял над головой утку.

— Ваша?

— А мы то ее уже полчаса искали. Думали уходить.

Алексей и Володя распрощались с легашатником и направились к лагерю.

* * *

Юра и Олег обработали уток, полазали берегом затона, полакомились ежевикой и отправились на Оку. Шли берегом затона, пока через протоку не увидели Оку. Переплыли затон и через луговину вышли к реке. Ока здесь была полноводней, чем в окрестностях Поленова и Велегожа, куда часто ездили в выходные. Те же просторы, те же песчаные отмели. Купались, лежали на прогретом песке и лениво переговаривались:

— Смотри — байдарки. Тут недалеко Пра в Оку впадает, наверное, плывут до Касимова, там кончают маршрут, на правом берегу железнодорожная станция, можно в Москву уехать. Я ходил по Пре на байдарке, только мы кончали в Брыкином Бору, до Оки еще километров двадцать остается. За нами машина должна была прийти. Поставили палатки на береги Пры, в Брыкин Бор ходили — там центральная усадьба Окского заповедника. Показали нам питомник хищных птиц, вольеры журавлей, где стерхи содержатся. Остальное время купались, загорали. Однажды слышим — собаки в лесу гонят кого-то. Прямо на нас гонят, в сторону поляны. Понимаю, зверя гонят, а тут на поляне народу полно — женщины, дети.

Выбегает на поляну здоровенный лось, бык огромный, с рогами. Мчит прямо через поляну летит и с высокого берега прыгает в реку. Там отмель, лось высоко забрасывая ноги, на махах летит на другую сторону и скрывается в лесу. Там уже заповедник, понимает, где для него спасение. Следом две лайки выскакивают, но за лосем в воду не пошли. Все страшно напугались, когда испуг прошел — заговорили. Зрелище было захватывающее. Гон собак, треск в лесу, лесной великан в десяти метрах, пры-

жок с берега и в несколько прыжков перемахнул через реку. Какая мощь в нем была, какая красота.

— Ну, ладно, окунемся еще разок, и в лагерь.

* * *

Самую жару переждали в лагере. Даже поспали немного. Только Александр Васильевич пропал со снастями на воде. Разбросал по затону кружки, Юра помог ему наловить живцов, потом Александр Васильевич перебрался со снастями на Оку.

Перед вечерней охотой напился чаю и разбрелись по лугам. У всех были свои задумки и разошлись в разные стороны. Алексей, теперь уже знакомой дорогой, направился к большому озеру. Опять вышел на противоположный от косцов берег, на этой стороне была причалена лодка. Подгребая одним веслом, осторожно погнал лодку. Сейчас озеро было пустынно, под днищем журчала вода, по поверхности воды разбегались водомерки, в глубине переливался изумруд водорослей. Над озером парили чайки, ближе к камышам сновали лысухи. Уток не было. Одинокий лунь совершал облет заливов и порой пикировал к воде за добычей. Теперь, после открытия охоты, ему будет чем поживиться. Один плес понравился Алексею и он направил лодку к берегу, предварительно разбросав на воде утиные чучела, загнал лодку в камыши, перебрался на переднюю скамейку. На плесе перед ним покачивались чучела уток, небольшой ветерок развернул их головками в одну сторону и они слегка покачивались, создавая иллюзию настоящих. Лета пока не было. Легкие тучки, днем иногда затенявшие небо, теперь сгрудились на западе темной полосой. Солнце садилось в тучу и после себя оставило багровую полосу заката.

— Ну, вот,— подумал Алексей. — Погода портится. Завтра дождь соберется. Мир вокруг продолжал оставаться спокойным, умиротворенным и прекрасным.

Когда Алексей подплывал, лысухи плавающие по всей акватории плеса, забились в камыши. Теперь они выплыли и копошились совсем недалеко от Алексея. Алексей не стрелял лысук, так, иногда, когда больше ничего не было. Да и щипать их замучишься. В Архангельской области его научили обдирать шкуру вместе с пером, что существенно облегчало дело. Стремительно пронеслась стайка уток. Алексей выстрелить не успел. То там, то тут над озером летали утки. Но все далеко. Темнело, только плес по-прежнему отсвечивал закатным небом. Над камышами моталась пара. Наверное, сработали чучела и утки развернулись на плес, пошли на посадку. Сели, осмотрелись и тут же попали под выстрел. День угасал. На озеро опускались сумерки, надо было возвращаться. Тут то и пошел утиный лет. Слышались шлепки садящихся уток, их призывное кряканье. Алексей стрелял, когда утки, вытянув к воде лапы, как самолет, идущий на посадку, опускались на воду. Текнело. Звезд не было, небо порой освещалось отдаленными вспышками. Далеко полыхали зарницы. Гроза идет? Вспомнилось, говорили — если сверкают зарницы, грозы не будет. Ну да все равно, стрелять уже нельзя, надо возвращаться. Собрал стреляных уток, забрал чучела, отогнал лодку на стоянку и пошел. Отблески зарниц все нарастали, приближались. Уже погромыхивало. Нет, это все-таки гроза.

Алексей заспешил, надвигавшиеся тучи пробивали полосы молний. Поднявшийся ветер трепал стога и клоки сена несло по скошенному лугу. Алексей добежал до палатки, протиснулся внутрь. Все уже были в сборе, последним в палатку забрался Александр Васильевич с горячим котелком чая в руках.

— Успел, А то были бы без чая.

Громовые раскаты нарастали, приближались, на палатку надвигался глухой шум, по крыше палатки ударили первые капли, дождь нарастал, и скоро превратился в настоящий поток. Большая геологическая палатка выдержала первый напор, потом

дождь ровно зашумел по крыше. Маленькими глотками пили чай, замирали на миг, когда близкая молния даже через палатку высвечивала внутренность и испуганные лица охотников, следующий за вспышкой молнии удар грома был особенно силен. Гроза усиливалась. Гремело уже непрерывно, раскаты катились над головой сотнями колесниц, и как будто какие-то великаны с треском разрывали небо над головой.

Как напуганные дети, охотники молча ждали, чем это кончится. Они откинули полы палатки и со страхом выглядывали наружу. Молнии сверкали непрерывно, они распарывали небо отвесно, ударяя трезубцем в землю, вспыхивали между тучами высоко над землей, за вспышками молний тут же гремел гром. Понимали, ударило совсем рядом. Тьмы не было, вспышки молний непрерывно освещали поляну, всклокоченные стога сена, гнущиеся под напором ветра ветлы. Казалось, сейчас молнии ударят в ветлы и эти великаны рухнут. Хорошо если не на палатку.

— Вот это артобстрел,— озадаченно произнес Юра. — Как бы в перекрестье не попасть.

— И надо же было ставить палатку около этих ветел. И стога сена могут молнии притянуть.

Дождь прекратился разом, стеной уходил за Оку, вместе с дождем стихала и уходила гроза. Охотники вылезли из палатки и осмотрелись. Все ветлы были целы, и стога сена целы. Целы и невредимы были охотники. Страх проходил. Приходило восхищение этой грозой, неукротимой силой разбушевавшейся стихии, перед которой человек был бессилён. Наверное, так же переживали грозы наши предки, укрываясь в пещерах и выглядывая наружу.

— Ну, что, еще чай? — спросил Алексей.

— А ужинать опять будем сухомыткой?

— Ну почему же? — улыбался Александр Васильевич,— рыбки я сегодня наловил, уху сварил, уток с картошечкой затушил. Разогреем и будем ужинать.

— Ты попробуй костер развести. Все мокрое.

— Я что, чайник? Дрова еще днем заготовил. И пленкой закрыл.

Не прошло и получаса, поляну освещал костер, в котлах булькало, живительная влага разлита по кружкам. Алексей поднялся

— За Рязанщину, за Оку, за эти луга и озера. Не зря полтысячи километров проехали. Места благодатные, утки много, а простор-то какой. Дай Бог еще раз сюда вернуться.

Выпили. Каждый задумался о своем. Уха окончательно сняла напряжение после грозы. Пошли разговоры.

— Я в детстве шаровую молнию видел.— Виктор сделал паузу, как будто оживляя виденное в памяти.— Я тогда восьмой класс окончил. Летом в деревне у деда жил. Гроза тогда тоже страшная была. Мы сидели на кухне, бабушка закрыла все окна и чуть громче ударит, крестилась и вспоминала Николая Угодника. Я сидел у окна, бабушки спиной к печке, на коленях вязанье держала. На этот раз страшный удар и треск, как разорвали что-то. Из дверей комнаты на уровне метра от пола медленно плыл светящийся шар, величиной с детский мяч. Я посмотрел на бабушку, бабушка на меня — нам не чудилось. Светящийся шар пролетел между нами и исчез в сенцах. Дверь была неплотно затворена. Шар пропал. Потом смотрели. Нигде ничего не обгорело.

У каждого было что вспомнить. Алексей рассказывал:

— Мы сплавлялись по Жиздре на байдарке. С женой и двумя детьми, больше никого не было. На впадении Рессты в Жиздру на стоянку остановились. Место чудесное, отмель песчаная, за Жиздрой сосняк, за Рессетой молодые сосны, а у нас — старые дубы. Поставили палатку. Загремело, надвигалась гроза. Я решил до дождя сделать запас дров. Уже дождь начался, жена с детьми в палатку забрались, я топором

машу. Сверкнуло и тут же удар грома, я даже топор выронил. Опять топором замахнулся — еще удар. Снова топор бросил. Страшно стало, забрался в палатку, мои прижались в кучу, а я их сверху своим телом накрыл. Тут так ударило, как говорят, небо над головой расколосось. До конца грозы мы уже голов не поднимали. Когда все кончилось, выбрались из палатки, такое увидели. Молния ударила в дуб, стоявший в полусотне метров от палатки, расщепила его пополам и верхнюю треть отбросила метров на десять в сторону. С другой стороны Ресеты с высокого берега. Там группа туристов стояла, нам кричат:

— Вы живы?

— Живы,— кричим.

— Мы видели, как три молнии рядом с вами ударили. Первая в отмель на вашей стороне ударила, вторая через Жиздру на том берегу, третья рядом с вами. Не знали, что и думать.

— Недалеко от нас,— кричим,— молния в дуб попала, разломило его и половинку ствола метров на пять в сторону отбросило.

— Александр Васильевич заметил:

— Правильно говорят, нельзя в грозу под дубом прятаться.

— Да, живем в больших городах под защитой камня и бетона и забываем, что мы — дети Земли, и сама Земля — песчинка в пространстве, и ничем мы не защищены от стихии.

— Хватит страхи нагонять. Спать давай. Завтра отстоим зорю и домой собираться будем.

* * *

Раннее утро проспали, вставали уже вместе с солнцем. Тумана не было, земля, омытая дождем, была чиста и светла. Разбрелись теперь уже по известным местам. Стреляли, но лет был не такой, как в первую зорю. Да и азарта уже того не было. К десяти утра все вернулись, позавтракали остатками вчерашнего, стали собираться домой.

Перед рюкзаками разложили на траве добычу и на фоне стогов — памятный снимок. Стояли немного грустные. Охотничья страсть занесла в эти рязанские края, недавно еще совсем незнакомые места, теперь уже обжитые и близкие. У каждого были свои впечатления от пережитых августовских зорь, от свиста утиных крыльев и шлепков сбитых уток после удачных выстрелов. Удастся ли когда вернуться сюда. В одну реку нельзя войти дважды — говорили древние. Но человеческая память позволяет это сделать.

ПУБЛИЦИСТИКА. МЕМУАРЫ

Ида Соболева

Заслуженный врач РФ, работает в Тульской областной больнице. Прошла путь от врача-ординатора до заместителя главного врача областной больницы по терапии, имеет правительственные награды. Ее личное восприятие военных и послевоенных лет материализовалось в воспоминаниях, отрывок из которых представляются вниманию читателей, особенно молодых.

ДЕВОЧКА И ВОЙНА

Памяти человека большой души — «блокадной ленинградке» посвящается.

«Нам надо жить воспоминаньями»

Девочка с голубыми глазами и светлыми вьющимися волосами, «хохотушка и болтушка лет пяти». Прозрачное зелено-голубое лето, порхающие бабочки, яркие цветы, вкусные румяные плюшки, выдавливающееся мороженое, по выходным — городской сад, духовой оркестр, папа, мама, детский сад, где суп с клецками, пирог «Наполеон» в праздники, рояль, музыкальные занятия — все это осталось в памяти в последнее предвоенное лето.

Война! Тревожное, внезапное, непонятное для ребенка слово.

Наступила оглушительная тишина, лица взрослых напряжены, слез нет, скудные слова. Отчужденные лица мужчин в доме и быстрые проводы папы на фронт. Началась наша «военная жизнь» с воем сирен, самолетов, бомбежками, узлами на столе, прерывистым сном в одежде. Новое слово — эвакуация.

Мы в «теплушке» товарного поезда, много женщин, детей, три месяца эвакуации, поезда, вокзалы, холодно, голодно, бомбежки, смерть людей рядом от болезней, убитые, раненые. И вот мы добрались до города Горького и Волги. Ночь, вокзал в Горьком и страшная бомбежка. Всех выгоняют из вокзала, сажают в поезда, которые быстро отправляют от станции. На ближайших километрах все составы будут разбомблены. На вокзале и на улице крики, масса раненых. Мы безучастно забились в угол зала ожидания с одной мыслью: «Будь, что будет!» Мы остались живы, хотя вокруг вокзала все было в обломках, дымящихся воронках, развороченных рельсах, в раз-

брошенных трупах женщин и детей. Мы понимали, что вторую такую ночь — не выживем, и потянулись к Волге, где за последние деньги и золотое кольцо упросили перевезти нас на другой берег. Это была баржа, на которой мы, прижавшись к друг другу, стояли и белым днем испытали весь ужас бомбежки на воде. На глазах за одно мгновение от прямого попадания утонула соседняя баржа и не всплыл ни один человек. Старая посуда все время принимала крен то в одну, то в другую сторону, нас обливали потоки холодной воды от столбов после взрывов.

Провидению было угодно, чтобы баржа добралась до берега, а мы еще через месяц добрались до Вятки, где не было сирен, тревог и затемнения.

Мама серьезно заболела после этой дороги, мы не умели улыбаться и смеяться, а «грудная» девочка, встретившая свой первый день рождения в дороге, не сидела, не стояла «дубком» и не плакала. Нас всех отдали в детский сад, где был рай. Мои братья не наедались за столом, и я всякий раз умоляла воспитательницу дать им добавку. Жили мы все в одной комнате: мама и ее две сестры, бабушка и шестеро детей, окруженных заботой и теплом женщин. Постоянно хотелось есть. Удалось купить козу, ее старались регулярно кормить, так как она давала молоко для четырех детей от года до четырех лет. Молоко наливалось в тонкий стограммовый стаканчик и, иногда, (о счастье!) было еще полстаканчика, и тогда это доставалось пятилетней девочке, т.е. мне, которой всегда было жаль старшую десятилетнюю сестру, потому что ей мало чего доставалось из еды, а она училась в школе, и у нее были фурункулы.

Так мы прозимовали суровую зиму 1941 года в Вятке.

Весной мама засобиралась домой, где все было брошено, а фашистов уже отогнали. Было решено, что в обратную дорогу она возьмет только меня. Начали сушить сухари, выкраивая из пайков хлеб. И вот насушен целый чемодан сухарей, больше взять в дорогу было нечего, а путь мог растянуться на долгие недели. Во второй чемодан сложили свои пожитки и двинулись в дорогу. Нас посадили в вагон-теплушку, в котором ехали эвакуированные из блокадного Ленинграда истощенные женщины и дети. Большинство из них могли только лежать на полках, настолько они были слабы. Их ясный ум, «неостывшее сердце» и звучащая душа делали наше пребывание среди них особенным. С одной стороны мы сострадали им, с другой — было ощущение общения с особым человеком: гордым, выжившим и непокорившимся. Маму назначили старшей вагона. Ее обязанностью было выходить с ведром и мешком на крупных станциях, где для «блокадников» выдавали хлеб и горячую похлебку.

Однажды мама ушла за очередным питанием, а поезд тронулся и набирая скорость пошел и пошел... Фигурки мамы и других все уменьшались. Я на своей полке прижалась лицом к маленькому оконцу и обильные слезы текли ручейками по стеклу, пока в изнеможении я не уснула в темноте здесь же у окна, которое сделалось для меня единственной памятью о маме. Затем потекли одиннадцать дней без мамы в вагоне-теплушке с сухарями и кипятком. Надо мной взяла шефство инженер Лида. Она еле спускалась с полатей к печурке-теплушке, где иногда удавалось испечь несколько кружочков подмороженного картофеля для ее четырехлетнего сыночка и для меня. Прошел слух, что состав идет только до Пензы, а дальше его расформируют. Голова шестилетней девочки мучилась и лихорадочно соображала, что же теперь делать. И вот Пенза. Все выгрузились, я тоже — с двумя чемоданами — растерянная и несчастная. Возле меня галдела большая нерусская семья, а инженер Лида исчезла. Шумная семья тронулась в путь, взяв и мои чемоданы. И вдруг я услышала крик Лиды: «Ида, быстро ко мне! Мы уезжаем и ты с нами».

Оказывается, ее близкий родственник в Пензе был одним из руководителей города. Она ему позвонила и за ней приехал газик.

Меня привезли в большую, красивую квартиру. Пожилая женщина, всплеснула руками от вида детей, взялась отмывать нас в теплой ванне, вычесала из моих белых

кудрей вшей, нас покормили и напоили чаем, одели в пижамы, потому что у них в семье был мальчик, который лежал в больнице с инфекционным заболеванием. Бабушка все приговаривала: «Не заразимся ли мы?» А у меня в глазах стояли разложенные на столе мелкие кусочки сахара, которого я давно не видела. Но глаза слипались, и я, заснув, проспала сутки. Когда я, наконец, проснулась, приступили к опросу. Я отвечала четко: кто я, откуда, кто мои родители, улица, номер дома и т.д. Меня похвалили, сказали, что я не пропаду, если даже мама не найдется, и они не прочь оставить меня у себя. Мои данные отнесли в милицию. А мама все эти две недели меня разыскивала и, наконец, приехала в Пензу. В милиции ей сначала сказали, что девочку — блондинку шести лет татары бросили в реку. Мама упала в обморок, а когда очнулась, ей дали адрес еще одной девочки — блондинки того же возраста. Так мама нашла меня.

После второго рождения и благополучного возвращения в родной городок в моей жизни было все, как у всех детей тыла во время войны. Длинные, мучительные очереди до обмороков за продуктами по карточкам, которые могли украсть, или при потере которых семья оставалась без хлеба.

В школе писали на газетах, пользовались одним учебником на весь класс. Любимым занятием был детский хор, где бескорыстные музыкальные работники обучали нас на полном серьезе музыкальной грамоте, а наиболее способным предлагали уроки музыки за небольшую плату (музыкальных школ не было). Домашние задания по музыке я учила на столе из-за отсутствия фортепьяно, поэтому через год пришлось музыку бросить. Была любимая директор начальной школы Клавдия Ивановна, которую потом куда-то, за что-то забрали и как сказали нам детям: «Что-то лишнее сказала». Была любимая, красивая, с длинной пушистой косой пионервожатая Валя, у которой за что-то «забрали маму». А в школьном дворе одурманивающе пахло лиственной дуба, особенно когда она смешивалась со снегом. Этот запах — на всю оставшуюся жизнь. Из семян липы, валяющихся на первом легком снежке, мы вылуцивали семечки и с удовольствием их ели.

Пришли «похоронки» на любимых дядей Борю и Вову — одна за одной. Дома — бабушка и я. Бабушка падает в обморок, а потом слышны глухие стоны-рыдания, и я стремглав бегу за мамой на работу.

Скоро в доме появляются два больших портрета Бори и Вовы, которым суждено висеть на стене в рамке всю оставшуюся жизнь их ближайших родственников, а могилы их безымянные, на чужбине. Нам дали землю под картофель (я уже самая большая в семье, мне девять лет, я в третьем классе). И мы с мамой копаем, сажаем, окучиваем, выкапываем картофель. На всю жизнь я запомнила этот тяжелый труд на земле. Рядом с нашим земельным участком — старинное кладбище с надгробиями из мрамора, семейными гробницами и действующей церковью. Мне разрешено после работы на земле побродить по кладбищу с подругой и зайти в церковь.

Первые открытия таинств религии с широко открытыми глазами, внутренней дрожью, как будто приобщаешься к чему-то вечному. На фоне этого окрик женщины в черном: «Куда идешь с лопатой?!». Последние два года войны — уже совсем не было страшно. Папа работал на шахте, жил там целую неделю, а в воскресенье был настоящий праздник — приезжал папа с американскими подарками: очень вкусной ветчиной в банках, тонкой, прозрачной, длинной, тающей во рту, привозил какие-то прозрачные чулки, обтягивающие платья, шелковые рубашки, все дивились, но не носили.

Приезжал на воскресенье и дедушка-фельдшер, который обслуживал три деревни и жил на медпункте. Привозил несколько штук яиц, иногда хватало всем, а, иногда, только младшим детям. С тех пор я всегда жаждала яичницы и была в страхе, что ее может никогда не быть.

Сосед украинец вырастил помидоры. Это было для нас диковинкой, к которой сначала отнеслись настороженно, но на следующую весну все возделали участки земли во дворе и (о чудо!) получили плоды и ели помидоры сколько хотели. Напротив поселился сосед — Герой Советского Союза. Мы, дети, могли высматривать его целый день, но он редко появлялся на улице, т.к. был серьезно болен после ранений.

А радио захлебывалось от сообщений дальнейших побед, голос Левитана звучал уже радостно и торжественно. Распевались бравурные песни наших прославленных композиторов и поэтов-песенников. К нам приезжал земляк-композитор А. Новиков. Мы, дети, ходили гордые за свою страну и наш народ. Хотелось как можно больше знать, познавать, везде успеть и все уметь. Войне скоро конец, это почувствовал каждый с особым ощущением при приходе новой весны.

Теперь мне уже много лет, а ведь жизнь моя могла оборваться в шестилетнем возрасте, и вторым своим рождением я обязана ленинградке-блокаднице, которая, едва стоя на ногах, с измученной, искалеченной душой, собрала все последние силы и сказала: «Я не отдам эту девочку, я сама помогу ей найти маму».

Я никогда больше не видела ее, но нет более четкого образа в моей душе, чем она. Если бы я была художником, я смогла бы воспроизвести ее портрет, только обязательно в ореоле, как иногда изображают святых.

Много, как и у всех, было чего в жизни потом, но это была уже мирная жизнь, это уже был и есть «мажор», несмотря ни на какие времена, а не та преисподняя. Пусть радуется все человечество и наших потомков дальнейшая жизнь на земле!

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БОЛЬНИЦЫ

*Нам лишь за 200 лет!
И наша «чаша» целомудрием полна!
Целебна эта чаша, а мудрость той змеи —
вам, молодым, нужна!*

Лето 1973 года. Начало освоения нового долгожданного комплекса-долгостроя областной больницы. Корпуса еще в строительных лесах, множество крупных и мелких недоделок, восемнадцать гектаров территории в строительном мусоре, рытвинах, котлованах, вросшей арматуре.

Коллективу и руководству больницы поставлена задача: освоить новый комплекс в кратчайший срок. Старт дан. Отсчет времени пошел.

Главный врач Иван Акопович Тумаян, строивший новый комплекс, продолжает обеспечивать функционирование областной больницы на ул. Дрейера и создает оптимальные условия для заведующих отделениями, которые после своей основной работы организованно едут в новый комплекс и этап за этапом воссоздают в новых стенах свои современные, специализированные отделения.

*Иван Акопыч — добр, горяч,
традиций лучших хранитель,
для пациентов многочисленных — спаситель!*

Большой удачей для скорейшего создания нового комплекса на высоком профессиональном уровне было назначение на должность главного врача Сергея Дмитриевича Илюхина в тандеме с начмедом Антониной Владимировной Прохоровой.

Сергей Дмитриевич по натуре — созидатель, построивший материальную базу и организовавший работу стоматологической службы области на самом современном уровне.

Большой психолог, мудрый политик по подбору кадров, «инженер человеческих душ». Любимое его выражение: «Чувство локтя», которое вместе с любовью к делу и людям он прививал всем работающим с ним. На небосводе областной больницы он засвечивал звезды и звездочки любой величины, и, в конечном итоге, этот небосвод сиял, мерцал, творил и создавал.

Комплекс областной больницы, уникальная парковая зона и коллектив больницы — вечный памятник Сергею Дмитриевичу Илюхину.

*Мудрейший, сильный человек!
Творец, создатель, друг, отец...
Сердечно все мы благодарны
за то, что каждому подарено,
за то, что каждый есть сейчас,
за доброе, так щедро вложенное в нас!
Вся ваша жизнь — пример для нас
в свершениях, дерзаниях, чувстве локтя,
в уменье в небе звезды засветить,
чтоб каждой — свет обогатить!
Увековеченный в твореньях,
в делах, которых на года!
Вы — личность, ей и будьте!
И долгий путь Вам навсегда!*

Антонина Владимировна Прохорова сочетала в себе сильную натуру, профессионализм в организации лечебной помощи, знание районов области, будучи главным терапевтом Облздравотдела много лет. Под ее руководством был «заведен» лечебно-диагностический процесс в новом комплексе.

*Вы личность сильная!
Энергии — лавина!
Вы врач!
Судьба больных для Вас — Святыня!
Любовью к людям, к жизни, Вы одарены!
Дружить умеете и слову честному верны!
Точны, последовательны, традиционны,
Вы — с утверждающей судьбой!
А мы готовы Ваше лучшее все взять
и эстафетой передать!*

Началась созидательная работа, когда на работу, «как на праздник» и «день мал».

Главный врач с заместителем по АХЧ К. В. Сидоровым и главным инженером В. М. Даниличевым при поддержке зам. председателя Облисполкома Н. Г. Абрамкина и зав. отделом Обкома КПСС К. В. Сундукова «воевали» день и ночь со строителями по устранению недоделок.

Дополнительно пришлось составлять проектную документацию и смету на строительство административного корпуса, расширение гаража для машин санитарной авиации, столовой для сотрудников, пленкохранилища, новых отделений, конференц-зала, использование в отделке мрамора, дерева, современной плитки. Это требовало воли, упорства и кропотливого труда главного врача, заместителя по АХЧ, главного инженера. Параллельно шел прием и монтаж оборудования.

По мере увеличения персонала, а это как правило была молодежь, закончившая медицинское училище, и молодые санитарочки, которым предстояло учиться в своем вечернем медучилище, начали оттирать, скоблить, драить отделения и охранять их (дежурства — круглосуточные!).

Под руководством начмеда работала комиссия по шторам, т.к. портьерной ткани приобретались километры. На месте шивались шторы громадных размеров для конференц-зала. Сушились подушки, т.к. перо имело специфический запах; работала комиссия из врачей по керамике, по связи с художественным фондом. Заведующие отделениями А. А. Хадарцев, В. И. Почуев — ездили за креслами для конференц-зала в Краснодарский край. Упорно искали и находили спонсоров для оплаты счетов на мебель, оборудование. Наша зарплата (а это — одна ставка без доплат, т.к. не было еще пациентов), тратилась на многочисленные поездки в Москву, в Медтехнику — за аппаратурой и инструментарием. Бытует мнение, что на вновь созданный объект оборудование идет целевым назначением. Но, чтобы приобрести новейшее оборудование, поход за походом с самоварами, пряниками ехали и ехали в Москву заведующие отделениями реанимации В. А. Пуганов, проктологии Л. С. Рубинштейн, функциональной диагностики И. К. Соболева, многие другие. Параллельно проводилась кропотливая работа по подбору кадров. Ставка была сделана на лучших врачей области, имеющих практический опыт работы врача широкого профиля. С каждым оформляющимся на работу проводились длительные беседы, подбирались место работы в специализированном отделении. Врачи направлялись на специализацию по профессии чаще всего в Москву в 1 ММИ. На должность старших медицинских сестер набирались сестры со стажем работы, на должность рядовых — молодежь, которую терпеливо готовили к работе в специализированных отделениях.

Главной сестрой больницы с первых дней была назначена Анна Михайловна Наварская со стажем работы в областной больнице четверть века. Корректная, исполнительная, точная, аккуратная, организованная — она в первые годы в новом комплексе методично и доброжелательно вместе с институтом старших сестер требовала выше вышперечисленных качеств в работе от нескольких сот медицинских сестер и санитарок.

В ноябре 1973 года была сдана в эксплуатацию первая очередь стационара: гастроэнтерологический, неврологический корпус. Первых пациентов принимали всем коллективом с особой торжественностью и вниманием. В отделениях все сверкало, блестело, мерцало. Особой гордостью были процедурные в мерцанье чешской плитки, наборов медицинской мебели и инструментария, раздаточные, столовые, холлы.

Первые врачи, приступившие к работе в новом комплексе: Вахомская Вера Дмитриевна, Краснова Людмила Михайловна, Хадарцев Александр Александрович, Соболева Ида Кузьминична, Драпкин Владимир Яковлевич, Георгиевский Эдуард Павлович. В последующем все они возглавят различные специализированные отделения и доведут их уровень работы до лучших стандартов. Обладая организаторскими способностями, профессионализмом, преданностью и любовью к делу и людям, они достигнут многого, шагнут далеко-далеко вперед.

Людмила Михайловна Краснова пройдет триумфальный путь от заведующей кардиологическим отделением до заместителя главного врача и главного врача. На всех этапах этого пути — упорный, творческий труд, свершения и достижения. Она — почетный гражданин г. Тулы, Заслуженный врач РСФСР.

Благодарные коллеги напишут ей строки:

*Мы Ваши годы вспоминая в различных рангах и делах —
неповторимость уважаем!
Признание мужеству, терпенью выражаем!
Хвалу труду и мысли воздвигаем!
И долго долго жить желаем!
Ума Вам доброго,
а сердца умного!
Здоровой и счастливой быть!*

Хадарцев Александр Александрович, Заслуженный деятель науки, в едином понятии «человек» и «врач». Находился ли он в больнице, или где-то еще, вся его умственная деятельность была подчинена «новым медицинским технологиям». Упорно шел он к осуществлению своей мечты, создал институт новых медицинских технологий, которым руководит сейчас в звании доктора наук, академика. А начал с неординарной организации работы отделения пульмонологии. В результате слава была на весь Союз по успешному лечению бронхиальной астмы. Ежегодно количество и ценность его статей, публикуемых в научных медицинских журналах, было под стать талантливому профессору, руководителю клиники. Несмотря на это, защита им диссертации долго откладывалась и только благодаря тактическому ходу его учителя-соратника, академика Чучалина, состоялась, и по совокупности научных трудов и изобретений ему, минуя звание кандидата наук, была присвоена — докторская степень. В нашем здравоохранении у него целая плеяда учеников. О человеческих его факторах можно сказать стихами. Он человек восточный и для него характерна буква «Д», так как он всегда говорил слово «да» и старался этому соответствовать

*Дар природы щедрый ты!
Да и разума хватило
Дар природы умножать,
Дарить себя и созидать,
Дар творчества вокруг создать,
Давать здоровье пациентам,
Дарить коллегам оптимизм,
Делами строить, победить,
Делиться мудростью восточной,
Днем и ночью творить, сгорая,
Дела твои необозримы,
Дали твои велики,
Дождем ты знания льешь для всех,
Дары поэзии от всей души держишь,
Дети твои все в жизнь спешат,
Долго, долго, творят, творят!*

Пуганов Владимир Аркадьевич, Заслуженный врач РСФСР, еще при собеседовании поразил своим фанатизмом и любовью к службе экстренного спасения людей. Проект организации отделения реанимации он представлял в совершенстве, что и быстро воссоздал в новом комплексе, Труд его был выше «клятвы Гиппократы»! Работая день и ночь, он оказывал на самом современном уровне помощь пациентам и щедро передавал накопленный опыт врачам отделения и среднему медперсоналу. Его деяния все начинаются с буквы «ф»:

*Фанат, факел, факир,
фитиль, факт,
Фемида, феноменальность.*

Валентина Дмитриевна Абакумова — Заслуженный врач РСФСР, представитель школы классической медицины, исповедующая лучшие традиции терапевтической школы старейших врачей г. Тулы и области: Степанова Александра Михайловна, Дрейер Антонины Рудольфовны, Белолипецкой Таисии Александровны, прошла тернистый путь терапевта областной больницы, заведующей отделением, главного терапевта области. Она не только высоко профессиональна и исповедует все разделы клятвы Гиппократы, но и много сделала по организации работы терапевтической службы области. Коллеги ей посвятили строки:

*«Валентина Дмитриевна! Вы как всегда
в гармонии начал и продолжений!
Приветствуем Ваш ум, ваш опыт и мечту,
ваш труд, порядочность и бурю вдохновений!».*

Соболева Ида Кузьминична, Заслуженный врач РСФСР, пройдя путь от терапевта районной больницы, с первых дней освоения нового комплекса областной больницы принимала самое активное участие в создании ее коллектива будучи избранной секретарем парторганизации.

Создала новое отделение и организовала службу функциональной диагностики в больнице и области. В последующем на должности заместителя главного врача ТОБ по теропии обеспечивала современный уровень диагностического и лечебного процесса в больнице, а далее совмещала должности главного терапевта области. Внедрила в практику новые формы работы: дневные стационары, стационары на дому, врач общей практики и многое другое. Бессменный руководитель интернатуры в больнице.

О ней коллеги писали:

*Природой ты одарена
и красотой и вдохновеньем!
Талант организатора в тебе,
а, главное, участие в любой судьбе.
Коллегам — уваженье!
К больным — терпенье!
И доброта на всех,
в которой твой успех!*

Борисова Нина Кирилловна — Учитель для всей хирургической службы в области, Заслуженный врач РСФСР, впитала всю мудрость и опыт старейшего хирурга области Пушкарева Петра Никифоровича, Никифоровой Т. И. Заведя хирургическим отделением в областной больнице, она подготовила рядовых хирургов для заведования и работы в специализированных хирургических отделениях. Используя лучшие традиции хирургической службы и богатый опыт военно-полевой хирургии, как участник ВОВ — она внедрила все самое современное в работу отделения общей хирургии и подготовила высококвалифицированных хирургов для дальнейшей работы. Отделение и сейчас успешно работает прикрытое ее сединой и мудростью.

Коллеги ей посвятили строки:

*«Мы гордости полны за вас — защитника родной страны!
Прикрыты были Вами мы!
Вы на переднем крае
ценою жизни наше детство защищали!
И, наконец Победа — опьяняющая гордость!
Восторг наш детский, обращенный с безграничным уваженьем к Вам!
Преграды мирных рубежей мы вместе брали!
Мы Вас высоким словом — Учитель называли!
Мы Вашими сединой прикрыты снова были!
Мы с Вашей мудростью к решениям приходили!
Сердечное спасибо, Ветераны, что есть и были!».*

Гец Израиль Ильич — высокообразованный, один из лучших представителей классической школы патологоанатомов в России. Человек высокой эрудиции, интеллигентный в лучшем смысле этого слова, участник войны, патриот областной боль-

ницы, своей службы в области, Развивал ее на современном уровне и еще более кропотливо занимался с кадрами, подготовил армию своих учеников. Его система проведение паталогоанатомических конференций, вскрытий с разбором историй болезней стала блестящей школой для всех врачей больницы и области.

*«Интеллигентен, строен и умен, талантлив он!
Профессионален, эрудирован, трудолюбив и кропотлив!
Добрый человек, хороший семьянин!
Учителю с высокой буквы — наш поклон!».*

Областную поликлинику возглавила искрометная, талантливая, всем и всему сострадающая Куликова Галина Александровна, Заслуженный врач РСФСР.

Поликлинику она превратила в храм по интерьеру и организации работы. Учила молодежь творчески, от всей души руководила работой Совета Сестер больницы. Это она стояла у истоков совместной работы Совета Сестер областной больницы и 1 ММИ. А какие конкурсы проходили под ее руководством: «гром и молния!». Ее исторический вклад в историю областной больницы — создание ее музея. Поликлиника и музей — это рукотворные творческие памятники Галине Александровне.

*Контрастностью своей ты всех покорила!
И в ней таится твоя сила!
Людей ты любишь и жалеешь.
Натуру широкую — ты имеешь!
А в общем вся ты грандиозна:
живой родник бурлит в тебе,
притягивая нас и всех к себе!
Твоим талантам нет предела,
Но ты свободна и вольна
музеем нашим пленена,
и вся искусству созиданья отдана!».*

Драпкин Владимир Яковлевич, Заслуженный врач РСФСР, областной невропатолог в образцовом смысле этого, заведующий неврологическим отделением, а фактически «хозяин» 3-х этажного корпуса неврологической больницы.

Высокопрофессионален, академичен, принципиален, он последовательно развивал, укреплял неврологическую службу в больнице и области. Самая тесная связь с кафедрой неврологии 1 ММИ, профессорами Горбачевым Ф. М. Мельниковым С. А. — поднял диагностику лечения неврологических больных на клинический уровень. Внедрялись в практику работы отделения реабилитации, стационары на дому для больных с сосудистой патологией, неотложная неврология и многое другое.

Большой опыт практической работы в хирургии принесли в больницу такие заведующие отделениями, как Заслуженные врачи России: Ройзен Исаак Давидович, Рубинштейн Лев Самойлович, Джабаров Феликс Яковлевич, Матчин Евгений Николаевич, Васюков Виталий Андреевич, Трушинский Лев Петрович и другие. Вокруг них училась, росла целая плеяда молодых хирургов всех профилей.

Во главе хирургической службы стала Васина Ада Васильевна, Заслуженный врач РСФСР, хирург с большим стажем практической работы и организатор здравоохранения. Критерием ее работы было «помогать во всем», но не инспектировать подчиненных и «разматывать нервы по пустякам».

Мудростью всех тех людей, энтузиазмом всего коллектива, на пике пафоса созидательного труда, наш корабль — флагман плавно погрузился в полноводную реку и медленно, но уверенно, наращивая обороты, поплыл.

Держать правильный курс четверть века помогала «наука — практика» в первую

и большую долю прославленный коллектив Московской медицинской Академии им. И. М. Сеченова. «Всесилие разума и могущество труда» ученых определяли научный, практический подход к профилактике, диагностике и лечению населения области, медицинскую нравственность, правила общения. Сейчас уже можно утверждать эпохальную школу традиций. Особо плодотворной и жизнеутверждающей является сотрудничество с «тареевцами».

Патриарх внутренней медицины — академик Е. М. Тареев в свои ежегодные приезды в область наряду с академическими лекциями о новых, глубоких научных изысканиях, размышлял над совершенствованием врача-клинициста, предпочитая интерниста широкого профиля специалисту узкого профиля. Это нашло отражение в области в создании «школы семейного врача».

*Академик, патриарх.
Душа его, как факел в медицине
светила знаниями и теплотою чувств.
Любил он Тульский край
и Поле Куликово,
его простор и столб,
взметнувшийся в высь,
с монументальностью ученого слились!*

«Везде в мире есть люди озабоченные тем, чтобы сохранилось то, что было создано ранее, чтобы, исходя из него, шло действительное поступательное движение человечества» — эти слова Гете целиком и полностью относятся к «тареевцам». Их вклад и активная деятельность по внедрению Тареевской школы в медицину области бесценны. Это ежегодные «Тареевские чтения», Консилиумы, многочисленные консультации, госпитализация пациентов в клинику и дальнейшее их совместное ведение. Всю свою жизнь посвятил продолжению и обобщению клинических концепций своего великого учения Е. М. Тареева, академик РАМН Н. А. Мухин.

*Идей научных жизнерадостность твоя,
концепцию великого учителя храня,
интеллигентностью, искренностью,
живым умом блистая,
нас оптимизмом, теплотою заражая.
Спасибо Вам, «Никола зимний»,
за преданность делу и друзьям!
За свет души на всех, дай Бог здоровья Вам,
удачи и успехов!*

Мы работали при полной поддержке многих известных сотрудников 1 ММИ. Профессор В. С. Смоленский, многие годы руководивший интернатурой, демонстрировал клинические разборы, которые учили «уму — разуму» не только интернов, но и всех нас. Его подходы к назначению лекарственных препаратов и способам их ведения актуальны и на сегодняшний день. Профессор И. И. Сивков, бессменный консультант, выезжавший в самые отдаленные районы области. Профессора А. В. Сумароков, Л. И. Ольбанская. Их кафедры оказали нам практическую помощь в овладении методиками функциональной диагностики. По сигналу SOS приезжали на консультации профессора А. Л. Сыркин, В. А. Сулимов, В. Н. Бахлеев. Под их руководством мы внедрились кардиостимуляцию. Постоянными консультантами, пропагандистами всего нового были академики РАМН М. И. Перельман, А. Г. Чучалин; профессора, доктора наук И. Г. Даниляк, И. Г. Фомина, Н. С. Чебышев, А. В. Недоступ и многие другие.

На том же уровне осуществлялось содружество в хирургической службе, офтальмологии, урологии, ЛОР.

Врачи терапевтической службы области и областной больницы воспитывались на лучших традициях русской классической школы, которые передаются из поколения в поколение.

Мы гордимся элитой нашей терапевтической службы: Т. А. Белолипецкой, А. В. Прохоровой, Д. Б. Швебером, Н. М. Курочкиным, Г. А. Куликовой, Л. М. Красновой, В. Д. Абакумовой, И. К. Соболевой, Ю. В. Ивановым, В. М. Рыбаковой, М. Дриго, В. Ф. Кузнецовой, А. С. Щербатых, и многими другими. Особая наша гордость — это доктора наук А. А. Хадарцев, Ю. И. Цкипури. Панегирические воспоминания не воспринимаются теперешним поколением. Все пытаются понять «за что» более 50 лет ездили к нам ученые 1 ММИ. Но областная больница и сейчас живет ожиданием дальнейших творческих связей, новых форм содружества.

Шли годы, менялись главные врачи. Наш флагман, взявший правильный курс, продолжал уверенно поступательное движение вперед.

Главный врач И. Г. Зайцев, будучи ветераном областной больницы, максимально организованным человеком, оттачивал планомерно и последовательно организационные формы и методы работы комплекса.

Оценка ему в следующих стихах:

*Твореньям Вашим нет предела!
С утра до ночи — созиданья труд.
Талант, умение, терпенье,
и вкус, и эрудиция — все тут!
Блестит чистотой здоровья храм.
Музей таинственно, в величии молчит.
Как памятник о мужестве
и подвиге врачей звучит!
Дыханье, ритм машины нашей планомерен...*

Апофеозом в работе областной больницы стал тандем в работе больницы и отдела здравоохранения.

Институт главных специалистов возглавила Е. И. Черниенко и четверть века под ее неустанным руководством совершенствовался лечебно — профилактический процесс в области, успешно внедрялись эффективные формы работы: новый хозяйственный механизм, дневные стационары, врач общей практики, больница сестринского ухода, реабилитация, госпиталь для ВОВ, хоспис и многое другое.

Для таких главных специалистов областной больницы, как В. Д. Абакумова, И. К. Соболева, В. В. Бещенко, В. Я. Драпкин, Т. В. Воробьева, Г. А. Васюкова, Н. Г. Вознюк, В. Н. Наумова, А. П. Трубина, А. А. Хадарцев, Р. А. Пантюхова, Л. П. Трушинский, В. А. Пуганов, Г. С. Самошенко, В. А. Васюков, Ф. Я. Джабаров, Л. С. Рубинштейн, Е. Н. Матчин, Г. А. Лукичева, В. Е. Ефимов, Р. А. Гвазава, В. Б. Иванов, — Елена Ивановна стала:

*Свет очей Вы наших,
для нас Вы с каждым годом
все родней, все краше!
За это жизнь благодарим
и все хорошее мы в памяти храним!
Искрящаяся звезда на нашем небосводе!
открытость нрава, изящество души, —
всем этим Вы нам стали хороши!
Полны умения других понять
и сердце всем свое отдать.*

Будучи главным врачом, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ О. Д. Лукичев приумножил базу областной больницы, перестроил работу областной поликлиники, усилил ее диагностическим центром, а последний — высококлассными специалистами, создал терапевтический корпус, отделение реабилитации. В больнице внедрен стиль организации неотложных форм стационарной помощи.

Удивительно его бережное отношение к традициям, ветеранам.

*Ваш возраст украшают
мудрость, седина — алмаза грани.*

Молодежь нашей больницы талантлива. Но выжить и приумножить нажитое нашей больнице помогут традиции, трудолюбие и добронравие молодых. Основной девиз — честь больницы. И только тогда флагман останется не потопляемым.

*Долгий, долгий тебе путь дорогая!
«Приют спокойствия трудов и вдохновения».*

Николай Макаров*

ЗАПИСКИ БАТАЛЬОННОГО ВРАЧА

... Накануне Нового 1973 года с группой офицеров, находясь на полигоне, глубокой ночью поехали за елками. Километров за пять-шесть от военного городка. Приехали. Вот они, елки метрах в пятидесяти. Идем к ним. По промерзшей с едва кое-где заметными следами снега. Не было в декабре тогда снега. Вокруг в земле видим непонятные (Луна рядом — рукой подать, россыпь звезд в морозном воздухе) круглые воронки. Одинаковой формы. Много их!

Припоминаю свой разговор с комбатом, когда впервые увидел крупномасштабную карту полигона и на ней в одном квадрате массу мелких кружочков со штришками внутрь. Окопы? С войны? Не похоже? Воронки от снарядов? Майор Нестеров подтвердил мою догадку. Воронки, но не от боевых снарядов, а от испытательных болванок.

В этот миг со стороны нашего военного городка появляется всполох огня и в небо уходят трассеры снарядов (завораживающее зрелище, надо отметить). Через некоторое время раздаются звуки стрельбы... корабельных зенитных пушек. Мы совсем забыли, что рядом с казармами находится и испытательная лаборатория какого-то Тульского военного завода.

Через малый промежуток времени новый трассер уходит в небо. В «зенит». А болванки от первой серии начинают падать рядом с ними. В районе тех самых, вначале нам непонятных воронок.

Теперь предельно понятных, этих чертовых воронок. Мы бросились врассыпную. Залегли за толстыми деревьями. Пролежали так на декабрьской промерзлой земле минут тридцать, пока продолжалась эта какофония. Из фейерверка трассеров и падающих рядом пусть не боевых снарядов, а болванок.

Ощущение, надо признать честно, было очень и очень не из приятных.

Елок? Нарубили мы елок. За ними же поехали...

... Прослужив всего полгода, я на санитарной машине попал в аварию. Вина была полностью на водителе гражданской машины. Но правой дверце «санитарки» от этого было не легче. Восстановлению она не подлежала.

Не смотря на то, что на третий день из ВАИ я принес копию заключения о невиновности водителя. Тем более, старшего машины. То есть меня. Заместитель командира полка по технической службе (зампотех) подполковник Иващенко устроил мне полчасовой разнос. С последующим напутствием:

— Ищи, где хочешь правую дверь. Неделя срока.

За неделю я с водителем побывал во всех гаражах города Тулы: в гаражах ГАИ; в

---

* Наш постоянный автор; см. «ПЗ», № 1/07 и № 2/08

гаражах «Скорой помощи»; в гаражах «Союзпечати»; в гаражах больниц; и так далее и тому подобное.

Предлагали все: левую дверцу; дверцу в салон; задние двери; движок; оба моста. Но не правую дверцу. Нигде ни у кого не было правой дверцы.

В субботу докладываю зампотеху о неудачных результатах поиска. Докладываю о всех местах, где пришлось искать злополучную дверцу.

— Уважаю! Не напрасно поработал.— Впервые вижу зампотеха улыбающимся.— Скажи своему водителю, чтобы шел на склад и получил правую дверцу. Накладную я уже подписал.

Я стоял пораженный. Дверца была на складе, а он гонял меня по городу, не знамо зачем?

— Это тебе — наука! На будущее... Затем и старших машин назначают, чтобы меньше было аварий...

...После ночных стрельб в марте месяце (шла очередная, весенняя проверка боевой и политической подготовки войск за полугодие) еду на санитарной машине (был дежурным врачом на этих стрельбах) в Тулу. Два часа ночи. Трасса пустая. Только вдаль светят приближающейся машины. Скорость — под семьдесят. И на подъеме, перед населенным пунктом Семеновское, мы встречаемся с грузовиком. На разных полосах, конечно же. И только грузовик пронесется мимо, нашу машину резко бросает влево, на противоположную сторону. «Санитарка» (УАЗ-452- «А») наклоняется тоже влево, а перед машиной катится переднее левое колесо (!). Плохо, оказывается, закреплено было это колесо (Водитель с машиной был не с первого батальона, а с медицинского пункта полка). И я доверился ему, как полностью доверял своему водителю. Вот результат — мгновением раньше случилась авария и ... Ни к чему здесь сослагательное наклонение...

...Следующей ночью опять после стрельб еду в Тулу уже на другой «санитарке» с другим водителем (опять из медицинского пункта полка). Два часа ночи. Трасса пустая. Только вдаль светят фары приближающейся машины. Скорость — под семьдесят. Приказываю водителю сбросить до минимума скорость. И на том же самом подъеме, перед населенным пунктом Семеновское, мы встречаемся с грузовиком. На разных полосах, конечно же. И только грузовик пронесется мимо, наша машина резко... останавливается.

На том же самом месте. Метр в метр! Правда, сейчас причина другая — кончился бензин...

Мистика?

...Однажды зимой выдвигается с «боями» на полигон второй батальон. Метель. Холодно. На середине пути, в деревушке Волоть, на окраине стоит коровник. Большой. Огромный. Буквой «Т». В коровнике, естественно, тепло. Первым облюбовав ближнюю половину «перекладины буквы «Т», в тепло коровника проник с радистом начальник штаба батальона, майор Пуцята. Дальнюю, по ходу движения вторую перекладину буквы «Т» тут же занимает с личным составом заместитель командира шестой роты старший лейтенант Серега Львов.

Пуцята по радиации дает вводную, отмечая на карте свое местонахождение.

Львов в ответ передает, что выдвигается в заданный район, согласно ранее утвержденному плану.

Пуцята вновь дает вводную и просит уточнить координаты шестой роты.

Львов вновь отвечает о своем успешном наступлении на «противника»...

И так они переговариваются около часа, «воюя» на картах, находясь друг от друга метрах в пятидесяти в тепле коровника. С двух сторон. И, незаметно, подошло время дойки коров. Что и стали делать местные деревенские доярки.

Вот одна приглашает майора Пуцяту попить молочка. Вот другая приглашает старшего лейтенанта попить молочка. Вот они оба с важным видом, переговариваясь по рации, движутся навстречу друг другу к вертикали буквы «Т». где их ждет парное молоко. И... нет, встретились они, не могли не встретиться. Немая сцена — финал комедии «Ревизор».

А молока попил один майор Пуцята с радистом...

...Прием в партию. В КПСС. Вернее — кандидатом в члены. Дивизионная парткомиссия. Последняя инстанция и я — в рядах ее. Партии. Вернее — на ближайших подстыпах. Пока — вопросы. Один марзаматичнее другого. И последний вопрос. Козырный вопрос члена парткомиссии начальника артиллерии дивизии полковника Одринского. Вопрос, который он задавал всем и каждому:

— Какие газеты выписываешь? И журналы?

Не читаешь, а выписываешь (!?).

Перечисляю:

— «Комсомолка» — каждый комсомолец обязан.

«Правда» — как будущий коммунист обязан.

«Красная Звезда» — военный обязан.

«Политическое самообразование» — темы лекций и занятий по ППР (ППР — партийно-политическая работа или, «потрепались, покурили и разошлись»), обязан.

«Медицинская газета» — как врач обязан.

«Военный вестник» — военный обязан.

«Красный воин» — газета МВО (МВО — Московский военный округ), обязан.

«Советский спорт» — для души, не обязан.

«Крокодил» — для жены, не обязан.

«Мурзилка» — для старшего, не обязан.

«Веселье картинки» — для младшего, не обязан...

— Ну, это ты заливаешь? — следует негодующе возмущенная реплика Одринского.

— Ничуть! — протягиваю председателю парткомиссии, полковнику Замятину Александру Васильевичу дюжину квитанций.

С моим адресом. С каждым наименованием. С подписью. С печатью. На целый год. Из «Союзпечати» (!!!).

Парткомиссия в шоке.

— Все читаю.— добиваю веским аргументом. — И конспектирую...

— Единогласно!

Так я был принят кандидатом в члены. Благодаря дюжине квитанций из «Союзпечати». Где директором этой самой «Союзпечати» работал мой друг. Который за пять минут наштамповал мне эти квитанции...

А то, понимаешь,— какие газеты выписываешь?..

...Лето одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. Парашютодром. Двадцатое Первенство страны и пятнадцатое Первенство Вооруженных сил по парашютному спорту.

Завтра торжественное открытие. А сегодня уже начаты прыжки. На огромном стенде развешаны списки участников всех команд. У фамилий тех, кто совершил прыжки стоят какие-то цифры, отображающие результат прыжков. И абсолютно непонятные мне, впервые присутствующему (вернее, выполняющего медицинское обеспечение этих мероприятий) на подобных соревнованиях.

Около стенда в старом застиранном трико, в соломенной шляпе, шлепанцах на босу ногу (вон, на трибунах — полно таких дедков-отдыхающих из рядом находящегося военного санатория «Слободка») стоит и внимательно изучает записи пожилой мужик. Подхожу.

— Отец! Ты что? Разбираешься в этой писанине?

Он с усмешкой глянул на меня:

— Немного кумекаю!

— Растолкуй тогда мне...

Минут двадцать он мне рассказывал все нюансы соревнований по парашютному спорту. Еле успевал за ним записывать.

— Зачем записываешь? Так не можешь запомнить?

— Да, понимаешь, отец, пишу репортаж об этих соревнованиях в несколько газет. И чтобы не напортачить, не попасть впросак, надо все досконально изучить.

— Это, правильно...

— Отец,— задаю ему новый вопрос,— а ты Лисова, Ивана Ивановича не знаешь, случайно.

— Как тебе сказать? Приходилось встречаться. Завтра, на официальном открытии он будет передавать свою должность Председателя Федерации парашютного спорта страны космонавту Горбатко.

— Ну, отец, ты и даешь! Все знаешь!..

Основная газета, куда я писал об этих соревнованиях, была «Молодой коммунар», молодежная газета Тульской области. В газете, порой, в одном номере, печатали три-четыре-пять моих материалов.

В следующий номер газеты нужно было давать интервью с генерал-лейтенантом Лисовым, заместителем Командующего ВДВ. А получится — и с космонавтом Горбатко.

Получилось. После торжественного открытия соревнований. С вступительной короткой речью, на котором выступил в полной форме генерал-лейтенант Лисов Иван Иванович. Мой вчерашний «дедок» у стенда.

Жаль, что у меня не сохранились ни интервью с Лисовым, ни интервью с Горбатко...

...Зима семьдесят четвертого или семьдесят пятого. Полковые учения. Десантируемся на знакомую площадку в Гороховецких лагерях. Быстро собираемся в районе сосредоточения и с хода выполняем «ближайшую задачу». Опять собираемся. Проверяемся. Подкрепляемся. Оправляемся. И готовы совершать рейд по «тылам противника». И...

Командир взвода связи старший лейтенант Толя Лутц докладывает комбату, что во взводе потерян... автомат.

«ЧП»!!!

Полчаса ищем своими силами. Чуть не до нижнего белья раздевая каждого солдата. Безрезультатно. Перетряхиваем всю технику батальона. Безрезультатно. Вычисляем, где может быть потерян злополучный автомат. Прочесываем местность. Безрезультатно.

И только тогда комбат докладывает об утере оружия командиру полка. И для нас, для первого батальона, на этом учения заканчиваются. Разбиваем лагерь. Готовим горячую пищу. На подмогу прибывают саперы с миноискателями. Но вышестоящего начальства, к счастью, не появляется — основные-то силы полка продолжают «воевать». Пока — не до нас.

Уточняется, корректируется район поисков: где-то с километр пробитой в снегу полевой дороги. Плюс сто метров (для страховки) по обе стороны этой дороги. Батальон, т.е. личный состав батальона, в шеренгу по одному утюжит эту снежную целину несколько раз. Безрезультатно. На следующий день на поиски привлекается местное население в виде тракториста с трактором и примитивными боронами. Безрезультатно.

Третий день. Батальон в очередной раз (какой?) готовится просеивать этот чертов снег. Появляется, уже такой родной трактор с боронами. И ...

И метрах в десяти (!!!) от нашего лагеря раздается звук удара металла о металл. Неужели? Да, здесь же миллион, миллиард раз хожено-перехожено... Не может быть! Это не...

Нет, это был, вернее, это нашелся автомат...

Батальон за учения получил оценку — «удовлетворительно». Полк — «хорошо»...

...«Разлагались» мы как-то в Ефремове. Перестройка семимильными шагами мчалась по стране, зажигая повсюду пожары межнациональных конфликтов. Очередной раз подняли по тревоге нашу дивизию. Выдвинули войска поближе к аэродромам. И оставили ждать команды «фас». А «тушить» очередной пожар нужно было где-то в Средней Азии.

Команды не было день. Не было два. Не было три. И тогда с подачи взвода СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемиологический взвод, тогда организационно-штатно входивший в структуру медсанбаты) затеваются соревнования среди офицеров батальона по различным видам спорта, какие можно было придумать в тесноте казармы.

В общем зачете, где всего-то, по штату три офицера, побеждает мой взвод.

Токсиколог, старший лейтенант Пугачев Славка — чемпион по гиревому спорту.

Бактериолог, старший лейтенант Петро Голобородько — чемпион по отжиманию от пола (упал — отжался).

Командир взвода («тире» — эпидемиолог дивизии), майор., т.е. ваш покорный слуга — чемпион по шахматам и по удержанию «уголка» на спинке кровати (спиной, естественно, не на сетку кровати).

По остальным видам... не производились соревнования.

Судьей был начальник медицинской службы дивизии, гвардии подполковник медицинской службы, Щербин Владимир Иванович...

...В кабинете сидят: эпидемиолог войск полковник Солнцев Вячеслав Леонидович (для меня — просто Славка: на год позже моего, Томского выпуска), начальник медицинской службы дивизии, подполковник Щербин Владимир Иванович, командир медсанбата подполковник Белый Владимир Иванович.

Вхожу в кабинет. С огромным портфелем (как всегда). Который называю «мой кошелек». И Щербин, мой непосредственный начальник, делает попытку меня как-то показать в невыгодном свете перед начальством (т.е. Солнцевым Славкой) из ВДВ.

— Вот, Леонидыч, моду взял — с таким большим портфелем везде ходит...

Какую он хотел увидеть и услышать реакцию Солнцева — не знаю. Но ответ эпидемиолога Воздушно-десантных войск подверг моего начальника просто в какое-то шокирующее недоумение:

— Владимир Иванович! Только эпидемиологам и положено ходить с такими большими портфелями... Вот он и ходит...

...12 сентября 1981 года. Всего две недели прошло после моего перевода из полка с должности врача батальона на должность бактериолога медсанбата.

12 сентября 1981 года. День рождения моей лаборантки Смирновой Анфисы Ивановны. Ровеснице моей матери, которая еще год назад получила медаль «Ветеран труда». Медаль, вручаемая женщинам, в основном, после 55-летнего пенсионного возраста.

Сидим. Отмечаем в узком кругу сотрудников лаборатории День Рождения. На мой наивный вопрос (она теперь моя подчиненная, хотя и вольнонаемная, гражданская, не военная), почему нет такой медали и у нее, тем более год прошел с ее пенсионного юбилея, она грустно отвечает:

— Наверное, служащим Советской Армии не положено...

Возмущаюсь, напрасно сотрясая воздух:

— У нас что, для служащих Советской Армии в стране особые законы?

Обращаюсь к своему непосредственному командиру, майору Хаустову, эпидемиологу дивизии:

— Игорь Иванович, какие-то телодвижения в этом направлении были предприняты?

Отвечает буквально следующее, благо Анфиса Ивановна вышла из-за стола в другую комнату:

— Оно тебе надо?..

На следующий день прихожу к начальнику штаба батальона. Начальник штаба от удивления вытаращил на меня глаза: впервые о подобном слышит.

Командир батальона тоже не в курсе дела. В гарнизонном госпитале также — без понятия.

Добираюсь до начальника отдела кадров дивизии — та же картина!

Круг замкнулся?..

Значит, надо этот круг как-то с другой стороны разрывать.

Иду в Обком профсоюзов медицинских работников. Там популярно объясняют (не посылают!)... какие нужно собрать документы, чтобы моя подчиненная получила заслуженную награду.

Вперед, на Дарданеллы!

Месяц уходит на сбор разных справок, справок для справок, подписей, печатей. Скептики (главный скептик — майор Хаустов, как ни странно?) не верят в мою затею. Никто не верит.

Проходит еще месяц (да, и в то время была бюрократия!) и, аккурат к Новому году, Анфиса Ивановна получает медаль «Ветеран труда». Награда наша героя!..

После этого случая мне пришлось целый год быть консультантом ветеранов не только медсанбата, где служил, но и штаба дивизии, других частей.

И стал, конечно же, очень уважаемым человеком. Хотя, и не завсклад, понимаешь...

...На ЗКП (ЗКП — загородный командный пункт) — проходят КШУ (КШУ — командно-штабные учения). На картах. Зачитывают вводную. Это мои первые КШУ, где мне приходится выступать в роли начальника медицинской службы дивизии. И для меня все в диковинку, все новое, все незнакомое. Хотя, даны цифры и твоя задача... простая арифметика. Ни алгебра, ни тригонометрия, ни высшая математика, а простая арифметика.

«Ядерным ударом» накрыли один из полков дивизии на марше. В том числе уничтожено все медицинское имущество полка. Вместе со всем личным составом медицинской службы.

Задача простая. Откуда сколько необходимо людских и материальных ресурсов взять для доукомплектования медицинской службы полка.

С личным составом все ясно. Проблем нет. Но с медицинским имуществом что-то непонятно. Ядерным взрывом уничтожено медицинского имущества полка в пять (!!!) раз больше по весу, чем имеется на самом деле. Вот, те раз. Достая медицинские «буквари». Точно, не может такого количества быть в полку медицинского имущества.

Подхожу к «операторам» (офицеры оперативного отдела штаба дивизии, разработчики всяческих планов и всякой другой документации штаба дивизии, в том числе и разработчики КШУ). Показываю им явную галиматью. Они (три офицера в чине подполковника) непонимающе смотрят на мои выкладки. Листают свои «талмуды». Заглядывают в ответ нынешних учений. Нет, у них все правильно. У них, по их вводным, в полку в пять (!!!) раз имущества больше, чем положено по штату. Спрашиваю у них, а на чем, собственно, этот излишек имущества десантируется? Все же распи-

сано до килограмма по каждой платформе, на которых десантируется вся техника и все имущество...

В общем, морщили они свои многострадальные «репы», морщили и нашли компромиссное решение:

— Мы доложим начальнику штаба (начальник штаба дивизии — руководитель КШУ). Что у тебя решение правильное и медслужба получает «зачет». А ты ему не докладывай.

На том и порешили. Но не думайте, что на этом все закончилось. Через полгода — очередное КШУ. На том же ЗКП. Только зимой. И та же вводная. Изменены только ... названия населенных пунктов. А «уничтожено» ядерным взрывом опять в пять (!!!) раз больше медицинского имущества, чем десантируется в тыл противника...

Это я о том, что крепка, крепка и в Российской армии оборона. Ибо — чем больше в армии дубов...

...Как все-таки бумажка, простая заверенная бумажка, по крайней мере, может изменить мнение о человеке.

— Рязанский полк. Лето. Жара. Готовимся к полковым учениям с десантированием. Офицеры штаба дивизии приезжают в Рязань за неделю до учений. На рекогносцировку. Проверку подчиненных по своим службам о готовности к учениям. В общем, работы хватает.

За неделю пребывания, перед завтрашним десантированием, всех офицеров штаба дивизии и офицеров полка собирают в клубе. Чтобы заслушать каждого начальника о подчиненной ему службе. Впервые перед нами появляется и командир дивизии — генерал-майор Сердечный и заместитель Командующего ВДВ генерал-лейтенант Курочкин.

Первый докладывает. Все нормально. Курочкин задает вопрос:

— А где ваш план учений?

Увы, плана нет.

— Не готов к учениям...

Второй — та же картина. Пятый — то же самое. Доходит моя очередь.

Докладываю как положено и в заключении заявляю, что план остался в медицинском пункте полка. Сердечный так ехидно улыбается, а Курочкин с не менее ехидством подначивает, предвкусывая расправу над офицером так нагло врущему в глаза генералам:

— Иди и принеси!

Все, сейчас, этот докторишка начнет юлить, изворачиваться и тут мы его — под орех.

К их удивлению я встаю, выхожу и через пяток минут, кладу перед ними на стол тетрадь за две копейки, в которой расписаны все этапы учений по каждому пункту и подпункту. С утверждающей план подписью начальника штаба дивизии. С синей дивизионной гербовой печатью.

Резюме генерал-лейтенанта Курочкина:

— Единственный офицер, который готов к учениям.

Генерал-майор Сердечный с досады аж крякнул...

... Еду на санитарной машине из гарнизонного госпиталя по Оборонной улице в медсанбат. Впереди еле телепается трамвай. На сорока километрах скорости (на дороге яма на яме) догоняем трамвай. Едем рядом. Равняемся с передними колесами трамвая. И... вдруг спереди из-за трамвая прыгает мужик. Прямо под нашу машину. Трамвай, трезвоня своим сигналом, проезжает дальше. Водитель «санитарки» резко крутит руль вправо. Бьет по тормозам. Мужик разбивает правой рукой лобовое стекло машины, бездыханно падает перед передние колеса.

В миг собирается толпа. Даю команду трясущемуся от страха водителю:

— Быстро носилки! — Кладем бедолагу еле дышащего на них. Несем к машине. Из толпы — советы:

— Оставь, как было. Жди ГАИшников. Врача надо.

С ГАИшниками потом разберемся. Врач на месте. Мчимся без лобового стекла в «Семашко», сдаем в реанимацию. Едем обратно.

На месте аварии — ГАИ, ВАИ, толпа (но меньше) народа. Рассказываем как было дело. Составляют протокол. Пишу, как свидетель, объяснительную. Предварительное заключение об аварии: «Водитель санитарной машины не виновен». Но... но нужен второй свидетель. — Где его взять?

А трамвай? А вагоновожатый, многоуважаемый, трамвая?

На другой машине (пострадавшую машину отогнали в автопарк батальона, даже не на площадку для оштрафованных машин) еду в трамвайное депо на Оборонной. Нахожу диспетчера. Объясняю ситуацию. Диспетчер смотрит графики движения трамваев. Связывается с многоуважаемым вагоновожатым.

— Завтра она (забыл ее имя, к сожалению) будет вас ждать в десять часов.

Завтра беру у нее объяснительную случившемуся (как-никак — второй свидетель), мчусь в реанимацию «Семашко».

В реанимации меня ошарашивают известием:

— Ваш сбитый сбежал (!) из отделения в одних трусах (!). И ничуть он не пострадавший: царапины на нем ни одной нет. Пьяный в усмерть!

Вот это номер! Вот удружил. Мало того, разбил ветровое стекло. Мало того, что столько перепортили с ним нервов. Вдобавок исчез, оставив в кармане пиджака только справку из мест не столь отдаленных, где проходил отсидку в шесть лет. Из которых вышел (!!!) неделю назад. Где его искать? Без его заявления об отсутствии претензий к водителю военная прокуратура не закроет уголовного (!) дела (как быстро они его, это уголовное дело, оформили-то!) на водителя-то.

Рассуждаю логически: без одежды, без документов (справки-то есть) он никуда не денется. Сажаю в «засаду» в приемном отделении реанимации водителя. И к вечеру он приносит заявление бывшего ЗеКа об отсутствии претензий у него.

Все? Как бы не так.

На первом же партийно-хозяйственном активе звучит моя фамилия и за медсанбатаром числится одно «ЧП». Мои объяснения о том, что никакого «ЧП» нет, «дела» нет, абсолютно не принимаются во внимание: «Из прокуратуры дали сведения, что в медсанбате имеется одно «уголовное» дело. Не закрытое!»

Иду в прокуратуру. Там — народ простой:

— Что ты ходишь со своей мелочевкой? У нас — убийства, насилие, грабежи, хищения! Подожди малость — закроем! Тем более никакого преступления нет!».

Закрыли они это «дело» только под Новый год, через шесть месяцев после аварии. Водитель давно уволился в запас. А меня каждое собрание, каждое совещание склоняли по всем падежам за «палку» (т.е. случай) уголовного дела... Несуществующего, однако, существующего...

...Сколько может молодой солдат съесть порций за обед? Если его ни в чем не ограничивать? Ни в количестве блюд?.. Ни во времени, потраченном на трапезу?.. Ни на другие всевозможные ограничения?..

Но по порядку...

Пришел во взвод связи служить, только что из «карантина», солдат. Нелюбин — его фамилия. Увалень увальнем. Топором обтесанное лицо. Русая поросль на голове после сверхмодной стрижки «под Котовского». Ручищи до колен с натруженными крестьянскими ладонями. Сапоги сорок шестого или сорок седьмого размера. Телосложения, отнюдь не богатырского. И рост — чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров. И глаза — голубые, голубые глаза. Голубее — гордости каждого десантника — берета и полосок на тельняшке.

И, невероятный, патологический какой-то аппетит. Какая-то звериная жадность и быстрота поедания всякой пищи. Постоянная готовность смести все, что оставалось недоеденным на столе взвода связи. Дембельское дополнительное питание (за сто дней до приказа — не знаю, как в других войсках, но в Воздушно-десантных в мою лейтенантскую пору происходило все именно так — все дембеля отдавали солдатам свое сливочное масло) — также моментально пропадало в его ненасытной утробе.

— Молодой! — Ворчали добродушно дембеля взвода связи. — Прослужит год — наестся.

А Нелюбин все никак не мог наестся и постоянно что-нибудь да жевал. На полигоне, когда взвод связи во время стрельб стоял в оцеплении, он всегда выбирал (демократия, понимаешь, была во взводе) пост на «Вышке». Поближе к столовой. И, приходя первым, в каком-то наваждении съедал подчистую или завтрак, или обед, или ужин... всего взвода. Все съедал! Дюжину порций!!! Один!!! Так объел весь личный состав взвода один раз. Объел второй раз. Объел тре... Нет, третий раз объесть взвод ему не дали. Его не наказывали. Не объявляли строгий выговор с занесением... «в грудную клетку». С ним поступили по-другому. Совсем неожиданным и неординарным способом.

...Стоял воскресный солнечный день. Стрельб не было. Не было и оцепления. По столовой дежурили «свои» повара. Из первого взвода снабжения.

Поэтому на стол взвода связи «Бог послал» ни много ни мало: полный восьмилитровый бачок наваристого борща...полный шестилитровый бачок гречневой каши... огромную с верхом тарелку (специально позаимствованную у поваров для такого случая) жареной свинины... полный пятилитровый чайник компота... буханку ржаного и буханку пшеничного хлеба.

— Ешь!

Личный состав взвода расселился вокруг ненасытного Нелюбина, готовый в любой момент заклеить его обжорство безжалостным солдатским сарказмом и высказать все то нелicenseприятное, что накопилось за последнюю неделю, когда этот молодой солдат буквально обжирал весь взвод. Не припоминали «ветераны» подобного случая не только во взводе, но и в батальоне и даже в полку. Не было похожих уникумов. Вундеркиндов от обжираловки. Не было. И сейчас они проучат, набьют его безразмерное брюхо. Силой заставят его съесть выставленное на столе. Через «немогу», через, если надо, и блевотину...

— Все! Больше не осилю! — Нелюбин расстегнул бляху ремня и блаженно-умиротворенная улыбка заиграла на его всегда хмуро-озабоченном лице. — Спасибо большое, ребята. Не поверите, я первый раз в жизни наелся по-настоящему.

По его порозовевшим (то ли от обилия еды, то ли от тепла столовой) прокатились две слезинки.

— Нас в семье восемь детей. Сейчас, наверное, уже девять, и мне, как старшему...

Он не договорил и по щекам прокатились еще две слезинки. Личный состав взвода потрясенно молчал...

— Спасибо!..

...От того знаменитого обеда остались одни воспоминания. Солдатские будни приближались к неизбежному дембелю.

Ефрейтору Нелюбину теперь вполне хватало обычного солдатского пайка. За сто дней до приказа он, как и все, свое масло отдавал «салагам». Семейство Нелюбина к этому времени ждало пополнение десятым ребенком.

А у читателя, наверное, на языке так и вертится вопрос:

— Неужели Нелюбин все съел в тот обед?

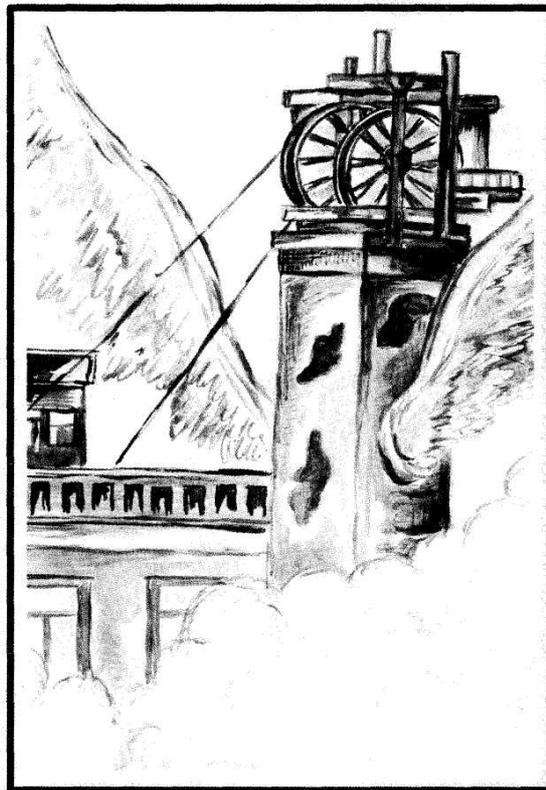
Хочу вас разочаровать. Нет, не все он съел. Не мог он все съесть. Недоеденными остались... два с половиной стакана компота...

(Продолжение следует)

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Алексей Логунов
(г. Новомосковск)

СВЯТЫЕ И ПРАВЕДНИКИ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

В марте 2009 года детскому писателю Алексею Андреевичу Логунову исполняется 70 лет. И 55 лет творческой деятельности. Его первое стихотворение «Среди родных полей» было опубликовано в газете «Молодой коммунар» в 1954 году. Родился Алексей Андреевич в селе Черемушки Тульской области вблизи Куликова поля. В одной из своих книг, которая называется «Сударыня Книга или сказания Куликова поля» есть такие слова: «Мои земляки — куликовцы превыше всего ставят три дела: молиться Богу, пахать землю и защищать Родину. Так было. Так есть. Так будет. Такой уж мы русский православный народ». Не одно поколение школьников училось патриотизму на книгах писателя, обций тираж которых перевалил за три миллиона. В 2000 году писатель пришел в храм «Нечаянная Радость» в Новомосковске, да так и остался там: Учился сам и учил молодых прихожан писать православные стихи и рассказы. Стал выпускать альманах «Прихожанин», затем журнал «Православный Новомосковск», который возглавила его ученица Надежда Лысенко. Сам же Алексей Андреевич взялся за выпуск еще одного журнала «Свято-Ильинский храм». Уже выпущено пять номеров и одно приложение — «Ильинский Крест». Сейчас писатель работает над созданием альманаха «Епифанские сказания», ведет в журнале «Мосбасс», а значит и в «Приокских зорях», постоянную рубрику «Святые праведники Тульского края».

ДОМ МАТЕРИ БОЖИЕЙ

Россия, Россия —
Дом Матери Божьей...
Сиренево-сине
Цветет подорожник.

Россия, Россия-
Большая дорога.
О, как все красиво
У Господа Бога!

И ангелы в небе,
И в воздухе птахи,

И в зреющем хлебе
Ребячьи рубахи.

И храм на пригорке,
И крест на кладбище...
Россия, Россия,
Чего же ты ищешь?

Вот так и шагал бы
До смертного часа,
Да песни слагал бы
Про Светлого Спаси!

**СКАЗАНИЯ О СВЯТОЙ МАТРОНЕ МОСКОВСКОЙ,
ЧУДОТВОРИЦЕ С КУЛИКОВА ПОЛЯ.
(СЕЛО СЕБИНО)**

Сила моя совершается в немощи.../2.кор.12.9./

Бог даровал Москву Матроне

Бог даровал Москву Матроне,
Сказал: седи, как царь на троне,
А духом будь, как страж в ночи,
Чтоб ободрились москвичи.
В Москве блаженная Матрона
Жила, скрываясь от закона,
Такая доля суждена!
В Москву приехала она
Не потому, что Ваня с Мишей
Ее в семье считали лишней,
А потому, что над столицей
Сам дьявол распростер крыла.
С ним предстояло ей сразиться:
Она же воином была!
Уж больно он разбушевался,
Древнейший змий — Вельзевул.
Он из глубин земных поднялся,
По всей России слышен гул!
О, если б не ее молитвы,
Не долгие ночные битвы
Враг столько натворил бы бед:
Была Москва, да больше нет.
Но Бог вручил Москву Матроне,
Сказал: Седи как царь на троне,
А духом будь, как страж в ночи,
Чтоб ободрились москвичи.

* * *

Вождь у блаженной матроны

Враг у стен Москвы!
И Сталин
Чуть столицу не оставил,
Да боялся за народ:
Вдруг неправильно поймет?

Шофер Никита Ермаков,
Из православных мужиков,
Который в Кремль возил продукты —
И хлеб, и овощи, и фрукты,
Сказал вождю, что есть в Москве,
Как хлебный колосок в траве,
Сидячая,
Незрячая,
И мухи злой не обидищая
Матронушка ясновидящая.

Вождь у блаженной ночью был
И с нею тайно говорил.
И она ему сказала:
«Ты ко мне, видать, с вокзала.
Ах, Петух мой Красный,
Для врагов опасный!
Государством управляй,
А Москву не оставляй,
Знай: победа за тобой.
В небесах начался бой!..»

А на утро радостную весть
Радио сказало ровно в шесть:
«Немцы отступили от Москвы!»
И явился крест из синевы.

«Кто же щит и оборона
Сиротливым москвичам:
Я иль Матушка Матрона?» —
Думал Сталин по ночам.

Праздник на родине святой Матронушки..

На кромке Поля Куликова
Лежит деревня как подкова,
К земле кормилице припав
Там, где засилье хищных трав.

Татарник так разбушевался,
Избушек даже не видать!
А Божий Храм на холм поднялся,
Шлет всем, кто дышит, благодать.

Ранним утром по улицам Новомосковска проезжал автобус с паломниками. На календаре было 22 ноября 2003 года — День памяти святой Матроны. К ней, к нашей Матронушке, небесной покровительнице Тульской земли, и ехали мы на праздник в село Себино. По дороге пели молитвы, псалмы, тропари... И конечно же духовное песнопение «Матушка Матрона»:

Матушка Матрона — Божия раба,
Всем нам православным — верная слуга,
По ее молитвам бесы отстают,
И на помощь людям Ангелы идут

По законам мира не жила она,
А тропинкой Божией по земле пошла.
Хоть была слепая матушка сама,
Но во тьме кромешной Божий путь нашла.

Шофер, заслушавшись, свернул не на тот поворот, но все обошлось, в этот день все дороги вели к Куликову полю, на родину святой Матронушки. И наш автобус продолжал петь:

В трудные минуты люди к ней брели
И свои печали матушке несли.
Всем им помогала Божия раба,
На служенье людям отдала себя.
Матушка Матрона, помолись о нас,
Чтоб Господь Россию от геены спас.
За твою молитву Бог услышит нас,
Время для спасенья грешным людям даст.

В Себино мы приехали в семь с четвертью, думали — первые будем, а у сельского храма Успения Пресвятой Богородицы уже тесно стояли машины и автобусы. Как оказалось, со всей округи — из Донского, Кимовска, Узловой, Богородицка, Тулы, из нашего Новомосковска и даже, что особенно отрадно, два больших автобуса из Москвы.

Из поющего автобуса мы попали в поющий храм: «Величаем, величаем тя, святая, праведная, блаженная мати Матроно и чтим святую память твою...» Народу было много, люди стояли локоть в локоть и песнопение следовало одно за другим. Непривычно и радостно было слышать «Боже Царя Храни», «Слався, слався родная страна», «Спаси Владычица Святую Русь», другие духовные стихи и песнопения. Ждали Владыку Алексея, Архиепископа Тульского и Белевского, который собирался принять участие в празднике, освятить в храме сразу три престола (Почему сразу три — об этом речь впереди).

А народ все прибывал. Многие обращали внимание на новую звонницу из свежесрубленных сосновых кряжей, сооруженную специально к празднику. Пять колоколов, побольше и поменьше, висели в рядок, а шестой колокол, самый большой — чуть поодаль. Они теперь постоянно будут оглашать окрестность своими мелодичными голосами, созывать верующих в храм на службу.

— Старца, старца везут! — слышались голоса.

Оказалось, московские паломники привезли с собой старца из Иванова. А старец не ходит, предвигается на коляске. Народ кинулся к нему, просят благословить, о своих духовных нуждах спешат поведать. Старец и благославляет, и советы нужные дает, а сам слезами обливается:

— В Москве на днях еще одного монаха убили... Силы дьявольские, сатанинские совсем распоясались — как перед концом света, по предсказанию Самого Спасителя. Молитесь, православные!

И тут кто-то вспомнил слова святой Матронушки, ее наказ русским людям: «Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия оставалась жива и будет жить. Молитесь, просите, кайтесь. Господь нас не оставит и сохранит Землю нашу».

Немного забегаю вперед, скажем о проникновенной проповеди батюшки Игоря, настоятеля Себинского храма Успения Пресвятой Богородицы. А говорил он о том, что строительство храма было завершено в 1881 г. В том же году родилась святая блаженная Матронушка. Вот как Господь заботится о своих праведниках: родится святой человек, а для него уже и храм готов

Когда Матронушку крестили,
Душистый пар снопом пророс.
И старый батюшка Василий,
Перекрестившись, произнес:
— Такое вижу я впервые...
И вот вам мой неложный сказ:
Еще одна у нас в России
Душа святая родилась!
А пар, качаясь над купелью,
Раскинул белые крыла,
Похож на птицу стал —
И птица
Людей крылами обняла.

...Владыка Алексей на праздник из-за болезни не приехал. Богослужение возглавил архимандрит Лавр. Новый придел с алтарем в честь Святой Блаженной Матроны освящал сам батюшка, протоиерей о. Игорь

Когда сразу из трех алтарей раздался стук камней, не все из прихожан поняли, что это такое означает. Но каждый ощутил благоговейный трепет в душе. А происходило в этот момент самое главное событие праздника — священники утверждали в алтарях престолы, чтобы стояли непоколебимо, прибавляли четыремя священными гвоздями верхнюю доску, именуемую в народе столешницей.

Вот из алтаря в честь святой Матроны, возле которого мы находились, послышалось пение 92-го псалма.

«Господь воцарися, в лепоту облечеса: облечеса Господь в силу и препаясая, ибо утверди вселенную, яже не подвижися. Готов Престол Твой оттоле: от века Ты еси...»

— Облачение престола идет,— шепнул стоящий рядом дедушка.— Сейчас начнут освящать алтарь: фимиам кадить, святой водой окроплять...

Да, мы были свидетелями знаменитого события. Как сказал в проповеди батюшка Игорь, такое бывает раз в 500 лет, когда освящаются сразу три престола. Один престол — в честь святой Матронушки, был новый. А два другие, уже существующие (в честь иконы Успения Пресвятой Богородицы и святого Александра Невского) в свое время были сооружены с некоторыми отступлениями от церковных канонов. Поэтому их тоже переделывали и вот сейчас — освящали. Но храм, несмотря на отступления от канонов, был благодатный, намоленный. Сама святая Матронушка сорок лет здесь молилась... Не случайно лишь один этот храм и уцелел на всю округу — и во время гонений на церковь, и во время Отечественной войны.

В этот день было много исповедников (несколько батюшек принимали исповедь), много причастников Святых Христовых Тайн.

А уж святой водички из Матронушкиного храма старались увезти домой все паломники, отчего образовалось несколько очередей.

— Простите нас, что водички мало запасли. Не думали, что народу столько приедет,— говорил присутствующим себинский батюшка Игорь.— Только Матронушка все знала. А с такой молитвенницей все будет ладно да складно.

И правда, очереди за святой водой быстро рассосались: люди брали по немногу, а потом по благословлению батюшки доливали воды из колодца, кто сколько хотел. На родине Матронушки в этот день вся вода была святая.

АЛЕША ОБОЛЕНСКИЙ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ

Каждый святой есть явление космического характера, значение которого выходит за пределы истории в мир вечности. Не станет на планете Земле среди множества людей хотя бы отдельных носителей этой благодати, так кончится земная история. Мысль о «слабости» христианства глубоко неправильна. Святые обладают силою, достаточною для господства над людьми, над массами, но они идут ОБРАТНЫМ путем: они себя поработают брату и чрез то приобретают себе такую любовь, которая по сущности нетленна.

Из книги старца Силуяна

Жил в наших краях святой человек — Алеша-блаженный, Христа ради юродивый. И не в какие-то отдаленные времена, а в середине прошлого века, при советской власти. То есть наш современник. Рассказы про него, похожие на фольклорные истории, доходили и до моих ушей. Так одна знакомая писательница из Новомосковска говорила со слов своей бабушки, что Алеша ходил босиком по снегу в рваном тулупчике, не раз бывал у них в деревне Акимо-Ильинка и, погостив денек-другой у одиноких старушек, снова уходил в неизвестность. Был он удивительно добрый, незлобивый и горячо благодарил за каждый кусочек хлеба, который ему подавали.

Другая боголюбивая женщина, р. Б.* Анна, рассказывала, как видела Алешу в Богородицке в храме. «Много народу сегодня причащалось Святых Христовых Тайн,— говорил он,— А благодать Божию получили всего несколько человек: им белый голубок клювом в уста вкладывал. Разве вы не видели? Батюшка всех причастил, а белый голубок только нескольких...»

И вот Господь даровал мне встречу с жительницей Новомосковска М. М. Захаровой, матерью двух священников, которая лично знала Алешу-блаженного и часто встречалась с ним. Ниже, я предлагаю вам нашу беседу.

— Мария Максимовна, откуда Алеша родом?

— Из Болохова под Тулой. Сейчас это городок, а в тридцатые годы (Алеша родился в 1932 году) был небольшой поселок. Детей в семье росло много, четверо или пятеро. Отец работал милиционером, мать занималась домашним хозяйством, огородом. Когда Алеша был маленький, он уже отличался от других детей. Придет с братьями с улицы, грязные все. Мать ругать их станет. Братья оправдываться начинают, а он молчит. Думали упрямый растет. Никто и не догадывался, что от Бога ребенок был.

Исполнилось Алеше семь лет. Собрали его родители в школу. День сходил, два, а потом говорит: «В школу я больше не пойду». А что же ты будешь делать, собак гонять? — спрашивает отец. Он молчит. «Пойдешь в школу?!» — «Не пойду». Отец рассердился и посадил его под замок в чулан. На три дня. И матери приказал: «Смот-

---

* Раба Божия (ред.).

ри, куска хлеба ему не давай. Ты смотри! Такая малявка, а уже характер показывает. В школу не пойду!..» Ну, а матери жалко сыночка. Открыть нельзя, ключ у отца. Еле дождалась когда отец чулан откроет. Слава Богу! Живой сынок.» Ну что, наголодался!? — спрашивает отец.— Теперь пойдешь в школу?» — «Нет, не пойду»,— Алеша отвечает — «Закрывай еще на сколько хочешь».

Мальчику Богом было открыто, как поступать, его Дух Святой по жизни вел. А родители этого не знали. Да если бы Алеша и сказал, не поверили бы. Ну, отец рассерчал и семь суток его взаперти держал. Без воды и без пищи. Когда открыл, спрашивает: «Пойдешь учиться?» — «Нет» — ответил сын. Берет Евангелие и семи лет от роду уходит из дома. Ушел и объявился в селе Оболенка: сидит возле храма у стеночки. Ничего у него не было, в чем был, в том и ушел. Только Евангелие — все его богатство. Дадут хлеба или яблочко — тем и сыт. Сам ничего не просил. Ночевал у богомольных людей. Как-то приходит к знакомой старушке: « Можно я у тебя ночую, баб Гань?» — «Ночуй, ночуй Алешенька!» Переночевал, а утром говорит: «Баб Гань, у тебя Псалтырь есть? Дай мне на минутку». Она подала. Он сразу в нужном месте открывает и читает отходную. Прочитал, захлопнул книгу и говорит: «Ну все, похоронили». — «Кого, Алеша?» — «Отца моего». А бабушка Ганя удивляется: отца родного отпел, отходную по Псалтыри о нем прочитал! И никто не учил его, сам прочитал на древне-славянском языке. Прочитал, захлопнул Псалтырь, подает бабушке? «На баб Гань, спасибо». Тут-то люди и узнали, что Алеша — Божий человек.

Стали к нему обращаться, кому совет нужен, у кого горе какое. Когда помоложе был, все грешников обличал, рассказывал им о их делах неправедных. А потом перестал. Видно от Бога вразумление было: «Не обличай, не суди». И он уже никого не осуждал, все больше отмалчивался. Идет по улице, мальчишки-несмысленшики кидают в него камни, палки. А он, даже руки не поднимет, чтобы защититься, только плачет: а-аа-а, а-аа...

Так и жил странником. По добрым людям ходил, да по церквям, по монастырям. Милиция его часто забирала, и в Петелино (психбольницу) сажали. Как-то встречаю его в Оболенке, острижен клоками, вот как овец стригут, и жалуется мне: «Мария, Мария, меня милиция била...» Достает из сумки белье, а оно в крови все. Я так и ахнула: «Алеша, Господь накажет этих людей!» — «Нет, нет, нет, Мария, они не ведают, что творят. Прости их, Господи!»

Вот какой был Алеша. Одно слово, блаженный. Когда приезжал в Новомосковск, то ночевать приходил к нам, ему нравилась наша тесная квартирка. Одет в лохмотья, на голове женские платки намотаны. Помогу ему раздеться, спрашиваю: «Что так много платков-то навязал?» А он в ответ: «Так надо, так надо Мария». Платки снимет. Лик — как у святого на иконе!

А еще таз у него был, с тазом этим ходил везде. Придет в храм, наденет на голову его и стучит по нему. Ему скажут: «Пожалей голову». А он отвечает: «Моя голова боли не боится. Привыкла, привыкла». И опять стучит. Кто знает, может этим он предупреждал людей, что стукачи рядом. Тогда ведь следили за нами, верующими. Кто в храм ходит, кто обвенчался или ребенка окрестил — все записывали и на работу сообщали. Алеша все об этом знал.

Как-то в Богородицке после вечерней службы пошли мы с ним ночевать к алтарнику Семену Семеновичу. Тепло, хорошо, погода чудесная. А Алеша говорит: «Мария, завтра снег пойдет. У-у сколько!» Я в ответ ничего не сказала. А он опять: «Половина службы пройдет, и снег повалит. Прямо шапками, шапками!» Так все и случилось.

Поехала я в Сергиеву Лавру. Стою в Москве на Ярославском вокзале, электричку жду. И вдруг Алеша подходит: «С праздником!» — «С праздником, Алеша». — «А ты куда едешь, Мария?» — «В Сергиеву Лавру». — «И я туда же. Поедем вместе».

Подошла электричка, мы сели в вагон. Алеша спрашивает: «Мария, а билет у тебя есть?» — «Есть» — «А у тебя?» — «У меня нет. Сейчас ревизор придет». Только проговорили, глядь, ревизоры идут. «Я заплачу за тебя, Алеша». — «Не надо. У меня не спросят». И правда, у меня билет проверили, а к нему даже не подошли. Вот в монастырь приезжаем, он идет сразу к отцу Кириллу. Это настоятель монастыря, известный старец. Как Иоанн Крестьянкин, такой же. Сейчас его оберегают, старенький совсем. Алеша прямо к нему: «Батюшка благословите!» Отец Кирилл его благословит, поговорят они, и пойдет Алеша, довольный, улыбается. Монахи к нему подходят, все лохмотья его исцелуют.

Когда домой возвращались, он и говорит: «Мария неси мой таз». Несу. Я молодая, красивая, а на Алеше сапоги разбитые вдрызг, брюки ватные, рваные, из кармана полотенце торчит... Все на меня глядят, думают: «С кем она идет?» А я иду, торжествую в мыслях: «Глядите, глядите... Да его половина Москвы не стоит. Вот с каким ЧЕЛОВЕКОМ я иду!»

В другой раз Алеша приехал к нам домой, зовет: «Мария, Мария, поедем в Печоры. Там престольный праздник, Божией Матери помолимся». В Печорах икона Божией Матери чудотворная, большая, чуть ли не в половину стены. На праздник ее выносят на улицу, крестный ход бывает. Вот Алеша зовет меня в Печоры, а я мнусь: денежек нету. Бедно жили. Муж зарабатывал мало, я и того меньше. А у нас двое сыновей, оба учатся. Но рядом с Алешей все проблемы легко разрешались. Вот и в этот раз деньги нашлись откуда-то. Съездили мы в Печоры, хорошо помолились.

А перед этим у нас с Алешей разговор вышел. Сидим мы с ним в комнате, поглядываем друг на друга, он и спрашивает: «Мария, что ты обо мне думаешь, простой я человек?» — «Нет, Алеша, ты не простой». — «Правильно думаешь». — «Ты всю мою душу видишь». — «Всю вижу. Даже знаю, где твое место на том свете». — «Где, Алеша!» — А он так улыбнулся и отвернулся. Не сказал.

А то еще был случай. Сынок мой младший в медучилище учился; Вот к нему классный руководитель и пристал: вступай в комсомол и вступай! А сын верующий, с детства со мной в церковь ходил, вот и стал отнекиваться: у меня четверок много, вот как буду на одни пятерки учиться тогда и в комсомол вступлю. А классный руководитель все не отстает, все грызет, агитирует. Как-то приехали мы с сыном в храм в Богородицк, а там Алеша. «Вась, мужик в школе на тебя нападает?» — «Нападает...» — Вася отвечает. И Алеша за него потом Богу молился. Сейчас мой Василий уже священник. И первый сын священником стал, оба в нашей Тульской епархии служат.

Много людей Алешу добром вспоминают. Особенно на нашей Тульской земле. Придет в храм, люди ему денежку дают, видят, что юродивый. Он брал рублик, больше не брал. Самому они ему были не нужны, эти рублики. Он отдавал их людям, которые были еще беднее его. Я знаю под Тулой жила одна бабушка одинокая. Ей Алеша и отдавал собранные рублики, на хлеб и молоко, на дрова. А сколько таких одиноких, для которых он был единственным кормильцем? Это один Бог знает...

Когда мы с Алешей ездили в Печоры, видела я там в монастыре вериги. И даже примеряла их на себя, по благословению, конечно. Ох и тяжеленные!

— Это вроде железной кольчужки?

Да, железные. И железо это впивается в тело, прямо под ребра. Вот я при разговоре как-то и спросила: «Алеша, а ты вериги носил?» — «Носил» — «А босиком по снегу ходил?» — «Ходил. Только я уезжал туда, где меня не знают. Чтоб народ не смущать». И стало мне ясно, какой он, Алеша, угодный Богу человек. Как Господь его бережет, силы ему дает для подвига юродства.

Как-то встретились мы с ним в Оболенке, говорю ему: «Алеша, у нас в Новомос-

ковске храм открылся». — А он: «Не храм, а молитвенный дом». — «Приезжай помолиться». — «Приеду когда храм откроется». — «А скоро?» — «Скоро». И правда, вскоре открылся у нас храм, а потом и монастырь. Приехал Алеша и сразу к настоятелю, отцу Лавру: «Отвези меня к Марии Захаровой. Я у нее ночевать буду». — « Не на чем Алеша везти, машина сломалась. Ночуй с нашими послушниками, ребята молодые, грамотные», — «Нет. К Марии». — « Или вот к матушке Товиафе иди, у нее три комнаты, а сама она старенькая, тихая». — «Нет, нет, нет только к Марии, к Марии!». А я, как чувствовала, пришла в храм, отец Лавр мне все и рассказал: «Вот, никуда не идет. Только к Марии». — Значит, родственную душу чувствовал?

— Наверное. А в другой раз приехал, идет мне навстречу в скуфейке: «Мария, смотри какую скуфейку мне отец Лавр подарил. Я теперь как архирей!» Я взглянула, а ему так хорошо в скуфейке, и он довольный-предовольный. А как-то раз ему шубу подарили. Черная такая, хорошо выделанная, для командирского состава такие шили. Хвалиться мне: «Я теперь как купец!» А через день опять ходит в своих лохмотьях, а шубу вернул. Положил в уголок, и потихоньку ушел. Для Алеши земное богатство было, как пыль на листьях. Он жаждал — богатства духовного, небесного. Любимый храм его был в Оболенке, где он начал свой подвиг юродства ради Христа. Как не приеду туда на праздник, Алеша уже там. Однажды подходит, зовет: «Мария, Мария пойдем вместе помолимся!» А там народу — руку не вытянешь. «Снимай пальто» — говорит. Сняла. «Становись на колени». Встала. И давай он меня закрепощать, всю, всю: и грудь, и глаза, и рот, и поясницу. Знакомые прихожанки смотрят и головами качают. Как же Алеша Захарову любит.

— Мария Максимовна, а как в дальнейшем сложилась судьба Алеши?..

Последний раз он приезжал ко мне в 1995 году на Николу Вешнего. Пожил несколько дней, молиться в монастырь ходил. В храм первый всегда заходил. Обычай у него был такой. А молился как! Прямо лбом — Бух! Бух! Я где-то читала, что так один святой молился, и Господь всегда говорил: «Вот раб мой, уже молится!» Собрался Алеша уезжать. Я собрала его. Договорилась с соседом, чтобы отвез его на своей машине. Перед отъездом Алеша говорит мне: «Мария, я скоро умру» Ну я это мимо ушей пропустила. Мало ли что говорит. А он опять: «Мария, Мария, я ведь скоро умру. А хоронить меня будет отец Пантелеймон — архимандрит из Тулы, хороший батюшка — Он будет меня и в гроб класть, и отпевать...»

Уехал Алеша. А тут вскоре телеграмма приходит со станции Присады: «Умер Алеша». Я всю ночь проплакала. Уж очень мне его жалко было. На утро позвала подругу и поехали мы в Присады. Приходим по адресу. Сидит бабушка и читает Псалтырь. А усопшего не вижу. «А где же Алеша?» — «Да вот же, сзади меня, на топчанчике». — «Что же гроб-то, делают?» — «Да делают тама...» — Кто делает? Где делают? Непонятно... Пришла бабушкина сноха, которая телеграмму мне давала. Я спросила у нее про могилу, далеко ли кладбище. Оказалось, что на краю поселка. Все бурьяном заросло. Как же, думаю, блаженного в бурьяне хоронить? Мне Алеша завещал, чтобы похоронили его в Оболенке, возле храма, где начинал он свой подвиг юродства. Сноха объяснила мне, что приходили местные священники. Панихиду отслужили. Завтра придут опять, отпевать будут и похоронят здесь. Удивилась я: кто же дал право простому священнику монаха отпевать? Монаха отпевает монах. У них чин отпевания особый. Подхожу я к усопшему и говорю. «Я тебя, Алешенька, нигде не бросала и здесь не брошу».

А дальше, со слов Марии Максимовны события развивались так. Встретилась она с местными священниками, а они говорят: «Здесь похороним, земля одна...» — «Земля одна, да место разное», — возразила М. М. Захарова. «Блаженный должен упокоится у храма, на святом месте». Сообщили отцу Лавру в Новомосковск. Затем отцу Пантелеймону в Тулу. Отец Лавр сказал, что в монастыре подготовили новое

монашеское одеяние для Алеши. Но приехать не смог. А отец Пантелеймон приехал и убедил всех, что надо похоронить Алешу, как Алексея человека Божьего. Он ведь такой же образ жизни вел. На другой день связались с отцом Александром из Оболенки, и повезли Алешу в его любимый храм. Могилу выкопали возле стеночки, рядом с дорожкой. Батюшка все кладет Алешу в гроб, а ноги у блаженного не входят, и крышка не закрывается. Пришлось гроб наращивать. Мария Максимовна плачет, приговаривает: «Алеша, жил ты на земле бездомным, никогда у тебя своей хатки не было. И вот последний домик тебе сделали, да так плохо...». Гроб нарастили, положили Алешу. А у него коленочки уже застыли. Батюшка их прижимает, чтобы крышку закрыть, а сам слезами заливается: «Прости меня Алешенька! Прости меня, Алешенька! Прости меня, Алешенька!..»

Так и похоронили Алешу-блаженного, Христа ради юродивого. Было это одиннадцать лет назад, как раз на Вознесение Христово. Сейчас на могилку Алеши Оболенского ходит народ. Просят его помолиться перед Престолом Божиим. Рассказывают: На Пасху был крестный ход. Батюшка у могилки его остановился и провозгласил: «Христос воскрес!» И Алеша отвечал, и многие слышали: «Воистину воскрес!» Да, был голос. Рассказывают и такой случай. У одной женщины заболела нога. Ни с того ни с сего опухла, покраснела. Ходить не может. Врачи помочь не смогли. Кто-то ей посоветовал: «Поезжай в Оболенку. Отслужи панихиду по Алеше Оболенском, возьми земельки с его могилы и приложи ее к больной ноге». Она так и сделала. Утром встает, куда все подевалось, нога будто и не болела никогда.

От могилки его идет приятный аромат. Многие это чувствуют. И мало кто знает, что при жизни Алеша отчитывал болящих. Просил у Господа здоровья для них. И люди по его молитвам выздоравливали. Но делал он это тайно.

— Мария Максимовна, а где Алешу в монахи постригли?

— В Пюхтице. По праздникам он облачался, как монах, и горячо молился. И как жалко, что его нет сейчас с нами, он бы все вопросы наши разрешил. Я ему говорила: «Алеша, боюсь я, что после смерти не пройду воздушные мытарства. Как тяжело проходить-то, столько на мне грехов!» — А он: «Пройдешь, пройдешь, если антихристову печать не примешь». «Значит до печати доживу, времен антихристовых, а так не хотелось бы! Да, страшно, очень страшно...». И еще, он так говорил: «Если я после смерти обрету у Бога милость, то всех своих к себе заберу».

— Наверное после Себинской Матронушки с Куликово поля Алеша был последний блаженный на Тульской земле.

— Нет! Что вы! Блаженных у нас много было. Вот отец Ириной был в Богородицке. Как пророк!

— Это у которого лампада неугасимая на могиле горит?

— Да, да! Еще Миша Товарковский был. Сорок пять лет лежал на одном боку. Да... Зайдешь, а он светится весь, как святой... На Михайлов день все батюшки богородицкие приходили к Мише. Исповедовали, причащали, поздравляли с днем Ангела. Для Миши это была большая радость. Один военный полковник предложил приехать к нему на машине и отвезти его в Сергиеву Лавру, чтобы послушать, как там монахи поют. Прямо по-ангельски. А Миша говорит: «Да зачем ехать. Я и тут слышу». Много было блаженных. Матушка Платонида, матушка Анна... Еще у нас в Сталиногорске Мария Спящая была.

— Никогда не слышал!

— Была, была. Отца ее за веру в Бога в тюрьму посадили лет на десять. А у него осталось трое детей. Два мальчика и вот эта девочка, Мария. Она уже в третьем классе училась. Идет она как-то из школы, а рядом незнакомый дедушка. Взял ее за руку

и говорит: «Жизнь твоя голубка пройдет в спячке и голоде», Так и случилось. Уснула она. Все думали умерла. А она просыпалась, снова засыпала. За ней бабушка ухаживала, Царство ей Небесное. Какие люди хорошие, добрые были! Проснется Мария, поест, а лицо свое никому кроме бабушки не показывает: отвернется, платком закроется. На Пасху начинают в храмах петь «Слава в вышних Богу и на земле мир...» — она тоже поет. Спит и поет. Такую судьбу Господь определил ей, Марии Спящей. Она долго жила.

Еще была Дуняша Тульская. Когда немец подходил к Туле, Дуняша встала на мосту через Упу, подняла руки кверху и говорит: «Я немцев в Тулу не пушу! Город я на замок замкнула, а ключ в карман спрятала».

— А мы говорим, что немца рабочий полк остановил, а разве Дуняша блаженная не помогла?..

— На молитвы святых Господь живо откликается, согласно кивнула М. М. Захарова. Люди, конечно, их не понимают, гонениям часто подвергают, совесть нашу, я блаженных имею ввиду. Вот и Дуняша часто в Петелино находилась. Ее считали глупой, а она там людей исцеляла, в психбольнице-то! И за родной город душой болела, Богу молилась. Сказала не пушу немца, и не пустила. Вот, она какая Дуняша Тульская.

Слава Тебе, Господи, за всех блаженных, за всех святых известных нам и неизвестных, просиявших на Тульской земле! Они наши верные помощники и в земной жизни, и в вечности. Мы верим в это, Господи. Верим и говорим вслед за Афанасием Старцем: «Каждый святой есть явление космического характера...» Дивен Бог во святых Своих!

Владимир Суворов

(с. Гремячее)

Владимир Сергеевич Суворов родился 2 марта 1947 года в Удмуртии, в селе Кизнер, куда во время эвакуации попали его родители, коренные москвичи. После войны семья переехала в маленький, шахтерский городок Сокольники, тогда Московской (ныне Тульской) области. Стихи начал писать еще школьником. Его первые стихотворные опыты попались на глаза С. Я. Маршаку. Мэтр советской поэзии увидел в них проблески зарождающегося таланта и подарил юному дарованию свою книжку стихов с пожеланием: «Володя, будь великим!». В шестнадцать лет Владимир выступал на собраниях Новомосковского литобъединения. Появились первые газетные публикации. По окончании школы Суворов поступил на филфак Тульского пединститута. Но с последнего курса ушел в армию и учебу продолжил гораздо позднее в московском Литературном институте*, который закончил в 1982 году. Все стихи, которые он написал, получали и получают немало добрых отзывов. Но все попытки напечататься в те годы, упирались в глухую стену нежелательства тех, от кого это зависело. Обычная судьба талантливого человека. С 1985 года стал работать в средней школе села Гремячее учителем русского языка и литературы. Уже несколько лет его нет с нами...

МАМИНА ДОРОГА

В темноту сплошную от порога
Мама шла. Поспеть к семи часам.
Проходила мамина дорога
По удмуртским
каменным лесам.
Отвергая теплый чай целебный,
Я кричал,
Похожий на зверька.
Мне совала мама
мякиш хлебный.
Молока хотел я, молока!
...И пошла походкой молодою,
всем чужая
в северном тылу,
со своею горькою бедою
мама по удмуртскому селу.
Жег мороз.
И слезы жгли некстати.
Открывались двери не спеша.

---

* Я учился с Владимиром Суворовым на одном курсе: уже тогда он был поэтом значимым (гл. ред.).

И в одной
Простой крестьянской хате
Отыскалась добрая душа.
Случай был вполне обыкновенный.
Над бедою маминой грустя,
Женщина-удмуртка
В год военный
Выкормила русское дитя.
Время шло.
Война отгрохотала.
Все пожитки мама собрала,
Уезжала мама, уезжала
Из того удмуртского села.
Как прощались,
То волнуясь слишком,
Стала мать другая говорить:
— ты отдай мне, милая мальчишку,
мне уже мальчишку не родить.
Одарила пальтецом на вате
Да баранок горстку
Принесла.
Плакала в простой крестьянской хате
Женщина удмуртского села. И живу я
На земле любимой.
Слышу ветра шум
И птичий крик
Долг мой перед матерью родимой,
Как и перед родиной
Велик.
И хотелось сделать хоть немного:
Взять билет на поезд например,
Выскочить на станции убогой,
И таежной маминой дорогой
В зимний день
Войти в село КИЗНЕР.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мороз пощелкивал люто,
Был снег в морозном дыме...
Носил я сестрино пальто
С кармашками цветными.
Снимал я сестрино пальто,
Сворачивал в комочек,
И гардеробщицу просил:
Повесьте в уголочек.
И ликовал я, как никто,
Когда стряслось такое!
Когда купили мне пальто
Отличное! Мужское!

Прощай потертый воротник,
И пуговиц костяшки,
Подкладки розовенький шик
И желтые какрмашки.
И не забыть мне до конца
Тот день под отчим кровом,
Улыбку добрую отца,
Сестру у старого крыльца,
Себя в пальтишке новом...

ДОЛГИ

И нам хотелось жить получше.
Но, недовольные собой,
Мы занимали: до полочки
И до полочки до другой.
Ах, как непросто было маме
Без суеты, без лишних слов
То комбинировать долгами,
То отбиваться от долгов.
Но гости, по домам скучая
(Я хвастать вовсе не хочу),
Ходили к нам на чашку чая,
А не к Ивану Ильичу.
Старела мама. Занимала.
(— Отдать двадцатого смогу).
И одного не понимала,
Что целый мир у ней в долгу.

АРТИСТ

Мы ставили «Бориса Годунова».
Молчали зрители и не кричали «бис»,
На сцену вышел царственно суровый
Преступный царь, несчастный царь Борис.
И сколько было ярости и страсти
В тревожном хриплом голосе его!
Он говорил: «Достиг я высшей власти,—
Ни счастья, ни покоя, ничего!
Как тяжело! Как горло жжет от страха!
Как душно в белокаменной Москве!»
И серебрилась шапка Мономаха
На стриженной ребячьей голове.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО

Окончен труд.
Стиль верный. Слог искусный.

Вот подпись: ВОВА.
Вот письмо само.
Коварный брат, разбойник, циник гнусный
Украл мое любовное письмо.
Ия, его ногтями полоసుя,
Кричал: «Отдай» — и корчился от слез.
Смеялся он,
Он хохотал и всуе
Он десять раз то имя произнес.
И я бежал,
И спрятался в сарае.
Меня искала дотемна семья,
И умирала самая большая
Любовь десятилетняя моя.
Когда на утро
С гомоном и писком
Вошли мы в класс,
Мальчишек сорванье,
Я не отдал ей глупую записку,
А просто дернул за косы ее.

* * *

Мы жили, горестей не зная,
Тем бытом щедрым и скупым.
Я удивлялся, наблюдая,
За этим юношей слепым.

Он был ни грустным, ни веселым.
Он с нами пел, Он снами пил.
И о достоинствах футбола
Авторитетно говорил.

Нет, он не требовал участия.
Не говорил, что трудно жить.
Он нам читал стихи про счастье,
Про море, женщин и ножи.

А был он, братцы, слеп и тонок,
А улыбался от того,
Что даже маленький ребенок
Самостоятельней его.

Легко жилось нам. Лихо пелось.
Смеялись шуткам мы любим.
Но мне однажды захотелось
Себя почувствовать слепым.

Глаза закрыл я плотно, плотно
И очутился в пустоте.
Как стало тихо. Как дремотно.
Как страшно стало в темноте.

ПОЛЫНЬ

Разбросаны, развеяны
Полыни семена.
Я рвал полынь на веники,
Упрямылась она.

В ней столько было гордости,
И страха, что сорвут.
Но пахло горько в горенке,
Когда ей подметут.

А мама шторы гладила,
Вздыхая тяжело,
И все село Загладино
Полынью заросло.

Село мое срединное,
У нас судьба одна!
Вишневая, полынная,
Родная сторона.

* * *

Листов осеннее цветенье
Подобно солнцу и костру,
И жарким пламенем селение
Пылает бурно на ветру.

Вот там машина запоздалая
Спешит закончить долгий путь,
Где осень, словно мать усталая,
Присела тихо отдохнуть.

РЕЧКА ПТАНЬ

Дождик, дождик, перестань,—
В детстве я кричал бывало.
Потемнела речка Птань,
Потому что петь устала.

На усталые кусты,
На пригорки, на проселки,
Льется дождик с высоты,
Теплый, радостный и колкий.

Так и льется не спеша,
Теплый, ягодный, цветочный...
А у речки есть душа,
Это дождик знает точно.

Речка Птань который год
В заколдованной темнице,
Только летний дождик тот
Не прибавит ей водицы.

Потемнела речка Птань,
И вода чернее клавиш...
Дождик , дождик перестань,
Все водицы не прибавишь...

КОНИ

Седой большак
Растапывая в крошку,
Промчались кони.
А табунщик — юн!
Так что ж ты, мать
Застыла у окошка,
И что тебе
Промчавшейся табун?
Я вижу боль
В глазах твоих усталых.
Стоишь, стоишь,
Косынку теребя.
На свете столько
Воронных и чалых!
А эти чем встревожили тебя?
Уже в полях,
Задиристо-упрямы,
За матерями мчатся стригунки.
Так что с тобой?
О чем грустишь ты, мама?
Зачем глаза твои
Полны тоски?
Родную боль
Не выразить словами.
Ты вспомнила
О юности своей.
Как на равне
С соседскими парнями
По тем лугам
Гоняла ты коней.
Ах, время то!
Вам лета было мало,
И лишь дышалось
Чаще и жадней.
Но пробил час.
Коней в селе не стало,
А уж потом
Не стало и парней.

Им не споют
Оркестры на вокзалах.
В чужой земле

* * *

Куда меня дорога привела?
Зачем я вспоминаю день вчерашний?
От нашего до вашего села
Одни поля зеленые и пашни.

Могилам братским нет у нас числа,
И в той, родной, гремячевской сторонке,
От нашего до вашего села
Давно уж заросли в полях воронки.

Но что за песня душу обожгла?
Не слышно юность по тропинкам бродит.
От нашего до вашего села
Еще в полях осколки мин находят...

У ОБЕЛИСКА

Ты все твердишь,
Что вечно одинок,
Что жизнь прошла,
Что песня не сложилась,
Но здесь — ты видишь — почернел веноч,
И проволока каркаса обнажилась.
Мы никого с тобою не спасем,
Но по иному дни свои оценим,
Когда цветы к подножью принесем,
Когда венки увядшие заменим.
Давай с тобой,
Не отвернув лица,
Опять читать
Бойцов погибших списки
Им нет конца!
Им нет и нет конца!
Земля моя!
Поля да обелиски...

ПЕСНЯ

А песню ту, пронзающую душу,
Ту, русскую, из нашей стороны,
Певал, как плакал, дедушка Лавруша,
Товарищ мой, прошедший две войны.

Он был старик, но добрым был мне
Другом.
А как пройдем по скошенным лугам,
Как грянем под гармошку: «По за-лу-гам!»
По всей деревни кошки по столбам.

Нет, наших душ не купишь за целковый.
Кто слушал нас? И кто нас понимал?
Но пели мы. И сельский участковый,
Смахнув слезу, нам руки пожимал.

Мы шли домой не сломленные духом.
Не уставал Лавруша повторять:
«Споем, сынок! Не все ж своим старухам
Нам новые корыта добывать!»

Темны овраги и пусты залуги,
Им не вернуть ушедшего певца.
И что сказать, когда по всей округе
Мне не с кем спеть
Ту песню до конца...

РОДНИК

Я к потерям таким до сих пор не привык,
Хоть испытан судьбою суровой.
На родимой земле умирает родник,
Как нам жить без воды родниковой?
Я его ограничил бетонным кольцом,
Я над ним колдовал до заката,
А теперь вот стою с потемневшим лицом,
Словно друга зарыл или брата.
А в деревне моей все страда да страда,
День и ночь трактора завывают,
И у всех на Руси питьевая вода,
Только вот родники умирают.

* * *

Я выдумал в поэме героиню,
Которую без памяти любил.
Я дал ей дом, я подарил ей имя,
А после о поэме позабыл.
Она ушла, спокойно, тихо, просто,
В подшивках старых, выцветших газет.
И вместе с нею девушка — подросток
Семнадцати — таких — обычных лет.
И вот теперь в реальности убогой,
Буквально повторив сюжетный ход,
Разбитой деревенскою дорогой

Ко мне навстречу девушка идет.
Я вновь читаю выцветшие строки,
Разворошив архивные столы.
И там, и здесь сомненья тяжелы.
А девушка походкой горделивой
Идет ко мне, а я гляжу, гляжу...
И в сторону, покорно и трусливо,
Как в той поэме тихо ухожу.

* * *

Ничего, что песня коротка.
Ничего, что правда так горька.
Ничего, что сердце перебоем
Отзовется на твои слова.
Кто сказал, что мы дружны с тобою?
Мы с тобою знакомы лишь едва.
Вечер тих. Калитка на задвижке.
Вот и мне пора к столу присесть.
Что за мелкий шрифт у этой книжки?
Не могу заглавие прочесть.

* * *

Мне сорок лет.
Судьбой не озабочен,
Я жил, как все, с надеждой на успех.
Я получал достаточно пощечин,
Но эта — от тебя — больше всех.
Старо, как мир: обманы, ложь, измена,
Я письма жег. Я потерял покой.
Я проклял — исступленно и надменно
Тот день, когда я встретился с тобой.
Как мир не прост!
Как хрупок и не прочен
Покой души,
Незыблемый вчера!
И я тебе желаю черной ночи,
И не желаю доброго утра.

МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Виктор Греков
(г. Белев)

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

*Музей — от греческого слова муза;
первоначально — название Храма муз,
и вообще — всякого места, посвященного музам,
т.е. наук, поэзии и искусству*

(Из «Настольного энциклопедического словаря»
Изд. Товарищества А. ГРАНАТЬ и К°. Москва. 1894)

Белевский художественно-краеведческий музей* — один из старейших в Тульской области, как, впрочем, и в недавнем прошлом, старейший в губернии,— образован в 1910 году, открыт для доступа посетителей 1 сентября.

Любопытна предыстория открытия, и связана она с именем сына поэта-земляка Василия Андреевича Жуковского, родоначальника романтизма в отечественной поэзии — художника Павла Васильевича Жуковского. Это он, исходя из знаний истории древнего города на Оке, Белева, тем более, города кафедрального Тульской епархии, из глубокой осведомленности происходящих здесь уникальных процессов развития духовности и культуры в целом, потенциальных возможностей общественных деятелей, плеяды звезд отечественной литературы, а также искусства в целом, Павел Васильевич подал счастливую мысль о сохранении и приумножении мощного пласта национальных ценностей.

Судите сами: ведь это родина энциклопедиста, писателя и драматурга, историка и публициста, имя которого восславил А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»,— Василия Алексеевича Левшина. Один из потомственных воевод Левшиных, о которых некогда «...на Москве говаривали: Левшины из Белевины». Родина композитора А. С. Даргомыжского, братьев Киреевских — Ивана и Петра Васильевичей, одного из столпов русской мысли, издателя журнала «Европеец» и собирателя отечественного фольклора.

(Неоценимый вклад в культуру Отечества, но уже в советскую эпоху, внесли другие яркие на своем поприще земляки.)

---

* См. иллюстрации на 2-й и 3-й страницах обложки.

Мысль Павла Васильевича была поддержана в Белеве, городе уездном, широкой общественностью. По счастливой случайности, (читай,— в связи с логической закономерностью), летом 1910 года в Белеве действовали краткосрочные (трехнедельные) педагогические курсы. Что они дали Белеву в этом контексте? Была организована колоссальная выставка наглядных пособий. Белевское земство приобрело крупную коллекцию учебных наглядных пособий. Кроме того, осенью работала сельскохозяйственная выставка. С этой выставки также было приобретение в образованный фонд научно-практических пособий. Материал, таким образом, составил около тысячи экземпляров. И уже 13 сентября фактически открылся музей для посетителей.

Примечательно, что уже 4 октября 1910 года на заседании Уездного Земства была утверждена смета «доходов и расходов» на 1911 год. Предусматривалось, в частности, отпустить средства «на содержание музея наглядно-учебных пособий» на сумму 120 рублей. Как говорится, мал золотник, да дорог...

Но что характерно для Белева, при неутомимости организаторов и действенной поддержке Предводителя Белевского дворянства Федора Евграфовича Арбузова? — то, что к 1 сентября 1911 года количество экспонатов выросло до 3085 единиц.

Горячо поддержал и приветствовал, но и предметно откликнулся Павел Васильевич Жуковский на действия земляков: он прислал в дар музею коллекцию своих работ, а главное, подлинники эскизов овальных портретов, предназначавшихся для памятника царю-освободителю Александру II. Коллекцию составили 33 эскиза портретов Великих князей Московского княжества династии Рюриковичей и царей (императоров) династии Романовых*.

Кстати отметить в этой связи, что П. В. Жуковский стал и первым попечителем созданного по его инициативе музея. Уже в 1912 году экспозиционные площади музея были увеличены, однако общественность понесла потери: скончался Павел Васильевич Жуковский. В ознаменование памяти его, музей был переименован, и стал называться — «Белевский земский научно-образовательный музей имени Павла Васильевича Жуковского».

В том же году экспозиционные площади музея были увеличены, и вместо принадлежавших ему двух комнат, теперь он располагал семью комнатами.

Директором музея стал Елагин Николай Сергеевич, его сменила на этом посту Ольга Тихоновна Панова (1915—1935 гг.), затем — Николай Николаевич Шестаков и Лев Николаевич Парижский.

Белевский музей, как, собственно и сам город Белев со своими уникальными историческими памятниками, (ведь он впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.) — это музей драматической судьбы. С установлением советской власти музей был размещен в респектабельном здании, в помещении бывшей Управы,— здание величественное для уездного города, о трех этажах,— с пожарной каланчой на самом верхнем уровне здания, что придавало ему примечательную особенность и черты неповторимости.

Вместе с тем, по указанию свыше, в первые годы новой власти была произведена реквизиция усадебных (читай, дворянских усадеб, купеческих особняков), ценностей национального и прочего государственного значения. Что-то из этих сокровищ по-

---

* Известно, что В. А. Жуковский был некоторое время наставником цесаревича, будущего царя-освободителя Александра II.

Однажды, беседуя с П. В. Жуковским, царь Александр III посоветовал на отсутствие достойного памятника отцу, Александру II. Первые, поданные на конкурс проекты не заинтересовали Александра III. Он обратился к Павлу Васильевичу в одной из бесед, и тот выполнил проект,— при совместной работе с архитектором Н. В. Султановым. В 1890 г. модель памятника была показана на спецвыставке. Приступили к сооружению в 1893 и закончили в 1898 г. Примечательно, были размещены на сводах сооружения мозаичные портреты 33 русских государей. Исполнены они были Павлом Васильевичем Жуковским.

полнило фонды и экспозиции музея, но подавляющее большинство ценностей было вывезено в столицу. Потери для местных хранилищ, невосполнимые...

В 1941 году, во время оккупации гитлеровцами города Белева, здание музея было охвачено пожаром, почти ничего не удалось спасти.

И это при том, что экспертами Главнауки актом от 10-го ноября 1929 года белевский музей был признан лучшим из районных музеев в РСФСР.

Далее в его биографии определились типичные черты.

28 марта 1960 года исполком райсовета принимает решение: «...открыть в Белеве с 1-го мая 1960 года краеведческий музей».

В июне 1960 года под музей было предоставлено две комнаты в здании, освободившемся вследствие перемещения Райисполкома в другое здание города. В год открытия, музей посетило 575 человек, в 1965-м году посещаемость выросла до 9600 человек.

Пополнился значительным количеством предметов, которые были музеефицированы, и к 1968 году действовало 9-ть экспозиционных залов. Причем, была оборудована кино-фото-лаборатория; музей пополнился большим числом экспонатов. В этом числе — великолепный дар французской художницы Нади Леже. Этот подарок составили факсимильные репродукции с картин западно-европейских художников мирового уровня. Затем поступили, так же в дар, 33 слепка со скульптур выдающихся мастеров искусства — подлинно шедевры высочайшего уровня.

Естественно, выросло количество посетителей, средняя за 1976 год составила 55843.

Ныне музей занимает трехэтажное здание. Кстати, некогда, в 20-х годах XX столетия, здесь находился Дворец искусств, — в нем-то как раз и осваивала азы художничества Надежда Ходасевич, впоследствии, уже во Франции, — Надя Леже.

Отличаясь «лица необщим выраженьем», музей вобрал в себя черты, свойственные именно его времени, эпохе на рубеже столетий, когда культурный пласт создавался подвижнической деятельностью многих белевичей в течение всего XIX века. Об этом ныне повествуют экспозиционные залы языком глубинной истории. Научную ценность представляют экспонаты, полученные в результате кропотливой работы археологических экспедиций, от областного, до общесоюзного, — в прошлом, — уровней; и как эстафета — замечательная традиция непрерывна, но плодovitа.

Статус города кафедрального — это, образно говоря, материк и научно-исследовательской работы, и освоения духовного опыта предшествующих поколений. В этом контексте, как нам представляется, следует вести речь не о узко местном начале, но о более широком пространстве деятельности, с охватом края Поокского, а по некоторым позициям, и — региона в целом. Ибо исторические связи того, что происходило, скажем, в границах Великого Московского княжества на первой стадии его становления, утверждения, — неразрывны, нерасторжимы тем более. Белев — это своеобразный форпост Московии, твердыня на рубеже враждебных на тот период Леса и Степи. То, что, бывало, произойдет «на Москве», всенепременно аукнется здесь, и, в свою очередь, наоборот.

В этом отношении экспозиционный зал «Белев православный» — это же, даже не эпоха, но — полушарие чрезвычайно трепетного Мира человека, и многое, если не все из окружающего, преобразуется повседневно в этой купели. С этим могут поспорить оппоненты, но этого отрицать нельзя, если быть объективным. Не случайно же поэт Н. Заболоцкий произнес, как-то провидчески, в очень жесткое для духа именно то время: «Душа обязана трудиться, и день и ночь, и день и ночь...». Вот, думается, альфа и омега всех общечеловеческих устремлений.

Мир искусства, представленный в музее — это, в сущности, основной профиль художественно-краеведческого «собрания Муз». Как иначе, если гений наш, универ-

сальный талант, Василий Жуковский, заложил здесь основы живописи и рисунка. Его работы, даже элементарно эскизы — это тончайшее чувство меры и уровень изысканности. Не случайно, и по сей день пользуется спросом книга-альбом Н. А. Милонова — «Тульский край в рисунках В. А. Жуковского» (Тула. Приокское книжное издательство. 1982.) Не исключено, что это, фундаментальное — многому (уж если не всему) — начало в искусстве, собственно в эстетике. А ведь рисункам более двухсот лет...

Природа Приокского края уникальна, самобытна и удивительно человечна. Не случайно же, наверное, здесь, на берегах Оки, подвизался белевский Чудотворец, Макарий Жабынский, чьи мощи покоятся в Свято-Введенской обители, в семи верстах от города, в живописнейшем местечке, на святом источнике Жабынце.

И она, природа, нашла, естественно, многомерное отображение в представленных экспозициях музея, — представлено немало, от экспонатов «ископаемых» до обитателей нашего, живого, повседневного животного мира.

Внимание посетителя останавливают и целые миры, и звенья человеческой деятельности. Белевские промыслы, в том числе кружевоплетение, изготовление яблочной пастилы, — это самобытность. Это целостность талантливого белевца в его многогранности. Впрочем, спектр его увлечений достаточно широк, — все это надо видеть.

И не только видеть, но и, так сказать, почувствовать нерв событий, которыми была наполнена эта сторона Тульщины, называемая в наше средневековье «Страной князей». И надо в воображении постараться переступить порог, за которым открывается мир прекрасного: привлекает внимание экспозиция, повествующая о некоторых фрагментах жизни императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, некоторые моменты из которой связаны непосредственно с Белевом. На пути из Таганрога в столицу она скончалась здесь, и, наверное, также не случайно, что Пушкин, направляясь на Кавказ, сделал 200 верст лишних, отступив от рамок «подорожной», ровно через три года, в день кончины ее, и побывал в Белеве. Немало версий, о многом поведала молва, — остается биографам поэта осветить пока что неясное. Одно неоспоримо, первая строка знаменитого пушкинского «Путешествия в Арзрум» звучит так: «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, таким образом, сделал двести верст лишних...». Неисповедимы пути господни.

Отправимся же и мы в путешествие по древнему пути белевской истории...

ИЗ ИСТОРИИ ТУЛЬСКИХ ЗАВОДОВ И ФАБРИК

Евгений Воропаев

ТОЗ В ЭВАКУАЦИИ

Евгений Григорьевич Воропаев — известный в Туле человек. Он стоял у истоков создания в 60-х гг. «Тулэнерго», Заслуженный энергетик Российской Федерации, член Союза журналистов России (ранее — СССР), сейчас профессор Тульского госуниверситета им. Л. Н. Толстого. Автор ряда книг о предприятиях энергетики Тульской области. Участник трудового фронта в Великую Отечественную войну, чему и посвящен публикуемый ниже очерк, которым, следуя горьковским традициям, мы открываем новую рубрику журнала.

1. Война позвала в дорогу

...1941 год. Началась новая страница в жизни советских людей — мобилизация всех сил страны на отпор врагу, перестройка всей жизни на военный лад. Люди жили думой — разгромить врага. Так жили и рабочие на Тульском оружейном заводе. Если в 12 часов дня у станка появлялся красный флажок — значит дневная норма выполнена за 3,5 часа.

Все больше и больше красных флажков появлялось задолго до конца смены. Досрочное выполнение норм, совмещение профессий, двухсотники, трехсотники, многостаночники — вот самые распространенные формы ударного труда с первых дней войны предприятия. ТОЗ в июле 1941 года выпускал 88 тысяч самозарядных винтовок и 7 тысяч снайперских. Введен был и новый порядок работы: 11-часовая смена, отмена отпусков.

Фронт требовал солдат, и завод не досчитывал около 2 тысяч рабочих. Для нового пополнения не было жилья. Даже кинотеатры «Спартак» и им. Степанова были использованы под общежитие.

В августе завод выпускал 100 тыс. винтовок СВТ. Но были и трудности. Если, например, до войны завод получал 68 вагонов металла в месяц, то в июле на завод пришло всего 14 вагонов. Приходилось заменять марки сталей, менять технологию производства. В городе участились бомбежки; горели заводские цеха и жилые дома.

Во второй половине сентября завод был остановлен. В октябре 1941 года Народный комиссар вооружения Д. Ф. Устинов издал приказ об эвакуации завода на Урал.

Ветераны помнят, с какой болью завод останавливали. «Легче создать новый завод, чем остановить старый», — вспоминают они. Имел важное значение психологический момент. Завод, работавший более 2-х столетий, вдруг внезапно должен был прекратить свое существование. И не просто выключить моторы, закрыть ворота. Нет, нужно срочно и быстро уехать. Куда? На Урал, в Сибирь? Предстояла задача как лучше поднять и срочно отправить большое количество оборудования, незавершенного производства, инструменты, металл, тысячи рабочих и их семьи.

Погрузка осуществлялась ночью, так как днем вражеские самолеты постоянно бомбили город. Последний эшелон с оборудованием ушел 30 октября, в самый разгар ожесточенной схватки на южной окраине города.

Перед туляками была поставлена задача: произвести перемещение военного завода в глубокий тыл страны с минимальным его простоем и кратчайшим сроком для пуска.

По заданию Наркома в небольшой городок Оренбуржья в конце августа прибыла бригада специалистов Государственного строительно-проектного института НКВ, руководимая Василием Ивановичем Смирновым.

Ей предстояло определить возможности размещения в Медногорске Тульского оружейного завода на свободных площадях действующего медно-серного комбината. Предполагалось также строительство новых производственных корпусов и инженерных коммуникаций.

Внимательно изучив обстановку, В. И. Смирнов доложил в Наркомат, что завод в Медногорске разместить можно, а прибывающих людей предстоит на первое время определить в порядке исключения в квартирах местных жителей.

Срочно строились бараки для жилья, реконструировалась ТЭЦ. Помещение автогаража приспособили под инструментальное производство.

Все вопросы размещения завода и расселения людей согласовывались с горкомом ВКП(б) и горисполкомом. Для выполнения подготовительных работ по размещению тульских оружейников была создана структура — завод № 621. Временное исполнение обязанностей директора завода было возложено на В. И. Смирнова.

Через 12 дней был сформирован руководящий состав предприятия, который возглавил Николай Ильич Зайцев. Главным инженером был назначен Василий Николаевич Мичков, а заместителем директора по капитальному строительству — Константин Николаевич Чернопяттов.

Спустя месяц, по железной дороге прибыл эшелон с работниками и оборудованием Тульского завода № 314.

Сроки и установку, монтаж и пуск оборудования отводились минимальные. Все прибывшие с эшелонами люди, а также местные жители использовались на разгрузке оборудования и материалов. Одновременно прокладывались инженерные коммуникации, подключались к электросети станки. Нередко станки начинали работу даже при отсутствии крыши над головой. Строительно-монтажные работы выполнялись специализированными бригадами. Среди начальников бригад (заметим, не бригадиров, в начальников) были назначены Н. Ф. Елисеев, П. Н. Орехов, Г. И. Архипов, К. П. Фадеев, П. А. Колесников и др.

Бригады работали в две смены по 12 часов в сутки без выходных. Точнее один выходной в месяц все-таки был, но для того чтобы осуществить пересменку. Несмотря на огромную усталость, люди, понимая обстановку, не роптали. Если первые 12 бригад были сформированы в основном из местных жителей, то в следующие 28 вошли туляки, прибывшие в конце октября. 26 ноября 1941 года официально начал работать в городе Медногорске тульский оружейный завод № 314.

Руководство завода было поручено прибывшим из Тулы Алексею Алексеевичу Томилину и Константину Николаевичу Рудневу.

Как только приступил к своим обязанностям, А. А. Томилин издал приказ о начале работы завода, в котором подтверждалась заранее разработанная в Туле структура предприятия. Было решено сохранить ранее существовавшие номера цехов, номенклатуру изделий и прежних руководителей подразделений.

На новом месте руководители цехов и отделов вместе со своими коллективами осуществляли расстановку оборудования на отведенных для них площадях. Из-за недостатка техники сгружаемое с железнодорожных платформ оборудование вручную, на стальных листах, волоком перетаскивалось в корпуса.

В декабре 1941 года первоначально из привезенных готовых деталей началась сборка и пристрелка боевых винтовок. Всего за декабрь выпущено из сборочного цеха (начальник цеха Николай Михайлович Пантелеев) 9900 самозарядных винтовок.

К январю 1942 года в основном были задействованы все производственные цеха завода. Рождался завод в тяжелых условиях. Рабочие работали без выходных в две смены по 11 часов. Корпуса не отапливались. По предложению главного энергетика завода Михаила Петровича Булата возле основного корпуса поставили паровоз для отопления помещений. И хотя температура в них была низкая, но все-таки плюсовая. Для выполнения больших объемов строительных работ была привлечена строительная организация «Ормедь-строй», две военно-строительные роты по 250 человек, заводской строительный цех (начальник Алексей Павлович Буколов).

Местные жители с пониманием приняли рабочих Тульского оружейного завода. Все прибывшие из Тулы, а затем из Сталинграда, Смоленска, Гомеля и других городов были размещены в самом городе и близлежащих поселках: Никитино, Заречный, Ракитянка, Херсонка, Блява, Рысаево, Блявтамак. На работу и с работы работники завода ездили на трудовом поезде. Рабочий день начинался с 8 часов утра до 19 час. 45 мин. вечера с перерывом на обед на 45 минут. Из Тулы в Медногорск эвакуировались около 4 тысяч человек и 500 человек из других городов.

Этого было недостаточно для массового производства оружия. Поэтому производилась мобилизация мужчин и женщин из разных районов Оренбургской области на «трудовой фронт». Таким методом только в 1942 году было принято на завод 6282 человека. Вскоре численность работающих на заводе возросла до 12 тыс. чел. Росли и барачные городки. И хотя они предполагались как временные жилища, они еще долгие годы служили людям кровом.

В одном из корпусов была оборудована душевая, где по графику работающие могли мыться горячей водой один раз в 10 дней. В отстроенных общежитиях рабочие после смены первоначально отдыхали на общих нарах. Постепенно сплошные стали заменяться на двухэтажные топчаны. Не единичными были случаи, когда рабочие оставались ночевать в заводе. Трудно было с обеспечением одеждой и обувью. В цехе № 31 было организовано изготовление брезентовой обуви, в зимнее время — с утепленной подкладкой. За успешное проведение эвакуации завода и восстановление его на новом месте большая группа руководителей была награждена орденами и медалями.

Тяжелые испытания уральским климатом и напряженным трудом не сломили дух тульских оружейников. В новых условиях они продолжали изготавливать оружие, столь необходимое для нашей армии.

2. Медногорский завод №314

Новый завод не только выполнял государственную программу, но и перевыполнял ее, доводя ежемесячный выпуск винтовок до 55 тысяч штук. В начале 1942 года перед коллективом была поставлена новая задача: не снижая темпов выпуска винтовок, освоить производство авиационных пушек. Началось строительство новых производственных корпусов.

Новая продукция потребовала внедрения механизации производственных процессов: грузовых подъемников, непрерывных транспортеров. На производстве пушек отличились мастер (отладчик) Н. А. Морозов и ствольщик высокой квалификации М. П. Стрекопытов, начальник самого мощного на заводе инструментального цеха Ф. Н. Рябиков.

Со временем рабочие и служащие пообносились, ибо купить что-нибудь в магазинах было невозможно. Как уже упоминалось выше, на заводе был создан цех по пошиву одежды и обуви. И хотя телогрейки и брюки были грубоватыми, а подошва на брезентовых ботинках была деревянная, все же это сберегало здоровье, а может быть и жизнь тысячам тружеников.

Сохранился приказ директора завода, в котором, в частности, говорится: «Отмечая низкое качество изготавливаемой цехом № 31 обуви на деревянной подошве, что является недооценкой этого вида обуви и беспечностью руководителей цеха, приказываю: практику работы «на швырок», с целью показа количества выпущенной обуви, немедленно пресечь. Обувь делать чисто и прочно. Предупреждаю Королева И. И, что за невыполнение моего приказа привлеку к строгой ответственности».

Суровые уральские зимы леденили души даже местных жителей. Туляки приехали сюда практически неподготовленными. Продуктов по карточкам не хватало. Буханка хлеба на рынке стояла тогда 200 рублей, килограмм меда — 500, спичечный коробок махорки — 25 рублей. Женщины ходили в села менять вещи на хлеб и продукты. Неполноценное питание скашивало рабочих. 12—14 часов тяжелого физического труда приводило к обморокам, иногда и к смерти.

Для улучшения питания тружеников была организована стахановская столовая, где выдавался дополнительный обед без карточек. К весне на базе совхоза «Ильинское» появилось подсобное хозяйство, в котором было 1300 гектаров пахотной земли под овощные и зерновые культуры, работало 13 тракторов, несколько лошадей, десяток верблюдов. Откармливались поросята, имелось полсотни коров, немного овец. Руководство этим хозяйством было возложено на Н. И. Полухина. Весной 1942 года всех работающих обеспечили землей под индивидуальные огороды и посеvy, семенным картофелем. В течение первой половины 1942 года в цехах были оборудованы буфеты. Построена баня в пос. Никитино, корпус для ремесленного училища, два молодежных общежития, детские учреждения и амбулатория. Руководство завода как могло заботилось о квалифицированных специалистах. Это характеризует приказ № 601 от 29 декабря 1942 года, написанный после посещения больного ветерана завода: «Старейшего производственника завода мастера цеха № 18 Сундукова Владимира Михайловича, честно проработавшего в заводе 50 лет, мастера, чей участок первым был пущен в городе Медногорске после эвакуации из Тулы, премирую:

1. Меховой курткой с валенками.
2. Обязываю начальника цеха № 15 изготовить 4 табуретки и стол и доставить на квартиру Сундукову.
3. Начальнику ОРСа выдать для восстановления сил т. Сундукову, перенесшего болезнь: 5 кг галет, 2 кг мяса, 1 кг соли, 1 кг сливочного масла, 1 кг кондитерских изделий, 50 гр. чая.
4. Приказываю начальнику ЖКО доставить т. Сундукову топливо».

Трудно перечислять всех тружеников, которые самоотверженно трудились на заводе в грозные военные годы. В последующих материалах мы постараемся показать трудовую доблесть на имеющихся в нашем распоряжении примерах.

Лучшими производственными мастерами того времени были: Г. С. Корсунов, И. Д. Громов, В. Н. Запрудер, Д. В. Чижов, В. А. Москвичев, С. В. Никитин. Среди передовых рабочих выделялись: В. Н. Греков, В. И. Слукин, А. И. Козлов, И. Я. Дружинин, Г. В. Воропаев, А. Н. Федосеев, В. И. Харитонов, И. Г. Новиков, Н. М. Суча-

тов, А. Г. Щенев, А. С. Козлов, А. Н. Болдырев и многие, многие другие. Пусть простят нас читатели за то, чьи фамилии мы не назвали. Они всегда в наших сердцах, их сотни, тысячи, и люди благодарны им.

Много лестных слов можно оказать о первых директорах: А. А. Томилине и К. Н. Рудневе, на плечи которых легла тяжесть первых военных лет. А. А. Томилин вскоре был переведен на другой завод (в г. Златоуст), а К. Н. Руднев руководил предприятием с 1943 по 1946 годы.

Трудовую деятельность Константин Руднев начал в 1929 году электромонтером. В 1930—35 г. г. учился в Тульском механическом институте, окончил его по специальности инженер-механик по холодной обработке металлов. После окончания института работал в ЦКБ-14 Наркомата вооружения инженером-конструктором. В 1940 году назначен главным инженером завода № 314. В 1946 году был переведен в Москву и работал на высших должностях, был министром приборостроения, председателем государственной комиссии по космонавтике, провожал в полет Ю. А. Гагарина, удостоен звания Героя Социалистического Труда. Высокие организаторские и инженерные способности проявили в те годы М. П. Булат, Н. Д. Пряничков, Н. И. Радченко, В. И. Туркин, В. Н. Смиренский, И. Д. Тимофеев, М. Ф. Ардашев, М. Н. Губанов, С. Н. Евсеев и многие другие.

В Туле вместе с Рудневым учился и работал Иван Михайлович Михалев, позже главный инженер Медногорского завода № 314.

Способности И. М. Михалева были замечены еще до войны. В 1938—39 годах Наркоматом оборонной промышленности он был командирован в США для отбора и закупки оборонной промышленности. За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны ему присужден ряд высоких правительственных наград. Носил звание Героя Социалистического Труда. Долгое время после войны он работал начальником ЦКИБ и ССО в г. Туле. Среди партийных и комсомольских вожakov выделялись: А. А. Леонов, С. П. Левашов, К. В. Сундуков, В. И. Гольшев, Д. И. Чехонин, А. Н. Соколов, Б. В. Двориков, П. Г. Милашич, М. С. Хромова и др.

Вспоминаются строки из моей переписки с А. А. Леоновым, в которых он писал:

«...На заводе хронически не хватало рабочих. В резерве были женщины с детьми. Пришлось «потрясти» городские власти по выделению помещений для садов и детских яслей. 650 матерей смогли вскоре включиться в работу для фронта.

...В партком как-то зашла женщина, разрыдалась. Протянула две бумажки — похоронки на сыновей. Узнал, что ее муж-коммунист хочет уйти на фронт, отомстить за детей. «Как же мне теперь жить одной», — не успокаивалась она. Я что-то пообещал, хотел помочь. Вытирая слезы, женщина вдруг сказала: «Не надо, я согласна, хотела поделиться своим горем».

Эвакуированные на Урал оружейники не теряли связи с родным городом. Туляки, и в первую очередь первый секретарь обкома В. Г. Жаворонков, живо интересовались жизнью земляков в эвакуации. В заводской многотиражке «Ударник» и газете «Медногорский рабочий» печатались материалы о жизни Тулы, рассказывалось о героической обороне города, подвигах его защитников.

3. Юные гвардейцы трудового фронта

19 ноября 1941 года по приказу Чкаловского областного управления трудовых резервов из эвакуированных РУ, ФЗО, ЖУ Тулы, Острогжска, Мариуполя, Ворошиловграда, Одессы, Бобруйска, Москвы, Ленинграда и других городов на базе оружейного завода было создано ремесленное училище № 7. Учащихся было 1200 человек, большинство из них — воспитанники детских домов. Первым директором был наш туляк-оружейник Виктор Алексеевич Костромин. Свою трудовую деятельность

В. А. Костромин начал с 15 лет на Тульском оружейном заводе слесарем, рядом с отцом — потомственным оружейником. Затем была учеба в ФЗУ, техникуме. Позже он возглавил коллектив учебного заведения, названного Тульским РУ-1.

Когда началась Великая Отечественная война, вместе с рабочими завода № 314 ремесленное училище было эвакуировано на Урал. С учащимися и мастерами В. А. Костромин прибыл в Медногорск. В поселке Никитино было 2 кирпичных дома и 4 деревянных барака. А учащихся было 1200 человек. Их надо было разместить, одеть, обусть, обеспечить питанием. Трудности были большими, спали на топчанах, набитых соломой. Но опытный руководитель, хороший организатор Виктор Алексеевич вместе с мастерами, своими заместителями Д. А. Рыжиком, Б. Т. Галиневичем, И. В. Полуниным, И. Ф. Киржацким много сил и времени отдавали тому, чтобы не чувствовалось больших неудобств.

Учащиеся под руководством своих мастеров, восстанавливали цехи завода и уже в первый месяц выпускали продукцию для фронта. В тот грозный 1941 год к станкам вставали подростки, еще совсем дети, заменившие ушедших на фронт отцов и старших братьев. И работали, да так, что не только выполняли, но и перевыполняли нормы выработки.

«Все для фронта, все для Победы! — вот девиз комсомольцев тех лет, 200—300 процентов плана не были для многих из них пределом. Ремесленники в первый месяц производственной практики заняли ведущее место в заводе. Их руками было сделано продукции на сумму 424798 рублей. За всю войну эта сумма составляла 41 млн. рублей. 1942 год был самым напряженным и в то же время богатым по результатам деятельности училища во время войны.

Еще в 1941 году в РУ-7 создается комсомольская организация, в которой состояло 60 человек. Секретарем ее был избран В. П. Котляров. Комсомольцы были инициаторами всех лучших начинаний в училище. В августе 1942 года училищу было вручено переходящее Красное знамя Чкаловского управления облтрудрезервов и обкома ВЛКСМ. С октября 1942 года училище попеременно занимало второе и третье места во Всесоюзном социалистическом соревновании. Итогам соревнования, которым были охвачены все группы, каждый учащийся, предавалась широкая, гласность. Появились «двухсотники», делающие в смену два плана, фронтовые бригады, звенья. Победители всячески поощрялись дирекцией училища, руководством завода, ЦК ВЛКСМ.

Среди победителей 1942 года было 381 человек, выполнявших план на 100 процентов. 238 человек — свыше 100 процентов, 22 человека — 150—200 процентов и 6 человек свыше 200 процентов. Обучение в училище велось по режиму военного времени, непосредственно на рабочих местах в заводе. Наставниками и мастерами были кадровые рабочие, в училище ходили только кушать и спать. Что там ходили? Бегали. Все время отдавали производству, работали столько, сколько нужно было. На лозунгах и транспарантах призывы: «Фронту — стахановский труд», «Комсомолец, помни! Каждая деталь, изготовленная тобой сверх нормы — добавочный огонь по врагу».

Изо дня в день, из ночи в ночь без отказа вставали молодые люди к своим станкам, верстакам, машинам. Мягко сказанные слова: «Постарайся, сынок» были единственными повелением мастера или начальника цеха.

Помимо основной работы и учебы в училище постоянно работали оборонные кружки. Только за один 1943 год было подготовлено: снайперов — 50, истребителей танков — 128, автоматчиков — 35, сандружинниц — 100. Добровольцами ушли на фронт Евгений Бусаев, Петр Симонов, Николай Шевченко. Некоторые выпускники училища были направлены на восстановительные работы в освобожденные города страны. Так в Сталинградскую область было направлено 30 слесарей, 15 электромонтеров, 30 столяров.

...Я пришел в училище в 43-м, сначала не принимали, ведь исполнилось только 12 лет. Выручил отец, кадровый оружейник. Он имел к тому времени не один, десяток учеников, поэтому его просьба была безоговорочно удовлетворена. Верстак, на котором осуществлялась работа, нередко служил и ночной обителью. Подростков жалели, давали поспать, когда все остальные работали сутками.

Вместе с ребятами работали девчонки. Вот как описывала газета «Медногорский рабочий» работу только одной ученицы ремесленного училища — Дины Дорофеевой, работающей сразу на 3-х станках: «Сначала у одного станка, потом у другого, казалось бы должен наступить предел возможного. Но он не наступал. Девчоночьи руки продолжали сновать, и сил хватало...».

«...Коллектив отделения, где мне пришлось работать, сначала показался очень солидным. Имея за плечами большой опыт лекальных и инструментальных работ, рабочие делали такие фантастические изделия, что даже не верилось, что можно будет научиться этому. А ведь самому старшему ветерану было не более 30 лет.

Вот сложный штамп отдал С. Шелешнев, прошли трехсменные испытания приспособления А. Хромова, до ослепительного блеска сверкал инструмент В. Кузмичева и Н. Жилина. Все руки сбил я в первую рабочую смену. И вроде работа была несложная — изготовление простейшего молотка, мне она показалась адским напряжением.

Постепенно укреплялись руки, стабилизировалась рабочая стойка, стали получаться более сложные технологические операции. И только долго еще не получалось с опрятностью. Все рабочие после смены, сняв рабочие халаты, помыв руки шли домой чистыми, мой лик был похож на мазурика (как я умудрялся вымазаться в сравнительно чистом цехе?).

В 1943 году, когда Советская Армия стала освобождать один за другим города, занятые фашистами, активное участие в создании фонда обороны страны принимали комсомольцы и учащиеся училища. Были организованы комсомольско-молодежные воскресники. Заработанные на них деньги в сумме 200000 рублей внесены на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи. Приведем текст правительственной телеграммы, полученной училищем в то время:

«Прошу передать учащимся, мастерам, воспитателям и работникам ремесленного училища № 7 города Медногорска, собравшим 200 тыс. рублей на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин».

...Некоторые учащиеся училища из местных жителей жили на квартирах, порою далеко от завода.

Вот как рассказывал о своих питомцах ветеран завода А. И. Перчиков:

...«Когда наступало осеннее ненастье или разражался на улице буран, мы очень волновались: а вдруг наши рабочие не дойдут до завода, замерзнут в пути. Но вот открывались двери и в клубах пара на пороге вырастали небольшие их фигурки в, дырявых пальтишках, перевязанных старыми платками, на ногах были большие, много раз чиненные валенки.

...Волнение отступало, девчонки и мальчишки, вновь и вновь занимали места у станков глубокого сверления, токарных, протяжных, свинцевальных...

...Стучат бронзовые кувалды плавщиков, проверяют чистоту внутренних отверстий контролеры».

Трудными были военные годы, трудно было и нам, мальчишкам. Но, видно, молодость брала свое. Более полутора тысяч девчонок и мальчишек за короткое время осваивали рабочие профессии, а если росточком были малы — выручали ящики, подставленные под ноги. 29 октября 1943 года комсомольцы и молодежь страны праздно-

вали 25-летие ленинского комсомола. В училище все больше рождалось передовиков стахановского труда, гвардейцев трудового фронта. Комсомолец Василий Федоров, получив 5-й разряд токаря, выполнял план на 400 процентов. Лучшими производственниками были выпускники РУ-7: Стельмашко, Курский, Верченко, Бодявский, Малюга, Желатобородов, Мешков и другие. Хорошо работала фронтовая бригада Саша Барсукова. Все члены бригады — Вася Крагин, Петя Крючков, Дима Козлов — были двухсотниками. В 1943 году завод передал училищу здание, в котором, были расположены общежитие, столовая, спортивный и актовый залы, Комсомольская организация стала инициатором активной борьбы за чистоту. Решила она и добиться улучшения питания учащихся, коллективу училища. Силами учащихся создается подсобное хозяйство. Весной 1944 года они проводили сев на площади 27 га, а осенью собрали неплохой урожай: 34 тонны картофеля; 25 тонн свеклы, 19 тонн капусты, 809 кг огурцов, 644 кг помидоров, 857 кг овса, 535 кг пшеницы, 440 кг проса, 357 кг подсолнуха. Было создано животноводческое хозяйство: 5 дойных коров, 3 лошади, приобретен сельскохозяйственный инвентарь (повозки, лопаты, лейки, плуги, весы). В общем, это было резервное продовольствие в условиях военного времени. У нас в ремесленном училище постоянно работала библиотека, кружки художественной самодеятельности, вместе с ребятами пели и играли воспитатели и мастера. Драмкружок ставил «Цыган» Пушкина, «Юность отцов» Горбатова, «Русских людей» Симонова. Выступали в тыловых госпиталях, по местному и областному радио. Наши девчонки лихо отплясывали «Лявониуху» и «Тройку». По-детски звучали фронтовые песни.

Помню, как-то вызывает меня в кабинет заместитель директора по воспитательной работе В. П. Котляров:

— Я слышал, что ты играешь на мандолине, давай вместе попробуем. И тут же достал из шкафа два музыкальных инструмента. Настроили струны, заиграли. Повторили еще раз. И вдруг вижу, что Котляров нажал какую-то кнопку, говорит: «Дорогие товарищи, говорит радиоузел ремесленного училища, послушайте легкую музыку». Мы исполнили «Синий платочек».

Через несколько дней самодеятельных музыкантов собралось столько, что решили создать оркестр.

Сейчас встречаешь наших ветеранов, ныне уже не молодых, и невольно заходит речь: «А помнишь, мы там, в Медногорске, создавали джаз, струнный оркестр? А помнишь наш хор? Ведь не забылось». Да разве забудешь? Иногда и теперь в домашней обстановке, возьмешь мандолину, еще лучше, если кто-то подыграет на гитаре и... зазвучит мелодия той поры, которая, кажется, будет звучать всегда. Нередко приходилось выступать в тыловых госпиталях. До слез радовались раненые фронтовики детским куплетам и рассказам. И эти радости исцеляли бойцов. Однако основной задачей училища была подготовка рабочих кадров. По 12 часов, без выходных, работали молодые специалисты на станках и машинах. Фронт требовал все больше и больше оружия. Многие ходили на Дину Дорофееву. Это Оля Шубина, Володя Шварцев, Коля Шевченко, Надя Трибатулина, Коля Щукин, Соня Петренко, Наташа Ткаченко, Зоя Иголкина, Уля Нагорная, Аня Ратанова и еще сотни других воспитанников училища. Их учили и воспитывали Д. А. Рыжик, С. Д. Петрухин, М. И. Трифонов, С. Н. Евсеев, П. Д. Данилин, В. И. Голышев, К. В. Сундуков, В. И. Филимонов, В. Ф. Сентюрин и др.

В сорок четвертом решили из наиболее одаренных ребят создать группу с конструкторским уклоном. Учащиеся изучали математику, физику, черчение и технологию, сопромат и детали машин, в общем полный комплект инженерных дисциплин. Практику проходили в технических отделах завода. Никогда не забуду беседы главного механика завода И. И. Куренкова с пришедшей молодежью. Пришли как-то на завод вагоны со станками из освобожденных районов страны.

— Больные станки, раненые,— говорит Иван Иванович,— Их надо подлечить. Вот в этом прессе что не хватает? — обращается он к одному парню.

— Привода, нет,— отвечает он.— Ползуна и кривошипа нет.

— Давайте сделаем сами пресс,— поручает главный механик.— Наши специалисты, помогут. По-отечески заботливо, но в то же время достаточно строго учили нас опытные инженеры: С. И. Ростовцев, Е. М. Галкин, Б. А. Серегин, Е. И. Гейликман, А. И. Головин и другие.

Через год учащиеся училища в торжественной обстановке защищали свои первые дипломные проекты. Позже многие из нашей группы стали командирами. Ряд выпускников были удостоены правительственных наград. Седьмое ремесленное училище подготовило для оружейного завода с ноября 1941 по сентябрь 1945 года более 2 тыс. рабочих разных профессий. В преодолении трудностей суровых военных лет помогала организационно-политическая работа комсомола, партийной организации. Комсомольский комитет организовывал работу агитаторов, проводил физкультурно-массовую и оборонную работу. Многие учащиеся и выпускники ремесленного училища были награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Среди них и автор данных строк.

4. Светясь энергией своей

В Тульском музее оружия на видном месте висит большая фотография руководящего состава оружейного завода в годы Великой Отечественной. Многих уже нет в живых, на некоторых имеются скудные сведения.

Меня давно интересовала судьба одного из изображенных на фото — **Алексея Ананьевича Леонова**. Несколько лет я изучал о нем материалы, читал газеты; вел с ним переписку, беседовал с ветеранами завода. Хотелось воспроизвести обстановку военного времени, показать ту титаническую работу, которую проводила партийная организация на заводе.

Поездка в Медногорск заполнила пробелы в моем раннем представлении, помогла по новому оценить сложность и реальность трудного военного лихолетья. Родился Алексей Ананьевич в 1906 году в Туле. В 1922 году он поступил работать на Тульский оружейный завод. Вначале работал слесарем, одновременно учился в вечернем механическом техникуме. Позже был институт, который он также окончил без отрыва от производства. В 1939 году его, рядового технолога, выдвинули на должность начальника инструментального цеха.

Это был прирожденный самородок. Открытость, эмоциональность, честность, уважительное отношение к людям, таковы черты этого человека, таким он запомнился всем труженикам тех лет.

Многие коммунисты раньше знали неугомонный характер Леонова. Помнят его яркие выступления на собраниях и конференциях. Ему поручала ответственные задания и городская партийная организация. Так, в 1936 году от имени тульской делегации, в которую входил известный изобретатель Ф. В. Токарев, Леонов выступал с приветствием делегатам VIII чрезвычайного съезда Советов. Война сорок первого года перечеркнула многие личные планы и отдала суровый приказ эвакуироваться вместе с цехом, заводом на Урал. Несколько товарных вагонов было выделено для рабочих и их семей, в остальных размещалось оборудование.

Руководителем эшелона естественно был начальник цеха. Выезжали под бомбежками, прибыли на место почти через месяц.

Встречал эшелон Ф. Н. Рябиков, прибывший сюда немного раньше. Как-то непривычно было видеть на ногах большого начальника привязанные веревочкой галоши. И, словно заметив это, он сказал: не привяжешь, из грязи не вынешь.

Парторги в то время утверждались Центральным Комитетом партии из числа секретарей парткомов крупных заводов оборонного значения. После перевода А. А. Томилина на другую работу в 1942 году на пост директора завода был рекомендован бывший парторг ЦК на заводе А. С. Кузьмичев. Вакантную должность предложили А. А. Леонову.

А. А. Леонов так вспоминал первые дни пребывания в Медногорске: «Конец ноября 1941 г. был очень морозным. На заводе продолжалась интенсивная работа по распределению прибывшего оборудования и расстановке его по эскизной планировке.

Транспортировка велась вручную с помощью веревок и железного листа. Нередко доносилась мелодия «Дубинушки». Никто не жаловался на неудобства. Хотя работали без рукавиц, обмотав ломик или деталь станка тряпкой. На ходу конструировали санные поезда. То на одном, то на другом участке докладывали об установке станков. Кто-то крикнул: «Товарищи! Особая новость! В цехе Белякова запущен первый станок! Ура!» Все бросились посмотреть, послушать музыку пущенного механизма. И через минуту старейшего рабочего коммуниста И. В. Сахонова окружила толпа. Принесли Красное знамя, спели «Интернационал»...

*К рукам детали примерзали,
когда пускали тот завод.
И пальцы в рот согреть
совали
Зимой в сорок первый год».
А сколько радостей
здесь было,
Когда запел первый станок,
Как будто сразу все ожило,
хоть на станок падал снежок.
(А. А. Леонов)*

Парторг всегда был в курсе событий, регулярно проводились беседы в цехах и отделах. На территории завода был установлен стенд, на котором ежедневно отмечалась линия фронта. Это поручение выполняли комсомольцы. Любой входящий на завод обращал внимание на карту. Рядом стоял стеклянный павильон, где хранилось знамя Государственного комитета обороны. Пост № 1 у павильона поручался лучшим комсомольцам. Во всех цехах издавались «Боевые листки», выпускался «Крокодил». Коммунисты были всегда среди первых, останавливать производство оружия хотя бы на час было преступно. Большим авторитетом пользовались секретари парторганизаций: А. Н. Соколов, И. Н. Крючков, Мансуров, Евдокимов, Левин, Хрусталева, М. Н. Волков, О. Николаева, Л. В. Табалаева.

Парторг ЦК имел право обращаться в вышестоящие организации, не ставя в известность руководителей завода и города. Так, после обращения Леонова в ЦК, на завод срочным порядком, самолетом, были отправлены необходимые стальные поковки. (Кузнечный цех на заводе еще не был пущен).

Военком города, пользуясь своим служебным положением, решил как-то проверить документы рабочих у проходной завода. Если их не было с собой, то немедленно вручалась повестка о мобилизации на фронт. Так он «мобилизовал» человек 20—25. После звонка Леонова Генеральному прокурору эта самодеятельность была прекращена.

— Каковы же были Ваши отношения с директором завода? — как-то при встрече я задал ему вопрос.

— После А. С. Кузьмичева директором стал К. Н. Руднев. С ним у нас особенно

сложилось товарищеские отношения, нередко строгие. Предстояло выпускать качественную продукцию для фронта, и одновременно заботиться о людях. Это было сложно.

Бытовало мнение, что А. С. Кузмичева сняли с должности директора при моем личном участии, как безвольного, слабохарактерного руководителя. Это было не так, — продолжал А. А. Леонов, — он был освобожден от работы, на мой взгляд, необоснованно, по личному распоряжению заместителя Наркома вооружения И. А. Барсукова. Скорее всего это произошло потому, что к нашей продукции (винтовки СВТ) было немало нареканий со стороны солдат-пехотинцев.

Леонов в свое время писал: «Завод располагался далеко от жилья. Рабочие добирались на работу разными путями, то на попутке, то пешком. Задумали мы пустить трудовой поезд для рабочих, ведь расстояние до работы было километров семь. Добыли вагоны, задействовали паровоз. Нередко и мне приходилось на нем добираться. Забьюсь в темный угол вагона, слушаю, о чем говорят люди. Полезно партийному руководителю узнать, что на душе у людей.

Жизнь на Урале была тяжелой. Нередко посещали нас и снежные бураны. Бывало, все заметало вокруг: и дороги, и одноэтажные строения. Люди, попавшие в эту пургу, сбивались с пути, были и обмороженные.

Надо было быстро восстанавливать нормальную жизнь: расчищать дороги, железнодорожные пути, откапывать дома, заметенные снегом».

На мой вопрос, были ведь слабые люди, и те, кто не выдерживал громадного напряжения сил, или просто лодыри, Леонов отвечал: «К лодырям и симулянтам принимались суровые меры военного времени». Но были и другие, которым надо было помочь. Подкралась к нам как-то новая опасность — дистрофия. Она выводила из строя людей без шума и выстрела. Налетала неожиданно, как смерч или ураган. И с хода сбивала людей с ног.

Дистрофики, как правило, не обращались к врачам с жалобами на недомогание. Вот беседует с товарищем о положении на фронте и вдруг падает на пол. Те, кто по-выносливей, направлялись для сбора дикого чеснока, щавеля, черемухи. Все это сдавалось в медсанчасть как лекарство.

Взяли на учет всех ослабленных, осуществили медицинский надзор, старались улучшить им питание. Иногда некоторых неустойчивых нужда толкала на воровство.

Как-то утром позвонили в партком и сообщили, что рабочий завода пытался украсть козу у местного жителя.

Я вызвал воришку, спросил, что толкнуло его на такой низменный поступок.

Обливаясь слезами, он сказал, что у него двое детей. Живут впроголодь, и он не выдержал, хотел их накормить. Но он очень сожалеет об этом и просит исключить его из партии.

Посоветовавшись с товарищами, знавшими его по работе, мы решили к уголовной ответственности не привлекать, а удовлетворить просьбу: отправить всю семью в Тулу. Мы нередко оставались ночевать в парткоме. Идя за постельными принадлежностями в кладовку, кто-то обнаружил, что вскрыты две посылки, присланные из Тулы. В одной из посылок, вместе с теплой одеждой был чугунок с гречневой кашей, сваренной, видимо, еще в Туле. Злоумышленника вскоре обнаружили. Он рухнул с карниза, когда вылезал из окна.

— Скинулся я на эту кашу из-за ребятишек, — сказал он виновато. — Клянусь, что ничего подобного больше не повторится. Обещаю работать по ударному. Мы поверили ему и наказывать не стали.

Ветераны рассказывали, что в сорок третьем был такой эпизод: в один из дней, в обеденный перерыв, все вместо столовой повалили на двор, а там — красуется настоящая голубятня, на ней и в небе белокрылые голуби. Радости не было предела.

До последних дней своих поддерживал связь с туляками, медногорцами. Писал стихи. Об их содержании говорят заголовки: «Земля моя военных лет», «О, град мой меди и моторов», «Был и буду солдатом», «Нет, не ушел от нас Великий Ленин», «В городе Туле на старом заводе» и др.

На такой же лирической ноте хочется закончить повествование об этом человеке выдержкой из газеты «Медногорский рабочий», вышедшей ко дню его восьмидесятилетия:

*В дни войны,
четыре трудных года
Нас вел, светясь энергией своей,
Как Данко, с оружейного завода
Парторг ЦК Леонов Алексей.*

5. На мирные рельсы

В начале 1945 года всем стадо ясно, что Германия войну проиграла и вторая мировая скоро кончится. Бои еще шли, но теперь наши войска наступали. Потеря людей и оружия была значительно меньшими.

Пятого января 1945 года Народный Комиссариат вооружения издал приказ о прекращении производства винтовок СВТ образца 1940 года. Буквально через три недели все труженики завода перешли на восьмичасовой рабочий день, получив право на выходные дни и очередные отпуска. Несмотря на то, что война еще продолжалась, страна начала постепенно переходить на мирные рельсы. На заводе боевых винтовок организовали производство охотничьих двуствольных ружей по чертежам Тульского оружейного завода. Начальником этого производства был утвержден инженер А. Н. Чепелев.

Кроме охотничьих ружей уральцы освоили выпуск коньков и замочно-скобяных изделий. В помощь селу на заводе изготавливалось оборудование и запчасти для сельскохозяйственного производства.

Август 1945 года очень памятен ветеранам завода. Именно в этом месяце завод перестал производить автоматические авиационные пушки «Швак». Таким образом, завод полностью прекратил выпуск военной продукции. В это время на заводе проводятся большая работа по переводу его на выпуск мирной продукции. В декабре 1945 года Медногорский завод № 314 был передан из Наркомата вооружения в Министерство электротехнической промышленности. Директором был вновь назначен К. Н. Руднев, главным инженером — И. М. Михалев. Новое производство значительно отличалось от предыдущего, Необходимо было освоить изготовление деталей из пластмасс, приобрести оборудование для холодной штамповки и литья под давлением. Потребовалась большая перепланировка цехов. Вместо ранее действующих 32 цехов, теперь стало их 15. Четыре инструментальных цеха объединяли в один. Вновь создали цеха электроаппаратуры и электродвигателей. Для руководства выпуском электротехнической продукции привлекли специалистов из отдела главного энергетика и электроцеха.

Заводу катастрофически не хватало новых кадров, трудно было с материалами. Не хватало динамной стали, подшипников, топлива.

Кроме того несколько тысяч рабочих, ИТР и служащих вернулись в Тулу. Отозван в Москву и директор К. Н. Руднев.

Нестабильность работы предприятия, снижение требовательности руководителей к подчиненным привели к ухудшению общей трудовой дисциплины. Но не только трудовой, но и производственной. Все это не позволяло коллективу завода справиться с планом 1946 года. Положение завода на начало 1947 года было критическим:

недостаток собственных оборотных средств достиг 2,5 млн. рублей, долг рабочим по зарплате — составлял более миллиона рублей.

Надо было принимать срочные меры. Министром Электропрома СССР И. Г. Кабановым на должность директора Медногорского завода был назначен высококвалифицированный специалист-электрик Анатолий Николаевич Штырин. Главным инженером был утвержден Михаил Петрович Булат.

В поле деятельности А. Н. Штырина были как производственные, так и многие социальные вопросы.

Уже в апреле 1947 года предприятие вышло на намеченные рубежи, успешно выполнив месячное задание. Полугодовая производственная программа была перевыполнена. Высокие темпы роста производства позволили заводчанам увеличить выпуск электродвигателей. Если в октябре 1946 года была выпущена первая тысяча электродвигателей, то за 1949 год эта цифра возросла в 100 раз.

По плану реконструкции завода завершилось строительство литейного цеха, построен инженерный корпус, обновлены корпуса многих цехов.

В это время широко велось жилищное строительство. Вводились в действие целые микрорайоны. Туляки, оставшиеся постоянно в Медногорске, получили возможность строить индивидуальные дома. Завод помогал им со стройматериалами. Сотни семей вскоре въехали в добротные дома с земельными участками.

В последующие годы ассортимент изделий с новой заводской маркой «Уралэлектротор» расширился как в количественных, так и в качественных показателях.

Продукция предприятия поставлялась в десятки стран Европы, Америки, Африки и Азии. Качество выпускаемой продукции отмечено многими международными дипломами. Во многом изменился и облик завода. В больших светлых цехах стало много автоматических линий, станков с ЧПУ, электроники. Задействовала автоматизированная система управления производством и качеством продукции.

Территория завода озеленена. Появилась новая поликлиника и профилакторий. Работники предприятия проводят отпуска в доме отдыха «Кураганка», а их дети — в оздоровительных лагерях «Лесные поляны».

...Прошло много лет. Поезд «Москва-Орск» мчит нас в то далекое, что много раз возникало в образах военных лет. Последние километры, словно магнитом, притягивают нас к вагонным окнам, не хотелось упустить малейших деталей пейзажа, сравнить его с былым. Проскочив тоннель в горном хребте, поезд остановился в огромной солнечной долине, застроенной светлыми домами.

В дороге мы много раз задавали себе вопросы: каков он теперь, бывший «Медный»? Как живут люди? Как выглядит завод и родное ремесленное училище? Кто из туляков продолжает жить на Уральской земле?

Из Медногорска в поселок Никитино, конечный пункт маршрута, нас доставили специальным автобусом. Здесь, как и в поезде, трудно было оторваться от окон. Смотрим и сравниваем с картинками тех далеких сороковых годов.

На тот юбилейный праздник съехалось много народу. Были здесь и туляки, и выпускники РУ-7, оказавшиеся волею судьбы в разных концах страны. Торжества сменились экскурсией на завод. Незузнаваемой стала его территория: Зеленая с фонтанами. И лишь какой-нибудь совсем пожилой человек подождет и спросит, а не Вы ли во время войны стояли у такого-то станка? Время идет, а память остается.

Ремесленное училище, а ныне ПТУ тоже изменилась к лучшему. В большом светлом здании разместились аудитории, хорошо оснащенные лаборатории и мастерские, большой актовый и спортивный залы — все это отдано нынешним учащимся.

На торжества приехала Дина Дорофеева — специалист из Киевского проектного института, строящего электростанции за рубежом. А ведь когда-то она, худенькая девчонка, работала сразу на трех станках.

Эмоционально рассказывал о военном лихолетье Борис Тучин, заслуженный учитель России. Он напомнил приказ директора училища З. А. Костромина от 3 декабря 1942-года: «Отмечая лучших учащихся, достигших высоких показателей в работе объявить благодарность с выделением премии: Рябухову — свитер, Кошелеву — ботинки, Чичко — гимнастерку, Зеленову — телогрейку. Всего в этом приказе отмечено 33 человека».

Тулячка Ольга Шубина рассказала, как они собирали средства на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи. Новых учащихся, его педагогический коллектив приветствовали Наташа Босак, Костя Бодянский, Сережа Царев, Володя Савин, сестры Зедельман, В. Жданов и другие.

Как же изменился, похорошел город Медногорск и микрорайон, в котором живут работники завода — бывший поселок Никитине Одна из крупных и красивых улиц города — улица Тульская — названа в память о Туле, о туляках-оружейниках, давших жизнь заводу и поселку. Многие бывшие туляки остались здесь и связали свою судьбу с этим городом. Живут в Медногорске и некоторые из моих родственников.

Покидая новый Медногорск, невольно вспоминаешь его в суровую годину, мрачного, неухоженного и гордишься тем, что люди, а среди них и туляки, возродили его, практически, построили заново.

Уходят из жизни ветераны, дорогие мне люди. Оставшимся в живых желаю — живите долго, счастья и здоровья Вам, туляки-медногорцы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Ирина Кедрова
(г. Москва)

О ДУШЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ*

Ирина Николаевна Кедрова работает профессором в Московском госпедуниверситете, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, преподает москвоведение и этикет. Член Союза писателей России и активный участник клуба «Московский Парнас». Автор трех книг прозы и драматургии, постоянный автор альманаха (журнала) «Московский Парнас», и член его редсовета.

О чем болит душа критика?

Душа народа — какая она? Алчная и жестокая? Метущаяся и беспокойная? Или открытая и светом наполненная? Да и есть ли у нашего народа душа?

Судя по жестокости многолетней войны в границах страны, по бесконечным обманам и подставам в сфере мелкого и немелкого бизнеса, по злым лицам, бесчестным делам, душа народная являет собой неприятное зрелище. И представляется этакой энергичной дамой с перекошенным лицом, хитрыми и злыми глазами, с тонкой линией губ, опустившихся в презрительной улыбке. Ее длинные руки спешат заграбастать, ее ноги готовы к неожиданному удару. Она, конечно, занимается силовыми видами спорта, чтобы победить, разбить, покалечить всех, кто встает на ее пути. Вы можете в такую душу не верить, но доказательством служат телевизионные передачи и бесконечные сериалы, что вынуждены мы смотреть, доверяя безумному рейтингу; книги, в которых что ни страница, то убийство да насилие; а также витиеватые рассуждения, депутатов и политиков, в которых нить не уловишь, в лучшем случае поймешь, что жили плохо, а будем жить еще хуже.

А может народная душа иная? Только спит? Или задавлена чистоганом да чиновластием с бандитизмом, так, что и не подняться, не вздохнуть, не глянуть в глаза человеку с укором, мол, ну что же ты? И видится мне несчастная чернавка в темном лесу, лежащая под корягой, опутанная крепкими колючими травами. В глазах ее тоска и

---

* В тексте ссылки на издания: 1. Леонид Ханбеков. Сочинения в 3-х томах. М., Библиотека «Московского Парнаса», 2006. Том первый. Литературные портреты и очерки. 2. Леонид Ханбеков. Сочинения в 3-х томах. М., Библиотека «Московского Парнаса», 2006. Том второй. Литературные портреты и очерки.

боль, слезы непрерывно льются по грязным щекам, а страх такой, что даже кричать о спасении боится. Или мягко разлеглась она на подушках в темно-теплой комнате, в которой двери закрыты, плотные шторы затянуты, и ни звука сюда не проникает?

Как разбудить ее? Как помочь подняться, чтобы заполнить человеческое естество прекрасным и добрым? Убеждена, есть разные ответы на этот вопрос, но мне бы хотелось сказать о великой ответственности профессионалов слова, и, прежде всего, поэтов и писателей.

Судьба подарила мне трехтомник сочинений Леонида Ханбекова — критика и литературоведа, на счету которого и статьи, и книги о писательском творчестве. Кто сейчас читает такие книги? Многие предпочитают бездумное чтение, чтобы душу не трогало и время в дороге, в переполненном транспорте, скоротало.

Но откройте эти книги, загляните на первую страницу и дальше-дальше, и, если вы — думающий человек и переживающий все, что с нами происходит, вы уже не оторветесь, поскольку поймете — это ваше чтение — чтение, направленное на совершенствование души.

Автор сразу настраивает нас на время, переломное для прозы и поэзии, испытывающих «нашествие пошлости» [1, с. 2]. Особенность слова Л. Ханбекова заключается в том, что пишет он не только о поэзии и прозе, о чутких и глубоких профессионалах художественного слова. Он пишет и о нас с вами, дорогие читатели, о нашем времени, о том, что волнует не только его — критика и литературоведа, но каждого из тех, кто задумывается над реалиями настоящего и парадигмами будущего.

Единая судьба объединяет автора с его героями. Он в детстве, как и они, «пошел в школу в те же военные годы в далекой сибирской деревеньке...», вырезал «чернилки из репы и брюквы», писал на страницах «колхозных амбарных книг», а отправляясь в первый класс «вместо новых нарядных ботинок... надел бабушкины калоши». Он, как многие из нас в 60-е годы сочувствовал «свободолюбивым кубинцам во главе с пламенным Фиделем Кастро» [2, с. 88—90].

Его боль, и человеческая, и профессиональная, велика и многогранна. «Сколько же талантливых авторов, особенно из провинции, так и не прорезалось» в то время, как хлынула «на страницы газет и журналов бульварщина, половодье пошлости, захлестнувшее все и вся...» [2, с. 10—12].

Его волнуют отношения исламского и христианского миров, поскольку понимает: от этих отношений зависит будущее человечества. «Цивилизованное сообщество», — как называет вдумчивый автор европейский мир, переживающий сейчас натиск «гигантских этносов», — сотни лет не задумывается над тем, что грабит природные ресурсы прочего мира, травит зеленые континенты этого мира отходами своей «цивилизации», превращает океаны, моря, реки в ядерные свалки» [2, с. 73]. Разве Л. Ханбеков не прав? И разве это не дело писателя — поднимать тревогу, видя уничтожение Земли и человечества?

Разве не надо тщательно, терпеливо и скрупулезно растить прозаиков и поэтов, критиков и публицистов, не жалеть им места на издательских страницах, создавать литературные объединения, кружки, студии, школы? Разве не надо возделывать вкусы и пристрастия молодежи и студенчества, оберегая их от негативного влияния? Именно отсутствие такой работы является одной из причин наркомании, алкоголизма, половой распущенности, бродяжничества, тунеядства — негативных проявлений, которые паразитируют на неустроенности российского общества, и о которых с горечью пишет критик. Мучает его «разросшееся безудержу, распоясавшееся до неприличия, как сорняки и свалки, безразличие» [2, с. 103] и к детям, и к творческим и одаренным людям, и к нуждам простых граждан. Ищет он ответы на вопрос, почему в нашем обществе развились-разветвились равнодушие и безответственность?

«Бесконечными реорганизациями правители страны пытались подменить вдумчи-

вую и рачительную работу по воспитанию умелых и бережливых к родной земле хозяев, действовали наскоками да распеками, накачками да окриком вместо того, чтобы приучать людей не ждать указаний и циркуляров, а действовать сообразно здравому смыслу, который не позволяет быть безответственным ни перед людьми, ни перед землей» [2, с. 93]. Но такие ответственные люди есть, один из них, например, — герой Л. Ханбекова — писатель Александр Косякин — «сама активность, порывистость», человек, который заложил, будучи еще студентом-практикантом, яблоневый сад в 1750 гектаров, внедрил в совхозах Нечерноземной зоны индустриальные технологии возделывания яблони, вишни и смородины, защитил докторскую диссертацию по решению острой проблемы сельскохозяйственного обеспечения населения.

Литературовед не может не писать о положении с литературой и с ее творцами. «Еще вчера,— пишет он,— торжествовала, увлекала, пробуждала чувства добрые масса творцов, которую нарекли «инженерами человеческих душ», сегодня вся эта масса небрежно сброшена с тротуаров и столбовых дорог на обочину жизни. Сегодня погоду делают озвучиватели, имитаторы. Не драматурги, а актеры, не композиторы, а певцы, не поэты, а текстовики. Еще вчера... собирали стадионы поэты... Еще вчера люди слушали, затаив дыхание, живой голос певца...» [2, с. 251]. Разве мы не об этом же думаем, когда слушаем «фанерные» концерты с «минусовкой» и «плюсовкой»? Когда ищем в книжных магазинах, на страницах журналов, на телеканалах авторов, развивающих душу, укрепляющих сердце, призывающих к милосердию и доброжитию? Говорят, нравственные качества устарели. Да на них, на человеческих качествах общежития мир только и может удержаться! Нравственность во все времена спасала человечество от уничтожения самого себя. Потому она и существует тысячелетия, когда трудно и со скрипом, когда в расцвете и почете. И мы, жители России, благодаря ей, а не потребности «телесного низа» [1, с. 198], выживали в тяжелейшие и трагичные годы.

Чтобы осознать эту жизненную закономерность, следует обратиться к истории. Л. Ханбеков не зря напоминает: «Исторические аналогии — всегда урок. Если его извлекать. Если историю изучать не во имя того, чтобы считаться образованным, а ставить ее уроки на службу будущему» [2, с. 74], чтобы не допустить смены ценностных ориентаций «с интеллекта — на имущественную состоятельность, с культа образованности — на культ «золотого тельца» [2, с. 259].

Автора рассматриваемого нами трехтомника волнуют «трагедия поголовного пьянства», обреченность и робость наших правдоискателей, «духовная замшелость» [2, с. 292]. Он не согласен с положением, когда ширится коррупция, прикрываемая госслужащими, когда взятка и шантаж являются универсальными двигателями [2, с. 298], когда многие издания и издательства «сознательно и последовательно занимаются уничтожением традиционной русской культуры, оплевыванием русской поэзии...» [2, с. 311], которая, на его взгляд, «переживает не лучшие времена. В ней ныне довлеет экспериментаторское, поверхностное начало, а глубинное, корневое усилиями «прессы умолчания» загнанно на задворки общественного интереса» [1, с. 5]. Л. Ханбеков сожалеет, «что поэтическая критика не с теми, кто идет по дороге классической традиции», что сегодня поддерживается поэзия «без слова, без образа, без музыки небес», в которой лишь имитируется «свежесть и яркость фотовспышки», происходит монтаж «языковых конструкций, не согретых нравственным чувством» [1, с. 6].

Герои очерков Л. Ханбекова

Осознание необходимости огромной работы по переустройству российского общества, в которой не последнее место занимают художники слова, ведет Л. Ханбекова по пути критического исследования и размышления. Он вводит в свой трехтомник

поэтов и писателей уже состоявшихся, твердо стоящих на ногах, хотя прежде пришлось им долго и упорно отстаивать собственное право на Слово к читателю.

Третий том еще готовится к изданию, но два первых тома таковы, что необходимо сегодня же о них отозваться, проанализировать материал, подаренный читателям. В этом материале нам представлены семь поэтов и шесть прозаиков.

Несомненно, первое, что бросается в глаза, — это оформление, мы бы сказали — зрительный ряд, сопровождающий тексты. Прежде всего, это фотографии, глядя на которые, читатель значительно приближен к творческому портрету. Когда ты принимаешь человека, а о героях критических очерков написано так, что не принять их невозможно, тебе хочется заглянуть им в глаза, «почувствовать» характер, уловить в облике что-то, созвучное твоим настроениям. Отличные портреты Л. Ханбекова, выполненные О. Зайкиной (т. 1.) и Д. Чижковым (т. 2), свидетельствуют об умудренном философе, радостно воспринимающем жизнь, доброжелательно и с волнением смотрящим на мир. Этому лицу — открытому, доброму, с искрящимися, но строгими глазами можно верить. Фотографии писателей, о которых пишет автор, различны. Но и портреты, и сюжетные изображения в той или иной степени их характеризуют, отражая акцентированные черты личности, интересы, пристрастия, настроения.

Исследование творчества уже состоявшихся художников слова более важно не им, а молодым, тем, кто только прикоснулся к таинству писания, кто еще не силен на литературном поприще и, возможно, не разобрался в закономерностях писательского творчества. Почему Л. Ханбеков, у которого есть опыт и многочисленные книги, которого окружают друзья-единомышленники, умеющие в одном предложении показать весь мир, в одном слове явить полноту чувств, вновь и вновь обращается к творчеству мастеров? Да потому, что критик чувствует художника, понимает, что и поэту, и прозаику нужна аудитория, слушатели и читатели. Без них «он — в себе», а это часто «заканчивается отказом от творчества, самоедством, безверием» [2, с. 200]. От похвал, отмечает Л. Ханбеков, «больше вреда, нежели пользы. Но еще более страшна для пишущего ватная глухота безразличия, невнимания» [2, с. 350]. Да и читателю нужен свой поэт-писатель. Найти его порой сложно, и задача критика — привести читателя к автору, высветить то лучшее и ценное, что способно обогатить всех участников писательско-читательского процесса.

Автор критических очерков, прежде всего, выделяет в мастерах слова главное. Убежденность в своем назначении, стремление быть хозяином собственной судьбы, желание познать психологию творца, активность в поступках и мыслях, жизнелюбие, отзывчивость, чуткость. Он доказывает, что писательский опыт строится не только на количестве исписанных листов, постоянных правок текстов, но и на профессиональном деле, оказывающем влияние на выбор темы и стиля, на общении с яркими личностями и с маститыми мастерами пера, на философском осмыслении жизни. Его герои — люди различных профессий: юристы В. Сысоев и В. Кудинов, специалисты технических профессий С. Овсянников, В. Чернобаев, Р. Тишковский, воспитанный на рабочей закваске А. Трофимов, землеустроитель А. Косякин, философ А. Ореховский, литератор Е. Антошкин. Каждый своим путем и своим временем шел в литературу, и каждый интересен автору как яркая неординарная личность. «Каждый поэт — наособицу» [1, с. 8].

Вячеслава Сысоева отличает неутомимая работа над собой, в его поэтике преобладают стихи о природе, «лирика поэта многослойна, многоступенчата» [1, с. 11, 14, 17]. И в самом деле, с этой характеристикой нельзя не согласиться. Доказательством, например, оказываются наполненные грустью, легкой иронией, и радостью бытия строки, выделенные критиком [1, с. 17]:

*Росяное утро прибавляет грусти.
На луга сырые прилегла усталость,
Небо голосисто обживают гуси...
Оттого ли край мой опечален малость?*

В Сергее Овсянникове критик отмечает нарочитую сухость газетной хроники, а вместе с тем изящество слога и певучесть, [1, с. 92, 97, 101]:

*Цветы нагтели в хрустале,
Венгерский танец звал и плакал,
И странный вечер был мне знаком,
Что я, как мамонт, устарел.
Цветы плели свои интриги...*

Владимир Чернобаев,— как точно и образно пишет о нем автор,— «опираясь на пушкинскую широту и легкость, звонкость строки и хлесткость метафоры, обходя лермонтовскую обнаженную страстность и жесткость строки, впитывает блоковскую завораживающую простоту и мелодичность» [1, с. 138]:

*Плачет осень листвою,
Мелкой сеткой дождя...
Я люблюсь тобою,
Навсегда уходя.
Гаснут звезды с зарею
Отгоревшей любви... [1, с. 139]*

Александр Трофимов — «в прозе идет от ума, в поэзии — от сердца, в сказках — от неудержимой фантазии, в литературоведении — от любопытства технаря, ...проявившего ненароком настоящий филологический нюх» [1, с. 183]. Подробно рассматривая его литературное творчество, Л. Ханбеков утверждает: «Александр Трофимов именно поэт, несмотря на значительное количество прозаических книг» [1, с. 222], и читатель, прислушиваясь к логике его размышлений, сам убеждается в этом, читая стихотворения поэта, например стихи в прозе:

*Сирени розовые губы
Так нежно тянутся к дождю...
Отец цветов — их добрый дождь
Ромашки гладит по головкам... [1, с.232].*

Огонь поэтического образа, растворенность в природе, песенность слога, философское осмысление жизни свойственны поэзии Евгения Антошкина [1, с. 258, 266]. И мы с вами, следом за поэтом и его другом — критиком, наслаждаемся удивительной вязью слов, которые подарены Е. Антошкину «отчим краем, его просторами и бытом, самой сутью жизни земляков»:

*Я его (слово — Л.Х.) замороженно слушал
И на вкус ощущал языком.
И оно мне
Светило душу,
Добрый гостем стучалось в дом.
Я к нему подступался несмело,
А оно,
проникая в сердца,
То глазами любимой глядело,
То светилось улыбкой отца [1, с. 289].*

В поэзии Романа Тишковского особенно четко выделяется желание, и смелость, говорить обо всем, давая новые и свежие образы, например «Гледа луна, и звезды молчали». Читатель, может, и не обратил бы внимание на состояние луны, но критик добродушно улыбнулся и заметил «настоящая находка» [2, с. 190, 191]. Впрочем, он готов и пожуричь раннее творчество своего героя. Однако герой непрерывно совершенствуется, учится, посещает литературные объединения, побеждает в конкурсах, отстаивает в полемике свое право на Слово, спорит с маститыми и сильными, и сам становится Учителем, сильным и маститым, обладающим творческой разносторонностью, богатством технической палитры, философской мудростью.

*...так непонятно-глубоко
в меня проникла
и так волшебнo — так легко
ко мне приникла
целующей мягкостью щеки,
округлым линий...
рассыпалась,
как лепестки
поникиших лилий... [2, с. 235]*

Учитель по призванию и профессии, а также серьезный философ с докторской степенью Александр Ореховский «живет в слове естественно, без всякого насилия над собой в выражении чувств, обходится без вычурных надуманных деталей, без отчаянного эпатажа». Он ищет в лирике «те укромные слова и откровения, которые вызывают встречное доверие, обезоруживают бесхитростностью признаний и полной встречной открытостью» [2, с. 283]. Критик обращает наше внимание на половодье чувств, сочность и красоту образов, радость духовного понимания и неутоленность любовной страсти:

*Роскошь тайны общения
Без стеснительных уз,
Где духовность свечения
Потеряла свой груз.*

Но и к прозаикам Л. Ханбеков столь же внимателен, выделяет общее и различное в поэтическом творчестве и прозе. «Поэту,— пишет он,— надо жить словом...», «Прозаику важнее не играть словом, а донести мысль...» [1, с. 222]. Среди умельцев «доносить мысль», он останавливается на двоих, и тщательно исследует творчество В. Кудинова и А. Косякина, писателей, различных по тематике, жанру и стилю.

Виктор Кудинов увлечен историей. В его произведениях оживает Древняя Русь, исследуется русская душа. Его увлекают и герои древнего мира — Клеопатра, Александр Македонский. Вместе с тем, он тщательно изучает и современность, чтобы показать ее читателю во всей многомерности. Его романы — это и детектив, и расследование, и интрига, это и урок творчества молодому автору [2, с. 35, 23, 76, 77]. Например, В. Кудинов убежден: «Настоящий писатель никогда не перестанет писать, ни при каких обстоятельствах» [2, с. 76], и Л. Ханбеков обращает наше внимание на стойкость и целеустремленность писателя, доказавшего свое право на любимое дело.

Александр Косякин пишет о людях, хорошо известных ему с детства, всегда окружавших его на жизненном пути. В его рассказах, новеллах, очерках, романах показаны люди, которые «не будут рассусоливать да глубокомысленно чесать затылки, когда всего-то и требуется засучить рукава и сделать сейчас, не откладывая в долгий ящик, что-то крайне необходимое, насущное, нужное людям» [2, с. 93]. Л. Ханбеков подсказывает читателю: обратите внимание на великолепие писательского слога. И

поистине, нельзя без волнения и высокого нравственного состояния прочитать, например, следующие строки: «К ветлам привязывали лошадей, июльскими теплыми звездопадными ночами спали под кронами вразвал на домотканых дерюжках; в знойные полдни отдыхали, валяясь в тени; вешали люльки с детьми под пестрым шалашиком полога...» [2, с. 93]. Не только видишь перед глазами картины, описанные А. Косякиным, но ощущаешь тепло июльской ночи, «умираешь» от яркого солнца и мечтаешь о тени, и даже слышишь плач ребенка в люльке под пестрым шалашиком полога.

Герои литературных очерков Л. Ханбекова различны, но все они одержимы словом, полновесны в изображении, богаты духовно. Именно такие литераторы несут в мир слово — философское, ироничное, лиричное — способное мир перевернуть и душу человеческую взрастить.

Творческая мастерская художественного слова

Внимательный читатель сочинений Л. Ханбекова проникает в творческую мастерскую, в которой встречается с «учителями российской словесности»: Н. Гоголем, Н. Некрасовым, М. Салтыковым-Щедриным, А. Блоком, В. Брюсовым, М. Горьким, А. Твардовским, Ю. Нагибиным и другими. Благодаря заочному общению с ними мы еще раз убеждаемся: что бы ни говорили, литература была, есть и будет «воспитательницей душ» [1, с. 198]

У самого Л. Ханбекова особый дар пользоваться словом. В нескольких словах он способен ярко высветить своего героя, отметить его многогранность, подчеркнуть цельность натуры. Он чувствует слово, и оно его никогда не подводит. Потому в данной статье никак нельзя обойтись без яркого, сочного, красочного, точного, призывного его слова. В анализ произведений он включает размышления о жизни, литературе, предназначении поэта. Его щедрый дар — советы и наставления молодому и неопытному любителю словесности, который, как образно он пишет, «в меру своих сил пробует разобраться, когда и как появляется эта неодолимая сила — творить и творить» [2, с. 329]. Советы Мастера неназойливы, однако убеждают: писать можно только так, как он говорит.

Вместе с тем, законы словотворчества не принижают уникальности каждого творца. «Тайна рождения каждого стихотворения — тайна человеческого гения, страсти, тайна возникновения протуберанцев чувств и слов, высекаемых восторгом, гневом, прозрением». «Как не повторить уникальное видение мира каждым из нас, так не повторить и жизненной тропы художника» [2, с. 328, 333].

Л. Ханбеков остерегает молодых поэтов от увлечения «голой техникой», от «поточного» делания стихов, «изготовления их по образцам и шаблонам». Но и «слепое следование классике, неспособность обновить ее сообразно современной эпохе, ее языку, ее ритмам» не приветствует. Отрицает он также «полный отказ от традиций», бездумную капитуляцию перед стихами «западного образца», когда происходит насилие над русским словом, распад языковой культуры [1, с. 68], а мне бы хотелось добавить: и насилие над русской душой, не принимающей бездумное перенесение всего иностранного на отеческую почву.

Мудрый критик давно убедился в том, вполне объяснимом, факте, что «через века проходят лишь те творения рук человеческих, которые призваны были служить добру и разуму, благу человеческому» [1, с. 141]. Сквозь века тянется к нам красота античных скульптур, и трогают нас остатки античных строений, свидетельствующие о мастерстве древних ваятелей. Не теряют своей притягательности произведения литературы и живописи, в которых отражена высота человеческого духа. По-особому бьется сердце человека на ступеньках православного храма, поскольку храм долгие

века был символом высокого человеческого духа. В России, напоминает Л. Ханбеков, испокон оберегались нравственные категории. «И прежде всего искусством Слова...» [1, с. 146].

«Поэтический дар не приходит сам по себе. Синтез духовной жизни — Слово, Песня, Молитва; они являются к человеку, когда его нравственное чувство переживает серьезные испытания...» [1, с. 163]. Разве это не урок человеку, мечтающему выразить свое поэтическое мироощущение так, чтобы его услышали и приняли? Студенты Литинститута, да и любые поэты, пребывающие в юношеской поре, могут оспаривать этот взгляд, упирая на то, что талантливая молодежь и без опыта, и без жизненных испытаний, а все равно пишет и печатается. Однако подобные рассуждения Л. Ханбеков опровергает следующим тезисом: «Нехватка жизненного опыта естественна для молодого человека. Но уже искренность, уже собственное (еще не видение) отношение к изображаемому, к пережитому. Разве плохо для дебюта?» [1, с. 188]. Эти качества молодого человека могут явиться первой ступенькой для творчества.

Просто так стихи не делаются, они «проживаются» внутри личностной сущности. Потому надо сформировать свою личность — духовно богатую и многогранную. «Истинный поэт — убеждены мы вслед за критиком — это всегда гражданин, всегда мыслитель и философ, он всегда куда больший радатель за народ, за общее дело, за идею, нежели записные борцы, вместе взятые. Он всегда — Гамлет, всегда Дон-Кихот...» [2, с. 293].

Автору, засидевшемуся наедине со своими текстами, боящемуся выйти на суд читателя, Л. Ханбеков подсказывает, опираясь на мысли героя критического очерка Р. Тишковского: «хватить спорить с самим собой, заниматься самоедством, бесконечно правая бесчисленные варианты, надо публиковаться, надо делиться своими тревогами и сомнениями с людьми» [2, с. 219].

Пристальное внимание Л. Ханбеков уделяет и тайнам прозаического слова, определению особенностей писательского труда. «Проза больше формируется предметной, осязаемой, доказательной и аргументированной мыслью, поэзия же вся в подтексте, вся не столько в строках, сколько между них, в настроении, что неуловимо передается через века и континенты, что живет — «и никаких гвоздей!». Лишь бы сердце читателя было настроено на ту же волну» [2, с. 321]. Мы согласны с утверждением о некоей разности в подходе к поэзии и прозе, однако хотели бы поспорить с Мастером, поскольку нам кажется, что для прозаика не менее важно настроить читателя на свою волну. И снова он обращает внимание на необходимость привлечения читателя к книге: «Когда читатель раскрывает книжку, все преимущества — на его стороне. Он может захлопнуть ее и больше не раскрывать. Автор должен «зацепить» внимание. Сочной деталью, непривычным словом, вызывающим мгновенное сопереживание образом, завораживающим ритмом, загадкой сюжета — всем, чем угодно. Но — остановить, задержать, заинтриговать...» [2, с. 324]. Всем ли? Не ведет ли примитивное понимание данного тезиса к привлечению читателя пошлостью, бесконечными убийствами, грубостью и хамством? К тому, что читаешь и отплеываешься, и чувствуешь себя тонущим в дерьме? Нет, не о такой заинтересованности пишет Л. Ханбеков. Заинтересовать — это совсем не значит зависеть от «литературы телесного низа». Впрочем, и телесный низ можно показать без пошлости и грязи, осторожно проведя читателя по тонкому, но чистому мостку.

Уроки, которые, несомненно, пойдут на пользу начинающему писателю, проливают размышления автора о современной литературе. «Чтобы видеть и осознавать время, чтобы понять его, истинный художник всегда вживается в обстановку, делает ее средой своего бытования, оказываясь, — иначе нельзя, ничего не получится! — в столкновении противоборствующих сил, в кипении страстей, борении

идей, взглядов, увлечений, даже тенденций мод, сленгов, поведенческих стереотипов...» [2, с. 326].

«Законы композиционного построения книги, если их не учитывать, мстят немилосердно» [2, с. 282], — предупреждает опытный литературовед.

«Многослойность «пирога», каким является всякий настоящий роман, когда его действие идет и по горизонтали, растекаясь по необъятной нашей стране и миру, по городам и весям, создавая панораму жизни, и по вертикали... — это не просто умение автора держать в памяти множество разнотипных персонажей и событий, ...это, может быть, самое убедительное подтверждение дара романиста» [2, с. 84].

«Строй фразы, сюжет, лирические отступления, композиционные ухищрения, прологи и эпилоги — все постигается кропотливым писательским старанием, шлифовкой, а эти качества, они уж или есть, или их днем с огнем не сыщешь» [2, с. 113].

Мастер критического слова

Болея всем сердцем за развитие современной поэзии и прозы, за осуществление важнейшего предназначения литературы — формировать нравственный стержень общества, Л. Ханбеков размышляет над проблемой состояния литературной критики.

«Нынешняя критика, — пишет он, — ушла на задворки газет в крохотные заметульки, отклики, уже даже не рецензии...» [2, с. 149]. Критика сегодня «не уделяет внимания идейной самостоятельности и смысловой наполненности произведений», «художественной ткани». Именно художественная ткань делает текст литературным произведением, «фактом духовного бытия, культурной жизни нации». В этих словах приоткрывается нам тайна литературного произведения, отличающегося от научного или дидактического текста, несомненно, тоже важного, тоже служащего цели развития общества, но с другой позиции, в других красках.

Л. Ханбеков ищет причины снижения значимости критики, ухода ее на задворки. Возможно, причиной стало редкое проявление в литературной жизни яркости и сочности авторского письма? Но тогда, размышляет он, тем более необходимо об этом говорить, ибо художественное письмо «требует пристального разговора, добротного анализа, внимания ко всему, что традиционно, а что ново, что обогащает стиль, пластику письма, а что выхолащивает или угнетает искусственностью...» [2, с. 149].

И опять, разве не прав критик? Во многих журналах и издательствах установлено правило: рукописи не рецензируются. Зачем тратить время на начинающих, неопытных? На них бизнес не сделаешь. А как же быть с терпеливым взращиванием литературных талантов? С отграничиванием, с оттачиванием мастерства? Л. Ханбеков ведет эту сложную и нужную обществу работу, создав для этого клуб единомышленников «Московский Парнас». И в рассматриваемом трехтомнике он целенаправленно развивает мастерство тех, о ком пишет, да и тех, для кого пишет. Например, он сравнивает язык, диалоги, манеру изображения текстов А. Косякина и Ф. Абрамова, показывает, как продолжается и развивается новыми авторами язык прозы В. Белова, Е. Носова, В. Астафьева [2, с. 159—160].

Автор глубоко переживает, «что поэтическая критика — анализ, если не перевелась, то изрядно потускнела, пожухла, как трава под неласковым осенним солнцем» [2, с. 335]. Число поэтов резко увеличилось, выросло количество издательств, запахнуты двери типографий. Были бы деньги да друзья-спонсоры и сборник можно беспрепятственно напечатать. А с критикой, анализирует ситуацию Л. Ханбеков, т.е. с ее певцами, которые, как птицы, поют Божьей милостью и «при голодном пайке, всегда было напряженно... К чему им читать горы книг, если ни газеты, ни журналы не заказывают, не печатают, как некогда, ни рецензий, ни обзоров? А если и печатают, не платят ни гроша?» [2, с. 336].

Владимир Сапожников

СУДЬБА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ В ЕГО КНИГАХ

Вышла в свет книга известного московского писателя и литературоведа Леонида Ханбекова «Тульский энциклопедист» (М., «Московский Парнас», 2008), посвященная личности и творчеству известного тульского прозаика, и одновременно доктора технических и биологических наук, Заслуженного деятеля науки РФ Алексея Афанасьевича Яшина.

Приятно, что нашего земляка заметили и отметили изданием данной книги в столице. Подобного прецедента не припоминаю. И это не случайно.

Алексей Афанасьевич Яшин, как следует из подробного его жизнеописания в книге Л. Ханбекова, личность одновременно уникальная и в писательском, и в научном планах.

Выходец из поморского северного края, сын моряка, переживший с семьей и страной тяжелые годы послевоенного лихолетья А. А. Яшин не сразу пришел на стезю писательства. Этому предшествовала школьная пора в интернате под Мурманском, в Заполярье, общение с детства с мужественными северянами, суровыми, но прекрасными морскими пейзажами.

Затем, как описывает это Л. Ханбеков, пытаюсь понять причины писательского таланта А. А. Яшина, учеба в Тульском «политехе», работа и профессиональное инженерное становление в среде тульской оборонки, тяга к научным исследованиям. Ощущение потребности занятий писательским творчеством...

Л. Ханбеков касается не только многочисленных романов, повестей, рассказов, публицистики Алексея Афанасьевича, но и делится своими личными впечатлениями, раскрывает личную переписку с героем своей книги.

А. А. Яшин после прочтения интересно, живо написанного литературоведческого труда Леонида Ханбекова предстает перед читателями как поистине человек энциклопедических знаний в области естествознания, технических наук, в области филологии, литературы.

Перед нами вырисовываются и замечательные человеческие качества А. А. Яшина — такие, как доброта, порядочность, честность, прямота, глубокое чувство патриотизма, преданности России — Родине... И понимаешь, что все это соединено в крупном русском писателе и разноплановом ученом не случайно — все это он впитал с молоком матушки, с морским нордом, прилетевшим на заброшенный в полярных широтах маяк, где и прошло детство А. А. Яшина. Думается, эти воспоминания окраинного детства и оказались для А. А. Яшина определяющими всю его дальнейшую творческую судьбу, пробудили в нем страсть к поиску истины и в житейских, и в научных, и в писательских делах...

Хочется сказать Леониду Ханбекову искреннее спасибо за несомненно талантливую книгу об исключительно талантливом, неординарном русском писателе и ученом Алексее Афанасьевиче Яшине.

Николай Боев
(г. Узловая)

От ведущего рубрики: не сотвори себе кумира

Есть в мировой литературе утверждения вроде бы самоочевидные, но только тонкий аналитический ум оформляет их в лозунг, девиз на все последующие времена цивилизации и культуры. К таковым я не устаю относить слова Альбера Камю в его Нобелевской речи 1957-го года. В вольном пересказе они звучат следующим образом: и мысли нет о том, чтобы художник добровольно следовал всем предписаниям власть предержащих, но все мы вместе плывем в одной утлой лодке по бушующему морю; и нравится нам это или нет, но при всей взаимной неадекватности им и дальше плыть вместе: художнику и власти, поневоле терпя друг друга и даже в каком-то смысле координируя свои действия... Лучше бы и Шекспир не сказал.— Это о Камю, конечно.

К началу XXI века человечество вроде как поумнело, поэтому даже какому-нибудь «унтеру Пришибееву», не говоря о лощеных чиновниках и верноподданной интеллигенции, понятно: художник всегда стоит в некоторой оппозиции к власти, пусть она даже медом с ладаном намазана... А наученный начаткам философской премудрости так и вовсе радостно воскликнет: «Как же иначе? Это и есть действие закона диалектики Гегеля о единстве и борьбе противоположностей!» Резюме: никакой крамолы в этом факте нет.

И умные правители прекрасно о том осведомлены. Молодая еще Екатерина Вторая прикармливала жадных до денег французских просвятителей: Вольтера, Дидро и других либеральных философов. Умный царь Николай I всячески поощрял перерастание Пушкина в патриота-государственника. Последний русский император, занятый ненужными России войнами и расстрелами восставшего народа, во все на литературную братию внимание не обращал... И генсеки туда же: Ленин, пока болезнь не скрутила его, всячески препятствовал Троцкому в поголовном уничтожении русской интеллигенции, а Иосиф Виссарионович не раз и не два «отбивал» писателей, того же Шолохова, от слишком рьяных низовых исполнителей. Благо, при всех режимах на Руси в ходу присказка: «Жалует царь, да не жалует псарь!»

И нынешний руководитель страны (строки эти пишутся в феврале 2008-го года) на встрече с журналистами, где зашел разговор о попытках некоторых ретивых «на местах» чуть ли не вновь литературную цензуру ввести (излагаю по «Литгазете»), также пословицей ответил: «Заставь дурака богу молиться, так он и лоб расколошматит».

Но было бы все слишком просто, ограничиваясь дело дураками, число которых у нас в классе чиновников-исполнителей со времен Гостомысла и Рюрика невообразимо велико. Нет, мир земной уже давно живет не феодами и замкнутыми общинами. Столь популярная ныне глобализация не вчера родилась, а исподволь готовилась уже

не одну сотню лет в своем «европейском гнезде». Конечная ее цель мало кому ведома за пределами догадок и конспирологических, геополитических теорий. Но тенденции, отображаемые на жизнь каждого из нас, налицо.

Понятно, в данном контексте нас более всего интересует эволюция художественного самовыражения, то есть широко понимаемого творчества. Надо отчетливо понимать, что современный, уже не маскирующий себя (пресловутое «тайное мировое правительство»), глобализм — это не его наивные предтечи: розенкрейцеры, масоны, некие «мировые заговоры» и пр. Здесь все строго выверено и просчитано на мегакомпьютерах, как минимум на век вперед. И все разложено по полочкам, в том числе и в части пока еще (по их мнению) нужного человечеству художественного творчества. И вот здесь подходим к лейтмотиву как данного «идеологического предисловия», так и основательного исследования Николая Боева о Владимире Семёновиче Высоцком.

В наше время бесконечных милицейско-уголовных сериалов по ТВ термин «использовать в темную» расшифровки не требует. Но это далеко не прерогатива мира криминала или разведки. Очень часто в такой двусмысленной роли оказывается и художник — еще чаще это и не осознавая. Тем более, те надмировые силы, которые им двигают, обеспечивают ему все условия для (вроде как) личного, ни от кого не зависимо, самовыражения. Увы, как правило, люди искусства, или сугубой — то есть не философии, экономики, педагогики и пр. — науки, мало искушены в высокой политике. Тем более — с доминантой конспирологии. Но самое главное — и почитатели, продолжатели творческих новаций такого художника, как бы навязанного аудитории страны или вообще всего мира, не подозревают о такой «опеке». А аудитория эта массова и даже глобальна. Задумывается только меньшинство, ибо — это закон науки социобиологии и просто биологии человека: самодостаточным мышлением обладают единицы из сотни. И голос их не слышен в восторженном реве и грохоте аплодисментов, и ликующее большинство относится к ним в лучшем случае насмешливо, а чаще всего с агрессивным неприятием. Это и есть масс-медиа, активно начавшая формироваться где-то с середины 60-х годов прошлого века. У современной молодежи она именуется тусовкой.

Раз повели разговор о глобализме, то и типичный пример приведем планетарного характера. Думаю, знаменитая ливерпульская четверка «Битлз» заслуживает такого определения. Сейчас о ней больше — и то не часто — вспоминают, чем слушают записи. Молодежь о битлах вообще ничего не знает, а старшие поколения помнят две-три песни, чаще одну «Йес ту дей», да и ту в почти симфонической аранжировке Поля Мориа... А что творилось во всем мире в пик их популярности — на рубеже 60—70-х годов? Даже в СССР, куда «Битлз» на гастроли не приглашали, а для радио, телевидения и печатной прессы они были фигурой умолчания. И не зря, заметим мы.

Еще вспомните: с какого момента их слава почти от неизвестности мгновенно подскочила до всемирной? — Правильно, с первых гастролей в США, родины современного глобализма.

А теперь и вовсе напрягите мозги в части музыкальной памяти и музыкальной же фактологии: чем была так называемая легкая музыка до «Битлз» и чем она стала после их триумфа и продолжается уже в XXI веке? В ответе мало кто засомневается. До триумфа битлов легкая, то есть эстрадно-танцевальная, музыка варьировала где-то между «прикладной» симфонической — от оперетты и вальсов Штрауса до оркестра того же Поля Мориа — и джазом, «левее» которого уже и помыслить было нечего... А после явления битломании, очень быстро, с нарастающими темпами трансформируясь, все эстрады и «танцолы» приобрели современный нам вид.

...В той или иной степени (речь идет скорее о темпах) это же свершилось во всем искусстве; литературе тож. Высокое искусство осталось, словно высшие сорта сигар, для элиты, а для пресловутого «пибла» — только наркотизирующий примитивизм, авангардом которого в музыке волею **некоего отбирающего и направляющего** и стали битлы. При всем к ним нашем ностальгическом уважении.

Понятно, что и речи не может идти (см. выше высказывание Камю) о том, что провозвестниками разрушения музыкальных канонов, то есть и самой музыки — в смещении доминанты с мелодики на преобладание ритма — битлы выступили сознательно, подписав кровью договор с неким Мефистофелем зарождающегося глобализма. Упаси нас, бог, так примитивно полагать! Просто «Битлз» появился в нужное время и в нужном месте. А вполне могла на его месте оказаться четверка молодых с гитарами из близлежащего Манчестера. Например, с дьяческими косичками или наголо выбритые.

По прошествии полувека существования современной поп-музыки можно совершенно четко и однозначно ответить на вопрос: какова задача (и сверхзадача!) глобализма в искусстве масс-медиа? — Это триада: денационализация, примитивизм и наркодействие.

И совсем не играет роли акцептация денационализации на афроамериканскую ритмику, примитивизма на надуманную «сложность» все тех же ритмов тамтама, наркодействия не на личность, но на толпу.

Если первые два фактора понятны — с позиций требований глобализма к «человеку будущего», то условие наркодействия следует пояснить. Совсем недавно в возрасте 103 лет скончался создатель ЛСД — мощного наркотика и медицинского препарата (запамятовал его фамилию). Не склонен всерьез воспринимать всю информацию из Интернета, но там приводят характерные высказывания этого ученого, якобы умеренно употреблявшего свой порошок, что и помогло ему стать долгожителем. И объяснение этому: дескать, с возрастом, или в неустойчивой социальной среде, организм человека перестает вырабатывать естественный комплекс эйфоретиков. А с их отсутствием теряется стимул жизни. Заменой может быть алкоголь или наркотик; в разумных дозах, понятно.

Но еще проще, следуя законам психологии масс (от Лебона и Фрейда), использовать для молодежи, у которой в условиях глобализации уже изначально подавлены стимулы к жизни — любовь, творчество, высокие идеалы и пр., — психомузыку в ее воздействии на индивидуумов, но особенно на массы. Этот подход и был избран, и успешно осуществляется сейчас. Вот теперь все встало на свои места...

Среди множества задач в «холодной войне» Запада против СССР было отведено свое место и рассмотренному выше аспекту. Но задача здесь чрезвычайно осложнялась «железным занавесом». Пояснять излишне, однако Запад не ждал терпеливо начало 90-х годов минувшего века, а активно использовал все доступные меры распространения среди советской молодежи контркультуры, музыкальной в первую очередь: от передач радиоголосов до музыкального самиздата — магнитофонных перезаписей и рентгеновских «ребрышек».

...Как бы там ни было, но уже со времен хрущевской «оттепели» в стране сложился контингент невольных агентов влияния и еще более массовый — уже готовый к восприятию контркультуры. Первые были представлены по преимуществу музыкально-театральной средой, столичной нарождающейся культбогемой и так далее вплоть до провинциальных ресторанных лабухов.

А вторых, намного более многочисленных, все мы мигом припомним, обернувшись в свою молодость 70—80-х годов. Обитали они преимущественно в столицах и университетских центрах, служили (работали — как-то к ним не подходило...) начинающими инженерами и младшими научными сотрудниками в НИИ-КБ, таковыми

по малому усердию и оставаясь до начала четвертого десятка лет жизни. У всех окружающих они всем своим видом и характером поведения создавали устойчивое впечатление: как будто они чего-то тоскливо ждут, неведомого пока, но именно того, что круто изменит их серую жизнь. Ждали они, как потом прояснилось, наступления бизнес-эпохи 90-х и последующих годов. А пока оживлялись после пятичасового звонка «с работы»: чуть больше нормы пили, крутили с девицами скоротечные романы, занимались мелкой фарцовкой, почитывали журнальчик «Юность» и диссидентские ксерокопии, но в особенности уважали **бардовское пение** в небольших компаниях.

А теперь припомните лейтмотив этих песен: от Визбора и Высоцкого до Грушинских ежегодных фестивалей? — Правильно, все то же ожидание неких перемен, политкорректно маскируемых «туманом и запахом тайги». Хотя это из другой песни слова... Довлеющая тоска и неудовлетворенность сегодняшней жизнью, смещение акцента на личность — отстранение от официального, но и реального, коллективизма, в лучшем случае — идеализация малых группок единомышленников все по той же тоске и ожидании неких оптимистических перемен. Остроумцы называли этот жанр «песнями протеста». Не публично, конечно.

И еще — противопоставление себя единственного серой, по их мнению, трудовой, не очень образованной массе («Разговор у телевизора» В. Высоцкого).

Итак, бардовская, она же авторская, песня, во-первых, оказалась востребованной, в том числе и за счет ее оттенения на сероватом же фоне официальной эстрады; во-вторых, в ней удачно сочетались непритязательные, ритмические мотивы (а это матрица звукозомбирования) и актуальная для названной выше группы потребностей текстурка. Но самую широкую аудиторию бардовской песне обеспечила, конечно, ее неофициальность. Среди многих просчетов Советской власти следует назвать ее негибкость в перехвате идей контркультуры и подчинении своим интересам с необходимой трансформацией акцентов: «сдвига мотива на цель», — как говорят психологи.

Владимир Семенович не стоял у истоков анализируемого жанра; были среди бардов 60—70-х годов и более одаренные вокалисты и тексттовики, но возник именно феномен Высоцкого. Этому способствовало сочетание ряда факторов. Во-первых, выраженный стихотворно-памфлетный талант; во-вторых, Высоцкий был незаурядным актером кино и — особенно — элитарного театра на Таганке. Немалую роль в его популярности, особенно среди женщин, интеллигенции, люмпенов, молодежи провинции, сыграл и хриплый тембр его голоса, а также выверено избранная манера исполнения. Этот биосоциальный момент в психологии масс называют фрустрацией, то есть перенесением в восприятии характерных черт кумира на себя или на свое окружение. А хриплый голос сексуален для женщин, авторитарен для люмпенов-хулиганов, подростков, робких от природы и воспитания людей, интеллигенции. Этот момент усиливается еще и определенной (естественной или выработанной?) безэмоциональностью голоса Высоцкого. Вот, например, схожий тембр голоса у Никиты Джигурды, но в нем ощутим темперамент, страстность, а это снижает «охват» аудитории.

Но главное в возникновении и апофеозе феномена Высоцкого — его, опять же естественная или выработанная, установка на неофициальность творчества (см. выше), определившаяся как негласным запретом на выступления с эстрады, так и малой оглядкой автора-исполнителя на реакцию властей. Впрочем, все в рамках советской политкорректности: без мата, явной критики режима и порицания «руководителей партии и правительства». Напомним, что в начале своей деятельности, еще задолго до всесоюзной известности, Высоцкий выступал с эстрады «не первого ранжира», в основном, в ближней провинции. Скандал, закрывший для Владимира

Семеновича эстраду, обычно связывают с концертом в Владимире, когда тамошний первый секретарь обкома демонстративно покинул зал со словами «прекратить это безобразия!». За аутентичность не ручаемся; так народная молва говорит...

А запретный плод сладок. Несомненно, свои амбиции были и у Высоцкого. Совокупность всех этих факторов дополняет и диковинная для советского человека французская жена-актриса. В наше время, когда наука конспирология из области догадок реально перешла в разряд привычных инструментов управления социумами — от этнических групп до государственных союзов и блоков, — вовсе не надуманным окажется и предположение, что теми же битлами и Высоцким (и тысячами менее одиозных фигур) кто-то умело режиссировал, то есть, как мы уже оговорились выше, играл втемную.

Вот, в общем-то, что мы хотели сказать, предваряя основательное исследование известного поэта, публициста, литературного критика Николая Боева. Дальше предоставляет слово ему — анализ литературной стороны творчества Высоцкого, отделение зерен от плевел.

А мы в настоящем предисловии ограничимся следующими выводами.

Владимир Семенович Высоцкий был яркой личностью «золотых» лет Советской эпохи нашей страны, что бы там сейчас не говорили о застое и пр. Достаточно уверенный поэтический и актерский талант сделали его кумиром обширных социальных групп в СССР. Но — скорее всего невольно — он внес заметную лепту в разрушение Советской империи. Разумеется, он мог бы быть и Маяковским своей эпохи, но верхи уже теряли бразды управления в области идеологии и культуры, и этого не случилось. Теперь же для нашего поколения «шестидесятников» он стал фигурой ностальгической, вспоминаем мы его добро. Сейчас песни его не звучат, даже «Радио Ретро» все реже обращается к ним. Все реже показывают на ТВ фильмы с его участием. А поколению «пепси» он и вовсе не знаком. Состоялся ли Высоцкий как поэт? — Об этом и пишет ниже Николай Боев. Это его мнение, правда, мнение квалифицированное, как самого поэта.

ПЛАЧ ПО ВЫСОЦКОМУ

Дорогой читатель!

Книга писалась в 90-е годы прошлого века, когда рушилась великая держава, а ее создатели оказались на краю пропасти. Может быть, в силу непредсказуемости тех дней, некоторые моменты в книге оказались несколько эмоциональны. Но это — документы эпохи.

Николай Боев

1. Феномен В. Высоцкого

О жизни и творчестве популярного и неординарного артиста, поэта, певца, а не редко добавляют и композитора, созданы легенды, книги, спектакли, кинофильмы. В них быль и небыль переплетены так плотно, что неискушенному человеку трудно разобраться что к чему, отличить зерна от плевел. Давайте попробуем поговорить вместе без эмоций и предвзятости, не становясь в позу, не влезая на пьедестал лжедемократов и таких же говорливых антидемократов. Давайте за основу возьмем пра-

вославие, его десять заповедей, подаренных миру Христом. Именно по законам православия жила святая Русь со времени своего крещения в 988 г. Давайте положим руку на сердце, раскроем душу и доверительно обсудим все «за» и «против». Давайте говорить не «по лжи».

Вряд ли найдутся оппоненты против истины: в наше безумное время нам необходима единственная объединительная идея в рассыпающемся отечестве и она не может быть иной, чем русская идея, в основе которой должны быть заложены глубокие философские категории: соборность и православие. Почему православие? Из 150 миллионов россиян — около 130 — православные. Православие — самая терпимая вера по отношению к другим религиям, и ему присуща соборность, объединяющая все народы огромной страны. Если боги разных религий обитают на небесах, не мешая друг другу, то почему бы всем народам не объединиться вместе?

«За Веру, Царя, Отечество», — многие годы и века был главный военный девиз святой Руси. Его близко к сердцу принимали народы и других вероисповеданий, объединившись вокруг православия. Обращает на себя внимание принцип построения этой животворной формулы. Одно из основных звеньев — «За царя» — находится как бы в тисках двух других составляющих и объединяющих — «За веру... Отечество». Причем, именно «Вера» стоит на первом плане. Здесь может иметь место любое вероисповедание, соединенное не менее святым словом «Отечество». За лучшую долю вели народы разных религиозных взглядов Пугачев и Разин — люди православные. В 1812 г. против, казалось бы, непреодолимых полчищ Наполеона встал единой стеной народ российский, народ разных вероисповеданий. Непобедимая армада гениального полководца разбилась вдребезги о бетонную стену россиян, сплоченных единой основной идеей: «за веру, царя, отечество».

А 1941—1945 гг. подтвердили верность народов России великому принципу СОБОРНОСТИ. Накануне войны православие, как и другие религии, было подрублено под корень. Но Сталин знал неистощимую силу православия. Около восьми лет он обучался в православных духовных заведениях. В критические минуты Сталин вспомнил о Боге. Первые его слова к народу были словами священника: «Братья и сестры!». Он опомнился вовремя. Выпустил из ГУЛАГа всех служителей культа и, по сути дела, легализовал деятельность уцелевших религиозных заведений. Знал Сталин историю! Знал источник силы российских народов!

В наше время разора и раздора на просторах российских во главу угла всей внутренней политики, всех партий и движений необходимо ставить соборность. Без нее не избежать дальнейшего развала экономики, как известно, концентрированного выражения политики. Развал в экономике — развал в политике...

Не мешая верующим — в стороне от храма, но с верой в Бога, поговорим о В. Высоцком, его и нашем времени.

Итак, «Феномен Высоцкого»...

Такое сочетание слов у многих любителей творчества своего кумира вызывает чуть ли не мистические чувства. В беседах с ним выясняется, что многие из них даже путают слова «феномен» и «гениальность». Святая простота! Но, это среди «любителей творчества...».

Слово «феномен» — древнегреческое и точный его перевод на русский язык означает «являющийся». Философская категория — «явление создания».

Идеалистическая философия толкует слово «феномен» как субъективное содержание нашего сознания, не отражающее объективной действительности. Вот и пришли к истине, которая, как известно, не требует доказательств. Итак, услышав или прочитав выражение «феномен Высоцкого», надо иметь в виду, что это мнение субъективное и далеко не соответствует объективной оценке жизни и творчества Владимира Семеновича — актера-поэта-певца-композитора.

По отношению к В. Высоцкому добавление слова «гениальный» — кощунственно. Человек честный, прямой, услышав о себе подобную оценку при жизни, он, как истинное дитя улицы, наверняка бы послал поклонника известно в какие дали.

Выражение «гениальный» — обладающий гением, свойственный гению, происходит из латинского языка и означает, что человек обладает высшей степенью творческой одаренности. Так что с данной характеристикой того или иного человека надо быть поаккуратней, иначе получается насмешка, издевательство.

И, наконец, о «любителях творчества Высоцкого», а точнее — «фанатах». Его производное — от латинского языка — «фанатик» — иступленный, т.е. крайне возбужденный человек.

«Фанаты» противоборствующих спортивных команд устраивают перед или после матчей такие разборки, что порой городские больницы переполняются ранеными и изувеченными пациентами, а морги — трупами. Мрачная сторона спорта известна всему миру и не будем приводить примеры. Пишу эти строки, а во Франции проходит первенство мира по футболу. Разборки «фанатов» продолжают — растет число жертв.

Конечно, фанатизм в искусстве и культуре — особый фанатизм. Но и здесь не обходится без жертв. Истерики, потери сознания от излишнего темперамента на представлении, погромы в залах и на улицах — обычная картина «выражения любви» к кумиру. Не случайно наиболее популярные, особенно среди молодежи, эстрадные звезды постоянно находятся под опекой штатных телохранителей — от самих же их поклонников — «фанатов».

Всем памятен недавний приезд в Москву современного эстрадного идола молодежи — белого негра Майкла Джексона. Милиция чуть ли не всей Москвы была поднята на ноги. А кумиру — на руку: яркая дополнительная и бесплатная реклама не помешает. Во многом подобный ажиотаж разжигают сами «кумиры» со своей командой, делающей на очередной «раскрученной звезде» бешеные деньги.

Современные «любители творчества Высоцкого» почти вошли в колею нормальных людей. Их отряд редееет. Они вымирают, как мамонты. Разговариваю со своим знакомым, когда-то фанатично коллекционировавшим записи песен В. Высоцкого. Оказывается, что уже не одной записи у него нет. Другое время — другие песни. Но в некоторых крупных городах существуют объединения «любителей творчества Высоцкого». Их можно сравнить с людьми увлеченными, выбравшими себе любимое занятие, т.е. хобби и не иначе. Один собирает этикетки от спичечных коробок, другой — старые чайники, регулярно навещая городские свалки и целыми днями роясь там в мусорных развалах. Каждому свое. Человек должен чем-то заниматься в свободное время. Такие люди вызывают уважение, но иногда и сочувствие.

Все бы так. Но с людьми «любителями творчества Высоцкого» все гораздо проще и сложнее. С кем бы из них не доводилось разговаривать, встречаешь полное непонимание твоего мнения — резкое отрицание всего без малейшей аргументации. Поражает их агрессивность в отстаивании явно ошибочных концепций во взглядах на творчество барда. Своим поведением они напоминают замкнутую секту — тоже стремление «изучать и пропагандировать» наследие кумира: идут в школы, устраивают выставки, издают многотомники. А это уже серьезно — таких людей просто жаль....

После смерти В. Высоцкого прошло почти восемнадцать лет; 60-летие со дня его рождения отмечалось широко, но в основном в его родном театре, в его родном городе Москве. По радио звучали песни, его современники рассказывали об актере Высоцком, барде Высоцком, иногда Высоцком-поэте. По телевидению шли фильмы с участием В. Высоцкого. Не обошла юбилей своим вниманием и часть официальной столицы. Но всенародного праздника не получилось, увы, повод не тот. А говорили-

вые СМИ на всю вселенную трубили о всенародной любви, о всенародной признательности и прочих «все-все-все». За этим шумом и гамом «забыли» отметить 150-летний юбилей всемирно известного художника Василия Ивановича Сурикова. Его полотна «Утро стрелецкой казни», «Меньшиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком» — являются шедеврами мировой живописи. Они запечатлели историю России, но кому в ней из власть предержащих интересно знать о каком-то В. И. Сурикове. Другое дело В. Высоцкий — он умело развенчивал русские святыни — из сказок создавал свои шлягеры, а это уже интересно. Вот и востребовала его элита, близко находящаяся у вершины власти, круги, в чьих руках оказались СМИ. И «пошла, писать губерния»: «Великий актер! Великий певец! Великий поэт!».

С «фанатами» Высоцкого все ясно. С современными идеологами «демократической» власти сложнее. В любом случае стыдно перед памятью В. Высоцкого — человека талантливого и, как утверждают близко знавшие его, честного. Стыдно за него. Стыдно за Россию.

Почему???

Давайте разберемся искренне — без эмоций и фанатизма, опираясь на аргументы и факты людей компетентных, людей хорошо знавших В. Высоцкого, людей разбирающихся в литературе, искусстве и в сложных вопросах современной идеологии. Потомкам легче будет искать пути к истине — истина есть Бог...

2. Коней над пропастью не погоняют

«Я родился и вырос в Москве /25 января 1938 г. — Н. Б./, коренной москвич. Жил на 1-й Мещанской. Там окончил школу. Потом жил на Большом Каретном, где у меня было много друзей. Немного учился в Строительном институте /1-й семестр — Н. Б./ ушел из него, поступил в школу-студию МХАТа...», — на актерское отделение — 1956—1960 гг. /Из автобиографии/.

В служебной анкете В. Высоцкого, заполненной в 1978 г. читаем:

«1960—61 гг. — актер театра им. Пушкина, Москва.

1961—64 гг. — актер по договорам на киностудиях страны.

1964 г. по настоящее время — актер театра драмы и комедии в Москве».

Из учетной карточки «Мосфильма», заполненной в 1974 г.:

«Рост — 170 см., вес — 70 кг., цвет волос — русский, цвет глаз — зеленый. Инструмент — гитара, рояль. Танец — да. Пение — да. Ставка в месяц — 150 руб., ставка за съемочный день — 40 руб.».

Как актер театра и кино, В. Высоцкий был востребован в значительной мере. Уже в 1959 г. он снялся в своем первом кинофильме «Сверстницы».

На протяжении всей оставшейся жизни, т.е. за 20 лет, на его счету еще около трех десятков ролей в художественных, телевизионных и документальных лентах, в том числе и телесериал С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Последний его фильм — «Маленькие трагедии» — 1980 г. — год смерти.

В театре на Таганке В. Высоцкий проработал со дня его основания — с 1964 г. и до последних дней. Несмотря на объективные причины, о чем несколько позже, у него не было простоев — «кинобезработицы», в которую часто попадают актеры по независящим от них причинам. В 14-ти театральных постановках он сыграл около полутора десятка ролей, в том числе и Гамлета В. Шекспира.

Известный режиссер-постановщик Ю. Любимов ставил смелые для того времени спектакли, в каждой работе по-своему, новаторски решал проблемы, выдвинутые драматургом, писателем или поэтом. Только по стихам популярного в то время стихотворца, суетливого и саморекламного А. Вознесенского, он рискнул дважды: «Антимиры» — 1965 г. и «Берегите ваши лица» — 1970 г. Здесь В. Высоцкий ближе по-

знакомился с модным лидером «эстрадной поэзии».

В театре, не говоря уже о съемочных площадках, В. Высоцкий находился в окружении прекрасных актеров: А. Демидова, З. Славина, Н. Губенко, В. Золотухин и другие. Все были молоды, жизнерадостны, энергичны и талантливы — иных у Ю. Благова не было.

В 1960—1970 гг. автору часто и подолгу приходилось жить в Москве. Достать билет в театр на Таганке оставалось вожделенной мечтой каждого провинциала. А интригующих слухов о нем хватало далеко за пределами столицы, — лучшая реклама того, уже далекого, времени. Но стремились не «на Высоцкого», хотя упоминали и его? Театры Москвы всегда имели аншлаг, а театр на Таганке — особенно. В МГУ им. М. В. Ломоносова в театральной кассе при желании всегда можно было предварительно купить билет в любой театр, но не Таганку — популярность сделала его недоступным. Среди счастливиц, смотревших «Гамлета», восхищенных игрой В. Высоцкого не встречалось — студенты — народ трезвый, особенно в лучшем ВУЗе страны, с его небывалом конкурсным отбором абитуриентов. Да было стремление и посмотреть на певца подпольных блатных и популярных песен из кинофильма «Высота». Он, естественно создавал дополнительную рекламу театру и из-за чего Ю. Благова, видимо, держал В. Высоцкого, несмотря на его регулярные «заскоки».

А. Демидова: «Театральные критики о Высоцком писали мало: из-за того, что не сразу обратили на него внимание и из-за запрета публикаций о театре на Таганке /почему? — ниже выясним — Н.Б./ По этим же причинам нет снятых на пленку спектаклей, где играл Высоцкий...».

«Для нас — актеров театра на Таганке — Высоцкий был Володей, Володечкой, с которым можно было поболтать о чем угодно, посоветоваться, поспорить на репетиции или на спектакле, а после не разговаривать неделю, позлословить с приятелями о его очередных «выходках». Для всей страны он был мифом, легендой. Теперь же те, кто не знал его при жизни, хотят знать мельчайшие подробности его жизни. Мы же пытаемся разобраться в корнях этой легенды», — пишет А. Демидова.

Вот и мы попытаемся...

А. Демидова с теплотой и любовью, с большой эмоциональностью рассказывает о В. Высоцком. В книге с горечью и душевной болью проскальзывает уже казалось бы давно минувшее время. Она приводит воспоминания близких друзей В. Высоцкого, в которых рассказываются любопытные черты характера популярного барда, изломы его биографии, особенно, в раннем детстве, о пагубном влечении его к алкоголю, к наркотикам.

В театр имени А. С. Пушкина он был принят в самом начале своей актерской карьеры — в 1960 г. Одновременно с ним туда пришел новый главный режиссер Б. И. Равенских.

А. Демидова: «Часто на сцене Володя бывал нетрезв, и Равенских за это несколько раз увольнял его из театра, потом восстанавливал, давал выговоры».

Писатель Артур Макаров, друживший с В. Высоцким, уточняет: «...исключал его оттуда Равенских девять раз», — за один год...

А. Демидова: «Фаина Григорьевна Раневская /известная актриса — Н.Б./, которая тогда работала в этом театре, рассказывала, что как-то стояла перед доской приказов и читала о бесчисленных выговорах одному и тому же актеру за разные провинности «Боже, кто же это такой смельчак?». «Это я», — ответил худенький мальчик, который стоял рядом. Это был Высоцкий.

Потом такого рода приказы были и на Таганке, особенно в первые годы. И мы, актеры, «брали его на поруки», или нам удавалось уговорить Любимого отменить приказ...

Увы, «заскоки» В. Высоцкого продолжались всю его недолгую жизнь.

Если бы кто-нибудь из серьезных профессиональных исследователей обратил внимание на биографию В. Высоцкого, его очень уж «сумбурное» творчество /не обращали и не обратят из-за отсутствия предмета исследования/, то неизбежно заметил бы «изломы и перекосы» судьбы некогда популярного барда. Они легко объяснимы...

Бесспорен факт, что первый успех к нему пришел с блатными песнями, которые обладают криминально-волшебной способностью мгновенно распространяться по городам и весям. Песни из кинофильма «Вертикаль» и «Военный цикл» — вершина его песенного творчества. Он стал популярен. Объявился и отец, даже утверждавший, что сын унаследовал талант от него. Но это случилось после того, как имя В. Высоцкого оказалось «на слуху».

Прежде было, мягко говоря, игнорирование судьбы единственного ребенка. То он живет с отцом — у отца другая женщина, то с матерью — у нее другой мужчина. То его увозят в Германию, то возвращают к матери в Москву.

А. Демидова удивляется, что на вопрос: «С какого возраста ты себя помнишь?» — Володя ответил на это: «С двух лет». Я не поверила».

В его ответе нет ничего удивительного. Детали, эпизоды раннего детства запоминают и раньше. Русская древняя пословица гласит: «Надо учить ребенка, пока он укладывается поперек лавки. Когда ляжет вдоль — будет поздно». Японцы утверждают, что основу характера и норму поведения в детях необходимо формировать до трехлетнего возраста...

Вот и наблюдал маленький Володя за разладом родителей, за не совсем понятным ему их образом жизни. Защищаясь от дискомфорта, он уже в раннем детстве пытался утвердиться в семье, во дворе, среди окружавших его людей.

Мать Нина Максимовна с умилением припомнила: «К двум годам знал много стихов и читал их довольно выразительно. При этом обязательно должен был забраться на какое-нибудь возвышение — на детский стульчик, чаще всего — на табурет, откидывал со лба свои белокурые волосы и громко, не по-детски серьезно читал длинные стихи».

Психологи скажут, что мальчик в некоторой степени наделен комплексом нарциссомании — опасная болезнь — самолюбования. В усложненных жизненных обстоятельствах она может прогрессировать и вступать в определенные противоречия с субъектом и обществом. Семейные неурядицы вносили тревогу в неокрепшую детскую душу — ребенок вынужден был самозащищаться, его мир преломляется в искаженном качестве.

Данный выход хорошо подтверждается воспоминаниями людей, близко знавших В. Высоцкого.

Известно, человек с рождения получает наследственную генетическую программу, которая содержится в памяти любого живого существа. Но необходимы еще практика, опыт — они-то призваны развивать и закреплять заложенные в субъекте все элементы генетической программы. Причем, каждому этапу жизни определен и соответствующий программный элемент. Иначе говоря, если доброе начало, полученное при рождении, не получило подпитку и развитие в воспитании ребенка, то в дальнейшем может произойти перекося в его характере и судьбе. Кстати, в статье Дмитрия Струженцева «Тарзан, Маугли и другие» /газета «Труд», 27 марта 1998 г./ на конкретных примерах рассказывается, что происходит с ребенком, если он в раннем возрасте оказался в стае волков или обезьян — таких случаев в истории человечества немало. В ребенке закрепляются навыки животных и очень сложно, практически невозможно избавить его от них. Пока на практике все попытки перевоспитать «мауглей», вернуть их на тропу человека, оканчивались неудачей.

Так и в повседневной жизни. Травма житейских неурядиц, драма между родите-

лями оборачиваются трагедией их детей.

В детстве В. Высоцкий прошел через «чистилище» родительских драматических взаимоотношений. Сын все видит, естественно, понимает, по-детски недоумеваает и переживает. Формируется надломленный взгляд на семейные отношения родителей: можно, значит, жить и так. Так потом и произойдет. Два сына вырастут без отца. Говорят, что еще дочь объявилась. Семейное горе запрограммировано множится...

Читаем А. Демидову: «Евгения Степановна часто и надолго уезжала к мужу, Володя оставался один, или со случайно захавшими родственниками, иногда уходил к матери на 1-ю Мещанскую, но там был совсем уже чужой человек — дядя Жора, муж матери — и Володя опять возвращался на Большой Каретный».

Веселое детство. Без матери и отца при живых родителях. В десятилетнем возрасте свою «ненужность» в семье дети воспринимают наиболее остро, они уходят в себя, ищут «дом» во дворах и на улице.

Рассказывает школьный друг Высоцкого Владимир Акимов:

«В школе Высоцкий был заброшен, его часто лупили, довольно сильно поколачивали физически более крепкие ребята. Он привык любить и уважать физическую силу и крепкие кулаки. Районы Москвы, где он жил, раньше считались не очень респектабельными, так сказать. Отсюда и его интерес к так называемым «блатным» песням. Это интерес возник по большей части из чувства протеста...».

«На курсе он был, конечно, душою общества —

...Хотел быть только первым,—

Такого попробуй угробь!

Не терпел никакой конкуренции. Это качество оставалось до конца его жизни».

Везде и всюду он «хотел быть первым». В любой компании В. Высоцкий любил брать инициативу в свои руки, чтобы на него обращали внимание — «не терпел никакой конкуренции...». В достижении своей цели он не останавливался ни перед чем и, увы, ни перед кем...

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд /1856—1939/ как раз и утверждал, что формирование характера и его патология находится в прямой зависимости от переживаний и потрясений раннего детства. В нашем случае все сходится именно по Фрейду. Именно по Фрейду складывались характеры самых зловещих фигур последних двух веков: Наполеона и Гитлера. Все они разрушители. Злые гении. Разрушали свой народ, мир, сами вели себя к позору и бесславию. Конечно, В. Высоцкий — несравнимая величина. Но опять же по Фреду, так и не смог в своем стихотворчестве уйти от воровского арго до самых последних своих стихов — песен. Одни из самых последних, если не последнее его произведения — «По речке жизни плавал честный Грека» и «Михаилу Шемякину — чьим другом посчастливилось быть мне!» — подтверждение данного вывода.

*Как зайдешь в бистро-столовку,
По пивку ударишь,—
Вспоминай всегда про Вовку:
Где, мол, друг-товарищ?!*

*И в лицо трехстопным матом —
Можешь хоть до драки!
Про себя же помни — братом
Вовчик был Шемяке.*

*Баба, как насадка, квохчет
/Не было печали!/.*

*Вспоминай!!! Быть может, Вовчик —
«Поминай как звали!»
М. Четикin — всегда, везде Шемякин
А посему французский не учи!..
Как хороши, как свежи были маки,
Из коих смерть схимичили врачи!*

*Мишка! Милый! Брат мой Мишка!
Разрази нас гром!
Поживем еще братишка,
По-жи-вь-ем!*

Ро-qi-viom /1980, июнь/

Зигмунд Фрейд во многом прав. Известно, что дети замыкаются в собственном мире, а замкнувшись, с возрастом становятся агрессивными. Они устанавливают для себя единственный способ в отношениях с обществом — агрессию. В плохо осознанных поступках не замечают, что у них всегда и всюду размыты границы добра и зла. Нет границы между добром и злом в приведенном «Посвящении», нет видимых границ и во всем без исключения творчестве В. Высоцкого...

Пишу эти строки, а жена смотрит телепередачу В. Познера «Человек и в маске» /6 апреля 1998 г./ Молодой мужчина хвастается, как он ушел от жены и один воспитывает сына. Уродуется еще одна судьба. Одна? А сколько телезрителей? Осознанная размывка границ добра и зла продолжается — разрушительная машина СМИ набирает обороты...

В. Высоцкий был актер-профессионал. В театрах, прямо скажем, он не блистал. Его знали как популярного «полуподпольного барда», с запрещенными и полузапрещенными текстами песен, написанных исполнителем. В то время эстрада массовой культуры только делала первые шаги, а любая новинка вызывает повышенный интерес определенной группы зрителей. Эстрада принесла ему большой успех. Актер — профессионал, войдя в роль «злотоустого блатаря» уже не мог /не хотел?/ из нее выйти. «Хочу быть первым». Успех любой ценой! Нет места раздумьям о добре и зле. На знаменитой американской фабрике кинофильмов — в Голливуде это называют «синдром Герострата». Как известно, древний грек сжег храм Артемиды Эфесской, решив, что лучше прославиться этим, чем ничем. Поймав «волну удачи», В. Высоцкий летел на ее гребне до своего рокового конца...

В театре его любили за веселый нрав, за компанейство, честность, но не как очень талантливого актера. Этого не было — в воспоминаниях серьезных актеров вы не найдете такой характеристики. Но «фанаты» да и некоторые СМИ твердят о В. Высоцком, как о великом и, конечно же, гениальном актере. Оставим «фанатов» — это их хобби, но хобби — кредо «демократов» и все их утверждения неизменно вызывают протест подавляющего большинства россиян. Но правда всегда одна. Она такова: в кино В. Высоцкий не блистал. Наиболее всесторонне зритель увидел его в фильме С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» в роли Глеба Жиглова. Роль давала широкий диапазон и для проявления всесторонней творческой способности актера, полного раскрытия характера героя. Талант виден и в малой роли второго-третьего плана. Но положила руку на сердце, он и в этой роли хорош, как всякий профессионал на роли первого плана. Его постоянно затенял В. Конкин в роли Володи Шарашова. Он своим темпераментом, своей внешней фактурой автоматически переклюкает внимание зрителя на себя. Хорошо смотрится В. Высоцкий в фильме «Опасные гастроли», но когда он с гитарой — в своем амплуа. В других эпизодах актер Высоцкий остается просто В. Высоцким: решительным мужчиной — супер-

меном.

Называют хороший фильм «Вертикаль». Но в нем в роли Володи — радиста предстает в эпизодических сценах-заставках. На протяжении всей картины звучат песни в авторском исполнении — одни из лучших в его песенном творчестве.

Утверждают, что он ярко сыграл Гамлета в постановке Ю. Любимова. Во-первых, этот спектакль видело не так уж много зрителей для трехсотмиллионного СССР и мнение о постановке было весьма противоречивым. Во-вторых, всемирно известный Ю. Любимов режиссерской силой таланта умел, как немногие, вписывать актера в план своего спектакля, «ломать» актера своей волей.

Вполне естественно, что каждый актер мечтает сыграть свою главную роль. В. Высоцкий считал для себя такой ролью Гамлета.

А. Демидова: «Когда Любимова спросили, почему он поручил роль Гамлета Высоцкому, он ответил: «Я считал, что человек, который сам пишет стихи, умеет прекрасно выразить так много глубоких мыслей, такой человек способен лучше проникнуть в разнообразные сложные конфликты: мировоззренческие, философские, моральные и очень личные, человеческие проблемы, которыми Шекспир обременил своего героя».

Когда Высоцкий поет стихи Пастернака, то это что-то среднее между песенной речью и песней. Когда говорит текст Шекспира, то есть в этой поэзии всегда музыкальный подтекст.

Так Ю. Любимов ответил позже. Отношения Любимова и Высоцкого, — пишет Алла Сергеевна, — были неоднозначные и не ровные. Несколько раньше на этот вопрос Любимов отвечал так:

«Как Высоцкий просил у меня Гамлета! Все ходил за мной и умолял: «Дайте мне сыграть Гамлета! Дайте Гамлета! Гамлета!». А когда начали репетировать, я понял, что он ничего не понимает, что он толком его не читал. А просто из глубины чего-то там, внутренний, даже не знаю, что-то такое, где-то, вот почему-то: «Дайте Гамлета! Дайте мне Гамлета!».

Далее А. Демидова вспоминает:

«Писать о Гамлете и Высоцком в этой роли стали значительно позже премьеры этого спектакля. На первых обсуждениях «Гамлета» на худсоветах о Высоцком даже не упоминали...

Высоцкий очень менялся за десять лет в этой роли — и рецензии на его игру поэтому были очень разные. Представитель Управления культуры критик М. Марингоф говорил на обсуждении «Гамлета» про Высоцкого:

«Мы не видим диалектики души Гамлета, его трагических раздумий и смятений, сомнений и колебаний, не видим, как он проходит путь от созерцания к действию, как его мысль мучительно и сложно движется по крутым и извилистым дорогам, как обретаются им гармония, мужество и решимость вступить в борьбу со злом. Кажется, что уже до появления в спектакле Гамлет Высоцкий многое передумал, перечувствовал, освободился от мучивших его горьких сомнений, все понял, словом миновал весь сложный процесс мысли от созерцания к постижению. Ему остается только действовать. И невольно думаешь, что такому Гамлету нет надобности произнести свой монолог «Быть или не быть». Он уже нашел ответ на мычавшие его «проклятые» вопросы жизни. Он все решил для себя».

Есть и более положительные высказывания. Но большого восторга игра Высоцкого не вызывала. По интонации выступлений заметно, что на всех воспоминаниях лежит магия Высоцкого — барда, барда запрещенного или полузапрещенного.

У специалистов, да и у многих зрителей вызывала вопросы, а порой и справедливое недоумение трактовка Ю. Любимова классической драмы В. Шекспира. Гамлет В. Высоцкого в джинсах, черном свитере, гитара, стихи Б. Пастернака. На сцене на-

туральная земля, могильщики, могила и т.д. Что это? Подгонка В. Шекспира под «свою волю», под свое время, когда с Запада массовая культура стала прорывать «железный занавес» и вырываться на необъятные просторы эстрады и театров СССР? Видимо так. Сейчас «упрощают» Ф. Достоевского и ставят сомнительные спектакли по его произведениям. Например, Марк Захаров поставил спектакль по его роману «Игрок». Судя по рецензии Александра Дугина /журнал «Медведь», № 3/27, 1998/, и новая трактовка произведения гениального писателя полна неожиданных, порой нелепых домыслов, которые, опять же вызывают многочисленные вопросы без объективных ответов. Попутно — ни поставщик, ни рецензент — не обошлись без того, чтобы обвинить Федора Михайловича во всех смертных грехах. Как же! Охнешь гения и, вроде бы сам приблизишься, пусть на толику! — к гениальности! Ох уж эти «демократы»! «Достоевский — радикальный национализм, русское мессианство, граничащее в его случае с ксенофобией». Вот так! И заумно, и беспощадно! Ксенофобия — навязчивый страх перед незнакомыми лицами. Кого же это боялся Ф. М. Достоевский? Зачем же гению приписывать свои страхи? Ведь дорогой «демократический» журнал рассчитан на «демократов». Воистину медведь! В дремучем звере — дремучие мысли... Но сами же справедливо признаются, что «публика — толпа поклонников — это ловушка, ловушка смертельно опасная». Зачем же совращать и развращать публику, готовить для себя смертельно опасную ловушку?

На Западе даже классические произведения практикуют выпускать в виде карманных конспектов. Зачем ломать голову над сложными вопросами, поставленными великими писателями? Подобное мы уже давно успели посмотреть в американской экранизации «Война и мир» Л. Н. Толстого.

У массовой культуры свои законы, свои цели и задачи. Мы их потом попытаемся рассмотреть. «Гамлет» Ю. Любимого следовал им...

А. Демидова: «В 1978 году на гастролях в Марселе Володя загулял, запил, пропал. Искали его всю ночь по городу, нашли. Прилетела из Парижа Марина. Она одна имела власть над ним. Он спал под снотворным в своем номере до вечернего «Гамлета», а мы репетировали новый вариант спектакля на случай, если Высоцкий во время спектакля не сможет выйти на сцену, если случится непоправимое...

Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда — ни до, ни после... Он был белый-белый, как полотно. Роль, помимо всего прочего, требовала еще и огромных физических затрат. В интервалах между своими сценами он прибежал в мою гримерную, ближайшую к кулисам и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала все это».

Увы! Многогранно талантливый Владимир Семенович с детства курил и пил. Прав старик Фрейд, архиправ! С годами он пил «по-черному». Когда Марина Влади кодировала его в очередной раз, он переходил на наркотики.

Нисколько не очерняя его, он уже не защитится, необходимо сказать широкому читателю, что наркотики, алкоголизм и табак — спутники подавляющего большинства не только талантливых, но и гениальных людей. Алкоголизму были подвержены А. Блок /в конце жизни/, С. Есенин, П. Васильев, А. Твардовский, А. Фадеев, А. Прасолов, Н. Рубцов и многие, многие другие литераторы.

Не лучше обстоят дела и в других творческих профессиях. Постоянное нервное напряжение, преодоление себя, без чего невозможно серьезное творчество, приводит к стрессам. Эффективного лекарства от них, кроме упомянутых, нет. И за это не стоит строго судить творческих людей. Как известно, судьбу не выбирают...

После очередного «заскока», в процессе которого нервная система получает передышку, наступает светлая полоса. Измученный организм, преодолев стресс, вызывает небывалый прилив творческих сил, балансируя на грани жизни и смерти.

В определенной среде почитателей таланта В. Высоцкого, особенно «фанатов»,

неординарное поведение кумира еще больше возвышало его в их глазах. Загуляв, он попадал в их среду, видел божественное поклонение ему. Конечно, Владимир Семенович понимал всю пагубность своего образа жизни, но уже не мог, а может и не хотел преодолеть себя. Такой подвиг под силу немногим...

Готовясь к съемкам фильма или постановке своего спектакля, режиссер-постановщик подбирает актеров на два вида ролей: «я — в предлагаемых обстоятельствах» и «я — на преодолении». Вполне понятно, что В. Высоцкий во всех основных ролях и выступал «в предлагаемых обстоятельствах», когда его образ человека и актера соответствовал тому или иному типу героя произведения. Хорошо иллюстрируется наш вывод на примере героев, сыгранных Владимиром Семеновичем в выше названных фильмах. Сюда можно добавить картины «Единственная», «Служили два товарища» и другие.

В ролях «я — на преодолении» мы его не найдем. В них нужен актер могучего таланта, тонких психолог, способный полностью перевоплотиться, вживаться в образ. Такими служителями театра и кино богата земля российская: вошедшая в число двенадцати лучших актрис мира XX столетия Н. Мордюкова, К. Лавров, В. Тихонов, И. Смоктуновский, М. Ульянов — список можно продолжить.

Конечно, в кругах режиссеров имя В. Высоцкого — популярного барда — профессионального актера было «на слуху». В среде его друзей встречались великие Василий Шукшин и Андрей Тарковский. «У Тарковского Володя должен был играть в «Ивановом детстве» капитана Холина, в «Андрее Рублеве» сотника, но Высоцкий дважды его подвел — запивал к киносъемкам. Тарковский в работе этого не переносил и больше никогда не приглашал его сниматься», — вспоминает А. Демидова.

«Домашние посиделки» за чаем и вином, конечно, вызывали на откровенный разговор и В. Высоцкий, безусловно, приглашался на роли. Но его «фактура» часто оказывалась не востребованной. Выше головы человек прыгать не может. Он это понимал и свои суперменские амбиции с лихвой восполнял в роли барда — «златоуста бладаря» — здесь он и находился на троне. Толпа была послушна. Но в этом зловещем послушании толпы скрывалась смертельная опасность: кумир становится ее рабом. Толпа требовала кумира и он «рвался из всех сухожилий». Коней над пропастью не погоняют. Наездники, оказавшись на коне над пропастью, дают им волю. Без понукания умные животные осторожно всегда выносят седока на ровную дорогу. В. Высоцкий знал этот закон, но являясь рабом толпы, нарушил его: «Хочу быть первым...». Расплата — жизнь...

Он был из пионеров массовой культуры. В шальной упряжке беспредела не он погонял своих коней, а толпа поклонников впрягла его и гнала в пропасть. Коренник падает первым. В упряжке массовой культуры он был коренником.

3. Божественное звание поэт...

Шестидесятилетие певца в рамках «Садового кольца» отметили широко и современному помпезно. Его снова востребовали говорливые «демократические СМИ». С ними-то все ясно. Нет у них сейчас литературной фигуры, за которую можно было бы зацепиться, объявив ее «гением». Отвернулся от «Апреля» Е. Евтушенко, некогда его сварганивший. Девальвировался А. Вознесенский — его стихотворные эксперименты доходят до маразма. Шуму-гаму наделало возвращение на родину А. Солженицына, но он заговорил о России правдивым языком художника и его быстро отлучили от «официальных» газет, радио, телевидения. Вот и о В. Высоцком вспомнили, затусовались.

Незаметно вовлеклась в разговор и «Литературная Россия» — одна из немногих центральных газет, сохранившая истинное лицо правды. Возникшая дискуссия в

полней мере ответила на вопрос: почему определенные круги пытаются «раскручивать» В. Высоцкого, только вот что-то оппоненты ограничиваются туманными намеками, недосказанностью. Мы что уже, как и гениальный С. Есенин, в родной стране стали иностранцами? Давайте глянем в глаза истинной Правды. В своей статье о Михаиле написал, что один из главных идеологов «капитализма с человеческим лицом» З. Бжежинский признался: «После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие», Добавим, что приказ услышан в сердце России. В Москве накануне Рождества Христова устроили судилище: показывать или запретить показ фильма «Последнее искушение Христа». Сам патриарх всея Руси Алексей II в обращении был против демонстрации фильма. Показали! А как же — приказы хозяев надо выполнять! «Ату его!.. Христа...». Испокон веков на Руси подобные явления назывались бесовщиной. Сегодня она зримей. Так Россия оказалась разделенной на «они и мы». В. Высоцкий всеми своими текстами был близок «им» и в яростных атаках на православие он является надежной спицей, хотя пытался «доказать, что в колесе — не спица». Таково недосказанное единоголосное мнение всех оппонентов. Но вызывает недоумение одно недоразумение: и в обстоятельной статье о Михаиле, и в других выступлениях очень часто упоминается слово «поэт», приписываемое к характеристике стихотворства В. Высоцкого. Конечно, беспредел нашей эпохи девальвировал все ценности: с каждым днем дорожает «прожиточный минимум» и дешевеет человеческая жизнь, исказились вечные ценности — пошлякам эстрады «народная власть» присваивает народные звания, выучившему несколько рифмованных мракобесных строк спешат прилепить звание поэт. Валом пошли собрания сочинений В. Высоцкого — поэт, поэт, поэт...».

...В. Высоцкий хотел опубликоваться, мечтал издать сборник своих произведений.

Известно, что он обращался в редакции журналов, издательства искал помощи и поддержки у популярных в то время поэтов — эстрадников А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского. Вполне вероятно, что о своем желании он говорил и с другими знакомыми, знавшими «ходы-выходы» редакционно-издательского дела. Но при жизни все его попытки оканчивались неудачно. Почему?

Среди молодежи песни В. Высоцкого пошли гулять в начале 60-х годов. Ушел в небытие неограниченный во власти диктатор великой державы, разоблачен «английский шпион и пособник империализма» Берия, разные «космополиты и примкнувшие к ним». Вместе с тем «холодное лето пятьдесят третьего» сменилось осуждением культа личности и «хрущевской оттепелью». Народ глотнул освежающего воздуха полусвободы. По стране поползли анекдоты про Никиту и его сподвижников. Никто никого за них уже не сажал.

В прозе яркой звездой мелькнули смелые по тем временам повести А. Кузнецова «Продолжение легенды», В. Аксенова — «Коллеги» и «Звездные мальчишки», за ними весь мир узнал об одном дне Ивана Денисовича А. Солженицына. Оживилась и поэтическая жизнь. На сцене дворцов культуры и арены стадионов вырвались поэты-эстрадники. Они были с повадками современных «тусовщиков», напористые, с хорошо отрепетированным голосами и образом жизни, не лишенные таланта — крикливые и суетливые. По мановению палочки невидимого дирижера для них распахнулись двери редакции газет, журналов, издательств, радио и телевидения. Они частенько создавали всевозможные скандальчики, рекламируя себя. Особенно в этом преуспели А. Вознесенский и Е. Евтушенко. Последний даже опубликовал во Франции скандальную автобиографию — а как вы хотели!, где опять же саморекламно заявил, что первый роман он написал в детстве между строк на толстом томе «Капитала» К. Маркса. Война, бумаги не было. Жалко мальчика! При наличии достаточного количества бумаги он и не то бы написал. А за кошунство над «гениальным» трудом духовного отца большевиков-интернационалистов ой как могло попасть, и попа-

ло, правда, не очень. Рассчитано, не бейте бедного мальчика!

И он продолжал гнать вал своих стихов и поэм во все газеты и журналы, спешил на радио, телевидение, в издательства. Рекламно и саморекламно «раскрученного» издавали небывалыми тиражами. Писал он, выражаясь языком В. Маяковского, «утомительно и длинно». Действительно, его стихи и поэмы, как впрочем, и А. Вознесенского, их последователей можно читать с любой строки, с конца или середины, можно выбрасывать из уже опубликованного произведения добрую половину и больше — не пострадает творение. А печатали и платили — платили прилично, платили за количество опубликованных строк. Может быть погоня за «строкажом» и явилась трагедией дальнейшей девальвации их творчества, да и личности. Но пока их печатали, они писали, выступали на радио и телевидении.

И дело даже не в том, что А. Вознесенский прославился поэмой «Лонжюмо» о большевистской партийной школе Ленина во Франции, требовал убрать вождя мирового пролетариата с денег — «он для сердца и для знамен». Именно с учетом названной поэмы он и был удостоен Государственной премии, о чем сейчас стыдливо умалчивает на многочисленных «тусовках». И зря! Поэма написана талантливо. Этой планки ему больше не удалось не только поднять, но и достичь.

Е. Евтушенко уже в конце пятидесятых годов бегал по редакциям с поэмой «Считайте меня коммунистом». Н. К. Старшинов впоследствии писал «Я был против ее публикации, считая ее конъюнктурной, не интересной по замыслу и исполнению». Он в то время работал заведующим отделом поэзии журнала «Юность». Но опубликовали — нельзя «зарезать» такую тему. Знал поэт, на чем спекулировать, что сварганить. Но никогда ни в одно избранное, ни в двухтомники, ни в трехтомники ее больше не включали.

Б. Окуджава пел, как он все равно умрет «на той далекой, на Гражданской и комиссары в пыльных шлемах склоняться молча надо мной».

Р. Рождественский, переняв у В. Маяковского его знаменитую строку-лесенку, пытался стать таким же партийно-государственным.

Нет, В. Высоцкого не публиковали далеко не из-за идеологической подоплеки его стихов-песен.

В 1967 году на экраны страны вышел художественный фильм «Вертикаль» В. Высоцкий написал и исполнил цикл песен. Песни часто звучали по радио, выпускались и гибкие и твердые пластинки. Никакого запрета на них не было. Тексты публиковались на конвертах пластинок. Но это тексты песен.

Из него стремились сделать мученика: «Не публиковали! Зажигали! он расшатывал тоталитарную систему!». Да, вместе со многими расшатывал, и не только ее...

Е. Евтушенко надрыгается в крике: Мы — шестидесятники! /Годы/. Ему вторит А. Вознесенский: «Мы — прорабы перестройки!» Оба имеют ввиду определенный круг литераторов. В этом круге имя В. Высоцкого не значится.

Да, поэт Е. Евтушенко читал принародно и публиковал социально — обостренные стихи и поэмы. В 1965 году в журнале «Юность» вышла в свет его поэма «Братская ГЭС». «Разношерстная», рассыпающаяся на отдельные, практически не скрепленные единой идеей и темой стихи, длинная и рыхлая. В первой наиболее полной книге избранных произведений «Идут белые снега» /М. 1969/ он, прочувствовав недостатки поэмы, включил только несколько фрагментов из нее. Она в то же время содержит и немало мест очень скользких, как с нравственной, так и с политической точек зрения. В главе «Казнь Степана Разина» можно прочесть и такое:

*Прет купец, треща с гороха,
Мчатся вскачь два скомороха.
Семенит ярыжка-плут...
Стеньку Разина везут!*

*В струпья все, едва живые,
Старцы с вервием на вые,
Что-то шамкая, ползут...
Стеньку Разина везут!
И срамные девки тоже,
Под хмельком вскочив с рогожи,
Огурцом намазав рот,
Шпалят рысью — в ляжках зуд...
Стеньку Разина везут!*

Дальше можно не продолжать... смысл не пострадает — эстрадное, в худшем смысле этого слова.

Словоохотливый, саморекламный Е. Евтушенко /«Я не преподаю скромность, это не мой предмет». «Обо мне напишут книгу и обязательно наврут»/, в названной поэме каялся:

*Перебирая все мои стихи,
я вижу: безрассудно разбазарясь,
пономарал я всякой чепухи...
а не сожжешь: по свету разбежались*

Признание-покаяние он сделал а тридцатидвухлетнем возрасте. А с годами «чепухи» все больше и больше — писать он уже давно стал хуже, но его печатали — реклама свое дело сделала.

В монологе Степан Разин читаем:

*От себя
не отрекаюсь,
Выбрав сам себе удел.
Перед вами,
люди каюсь,
но не в том,
        что дьяк хотел.
Голова моя повинна.
Вижу, сам
        себя казня:
я был против —
        половинно,
надо было —
        до конца.
Нет,
        не тем я, люди, грешен,
что бояр на баинях вешал.
Грешен я в глазах моих
        тем, что мало вешал их.
Грешен тем,
        что в мире злобства
был я добрый остолоп.
Грешен тем,
        что, враг холопства,
сам я малость был холоп.
Грешен тем,
        что драться думал*

*за хорошего царя.
Нет царей хороших
дурень...
Стенька,
гибнешь ты зазря!».*

Это не монолог Степана Разина. Даже неискушенному читателю ясно, что монолог ведет автор. Но Е. Евтушенко, при всех его нравственных недостатках как человек, при явных просчетах в творчестве, поэт-профессионал. В 60-е годы «он мог привлечь читателей то интересным сюжетом, то остротой постановки вопроса, когда дозволенное граничило с недозволенным, то зримой деталью, то, наконец, свежей рифмой», — писал Н. К. Старшинов. Лучшие его стихи сделаны мастерски, многое в них то же, как и у В. Высоцкого, на грани «фола». Но его печатали, а о В. Высоцком твердят, что не печатали.

Часто трудности с публикацией возникали и у Е. Евтушенко. Побегал он по редакционным коридорам и с «Братской ГЭС». И опубликовал в самом многотиражном молодежном журнале «Юность», правда, под общей редакцией Я. Смелякова — живого классика, чье слово давало любому автору «зеленую улицу». Но ведь «при наличии отсутствия» таланта поэта в поэме Ярослав Васильевич не написал бы своих напутственных слов. Е. Евтушенко не был пай-мальчиком — шумел, скандалил, суетился, воевал то с кем-то, то с чем-то. Известный болгарский литератор заметил, что «он постоянно на баррикадах: то с одной стороны, то с другой». Цель оправдывала средства — чего не сделаешь ради рекламы!

Все названные поэты с ранней молодости знали /им подсказывали?!/ цену рекламы и всеми способами, вплоть до запрещенных, привлекали к себе внимание. И печатали: «Постель была растелена и ты была растеряна, и говорила шепотом: «А что потом? А что потом? Или: «А глаза твои — кошки мартовские ищут свадебной темноты». Пошлость этих свадебно-постельных строк видна даже в наше беспредельно-разнузданное время. А печатали, печатали в годы, когда в литературе свято соблюдали христианско-нравственные устои. Но за все их «добро» названным поэтам даже определение дали: «громкая поэзия» — эстрадники. В. Высоцкий был близок к ним, а не печатали...

Но была и «тихая лирика»...

Лучшие поэты России не пели о партии и близком коммунизме, не шумели и не суетились. Они находились во власти полюбившей их ПОЭЗИИ, которая, как известно, любовница и не терпит никаких соперниц. У многих из них судьба жестоко изломана нашим трудно объяснимым веком, его бесовскими эпохами с революциями, контрреволюциями и войнами.

А. Жигулин с юных лет познал ад ГУЛАГа. Не миновал колючей проволоки А. Прасолов. Круглыми сиротами росли Г. Горбовский и Н. Рубцов. Помотала по Союзу непредсказуемая жизнь А. Передреева, да и многие другие прекрасные поэты земли русской не жили на кисельных берегах молочных рек.

В советское время непросто было издать книгу, а поэтам «меченой» судьбы — в особенности. Но публиковались в газетах и журналах, со скрипом, с большими задержками выходили «общипанные» книги.

В чем-то схожие с В. Высоцким своим неординарным поведением А. Передреев, А. Прасолов, Н. Рубцов тоже издавали сборники стихов. Правда, над ними еще раньше, чем над В. Высоцким уже висел неотвратимый рок. Но их лучшие стихи знала вся страна, об их выходках ходили легенды при жизни, ходили не по закоулкам дворов, а в широких литературных кругах. Их обсуждали на собраниях, приглашали /вызывали, приводили/ в райкомы и обкомы ВЛКСМ, КПСС, задерживала милиция, их обсуждали на различных собраниях и заседаниях. Но их публиковали, наказывали

и публиковали. И дело было совсем не в том, о чем писали, а как!

*Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог.
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так без газа, без ванной
Добрый Филя живет.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?*

«Добрый Филя» Н. Рубцов, 1961 г.

А вот «Пролог» А. Прасолова

*Итак, с рождения вошло —
Мир в ощущении расколот:
От тела матери — тепло,
От рук отца — бездомный холод.*

*Кричу, не помнящий себя,
Меж двух начал, сурово слитых.
Что ж, разворачивай, судьба,
Новорожденной жизни слиток!*

*И прежде всех земных забот
Ты выставь письма косые
Своей рукой корявой — год
И имя родины — Россия.*

1963 г.

В обоих случаях тематика «из Высоцкого». Значит дело не в том, о чем писать, а как! В приведенных стихах настоящая поэзия, дыхание времени, горячий пульс автора. Это у данных авторов далеко не лучшее. Вот и публиковали — в редакциях, как правило, работали высокие профессионалы и они умели обходить кордоны запретов, если прикоснулись к божественному созданию поэта.

Возьмем «непроходимое» лучшее В. Высоцкого того времени. Это известные песни из кинофильма «Вертикаль» и его военный песенный цикл: «Штрафной батальон», «Звезды», «Нейтральная полоса», «Братские могилы», «Высота». Их можно перечислять по пальцам. Остальное — не потребно с точки зрения эстетики и нравственности.

Отличный знаток поэзии, прекрасный поэт и человек, уже ушедший из жизни 7 февраля 1998 г. Н. К. Старшинов говорил, что у В. Высоцкого есть 20—25 хороших стихотворений. Это так. Но когда я прочел ему «Братские могилы» и сказал, что один

из лучших текстов, но в таком виде Вы их не опубликуете. Он согласился. Для публикации в качестве стихов текст не годится. Не то исполнение! А доделать их, навести «косметический ремонт» нельзя. Они потеряют эффективность, за счет чего и звучит.

*На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов.
И Вечный огонь зажигают.*

*Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А ныне гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.*

*А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.*

*У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?*

Здесь ошибочна сама задумка. Братские могилы — не только Вечный огонь и гранитные плиты. Много, очень много братских могил на необъятных просторах бывшего СССР, стран Европы. Много, очень много братских могил и без гранита, и, тем более, без Вечного огня. И кресты на них ставили. А местные старички их обновляют до сих пор, и будут обновлять их потомки — таков древний обычай многих народов, исповедующих христианство. Следовательно, высветить мысль скорби и печали о братских надо было бы несколько иначе, а обобщение ведет к недоумению.

«...И вдовы на них не рыдают...» — ложно! Рыдают старушки-вдовы на день Победы, дни поминовения родителей, не сдерживают слез ветераны.

«К ним кто-то приносит букеты цветов...», «Здесь нет ни одной персональной судьбы — все судьбы в единую слиты». Полное непонимание трагизма родины, народа каждой семьи. Обезличивание героев. Даже о могиле Неизвестного солдата так говорить нельзя. Здесь видна осознанная «авторская глухота».

«У братских могил нет заплаканных вдов...» Не по-христиански...

Так написать можно в том случае, если автор не видал печальной картины у братских могил в дни торжеств и скорби, или лишен чувства сострадания. Наверное, видел и чувствовал, но написал. Почему? Ответ прост. Будучи профессиональным актером, В. Высоцкий писал свои стихи-песни, как драматург и одновременно режиссер-постановщик, готовя себя к исполнению моноспектакля. Писал «под себя». Отсюда стремление к эффектным афоризмам-формулам, далеко не бесспорным. В ущерб точности и лаконичности поэтического изображения он шел не к теплу истинной поэзии, а к расчетливо-холодной оглушающей эффектности. Отсюда рассудочные, затянутые стихи: «У доски, где почетные граждане...», «Баллада о брошенном корабле», «Детская поэма», «Дороги...дороги...», «Я не успел», «Смотрины», «Баллада о маленьком человеке», «Гербарий», триптих «Ошибка вышла», «Палач» и многое другое.

Из всего написанного В. Высоцким наиболее острая тема — «Штрафной батальон». С гражданских позиций — болевая, жестокая сторона войны. Но в смертельной

схватке с врагом вероломным, безжалостным свои законы. Их трудно оправдать, но не менее сложно и опровергнуть. Жуткие жернова войны безжалостно переламывали людские судьбы. Нередко виновные оказывались безвинными, заживо погребенные — воскресшими. Воплощение данной темы в художественном творчестве требуют высокой нравственности автора, его четкой позиции гражданина земли, на которой живет. Тема должна быть выражена бережным отношением к слову, к поэтическому образу: точность каждого эпитета, единственное верное слово, ибо за ним стоят судьбы сотен тысяч героически павших людей на священной войне. Здесь нет места вольностям и небрежностям.

*Всего лишь час дают на артобстрел.
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых важных дел:
Кому — до ордена, ну, а кому — до «вышки»*

*За этот час не пишем не строки.
Молись богам войны — артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы — штрафники,
Нам не писать: «Считайте коммунистам».*

*Перед атакой — водку? Вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура!»
Со смертью мы играемся в молчанку.*

*У штрафников один закон, один конец —
Коли-рубят фашистского бродягу!
И если не поймает в грудь свинец,
Медаль на грудь поймает «За отвагу».*

*Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надежней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!*

*Считает враг — морально мы слабы.
За ним и лес, и город сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!*

*Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас — обстрел.
Ну, бог войны! Давай — без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки»*

Самое главное дело получить орден или «вышку»? Не точно! В бою и у штрафников считалось «пал смертью героев». «Вышка» — несколько иное. Любое — даже легкое ранение считалось искуплением своей вины кровью и обвинение со штрафников снималось.

Третье четверостишие все из неточностей. Не всегда, но часто пили «Фронтовые сто грамм» и перед атакой. Не все пили на гражданке, не всегда шли в атаку молча: кричали и «ура», и другое — полиричнее и «покруче»

*Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надежней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!*

Одни неточности: их видно и без пояснений. А блатная строка, как говорится, из другой оперы. Автор практически утверждает, что среди «штрафников» были одни уголовники. Нет, их на войне было немного. Они царствовали в ГУЛАГе среди политических заключенных. В «штрафники» во время войны попадали в основном военные — от рядового до генерала. А уголовники направлялись на фронт, как правило, имевшие срок до года тюремного заключения, т.е. далеко не уголовники.

Пел В. Высоцкий эффектно — на сцене был профессиональный актер. Толпа поклонников замирала, «ошаманенная» кумиром. И кому из них дело до того, что поет он. Все уже загипнотизированы одним заголовком: «Штрафные батальоны».

Эта тема требует профессионального вдумчивого подхода, взвешенного осмысления. Но подойти так к теме у В. Высоцкого не было ни умения, ни желания, ни времени — его жизненного кредо: быть первым всегда и он «рвался из всех сухожилий». Отсюда почти все его стихи-песни несут на себе печать поспешности, почти все написанное им густо сдобрено воровским сленгом.

Прекрасный русский поэт А. Жигулин выбрал для своих стихов не менее болевую «запрещенную» тему. 1976 год. С хрущевской оттепелью покончено. Разыгрывается фарс еще одного Ильича. Но поэт написал социально-обостренные стихи, и их опубликовали. Они достойны того, чтобы их привести полностью.

ОТВЛЕКАЮЩИЙ ДЕСАНТ

*Отвлекающий десант —
Двадцать девять краснофлотцев.
Отвлекающий десант...
Скоро, скоро кровь прольется!*

*Отвлекающий десант
С хрупкой маленькой подлодки.
Наливает лейтенант
По сто грамм казенной водки.*

*И ясна, понятна цель,
Невозможное — возможно:
Взять поселок Коктебель
И держаться сколько можно.*

*Налететь, напасть, отвлечь —
Без подмоги, в непогоду.
И навеки в землю лечь.
В эту землю, в эту воду.*

*Отвлекающий десант.
Есть такой в морском уставе.
Отвлекающий десант —
Верный путь к посмертной славе.*

*...Болью полнится душа
На краю волны и суши.
Двадцать девять ППШ
Против сотни вражеских пушек!*

*После всех побед и бед
Их припомнят и прославят.
Через тридцать долгих лет
Здесь им памятник поставят.*

*На воде растаял след...
Двадцать девять краснофлотцев!
Через тридцать долгих лет
Лишь один сюда вернется.*

*Лишь один остался жив.
Плакал горькими слезами,
Две гвоздики положив
На холодный серый камень.*

Поэт нашел верную интонацию, точные слова и тихо, как того требует тема, раскрыл героизм обреченных краснофлотцев, до конца выполнивших свой священный долг перед родиной. Опубликовали потому, что, как говорили древние: «Здесь нечего убавит, но и нечего прибавить». И не возникает никаких вопросов — одни грустные размышления в тишине.

Не печатали В. Высоцкого отнюдь не только из-за острой социально-политической направленности его текстов. Ни один литсотрудник не взял бы у него стихи для публикации из-за их уязвимости с точки зрения правил стихотворения: их надо было бы для публикации доработать — петь можно все — публиковать нельзя ради самого автора и защищать доверчивого читателя. А очень многие его стихи-песни нельзя было публиковать и еще по одной важной причине: помимо политико-идеологической цензуры в советское время существовала и такая гуманная цензура, как нравственная. А с этой точки зрения даже некоторые лучшие стихи-песни В. Высоцкого не выдерживают критики.

Сама его первая часть звучавшая и звучащая песня «Большой Каретный» держится на рефрене-припеве:

*— Где твои семнадцать лет?
— На Большом Каретном.
— Где твои семнадцать бед?
— На Большом Каретном.
— Где твой черный пистолет?
— На Большом Каретном.
— Где тебя сегодня нет?
— На Большом Каретном.*

Сразу видно, что песня предназначена для узкого круга близких друзей — только им может быть понятно определенная недосказанность. Оставим без внимания явную риторичность строфы, хотя уже из-за этого литсотрудник вернул бы стихи. А строка: «Где твой черный пистолет?» не понравилась бы литсотруднику из-за своей уголов-

ной направленности. Она утверждает, что у семнадцатилетних ребят, живших на Большом Каретном было оружие. А это уже уголовно наказуемо. И дело не только в социалистическом строе с его цензурой во всем и над всем. В любой, стране, где властвует «загнивающий капитализм», эта строка сразу же бы насторожила полицию и, понятно, отнюдь не полицию нравов, хотя и ее тоже: заинтересовал бы образ поведения семнадцатилетних юношей с Большого Каретного. Криминальный подтекст уже настораживает литконсультанта и не дает ему права на рекомендацию стихов к печати — пропаганда оружия...

Очень уж многие песни-стихи страдают, при внимательном чтении, именно в нравственном плане. Он часто исполнял (и после его смерти нередко звучала) «Песня с переселением душ». Но ведь это пародия на религию индусов, издевательство над ней. Зачем же оскорблять верующих? Православные, мусульмане, индусы, буддисты и народы других вероисповеданий руководствуются своими религиозными канонами, в основе которых — гуманное, нравственное начало. В песне — антигуманность, безнравственность, антиправославие. А православие всегда по-христиански уживалось с народами любого вероисповедания и не допускало насмешек над ними.

Голос гипнотизировал слушателей. Они жили голосом кумира, его интонацией, профессионально поставленным голосом, передающим каждый нюанс текста, написанного «под себя». Его поклонники на слух не могли уловить многие «огрехи» ущербного текста, да уже и не хотели, находясь под гипнозом кумира, они были не способны преодолеть себя. Наблюдая раболепное преклонение слушателей, В.Высоцкий не смог самокритично отнестись к своим текстам и уже сам шел на поводу моноспектаклей непосредственно при их создании. Как известно, успех коварен и опасен. Он ослепляет, что резкий свет молний, сопровождаемый оглушительным раскатом грома.

Характерным примером служит его стихи-песня:

*Растревожили в логове старое зло,
Близоруко взглянуло оно на восток.
Вот поднялся шатун и пошел тяжело —
Как положено зверю — свиреп и жесток.*

Ясно, что речь идет о Великой Отечественной войне. В таком ключе по законам стихосложения и надо продолжить. Но он сбивается на риторику, словесные эффекты. Моноспектакль того требует. Выдержит он на сцене и прозаизмы:

*Ты послушай солдат! Ни ходи убивать —
Будешь кровью богат, будешь локти кусать!
За развалины школ, за сиротский приют
Вам осиновый кол меж лопаток вобьют.*

Да, в русском языке есть выражение «вбить осиновый кол». Имеется ввиду в могилу. В старину существовало поверье: если после смерти вампиры, ведьмы и прочая нечисть продолжают бродить среди людей и творить зло, то надо разрыть могилу, перевернуть покойника вниз лицом и проткнуть осиновым колом. Но вбить осиновый кол между лопаток, пусть даже жестокому врагу, на святой Руси не практиковалось. А о XX веке так говорить тоже не по-христиански. В характере автора скрыт супермен — «...и невозможное возможно...».

Трижды рефреном идет строфа, задача которой является скрепить четверостишие-кирпичики, удержать здание текста (впрочем, так сконструировано, практически все написано В. Высоцким «под себя»).

*Будет в школах пять лет недобор, старина, —
Ты отсутствовал долго, прибавил смертей,
А твоя, в те года молодая жена
Не рожала детей.*

Но жил прекрасный русский поэт Дмитрий Блынский /кстати, трагически погибший тоже от излишеств «допинга» в 1965 году в возрасте 33-х лет/. Ему принадлежат строки, пронзительные и безутешные, обошедшие многие страны и континенты:

*Зайдешь в село — спокойною душа
Здесь у тебя останется едва ли:
Ни одного не видно малыша —
Четыре года бабы не рожали.*

Горло перехватывает. Это высокая поэзия. Она не рассчитана на то, чтобы прокричать со сцены — иначе не услышат, а выдохнута и навечно поселилась в душах людских, без аккордов гитары и шквала аплодисментов. Около полувека назад прочитаны эти строки. А они на слуху и до сих пор. Войны развязываются властителями, а расплачиваются народы. И не важно о ком речь — россияне или немцы. Так что остается от Высоцкого, если раньше обо всем этом уже сказано Блынским? Да как сказано! Цель одна, но иное исполнение.

Все уже приведенные примеры из творчества Д. Блынского, А. Жигулина, А. Прасолова, Н. Рубцова строго вписываются в десять заповедей Иисуса Христа. У В. Высоцкого или вовсе не вписываются, или стоят на грани «фола»...

Он текстовик.

Поэт начинается с создания своего мира, мира близкого не только для его окружающих людей — здесь популярность завоевать несложно — не требуется преодоление самого себя. Сложнее, когда мир, созданный поэтом, поймет и:

*...назовет всяк суций в ней язык.
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

Поняли. Перевели во всех частях света, на всех земных материках. Гений? Да гений! /Но ведь надо равняться на лучшие образцы!/.

Часто лирический герой В. Высоцкого сторонний наблюдатель городской квартиры. Он или насмеяется над людьми, или пытается подчинить их своей воле, навязать им свое представление о мире людских бед и наоборот.

Он шел своей дорогой?

Но позвольте — дороги разные расходятся от истинного столбового пути — ведущего общество к единой цели.

В стихах истинных поэтов присутствует лирический герой — автор, его позиция.

Герой В. Высоцкого — супермены, воры, или Ваньки, приниженные до уровня благих. Он — автор часто и в своих песнях находится над лирическими героями, авторская позиция размыта, но цель одна: высветить себя в роли судьбы — судьбы беспощадного, безжалостного, с холодным расчетливым сердцем.

Вот одно из последних стихотворений, датированное июлем 1980 года. Автор не озаглавил его. В тексте есть, безусловно, предчувствие близкой смерти. Оно свойственно всем страждущим и грешным душам — иных на Земле не бывает, так уж устроена наша суетная жизнь.

*И снизу лед, и сверху — маюсь между:
Пробить ли верх, иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду!
А там — за дело, в ожиданье низ.*

*Лед надо мною — надломись и тресни!
Я весь в поту, хоть я не от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.*

*Мне меньше полувек — сорок с лишнем,-
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышнем,
Мне будет чем ответить перед Ним.*

В данном случае не требуется анализа — ясно и так, что текст написан в «музыкальном ключе» В. Высоцкого и с точки зрения законов стихосложения не выдерживает серьезного разговора. Отсутствие логики — зачем же «пробуравить низ», если утверждается «конечно, всплыть»? Ситуация, как говорят адовая, но мечта — визы! «Я весь в поту, хоть я не от сохи», — но ведь ледовый плен тяжелее сохи. Зачем же неуместное сравнение — от большого к малому?

Выражаясь языком современной эстрады и здесь — мини-сценарий для моноспектакля. Он и пишет: «Мне есть что спеть...» И на пятом десятке жизни В. Высоцкий, как стихотворец, остался любителем, не преодолев планки профессионально делать свои вещи.

Здесь налицо эстрадный ширпотреб, когда «звезды» сами создают тексты своих шлягеров именно «под себя», Например, «эскадрон моих мыслей шальных». Эффектно!

Талант универсален, но может содержать и взрывоопасную энергию, если эта энергия направлена вопреки добру. В. Высоцкий был многогранно талантлив.

Но он весь свой талант сконцентрировал на эстраду — эстраду далеко от лучшего понимания этого слова. Он добился успеха. Он добился успеха — успеха, как бард. Эстрадный успех в песенном эквиваленте всегда носит временный характер, очерчен определенным, ограниченным кругом ценителей-поклонников. И не надо пытаться делать из него национального героя, всенародного любимца-поэта. Да, его слушать, не задумываясь над смыслом песни, любили, вероятно, миллионы. Вообще больше было равнодушных к ним, или вообще отрицавших его. Особенно их много среди женщин — поговорите с ними. Многие любят А. Пугачеву, О. Газманова, кстати, тексты песен он пишет сам. Но любовь народа к ним нельзя сравнивать с любовью, которой пользовались Русланова, Бунчиков, Козловский, Лемешев, Трошин и другие всенародные певцы. Эстрадный успех — шумный успех, особенно в период расцвета телевидения, с постоянными рекламами певцов, их «раскрутками» и это легко объяснимо — на них делают деньги. Но как бы не «раскручивали» эстрадника, его успех разносится на ограниченных ультракоротких волнах.

Успех В. Высоцкого задержался на короткой волне. Он был одним из первых советских бардов, вырвавшихся на «большую сцену». В этом одна из разгадок феномена В. Высоцкого.

Есть чистые поэты-песенники. Есть поэты, создавшие шедевры мирового песенного жанра, писавшие и хорошие стихи. Но их песни были лучше и признаны всем народом! А о стихах литературоведы, искусствоведы или умалчивают, или говорят

вскользь.

Долгое время прекрасная песня «Однозвучно звенит колокольчик...» считалась народной. Потом установили авторство. В замечательной «Антологии в четырех томах» — «Русские поэты», М. 1965—1968 г.г. есть и данная песня, с установленным именем — И. Макаров. Составители написали: «Об И. Макарове, его жизни и творчестве, не сохранилось никаких сведений. В 80-х годах было установлено, что Иван Макаров — русский офицер, служил в Сибири. И стало понятно, что необъятные сибирские просторы навеяли грусть этой гениальной песни. Воистину, «Рукописи не горят». Установлено, что И. Макаров писал и стихи... Но вот навечно остался жить в мировом песенном искусстве, в своем родном народе единственной песней, но какой!

Ярким примером поэтической судьбы является поэт А. Фатьянов. Его «Соловьи», «Три года мне снилась», «На солнечной поляночке», многие другие песни являются шедеврами. Они универсальны для всех времен и народов. Все у него в текстах на месте, слова выверены на чистоте не только его души, но и всех душ. Например, в песне «Где же вы теперь друзья-однополчане?» даже «советская» фраза «Мы тебе колхозом дом построим» — точная. Колхоз — коллективное хозяйство — совместная работа, особенно при строительстве дома остро нуждающемуся человеку, распространена во все времена на всех материках земного шара.

Мир знает А. Фатьянова поэта-песенника. Но у него есть прекрасные стихи — их никто не берет в расчет. Судьбу не выбирают....

Поэт-песенник может сподобиться бессмертия только вписавшись в мировую культуру, разумеется, лучших образцов. Увы, В. Высоцкий находится вне этих пределов.

Конечно, каждое мнение несет в себе заряд субъективности. И если кто-то не может согласиться с моими выводами, приведем пример, утверждающий объективность данных замечаний.

Газета «Литературная Россия» пользуется высоким авторитетом во всем мире. И это далеко не из-за рекламы, но вопреки ей. Газету давили и давят современные «демократы», пытаются убить ее голос Правды. Она твердо отстаивает чистоту литературы, как в России, так и на всей планете, защищает гуманность общества — интересы всего населения земного шара. Работают в ней высочайшие профессионалы.

В 5—7 номерах /январь-февраль. 1996 г./ газета опубликовала фундаментальную статью священника Михаила Ходакова. Он — высокообразован, как светски, так и духовно, профессиональный журналист. Основная светская специальность — литработник инновещания, т.е. лицо компетентное. С православным благотерпением о Михаил раскрывает творчество В. Высоцкого, плюсы и минусы его литературной работы, негативные моменты творческого процесса, некоторую его непотребность. И защищает В. Высоцкого от резких выпадов на него. В этой связи сетует на резкость оценок творчества В. Высоцкого со стороны историка О. Платонов, а также известного русского поэта, прозаика, публициста и общественного деятеля С. Куняева. Конечно, крайность оценок всегда несет на себе заряд эмоциональности, вероятно, и субъективизма. Но ведь путь к истине и путь к Господу един — одинаково тернист и извилист.

Священник Михаил Ходанов пишет: «Отрицательный взгляд на его творчество высказал и современный историк Олег Платонов, признавший в нем самобытный талант, но наряду с этим полную подчиненность идеологии космополитической интеллигенции. Шумным успехом среди интеллигенции «малого народа», — пишет он во втором томе своей книги «Истории русского народа в XX веке», — один из наиболее ярких представителей еврейский бард В. Высоцкий. Не лишенный песенного таланта и за это принимаемый частью русских людей, деформированных десятилетиями космополитической властью, этот бард, тем не менее, был глубоко чужд России,

примешивая в ее культуру несвойственные ей блатные, уголовные нотки. Как справедливо писал русский поэт С. Ю. Куняев: «Высоцкий много отдавал за эстрадный успех. У «златоустого блатаря», по которому, как сказал Вознесенский, должна «рыдать Россия», нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, написанной с любовью или блоковским чувством... Знаменитый бард ради красного словца не щадил наших национальных святил. Песни его... не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его». Вероятно, такая оценка творчества В. Высоцкого кого-то не устраивает. Но время, очередной «излом» истории нашей страны подтверждают правильность выводов и литература, и историка.

Священник Михаил Ходанов, да простит Бог меня грешного, анализируя антихристианскую сущность песен В. Высоцкого, выводит параллель к Пушкину, Есенину, Н. Рубцову. Что ж, у истинного христианина свои определения земных ценностей, свой православный взгляд на творческий процесс. Мы же попытаемся заметить, что величины не сопоставимы, ценности их творений разноэквивалентны. Мир В. Высоцкого — мир особый, мир, лежащий в резко иной плоскости. Ну как можно сравнить программное, прозорливое завещание — выдох души Н. Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!», например, с исполнением бардом В. Высоцким: «Землю мы толкаем от себя, от себя» и хотя потом «... на себя, на себя», — уже не воспринимается.

Конечно, в войну отступали и наступали. Но в любом случае землю не отталкивали, а вгрызались в нее, цепляясь за каждую пядь. Ложный посыл выводит на грустные размышления. Абсолютно прав С. Ю. Куняев: у В. Высоцкого во всех его «многоглотниках» нет, практически, ни одной вещи, написанной с любовью к России, с настоящей теплой любовью. У него нет той «золотой середины», того чувства меры, которое и делает творчество, согревающее любую душу: и влюбленную, и страждующую. Во всех его стихах-песнях героям присущи две полярные характеристики: супермен и туповатый мещанин, с явными чертами дебильности и алкоголизма.

По отношению к творчеству В. Высоцкого применение терминов «поэзия», «поэт» — кощунственно.

Поэзия — это действие. В тайну ее возникновения не дано проникнуть никому. Это нечто божественное. Энергия земли, проникая в душу поэта заполняет ее и подвигает ее к поступку. Происходит соединение токов земли с энергией космоса, постоянно влияющего на все земное. Этот же единый процесс вызывает творческий подъем поэта и создаются лучшие строки кристальной чистоты поэзии. А. С. Пушкин признавался: «...на рифмах вдруг заговорю».

Стихотворец конструирует свои стихи, подбирая, в силу возможности наиболее эффективные слова. Он оглушает ими читателя или слушателя. В отличие от него поэт очаровывает. Дальше через века сила его вдохновения своей мощной биоэнергией, воплощенной в строки, согревает страждущие души. Эти же самые души стихотворец нередко пронизывает леденящим вскриком, сродни порывам и завываниям позднеосенних шквальных ветров.

Еще В. Белинский размышлял и очень четко делил рифмованные произведения на стихи и поэзию. Задумавшись над мыслями гениального критика, к словам которого прислушивались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, не говоря уже о других выдающихся поэтах того «золотого века». Он отмечал, что можно встретить «талант, и еще замечательный, но талант чисто беллетристический, и почти вовсе не поэтический. Выразить хорошими по своему времени, стихами какое-нибудь ощущение или чувство — еще не значит быть поэтом. Оказывается, к чисто беллетристическому таланту должен быть придан судьбой и Богом «непосредственный талант творчества. Поэзия и стихотворство — две вещи совершенно разные». Вот оно что...

Исходя из размышлений В. Белинского, видно, что поэтическая мысль рождается

при сплаве мыслей и чувств автора. Как раз этого-то и нет в стихах-песнях В. Высоцкого. Есть экспрессивность, напряженность, злободневность, голосовой эффект, но нет поэтической мысли. В этом главная ущербность всякого барда, претендующего на звание поэта. Над всем их творчеством давит строго определенная заданность. При заданности поэзия не рождается...

«Нас много — нас быть может четверо», — гордо по-вознесенски воскликнул он еще в 60-е годы. Ему вторит Е. Евтушенко, утверждавший неоднократно, что поколения идущие за его поколением, /он имеет в виду «себя, Б. Ахмадулину, А. Вознесенского, Р. Рождественского» — Н. К. Старшинов/, — не выдвинули ни одного сколько-нибудь заметного поэта.

Как же они это пытались утвердить! Какой тут Высоцкий! Но все они беллетристы /о Б. Ахмадулиной разговор особый/.

«Поэт в России больше чем поэт», — выдал формулу Е. Евтушенко возможно и так, но это же для «его поколения».

А в стороне от шума-гама творили и творят Б. Горбовский, А. Жигулин, В. Костров, Ю. Кузнецов, С. Куняев, О. Чухонцев. Можно продолжит еще и еще. В. Соколов, А. Перегреев, А. Прасолов, Н. Рубцов, Н. Старшинов уже ушли в золотые страницы вечности истинной поэзии. Они вошли... В историю как известно, входят, или влезают. Возможно, нашумев, накричав, «понаморав чепухи» влезут в историю русской поэзии А. Вознесенский и Е. Евтушенко. Возможно... Только уже давно при жизни они забыты когда-то преданными поклонниками. Все потуги на современных «тусовках» вызывают жалость к некогда талантливым стихотворцам. Они разбросали себя на эстрадный успех, а поэзия не прощает предательства.

Поэтами не становятся, поэтами рождаются. Но и при наличии таланта нужен подвиг. Поэзия забирает творца в плен целиком и полностью. Она не оставляет времени даже на личную жизнь. Вспомним яркие примеры русской литературы: М. Лермонтов, А. Блок, С. Есенин, Н. Рубцов, А. Передреев, А. Прасолов и другие.

Ставить Высоцкого-поэта в один ряд — кощунственно по отношению к русской литературе. Театр, съемки в кино гастроль, концерты — не оставляли времени ему для того, чтобы преломить себя в себе и задуматься о великом предназначении Слова. «Сначала было Слово...» Но оно не было услышано В. Высоцким. К истинной поэзии он не приблизился а может быть и не сподобился. Выход был один: создавать стихотворные тексты — писать песенные спектакли «под себя». Рабами его творчества остались теперь уже не многочисленные современные поклонники.

Конечно, он был уникальной личностью. Он создавал яркие тексты песен: броские сравнения, рельефные образы, заостренные сюжеты. Но афористические формулы — еще не поэзия. Многие его афоризмы — не первоисточник — от литературы.

*Мне судьба — до последней черты, до креста,
Спорить до хрипоты, а за ней — немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та.*

Во-первых, здесь хромает этика и эстетика стиха: «...спорить до хрипоты...», «...убеждать и доказывать с пеной у рта...».

Во-вторых, есть и более раннее у Н. Рубцова:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста.*

И концовка:

*Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста.*

Здесь-то все на месте и после этого В. Высоцкий в данном тексте не воспринимается. У него таких досадных недоразумений хватает.

... Что сжигает корабли скоро выйдет из моды?

«Сжигать корабли» — «Сжечь корабли» — из Древней Греции времен Трои и причем здесь мода?

«Потому что добро остается добром...»

Но ведь раньше Н. Рубцов сказал емче:

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

В предисловии «Нерв» — первой книге В. Высоцкого Р. Рождественский приводит следующее:

*Я поля влюбленным постелю-
пусть поют во сне и наяву!
Я дышу, а значит я люблю!
Я люблю, а значит — я живу!*

Он цитирует данное четверостишие, как тихую лирическую песню после «грохочущих, штормовых и бушующих». Сам он, по определению серьезной профессиональной критики, во всем своем творчестве был непростительно риторичен. Не замечает он, что в данной цитате больше минусов, чем плюсов. Большой русский поэт Я. Смеляков еще в 1940 г. написал:

*Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращусь к друзьям,
не сочтите, что это в бреду,
постелите мне стель,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.*

Классика! После него ни один из профессиональных литераторов не рискнул «стелить» что-нибудь из природного ландшафта. Рискнул Е. Евтушенко, но это — постель. От большого — к малому не считается...

«Я поля влюбленным постелю...» — плохая компиляция. В песнях уже давно гуляют влюбленные и среди льна — «лен, лен, лен» и там, где «стеной стоит пше-

ница золотая» и т. д. старые штампы и две последние строки. Нет открытий — риторика. В современной песне «эстрадники» и не то поют. Барду, как и Юпитеру, дозволено все...

*И горлом кровь, и не уймешь,-
Залью хоть Россию.*

Разве можно так о родине? Заливали... Залили...

*Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана.
Учителей сожрало море лжи
И выбросило возле Магадана.*

Супермен остается суперменом. Но в жизни было не так... Ложно... Обобщения не всегда достигают цели. Мыслящего человека подобные обобщения наводят на грустные размышления.

*«Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, так» — друзей выбирают по себе...
«...значит рядом с тобой чужой,*

*Ты его не брани — гони,—
Вверх таких не берут, и тут
Про таких не поют»*

Альпинисты долго и тщательно готовятся к восхождению. Случайных людей среди них не бывает. К тому же здесь новое о дружбе. Антихристианское отношение к более слабому человеку, чем сам. Гнать от себя в горах — гнать на верную смерть.

*Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя?!» —*

Так никто никогда не говорил о матушке-земле. Спросите у крестьян любой страны.

*Я не люблю, когда наполовину...
Я не люблю фатального исхода...
Я не люблю когда стреляют в спину...*

Прописные истины. Риторика. И все формулы этой некогда популярной песни — риторические формулы.

*Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт,
А если в точный срок то в полной мере!*

А остальные поэты? Гете, Тютчев, Фет, Пастернак и тысячи других — от Гомера до наших дней — не истинные? Странная формула.

Я к микрофону встал как к образам...

Кричать, хрипеть у микрофонов, как у иконы? Антихристианское. Это для вла-

дельцев НТВ.

*Возвращаются все кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.*

Совсем непонятное. Любимая, преданная женщина... Вряд ли кто согласится с такими выводами. От лукавого — рассчитано на оглушающий эффект.

Чуть ли не во всех афоризмах В. Высоцкого по прочтении возникает больше вопросов, чем ответов. Какая же здесь поэзия...

Возьмем у Н. Рубцова.

*«Как будто вечен час прощальный».
«И реками становятся дороги,
Озера превращаются в моря,
И ломится вода через пороги,
Семейные срывая якоря.»
«С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь».
«И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь».
«Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны
А жаль мне, а жаль мне разрушенных белых церквей».*

Какая музыка во всем, какая точность и емкость мысли! Здесь ничто не нуждается в пояснении, в «раскрутке». Строки просто сами западают в душу навечно. Их всем сердцем принимают прочитавшие, «вся тихая родина». Он ощущал свое предназначение, ощущал, что и после смерти «буду жить в своем народе».

Это Н. Рубцов. Он же выдохнул о поэзии:

*И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.*

Да, это так! А у В. Высоцкого все написанное зависит от него. Он писал, самоутверждаясь, писал «под себя». А это не творчество, а ремесленничество — осознанное и целенаправленное. Цель — успех, сейчас и сеeminутно. И он его получал. Таковы законы эстрады...

В. Высоцкий и признавался: «Рвусь из всех сухожилий», — хотя и здесь не точно: это не творчество. В творчестве сжигают себя глубинными раздумьями о судьбах родины, земного шара, о людях земли. Эти раздумья и есть творческое горение, преодоление себя. Творцы сжигают себя, отдавая всю энергию, помноженную на талант, вечности.

Известные актеры Н. Варлей, М. Ножкин и ряд других — профессиональные поэты и поют они прекрасно. Но не суетятся, по-православному скромны и задумчивы. Но их в тоже время и не «раскручивают» — они не согласятся на это «ни за какие коврижки». Не те амбиции — «хочу быть первым». Они не «рвутся из всех сухожилий», чтобы быть на виду, иначе не заметят, и не услышат. Они просто по земному работают до седьмого пота, как и положено нам грешным, рожденным на вечной земле. А дела наши оценят после смерти, оценят, если дела наши были направлены во исполнение десяти христианских заповедей.

«Признание народа» и «популярность» — вовсе не означают эквивалента в опре-

делении заслуг личности. В пушкинское время был очень популярен поэт Иван Козлов — своей трагической судьбой и, разумеется, талантом. В конце XIX в. небывалой популярностью пользовался другой поэт — С. Надсон. До 1917 г. избранное его издавалось 30 раз — почти ежегодно! Сейчас эти имена известны, в основном, только литераторам. Судьбу не выбирают. . .

В. Высоцкий был популярен в определенных кругах. Но вот «фанаты» — себя они называют благозвучнее, например, «тульский клуб по изучению и пропаганде творчества В. С. Высоцкого «Горизонт». И ни чуть не меньше. Хорошо, что хотя ограничили линию горизонта.

«...по изучению и пропаганде»? Пропаганда, конечно, плагиат от современного «рекламного беспредела». Но «...изучение творчества...» какого? Изучают, например, творчество И. Ф. Шаляпина профессионалы-искусствоведы, преподаватели, певцы. С бардами сложнее. С В. Высоцким — особенно. Он не разлагается на составные части: «Я сам по себе». Но «изучают, пропагандируют и собирают» все о нем. Собрали и начали издавать: «Владимир Высоцкий. Собрание сочинений в пяти томах» /Тула. «Тулица», 1993/. Пятый том в мае 1998 г. Еще не вышел. Появились «собрания сочинений» и других издательств. Тульский тираж по нашим временам весьма серьезный — 35 тысяч. Беседую с подписчиками: одни — «любители творчества Высоцкого», другие — посоветовали /пропаганда!/, третьи — из-за отзвуков популярности барда. Как правило, они стихов ничьих не читают, поэзией не увлекаются. Прочтешь им рубцовское, или других хороших русских поэтов — удивляются музыке и чувствам настоящей поэзии.

Казалось бы, Бог с ними — чем бы дитя не тешилось... Но... Составитель — Сергей Жильцов. В редакционной коллегии представлены и профессиональные литераторы — не будем компрометировать их имена. Не ясна роль профессионалов в подготовке «пятитомника». Но вряд ли они, познакомившись хотя бы бегло с материалом, посоветовали бы включать в издание абсолютно беспомощные и безнравственные опыты В. Высоцкого.

*Что же ты, зараза, бровь себе подбрела,
Для чего надела, падла, синий свой берет!
И куда ты, стерва, лыжи наострила?
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет.*

И в том же духе, и даже круче... Проза в наихудшем варианте своем. Проза дворовой компании с уголовным прошлым. Зачем же такое публиковать, зачем компрометировать покойного барда? Кто и зачем хранит подобное? Автор? Вряд ли. Все четыре тома буквально наспигованы всевозможными приложениями, вариантами набросков, посвящениями типа:

/К Ласкари/

*А помнишь, Кира,— Норочка —
Красивая айсорочка...
Лафа! Всего пятерочка.
И всем нам по плечу.
Теперь ты любишь Ирочку
И маленькую Кирочку,
А я теперь на выручку
К Мариночке лечу.*

1979, 16 июня

Господи! К чему же все это? Неужели составители-издатели не понимают, какой вред они нанесли некогда популярному барду?

Говорят, что в юности все грешат стихами. Грешат и те, чья судьба сомкнется не только со стихотворчеством, но и с поэзией.

*На небе солнышко смеется,
Под солнышком блестит трава,
А Оля мне не отдается
И в этом Оля не права.
И подхожу я снова к Оле
И задаю я ей вопрос,
Вопрос, поставленный всерьез:
— Чему тебя учили в школе?*

Сравните. Эстетически оформлено, с удивительной осторожностью и большим уважением к девушке. Но никто не опубликовал, и стало народным. Автор неизвестен. И такого поэтами писано-переписано — в юности. И никому в голову не пришло хранить их в своем архиве. Действительно, зачем? Писали и круче. Но черновики выброшены, в памяти сидят и иногда читаются в тесных компаниях — к случаю. А страшную пошлость беречь в архиве? Да стыдно перед детьми, родственниками.

Пишут молодые поэты эпиграммы друг на друга, пародии, но не все хранят и, тем более, публикуют. Есть письма-классика. Хотя бы обмен письмами Ст. Куняева с Н. Рубцовым в 60-х годах. Кому интересно, их легко найти.

Эти заметки и написаны для того, чтобы «любители по изучению и пропаганде...» задумались: благое ли они дело делают по отношению к В. Высоцкому? и зачем же детей своих сбивать с пути истинного, православного. Ведь «яблоко от яблони...». Посмотрят на увлечение родителей и тоже начнут «изучать и пропагандировать...». И вырастут с преломленным взглядом на литературу и поэзию, освоив воровской сленг по Высоцкому. «Золотоустый блатарь» — как это неприятно!

Конечно, не стоило так подробно останавливаться на жизни и творчестве В. Высоцкого и, в частности, на его стихах-песнях, но фанфары 60-летия Владимира Семеновича разносились далеко окрест «Садового кольца». И не раз не прозвучало: бард, но чаще, даже несколько истерично /кричите громче, кто-нибудь услышит!/, повторяли: поэт!» Литературная Россия» не допускает неточностей. Над всеми шестью страницами статьи священника Михаила Ходанова, в которой он часто называет В. Высоцкого поэтом, стоит «шапка»: БАРД. Она все ставит на свои места. Нет поэта В. Высоцкого, а был популярный бард. Популярность его резко падает. Искусственно ее не удержать. Каждому — свое. Время неумолимо расставит свои объективные точки.

Но вот господин Жильцов — «Составление, текстологическая работа, вступительная статья и комментарии» — «по-высоцки» круто предваряет «пятитомник».

«Владимир Семенович Высоцкий сегодня известен каждому в нашей стране и многим за рубежом. Колоссальная популярность, любовь всего народа и огромный разносторонний талант справедливо позволяет занять В. Высоцкому свое место в ряду классиков русской литературы». Вот как! Подошел Сергей Жильцов к ряду классиков, растолкал их локтями и поставил на освободившееся место В. Высоцкого. Среди известных литераторов и критиков имя С. Жильцова не значится. Как же он взялся определять классиков? Да так... Фанаты... И возвысят, и убьют...

Господин Жильцов! Плохо вы изучили творчество В. Высоцкого, видимо, не знали его при жизни и самого Владимира Семеновича. Покрывл бы он Вас русским ядре-

ным матом и послал бы известно в какие дали за такую подлянку. Классик! Куда бы не шло: бард-классик. Но В. Высоцкий среди классиков русской литературы??? Ну очень круто...

Уважаемые «любители по изучению и пропаганде»! Вчитайтесь в «Памятник» В. Высоцкого. Если бы вы его хорошо поняли, то не назвали бы его «Собрание сочинение в пяти томах», а скромно по-человечески — «Наследие В. Высоцкого» или «Архив В. Высоцкого». В «Памятнике» Владимир Семенович, зная, что у него есть «фанаты» и, зная, кто они такие, предостерегал вас же самих: «Охромилы меня и согнули», «Мне такое не мнилось, не снилось», «Накренился я гол, безобразен». Плохую услугу вы оказали мертвому кумиру. Большинство из вас не знают истории литературы, ее этико-эстетических законов. К вам в классики попасть легко. Вот и популярного, талантливого человека раздели до гола, до безобразия, «охромилы и согнули».

Трижды прав Е. Евтушенко, сказавший после смерти В. Высоцкого о нем, что он не был ни великим, актером, ни великим поэтом, ни великим певцом, ни великим композитором, а в целом это был талантливый человек. Не видел при жизни В. Евтушенко поэта В. Высоцкого. Его просто не было. Был бард, исполнявший порой талантливые тексты своих песен. Не постеснялся Е. Евтушенко на могиле Н. Рубцова сказать, что и издал то при жизни Коля три маленьких книжечки, а всенародно признан. А я вот столько «понаморал всякой чепухи».

Если и народ /не весь, далеко не весь!/ и признал Высоцкого, то не как актера, не как поэта, а как барда. И зачем же черное называть белым? В среде поэтов он не значился.

Читаешь все написанное В. Высоцким и становится грустно: зачем надо было тратить силы на многое, абсолютно ненужное? Количество не всегда переходит в качество. В литературе не переходит... Никогда...

Окончание следует

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

От редакции: Поскольку настоящий номер «Приокских зорь» является тематическим и посвящен 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, то мы сочли возможным и концептуально оправданным посвятить рубрику «Литературная учеба» также Льву Николаевичу. Ведь у кого учиться литературному мастерству на стезе русской словесности, как не у гениального художника и «совести земли русской»?

В публикуемых ниже материалах на примере творчества Толстого проиллюстрирована психологическая необходимость художественного познания мира окружающего и мира исторического, а также исследован актуальный в толстововедении вопрос о творческой периодизации Льва Толстого.

Мы полагаем, что знакомство с названными сторонами творческой жизни нашего великого писателя будет полезным не только для литературоведов, но и широкому кругу читающей публики, не лишенной интереса к истории отечественной литературы. Казалось бы, почти за полтора века — с момента «открытия» Толстого тогдашним главным редактором «Современника» Н. А. Некрасовым — творческая и личная жизнь яснополянского мудреца изучена и исследована от «А» до «Я»... Но автор приводимой ниже публикации сообщает читателю материалы совершенно новые... «хорошо» забытые...

Алексей Третьяков

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Еще в более сложной форме коррекция виртуальной реальности представляется в мышлении творческой личности. Последнюю, пользуясь термином, введенным в 20-х годах XX века Г. В. Сегалиным (см. подробно ниже), можно определить как *эвропатологию*. Рассмотрим этот момент на примере Льва Толстого, воспользовавшись нашей публикацией.

Лев Толстой

Доказывает истину только ее очевидность, а убедить в этой очевидности можно только путем рассуждения.

Вовенарг

«Размышления и максимы»

Вопрос о периодизации творчества Льва Толстого закономерен как по причине творческого долголетия, так и по обширности содержания полного корпуса его наследия, включающего художественные, публицистические, философские, морально-

этические, религиозные произведения, а также мемуаристику (дневники, записные книжки) и уникальный, огромный эпистолярный материал.

Вместе с тем, порой даже в серьезном литературоведении наблюдается вульгарная аппроксимация творчества Толстого: до 80-х гг. — сочинитель высокохудожественных, эпохальных произведений, затем — морализатор. В плане познавательном существенно отметить, что вопрос о периодизации творчества неразрывно связан с изучением психологии творческого процесса и психологического типа творца; здесь возникают первые вопросы и первые разногласия.

До недавних пор слишком разобщены были два основных инструмента исследователя психологии творчества: психология установки Д. Н. Узнадзе — гуманистическая психология, исходящая из синергизма в системе «сознание-бессознательное», и клиническая психология творчества — психоаналитическая тенденция — в полноте своего развития от Лебона и Фрейда до Фромма, исходящая из антагонизма сознательного и бессознательного. Специфика взаимоотношений двух основных школ — от полного взаимонепризнания 40-х — 60-х гг. до выяснения фундаментальных различий и констатации определенного взаимопроникновения на Тбилиском международном симпозиуме по проблеме неосознаваемой психической деятельности в 1979 г. — заставляла отечественных и зарубежных исследователей творчества Толстого идти разными дорогами, зачастую параллельными.

Другим существенным фактором отращения от психологического инструмента в исследовании творческого процесса, тем более великого и канонизированного мыслителя, являлась снобистская позиция беллетризованного литературоведения с его благоприобретенным аристократизмом. Пугала незавидная слава Сальери:

...Ремесло

Поставил я подножием искусству;

Я сделался ремесленник: перстам

Предал послушную, сухую беглость

И верность уху. Звуки мертвых,

Музыку я разъял, как труп. Поверил

Я алгеброй гармонию...

Представляется не лишним интереса в вопросе о периодизации творчества Льва Толстого выполнить сопоставительную оценку по каноническим и новым исследованиям, впрочем, не принимая аргументации как ортодоксального психоанализа, так и философского экзистенциализма.

Одним из важных итогов Тбилисского симпозиума 1979 года является признание целесообразности привлечения клинических данных к исследованию психологии творчества, о чем еще столетие тому назад писал известный русский психиатр Владимир Чиж: *«Едва ли нужно доказывать полезность такого рода исследований. Было бы странно допустить, чтобы люди, посвятившие себя изучению душевных болезней, не искали в работах художников материала для себя и не делились своими сведениями с публикой; естественно, что во многих отношениях точные методы изучения психиатров позволяют им более научно исследовать и объяснять материал, даваемый художниками».*

Однако, на этом пути важно отделить подстерегающую спекулятивность клинического метода от выводов, имеющих гносеологическое обоснование. Данное утверждение в полной мере применимо к результатам работ забытого ныне исследователя творчества Льва Толстого — Григория Владимировича Сегалина (1878—1960 гг.). Известный вятский писатель-краевед Е. Д. Петряев, хорошо знавший Сегалина, так описывает эту одиозную фигуру: *«Он запомнился: subtilный, длинноволосый и об-*

щительный человек в больших очках. Он появлялся (в книжной лавке — А. Т.) в мешковатой толстовке, с папкой, набитой рукописями, рисунками, гранками. Кроме врачебно-литературной работы, Сегалин занимался живописью. Его картина «Дом умалишенных» (или «Жертвы войны») — во всю стену — пользовалась тогда широкой известностью. Она была написана прямо в больнице при консультации самих больных. В центре полотна была фигура «пророка» во весь рост. От головы его распространялся свет, вокруг находились группы людей; одни с энтузиазмом встречали проповедь, другие решительно и даже злобно ее отвергали. По поводу картины много спорили.

Автор ее в молодости учился у известного художника Н. И. Фешина в Казани, но потом, окончив Берлинский университет, с начала 20-х годов работал в Свердловске врачом-психиатром. С 1925 года он издавал журнал «Клинический архив гениальности и одаренности». В год выходило четыре книжки, в которых чаще всего печатались работы самого издателя. Активный сотрудник журнала доктор И. Б. Галант посвятил несколько статей психопатологии А. М. Горького. Писатель читал их и даже отвечал автору (приведем названия нескольких статей Галанта, непривычно звучащих для современного литературоведения в приложении к известному писателю-современнику: «Делирий Максима Горького» (о душевной болезни, которой страдал М. Горький в 1889—1890 гг.) — Архив, т. 1, вып. 2; «О суицидомании Максима Горького» — т. 1, вып. 3; «Пориомания М. Горького» — т. 1, вып. 4; «Pseudologia Phantastica М. Горького» — т. 2, вып. 3; «Психозы в творчестве М. Горького» — т. 4, вып. 2; «Паранойя в художественном изображении М. Горького» — т. 4, вып. 2 и т.п.).

Сегалин переписывался со многими выдающимися учеными и литераторами.

«...Мне сначала хотелось ознакомиться с Вашими интереснейшими изданиями. Условия, в коих оно зародилось и живет, напоминает мне о другом провинциальном и тоже оригинальнейшем издании — о единственном у нас астрономическом календаре, издаваемом в Нижнем Новгороде вот уже четверть века. На Западе календарь этот знают и ценят, на родине — не очень», — писал Горький 4 марта 1929 года Сегалину.

На Западе «Архив» Сегалина приветствовали такие авторитеты, как Август Форель, Эрнст Кречмер, Вильгельм Ланге. С одобрением отнесоись к нему и отечественные ученые (Г. И. Россоломо, Л. О. Даркиевич, В. М. Бехтерев, В. А. Гиляровский и др.)...

Сегалин оказался последним на Урале издателем-частником. Журнал его печатался в Свердловске, держался только энергией редактора, хотя приносил ему немалый убыток...

Почти каждая книжка (всего их было 19, последняя — «Эвропатология личности и творчества Льва Толстого» — вышла сдвоенной) встречалась с интересом, тираж поднялся с тысячи до тысячи двухсот экземпляров. Однако, методологическая база журнала все годы оставалась весьма уязвимой, а некоторые статьи давали обильную пищу критикам. В 1930 году журнал закрыли, но Горький продолжал поддерживать переписку с Сегалиным. Газеты сообщали о том, что издание «Архива» предполагается возобновить (Уральский рабочий, 1934, 2 марта). В 1934 году Сегалина по рекомендации Горького приняли в Союз писателей СССР...

Через тридцать лет мы встретились с ним в Ленинграде. Сегалин жил после войны на Васильевском острове... Он показал любопытный сборник читательских откликов на статьи «Архива». Одним из последних лежал ответ Р. Роллана (от 6 июня 1936 г.), который писал о Горьком: «Он интересуется всеми областями человеческой деятельности: Вы могли бы найти в нем хорошего советчика и полезную опору...».

Приведенной и весьма объективной характеристики личности Г. В. Сегалина и его исследовательской деятельности, с учетом отзывов ведущих психологов и психиатров XX века, достаточно для доверительного отношения к его литературно-психологическим трудам. Методологические же недостатки полагаем (что имели в виду закрыватели «Архива» — то неведомо) в преобладании «клинического акцента», а точнее — «клинической сгущенности» («разъятие музыки»), но ведь и алгебраист Сальери при всей его глухой славе и хирургическом манипулировании писал недурную, даже по венским высоким меркам, музыку?

Во всяком случае, Сегалин стоял на марксистско-социологической позиции, находясь в традиционном русле русской школы клинической психологии творчества, которая, в свою очередь, прошла путь от интуитивизма и эмпиризма Владимира Чижа до «чистого» фрейдизма М. В. Волоцкого. Сам Сегалин всячески откровенно отходил от догм ортодоксального фрейдизма и следовал в общем-то концепции В. Чижа: художник не только сочинитель, но скорее протоколист действительности в преломлении собственной патологии («протокол художника»).

В основу своего метода исследования Г. В. Сегалин положил психопатологическую клинику и понятие эвропатологии. Под последней он понимал склонность неординарного — в части творческого самовыражения — человека к эвристическим решениям: проявлению таланта (одаренности) и гениальности. *«Автор исходит из убеждения, что клинический и эвропатологический анализ есть единственный путь помочь социологическому анализу творческой личности. Если Толстой, Тургенев, Пушкин, Гончаров и другие писатели отражали дворянско-помещичью среду своей эпохи, то отражали они ее различно, в зависимости от их биологической установки»*. В клинической части его исследования творчества Толстого отмечается роль и воздействие на него эпилептоидного характера писателя, депрессивных приступов и проявлений сумеречных состояний, состояний патологического страха смерти, наследственной отягченности. Кстати, Сегалин одним из первых исследователей Толстого четко определил хронологические рамки рубежа двух основных этапов в жизни и творчестве Толстого: до и после «Арзамасской тоски» (1876 г.). Именно с этого момента, как утверждает каноническое литературоведение, начинается и прогрессирует художественно-творческое угасание Льва Толстого, возобладает морализаторская, религиозная тенденция.

В эвропатологической части своего исследования Сегалин развертывает во всей полноте принцип «протокола художника», особое внимание уделяя органической и противоречивой роли патологии во всех фазах творчества Толстого, а точнее — его творческой жизни. В соответствии со своей методологией исследования Сегалин вводит понятие эвропозитивных периодов (ЭПП) и эвронегативных периодов (ЭНП), соответствующих творческой активности и упадку, причем первый этап — до «Арзамасской тоски» — характеризуется преобладанием ЭПП, второй — нарастающим преобладанием ЭНП. В соответствии с такой периодизацией Сегалин построил хронологическую кривую творческих периодов Льва Толстого.

Основным фактором в формировании творческих периодов и перемеживающих их эвронегативных состояний Сегалин считал динамику проявления эпилептоидного механизма. Именно здесь следует очень осторожно отнестись к доводам исследователя, начиная с того момента, когда он, увлекаясь, подменяет анализ творчества Толстого клиникой «полярности эпилептоидной психики». Известно, что определенная патология была свойственна Льву Толстому; в частности, это можно усмотреть в факте «Арзамасской тоски», в характере его поведения в жизни: достаточно указать на известный эпизод ссоры с Тургеневым. Видно это и из анализа его творческой манеры: эффект «долгой завязки», поток сознания, нарастание творческого напряжения, клокочущая страсть и темперамент обличителя, склонность к проповеди — в публицистических

произведениях,— и все это при внешней повседневной размеренности. Однако, сколь-либо заметно превышающей норму патологии у Толстого не было; во всяком случае, даже такой наблюдательный врач, повседневно общавшийся с писателем, как Душан Маковицкий, не зафиксировал ничего подобного в столь подробном документе как «Яснополянские записки». В то же время, нельзя упускать из виду, что выраженными эпилептоидами были многие творческие личности: основатели многих религиозных учений, Чайковский, Эдгар По, Достоевский, Мюссе, Ван-Гог, Петр Первый, Наполеон... Но ведь еще большее число великих людей не были ими?!

Таким образом, можно утверждать, что периодизация творчества Льва Толстого (по Сегалину), составленная на основе тщательного анализа самых разнородных явлений творческого и жизненного пути Толстого, является отображением реальных процессов. За это говорит и динамика изменения с возрастом длительностей протекания ЭПП и ЭНП; если математически обработать данные хронологической кривой, то получим экспоненциальную зависимость спада длительностей ЭПП по шкале возраста, что имеет достоверное объяснение: экспоненциальный закон описывает регуляцию и динамику всех биологических процессов, в том числе и процесса продуктивной — в данном случае художественной — работы мозга. Но сведение периодизации творческих периодов к одной лишь клинике эпилептоидной личности суть спекулятивный подход, а здравое зерно теряется здесь в самодовлеющей методологии.

Насколько же достоверна периодизация творчества Толстого, данная Сегалиным? Ответ на этот вопрос может дать сравнительное сопоставление с данными гуманистической психологии, в частности, с данными исследований нормальной — по клиническому, житейским и социальным меркам — взрослой личности. Данный подход был развит известным отечественным психологом Б. С. Братусем (МГУ). По аналогии с хорошо изученной детской психологией можно полагать, что для развития личности в зрелом возрасте характерны психологические изменения, проявляющиеся в наличии кризисных моментов несоответствия между развитием мотивационно-потребностной сферы и сферы общественно-выработанных способов взаимодействия с окружающими объектами, т.е. своего рода «сдвиг мотива на цель». При этом целевая установка до такой степени разрастается и усложняется, что поставленная цель доминирует в человеке над первоначальным мотивом; это уже есть нарушение в деятельности человека и во всем его образе жизни. Особенностью таких изменений, по сравнению, например, с патологической личностью, является их скрытый и относительно медленный характер протекания. Собственно кризис приводит к иным мотивационным путям, к иной смысловой ориентации в деятельности человека. Последний осознает в такой период кризиса расхождение между Я-реальным и Я-идеальным. Как видим, в Толстом это расхождение чувствуется и выражается им с годами все сильнее и сильнее, а накануне ухода из Ясной Поляны приобретает самодовлеющее значение. Обычное течение кризиса: изменение прежних отношений — осознание происшедшего (сравни: у Толстого: невозможность жить прежней жизнью) — укоренение нового в мировоззрении. Таким новым у Толстого является все усиливающееся убеждение, что не художественное отображение жизни, но проповедь и моральное вероучение позволяют ему преодолеть пропасть между реальным бытием и желанием духовной гармонии. То же самое он предлагает и своей аудитории, коей являлся к началу 90-х годов весь мир: моральное самоочищение и самоусовершенствование.

В общем случае возможен выход из кризиса в невроз: законсервирование, а не преодоление сложившегося противоречия; преимущественно для натур слабых духом, либо поставленных волею судьбы в непереносимые обстоятельства. У Толстого этого не наблюдается. Предположительные периоды личностных сдвигов Братусь определяет в 28—34, 40—45 и 50—55 лет, а также изменения позднего (старческого возраста): период накопления противоречий между двумя основными сторонами деятельности.

Сопоставив числовые данные Братуся с диаграммой, построенной Сегалиным, получим удивительно точное совпадение периодов личных сдвигов и адекватных им по определению сущности эвронегативных периодов. С точностью до 1—1,5 лет совпадают верхние границы трех первых основных ЭНП (нижние границы совпадают *абсолютно*) — на хронологической кривой помечены зачерненными треугольниками. Последующие ЭНП — после 1886 года — можно трактовать как учащающиеся кризисные изменения позднего возраста, а цифровой фактический материал — как экстраполяцию периодизации личных сдвигов в методе Братуся. *Объективность столь полно коррелирующих данных подтвердил и сам Борис Сергеевич Братусь: «...Теперь позвольте поблагодарить Вас за письмо и ценные в нем сведения. Я слышал про «Архив гениальности», но никогда не держал его в руках, не был знаком и с хронологическим анализом жизни Толстого. Было безусловно приятно найти подтверждение своим, во многом теоретическим воззрениям, в конкретном материале»* (Письмо автору от 22.03.81 г.).

Понятно, что простое совпадение числовых данных представителей двух научных школ, разделенных временем и методологией, невозможно ввиду многофакторности исходных посылок, логических связей и полной корреляции данных. Отметим, что выявленное уточнение творческих периодов Льва Толстого обязано трем составляющим:

— анализу Сегалиным творческих подъемов в их хронологической последовательности, причем им выделены наиболее значимые творческие (художественные) удачи Толстого;

— клиническому анализу жизни Толстого по известным источникам, а также исходя из отображения им тех или иных реалий в своем творчестве («протокол художника»), что позволило Сегалину конкретизировать хронологические рамки периодов: ЭПП и ЭНП;

— привлечению теоретического анализа в рамках гуманистической психологии по периодизации личностных сдвигов зрелой личности.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии различных творческих периодов у Льва Толстого, причем в чередовании и продолжительности своей подчиняющихся строгой закономерности. В отношении художественного творчества Толстого можно сказать, что периоды творческой активности суть те «устойчивые» состояния, которые были определены еще основателем научной психологии Вильямом Джемсом: «...Наше мышление постоянно стремится от того «устойного» состояния сознания, которое оно только что покинуло, к какому-нибудь другому «устойному» же моменту. Значит, можно сказать, что главное назначение переходных состояний сознания заключается в том, чтобы приводить наш ум от одного «устойного» заключения к другому».

Вопрос о периодизации творчества — отвлекаясь от личности Льва Толстого, — является не только епархией психологии творчества в литературоведческом аспекте, это вопрос более широкий, философски трактуемый наряду с такими глобальными мировоззренческими проблемами, как смысл жизни, бессмертие духа, непрерывность познания... Он один из наиболее часто обыгрываемых в современной «интеллектуальной» литературе. Достаточно вспомнить рассуждения Магистра Игры Йозефа Кнехта из романа Гессе о творческой периодичности, синхронной с общей цикличностью индивидуального развития и пути человека в жизни: «Моя жизнь... должна стать преступанием пределов, непрерывным восхождением с низшей ступени на высшую, я должен преодолевать и оставлять за собой одно пространство за другим, как музыка раскрывает, проигрывает и завершает одну тему за другой, один темп за другим, не утомляясь, не смыкая глаз, всегда бодрствуя, всегда начеку. Благодаря моим «пробуждениям» я наблюдал, что такие ступени и пространства действительно существуют и что в конце определенного отрезка жизни каждый раз появляется оттенок увядания, желания смерти, но потом все меняется, подходишь к новому пробуждению, новому началу». Так Кнехт объясняет предстоятелю Верховной Коллегии Касталийского Ордена магистру Александру причину своего ухода из Ордена. А о чем думал, уходя из Ясной Поляны, Лев Толстой? — Не эта ли Кнехтова *transcendere* — постоянное преступание пределов в творчестве, проповеди добра и самосовершенствования двигали им в этот последний перелом, завершая последний кризисный момент в его жизни...

Остается добавить немного, но и многое: до сих пор разработка темы шла с привязкой к художественному, беллетристическому творчеству Толстого, а чем же были заполнены годы кризисных перерождений или пресловутых эвронегативных периодов? Заполнены они были рождением, становлением и высшим развитием второго Толстого, обличителя социального зла, извращенного понятия Бога, государственной церкви, войны... Поднимался Толстой-проповедник, искавший выхода из обступившей человека со всех сторон злой немочи, аморализма, сытого европейского мещанства и индивидуализма, отечественной смеси самодержавной нагайки, подцензурной гласности, думского парламентаризма и либеральной горячки. Именно в кризисные периоды Толстой возвышается над всем человечеством, ибо ему одному только дан дар — горький дар! — понимания, что эволюция, пожалуй, впервые подвела челове-

чество в конце XIX века к тому этапу развития, когда ход истории вырвался из-под контроля творцов ее. Не правда ли? Знакомая до боли сегодняшняя ситуация, когда, сто лет спустя, вновь повеяло на мир, но только в ужасающе бóльшей безысходности, холодом и отчаянием опустошенности, неприкаянности, ощущением замкнутого порочного круга. Люди живут как в кошмарном сне, ведомые непонятным *над-Я*, куда-то влекущим, скорее всего в братскую могилу, и нет сил проснуться, всюду тебя хватают за руки, втискивают в голову чужие и безотрадные мысли-суррогаты, играют тобой и экспериментируют над тобой, а не говорят ни полслова: зачем, по какому праву и чем это закончится? Какую же преследуют цель?

В такие моменты истории приходит на помощь только отчаяние, а оно дает выход в иррациональное. Есть и есть тождество истории: как сейчас заполняются храмы и мечети людьми, не выдержавшими тисков рационалистического безумия мира, так и гений Льва Толстого привел его к единственному выходу, который кажется еще большим безумием, но есть единственный реальный выход из еще большего безумства: самосовершенствование. Назовите его как хотите: самоочищение, исправление пороков в себе — наследственного и благоприобретенного, — перерождением, начинаемым с себя, если хотите, но это есть те кирпичики, с которых мыслил Толстой построение нового мира, новое овладение миром, человеческой историей, все более и более стремящейся уйти от контроля создателя своего. Кто кого? И возможно ли так ставить вопрос? Самсону ли уподобится человек или это есть испытание природой величайшего своего создания?

Это второй план творческих периодов Толстого, которому уже не стало хватать в чисто художественном самовыражении простора для мысли, больной за все человечество. Точно также сейчас в нашу литературу велением времени вошло философское осмысление, думающая и ставящая вопросы публицистика, открытый монолог-проповедь. Правда, ненадолго вошло. Инициативу перехватили «вечные на подхвате»: основоположники набегали...

Не угасание творческого сознания, не дробящаяся, закликивающаяся мысль стареющего творца, но непрерывное развитие от художественной к философской мысли, к морально-этической проповеди, от условного к конкретному, к высшему напряжению ума и ясному пониманию: что есть *Я* и моя совесть, мой талант в сложном процессе жизни моей, народа своего, мира, наконец. Вот движущая сила кризисных состояний Толстого, а после преодоления очередного — новое пространство, новое пробуждение, новое и вечное начало.

Полагаем, что выбранный нами пример — нашего великого писателя — достаточно характерен и отвечает поставленному заголовку очерка.*

---

* Основной материал настоящего очерка был впервые опубликован в 1994 году. Однако соответствующая статья была подготовлена раньше и вошла в состав очередного «Яснополянского сборника» (Тула, Приокское кн-ое изд-во), но была «выкинута» из готового уже набора по личному указанию тогдашнего председателя Госкомпечати СССР...

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

***От редакции:** Продолжая совершенствовать структуру журнала, начиная с этого номера «Приокских зорь», мы вводим рубрику «Хроника литературной жизни». В определенном смысле она объединяет ранее имевшие место разделы «Наши поздравления» и «О нас пишут», но и значительно расширяет их, в частности, вводится библиография. Таким образом, в данной рубрике будет наличествовать информация о литературной жизни, так или иначе причастной к журналу «Приокские зори», а также деятельности Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского государственного университета — учредителей издания.*

...Как писал старина Гегель Георг Вильгельм Фридрих: «Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд». Но сам-то процесс совершенствования есть антитеза застою.

ПОЭТУ БОРИСУ ГОЛОВАНОВУ — 70 ЛЕТ

Уважаемый Борис Михайлович!

Правление Союза писателей России искренне поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения. Мы знаем Вас как большого русского поэта, гражданина-патриота. Уверены, что Ваш поэтический голос и впредь будет звучать и звать молодое поколение достойно и честно служить родному Отечеству. Желаем здоровья, неиссякаемой энергии и новых успехов во благо русской поэзии.

С уважением,
первый секретарь правления СП России

Геннадий Иванов

Дорогой Борис Михайлович!

Позволь мне от имени тульской писательской братии поздравить тебя со славным юбилеем, который встречаешь в расцвете своего поэтического дара, нашего преклонения и уважения за многолетнее служение родной словесности, отечественной поэзии, русскому слову.

Мы знаем, что это стоит тебе, как непроста твоя доля, но продолжаем верить в твое подвижничество и упорство, силу и волю. Да не оставит тебя Господь!

Виктор Пахомов

Дорогой друг и товарищ!

Редакционные коллегии газеты «Тульский литератор» и журнала «Приокские зори» горячо и сердечно поздравляют Вас, наш дорогой друг, с семидесятилетием. Мы знаем Вас как замечательного поэта, чьи стихи и поэмы искренне любимы многочисленной читательской публикой не только Тульской области, но и далеко за ее пределами. Ваша честная, проникновенная поэзия востребована потому, что она несет в себе правду жизни, вселяет в сердца людей веру в великое, светлое будущее нашей многострадальной России, зовет честно жить и бороться во имя этого будущего. Уверены, что Вы еще не однажды порадуете своих читателей своей прекрасной, вол-

нующей поэзией. Здоровья Вам на многие-многие годы, бодрости духа, душевного равновесия и спокойствия.

С искренним приветом!

Николай Минаков, главный редактор газеты «Тульский литератор»,

Алексей Яшин, главный редактор журнала «Приокские зори»

ПОЭТУ КОНСТАНТИНУ СТРУКОВУ — 65 ЛЕТ

Сердечно поздравляем нашего коллегу, члена редколлегии журнала «Приокские зори», ответственного секретаря журнала Константина Валерьевича Струкова с 65-летием со дня рождения.

Высоко ценим, наш дорогой друг и товарищ, твой большой труд по выпуску номеров журнала, которые ты стараешься выполнить интересными, глубоко содержательными, на высоком художественном и полиграфическом уровне. Отмечаем твой значительный вклад в тульскую поэзию. Твои поэмы «Эвер», «Селигер», «Отец Тихон», поэтические сборники «Цветы под снегом» и «След, оставленный тобой» по праву нашли признание у многочисленной читательской аудитории. Желаем тебе здоровья, неутомимой энергии, творческих успехов.

Редколлегии журнала «Приокские зори» и газеты «Тульский литератор»

Также от имени редколлегии журнала «Приокские зори» поздравляем всех авторов журнала, сотрудников редакции, чей день рождения приходится на июль-сентябрь 2008-го года, в том числе члена редколлегии, вице-президента Академии российской литературы, директора Независимого литературного агентства «Московский Парнас», известного в стране и за рубежом литературного критика и организатора литературного процесса **ХАНБЕКОВА ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА**.

Дорогие наши коллеги-именинники! Успехов Вам в жизни и — главное — в творчестве!

Ранее (см. № 2, 2008 «ПЗ») мы поздравляли нашего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина с 60-летием. Рады «вдогонку» сообщить, что научная общественность страны также не оставила без внимания научные достижения Алексея Афанасьевича, известного в России и за рубежом крупного ученого-биофизика, Заслуженного деятеля науки РФ, доктора технических наук, доктора биологических наук, профессора, Почетного радиста России. В честь 60-летия он был награжден академическими золотыми медалями имени Н. И. Вавилова — за выдающийся вклад в развитие биологической науки, генетики, селекции и растениеводства, имени Альфреда Нобеля — за вклад в развитие изобретательства и медалью «За полезные обществу научные труды». Также А. А. Яшин стал лауреатом академической премии «За верность России» — за крупный вклад в отечественную науку.

Успехов Вам в науке и литературе!

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ БИБЛИОТЕКИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

— *Тула — наш дом*: Сборник поэзии и прозы / Составители К. В. Струков и С. В. Третьюхина. — Тула: Изд-во «Папирус», 2008. — 300 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

— **Хадарцев А. А.** Беспокойной жизни закоулки: Стихи и проза.— Тула: Изд-во «Инфра», 2008.— 148 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

— **Яшин А. А.** Живописный паноптикум: Современный русский литературный лубок / Предисл. акад. Л. В. Ханбекова.— Москва: «Московский Парнас», 2008.— 165 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ НАШИХ АВТОРОВ И СОТРУДНИКОВ ЖУРНАЛА

— **Греков В. Я.** Истории Тульской епархии: Очерки.— Тула: Изд-во «Тульский проспект», 2008.— 236 с. (По благословению архиепископа Тульского и Белевского АЛЕКСИЯ; книга представлена редколлегией журнала «Приокские зори» на соискание премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), выдающегося иерарха Русской православной церкви, историка, богослова, автора многотомника «Истории русской церкви»).

— **Жихарев И. В.** Родник желаний — сказка Велегожа: Стихи / Сост. И. В. Жихарев.— Тула: ИПК ООО «Селена», 2008.— 60 с.

— **Ханбеков Л. В.** Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— Москва: «Московский Парнас», 2008.— 90 с. + 16 с. илл. (Серия «Созвездие России»).

— **Яшин А. А.** Подводная лодка «Капитал Старосельцев»: роман (журнальн. вариант) // Подъем (Воронеж).— 2008.— № 7.— С. 4—76.

— **Белицкая Т. М.** Случай в поезде: Повесть.— Тула: Изд-во «Левша», 2008.— 232 с.

О НАС ПИШУТ

От редакции: в общероссийской литературной газете, органе Союза писателей России «Российский писатель» (2008.— № 12 (184), июнь.— С. 6) была опубликована статья «Литературные традиции Приокского края», которую мы ниже публикуем с разрешения редакции газеты.

Тула давно ждала свой «толстый» литературный журнал. Нельзя сказать, что город и его область не предпринимали попыток создания периодического литературного издания: в 50—60-е гг. регулярно выходил альманах «Литературная Тула», далее имел место быть альманах «Ока»; на рубеже «смены флагов и гербов» несколько лет издавался ежемесячный журнал «Ясная Поляна» «комсомольского формата». Наконец, с начала 2000-х годов под редакторством Николая Минакова в Туле выходит и своя «минилитературка «Тульский литератор». В 90-е гг. одно время в Новомосковске издавался литературный «тонкий» журнал «Куликово поле». Что же, традиции Л. Н. Толстого, Жуковского, Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина (опять же юг Чернского района на границе с Орловщиной — это тургеневские и лесковские места!) того требовали и требуют.

...И вот «Приокские зори», ежеквартальный, полноформатный (объем 250 страниц) литературный журнал, пробный номер которого вышел в конце 2005-го года. Именно в редакционном предисловии к этому выпуску были четко сформулированы цель и задачи нового издания: создать печатный орган современной русской литературы, свободный от уклонов в элитарность — с одной стороны, от сугубо провинциализма — с другой, надпартийный и надполитический, к публикациям в котором сугубо предъявляются два основных требования: художественные достоинства от

способностей и талантов авторов и следование традициям великой русской и советской литературы и публицистики.

Надо сказать, что здесь зерно упало в добрую землю. Подобралась действенная редколлегия, куда вошли старейшая российская писательница Наталия Диомидовна Парыгина, секретарь Тульской писательской организации СП России, известный в России поэт Виктор Пахомов, московский публицист и литературный критик, руководитель «Московского Парнаса», вице-президент Академии российской литературы Леонид Ханбеков, поэт из Коломны Олег Кочетков, кстати, свыше десяти лет возглавлявший Московскую поэтическую организацию. И другие члены редколлегии не менее известны в Туле и в России.

Второй существенный момент — это сложившийся круг потенциальных, а ныне и действующих, авторов: свыше сорока членов Тульской писательской организации СП России, члены альтернативного Российского СП, наконец, порядка тридцати литературных объединений в Туле и в городах области. Самое существенное, что в нашей, хотя и не далекой от столицы, но все же провинции сохранился от советских времен достаточный круг читателей — и почитателей русской словесности. Ведь и журнал-то, в первую очередь, для них и издается.

Не должен смущать и межрегиональный статус издания, о чем свидетельствует и состав редколлегии. Журнал был и есть тульским по его литературной, исторической, публицистической доминанте, но в то же время широко открыт для наших добрых друзей и — особенно — «соседей по Оке», ибо эта самая русская река не разделяет, но уже за тысячу лет соединяет обширный Приокский край Центральной России. Как нам представляется, именно такой статус и позволяет избежать сугубо провинциального мелкотемья, но одновременно продолжать и развивать литературные традиции нашей малой родины. На том, как говорится, и стоим.

«Приокские зори» — издание молодое, фактически выходит третий год, поэтому редколлегия продолжает работу по усовершенствованию структуры журнала, имея в виду сделать ему «свое лицо», только ему и присущее. В первую очередь это касается уже установившихся рубрик: «Проза», «Поэзия», «Антология рассказа», «Повесть», «Литературная память», «У нас в гостях» и пр. А вот уже специфичные для журнала постоянные — из номера в номер — рубрики: «Представляем литературные объединения Тулы и области», «Исторический вестник», «Музеи Тулы и области», «Документы эпохи: власть, литературный процесс и культура», «Литературная учеба», «Из истории тульских заводов и фабрик». Последние две рубрики суть продолжение горьковских традиций, как следует из самих названий.

Еще одна специфика — это журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников (город близ Новомосковска), где авторами выступают, по преимуществу, писатели и публицисты из этого промышленного центра Тульской области — большой химии и (увы, бывшей...) шахтерской славы.

Опять же, не замыкаясь на своем регионе, редколлегия налаживает свои отношения с другими изданиями на уровне обмена «редакционными портфелями». Такой обмен уже налажен с альманахом, де-факто уже журналом, «Московский Парнас» и старейшим российским (советским) журналом, воронежским «Подъемом», не говоря уже о тульских периодических изданиях: альманахах и газетах. Сейчас мы ведем переговоры с новым ректором Литинститута им. А. М. Горького Б. Н. Тарасовым о предоставлении в «Приокских зорях» специальной рубрики для публикаций студентов, аспирантов и преподавателей этой *alma mater* отечественной литературы. Планов громадье, и мы стараемся все намеченное выполнять.

Не имеет смысла перечислять авторов журнала, их число за три года издания уже под две сотни. Авторы в журнале именитые, известные и пока еще не очень. Даже такие политики высокого ранга, как Г. А. Зюганов и В. В. Жириновский, выступают у нас с публицистическими статьями.

«Приокские зори» надо читать. Он уже доступен не только в нашем регионе, но его можно найти в библиотеках Москвы, Курска, Петрозаводска, Фрязино, Сургута, Новосибирска и других городов. Тираж журнала постоянно растет, уже подошло время для включения в подписные списки «Роспечати».

...Обычно издатели литературных журналов в современной России жалуются на трудности финансового характера. Мы этого делать не будем, хотя администрации города и области не дают нам ни копейки; надо понимать, у них задачи более глобальные по благоустройству жизни подопечного им населения. Редколлегия же «Приокских зорь», ее авторы и читатели не устают благодарить соучредителя — Тульский госуниверситет и его ректора М. В. Грязева, печатающего уже три года тираж журнала. Вся остальная забота и труды по созданию номеров — на плечах редколлегии: на общественных началах. Мы же полагаем, что изданием журнала вносим свой посильный вклад в дело продолжения великой русской литературы.

А. А. Яшин

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с текущего года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат журнала «Приокские зори» за (указывается) год».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последние не могут быть членами редколлегии, руководством организаций-учредителей и меценатами, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2008-го

года будут объявлены в № 2, 2009 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2008-ой год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

Не оставляет нас без внимания и главное литературное издание страны. В очередной раз «Литературная газета» (№ 37 (6189) от 17—23 .09.2008.— С. 5) в рубрике «Губернские страницы» опубликована информация о «Приокских зорях»:

«Приокские зори», межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал.— Тула, № 2 (10), 2008.

У издания маленький юбилей. Вышел его десятый номер. За прошедшие годы иллюстрации на обложке стали цветными, появились и книги под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори». Много в номере прозы: главы из повести Бориса Роганкова и повесть Алексея Яшина, рассказы Виктора Грекова (в рубрике «Мастер-класс»), семь рассказов под рубрикой «Слово женщинам». Столь же обширна поэтическая тетрадь, среди авторов которой Борис Шепелев, Маргарита Андрианова, Олег Пантюхин, Евгений Черняев, Александр Хадарцев и Владимир Сапожников. Содержательны разделы «Литературная критика» и «Документы эпохи». «Журнал в журнале» знакомит с литературно-краеведческим народным журналом «МОСБАСС» из города Сокольники Тульской области.

От редакции: в заметке нами исправлены фактические неточности (опечатки).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула), в библиотеки тульских филиалах московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М.Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала этого года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты» и «Завтра». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до двадцати) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего (начального) периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился от 100 до 500 экз.

В планах редколлегии на следующий год значится доведение тиража до 1000 экз., его регистрация в «Росохранкультуре», присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, хотя администрации города и области нам не помогают.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущего номера журнал уже доставляется в два десятка школ.

Редколлегия журнала

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Межрегиональный литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: М. Г. Баланюк, К. В. Струков, А. А. Яшин

Корректор: А. А. Яшин и авторы

Компьютерный набор: К. В. Струков, Л. П. Хохлова

Компьютерная верстка: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 25.09.2008

Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, ул. Болдина, 151

**МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ:
БЕЛЕВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
(Фото из архива музея)**

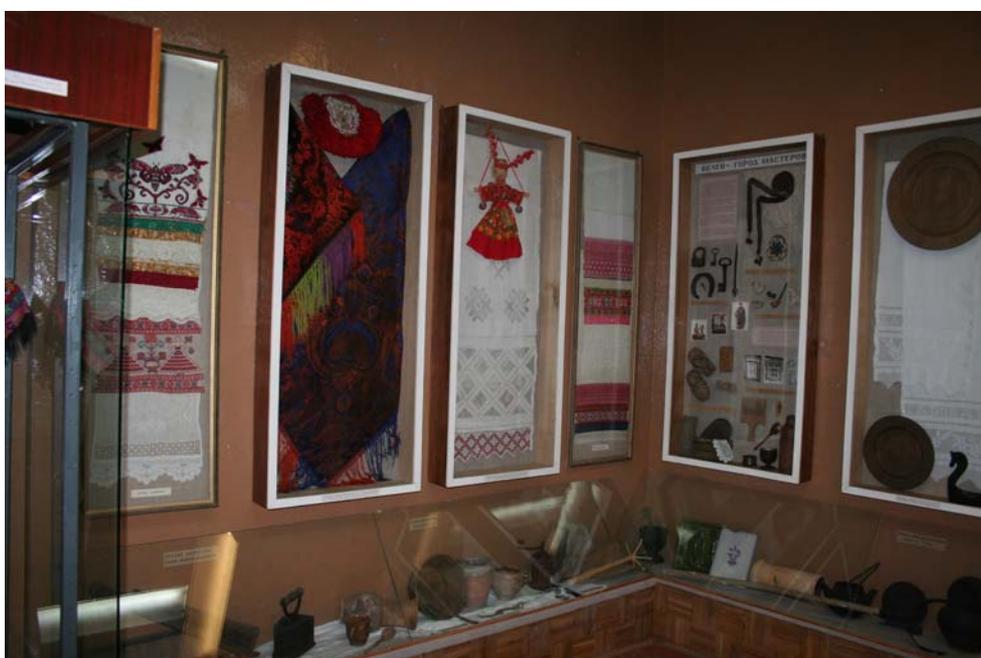
Фасад здания музея (современный вид)

Панорама: Вид Белева на мост и одну из семи гор города — Благословленную
(Начало XX века)

Выставочный зал: Быт горожанина Белева
(Середина XIX века)

Выставочный зал: Белев — город мастеров